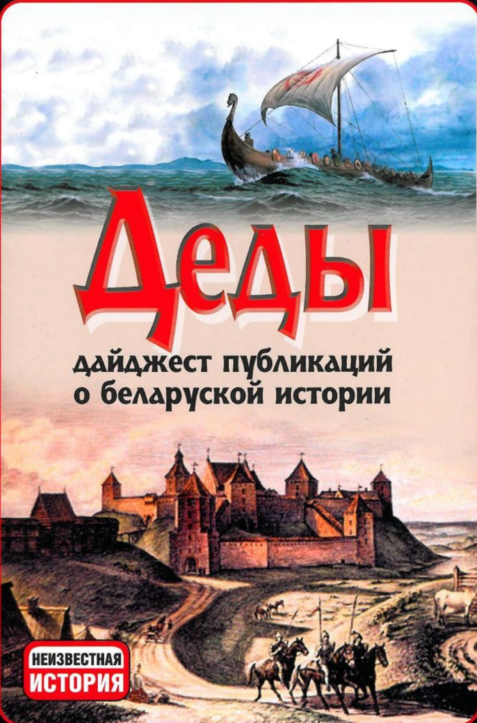

Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БЕЛАРУСОВ

Редакция альманаха «Деды» и фирма «Витень» провели 30 января текущего года в Минске научно-практическую конференцию по вопросам этногенеза беларусов. Теоретической основой для конференции послужил сборник статей «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», изданный в сентябре 2010 г . Доклады участников конференции публикуются в этом выпуске дайджеста «Деды».

На конец сентября — начало октября планируется очередная конференция по проблеме этногенеза беларусов в Великом Княжестве Литовском (XIII–XVI вв.). Теоретической основой для нее послужит книга американского исследователя Тимоти Снайдера «Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украіна, Літва і Беларусь, 1569–1999 гг.», изданная в 2010 году.

Приглашаем к участию в конференции ученых разных специальностей (историков, культурологов, лингвистов, этнографов и т.д.), а также заинтересованных лиц.

Тезисы докладов на беларуском или русском языке (4–5 страниц) надо выслать не позже 15 сентября по адресу:

г. Минск, п/о-131,
абонентский ящик 137,
Тарасу А.Е.
Или на электронный адрес:
aetaras@tut.by

Основные вопросы для обсуждения:

— Какие этносы были предками беларусов?
— Кто и когда создал древние княжества на территории Беларуси?
— Кто такие литвины и русины?
— Когда и как возник беларуский язык?

Базовая гипотеза

Славянский праэтнос никогда не существовал. Так называемое «славянство» – явление культурно-лингвистическое, а не антрополого-генетическое. Беларусы – потомки литвинов и русинов. Это две группы балтских племён (ятвягов, дайнова, прусов, кривичей, дреговичей и др.), которые в Средние века постепенно перешли на славянский язык (сохранив основную часть своей лексики, а также свою фонетику) и приняли христианскую веру.

Первоначальное христианство пришло к нам из трех регионов: Великой Моравии, Полабья — Поморья и Великого Новгорода, около трех веков оно существовало на наших землях в форме арианства или (по другой версии) — богомильства.

Конференция рассчитана на один день (воскресенье). Точная дата будет сообщена персонально каждому из участников.

Участие в конференции – за собственный счет.

Доклады будут опубликованы в дайджесте «Деды», либо отдельным сборником.

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 6

Минск
«Харвест»
2011

УДК 94(476) (059)

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2011. – 336 с.

ISSN 2075–5376
ISBN 978-985-16-9244-2

В шестом выпуске дайджеста помещены 7 докладов, зачитанных на конференции по вопросам этногенеза беларусов, а также 14 статей. Публикуемые материалы сгруппированы в трех тематических разделах. Кроме того, публикуются две рецензии.

ISSN 2075–5376
ISBN 978-985-16-9660-0

© Тарас А.Е., составление, 2011

Содержание

ЧАСТЬ I. КОНФЕРЕНЦИЯ

ЧАСТЬ II. СЕДАЯ СТАРИНА

ЧАСТЬ III. ПРОБЛЕМЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

ЧАСТЬ IV. НАДО ПРОЧИТАТЬ

Часть I
КОНФЕРЕНЦИЯ

Беларусы — балты или славяне?

(Отчет о конференции)

В Минске, в помещении галереи современного искусства «Ў», 30 января 2011 года состоялась научно-практическая конференция «Вопросы этногенеза беларусов с древнейших времен до XIII–XIV веков». Конференцию организовали Анатоль Тарас (редактор дайджеста «Деды») и Олег Витень (предприниматель). В ней участвовали около 50 человек.

С докладами выступили: Алексей Дермант (историк), Виктор Титов (доктор исторических наук), Алесь Жлутко (кандидат филологических наук), Сергей Тарасов (кандидат исторических наук), Вадим Деружинский (филолог), Леонид Акалович (православный священник), Александр Ильин (кандидат исторических наук), Здислав Ситько (историк). Их доклады помещены в этом выпуске, кроме доклада Л. Акаловича, не представившего письменный вариант текста.

Двое докладчиков (Ильин и Деружинский) читали свои доклады на русском языке, остальные шесть – на беларуском.

Слушатели представляли, кроме Минска, города Барановичи, Брест, Гродно, Жодино, Молодечно, Пинск, Солигорск, Шклов, а также Москву.

В ходе обсуждения докладов выступили Захар Шибеко, Дмитрий Образцов, Олег Кравцов, Алексей Дермант, Вадим Деружинский, Олег Витень, Александр Островский, Валерий Алешкевич. Итоги конференции подвел Анатоль Тарас.

* * *

Организаторы планируют провести еще три конференции по вопросам этногенеза беларусов. В сентябре–октябре 2011 г. мы рассмотрим эти вопросы применительно к периоду ВКЛ; в феврале – марте 2012 г. – период Речи Посполитой; в сентябре – октябре 2012 г. – период русского и советского колониального господства. Все три – с публикацией докладов и сообщений участников.

Вступительное слово А.Е. Тараса

Формат нашей конференции был задан в объявлении о подготовке. Это обсуждение и развитие концепций, изложенных в сборнике статей «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», вышедшем из печати 1 октября 2010 года тиражом 2 тыс. экземпляров. Такой формат установил тематику (вопросы этногенеза беларусов) и верхнюю планку времени (Средние века).

Группа участников конференции

Ограничение тематики и хронологии абсолютно необходимо. Я убедился в этом, когда после публикации объявления ко мне начали поступать литературные фантазии на темы «неведомой истории». Например, такие: «Беларусы – потомки гипербореев», «Аркаим – сердце древней Руси», «Беларусь – прародина ариев» и т.д. Кроме того, предлагались доклады явно политизированные. В этой связи хочу обратить внимание всех участников на то, что наша конференция не имеет ничего общего с текущей политикой.

Теперь пару слов об академической науке. Занявшись подготовкой конференции, я для начала обратился в Национальную Академию – в институты истории, философии, языка и литературы, этнографии, искусствоведения и фольклора. Однако идея конференции не вызвала в «храмах науки» ни малейшего интереса.

Я надеялся, что ученых привлечет возможность ознакомления общественности с наработанными материалами, а также трибуна для критики тех концепций, которые они считают ошибочными (например, изложенных в обсуждаемом сборнике). Но оказалось, что я сильно ошибался.

Анатоль Тарас

Например, ученого секретаря института этнографии, искусствоведения и фольклора волновали совсем другие вопросы: под «флагом» какого научного учреждения (или ВУЗа) будет проходить конференция; сколько докторов наук состоит в оргкомитете, кто из представителей власти дал санкцию на это мероприятие?

Что же касается обсуждаемых вопросов, то здесь ему все давно ясно: беларусы – славяне изначально (видимо, с момента оконча-

Виктор Титов и Анатоль Тарас

ния последнего ледникового периода); русские и украинцы – родные братья беларусов, тогда как славяне Европы – братья двоюродные; никакие балты в нашем этногенезе не участвовали. То есть, все то, о чем твердили советские историки, этнографы и антропологи 40 и 50 лет тому назад.

Мне же представляется, что это совсем не так. Вопросы о времени и месте появления славян по-прежнему остаются дискуссионными. Что касается времени – мы видим в исследованиях по этой проблеме хронологическую «разбежку» в тысячу лет (от VI века до Рождества Христова по VI век нашей эры). Что касается места – здесь географическая «разбежка» от Лабы (Эльбы) на западе до Алтая на востоке. Иными словами, эти вопросы еще далеки от окончательного решения. Между тем, без знания точных ответов на них, достаточно претенциозно выглядят заявления типа «беларусы – это славяне и только славяне».

Вадим Деружинский

Еще один пример в данной связи. Заведующий лабораторией нехромосомной наследственности Института генетики и цитологии НАН, член-корреспондент НАН Олег Давыденко осенью 2010 года заявил следующее:

Сергей Тарасов

«Белорусские ученые составили генетический портрет современного белоруса. В ходе исследования было изучено около тысячи проб ДНК коренных белорусов шести географических районов: Северное Подвинье, Западное и Восточное Полесье, Центральная, Восточная и Северо-Западная Беларусь»... Заселение Беларуси началось примерно 8 тысяч лет назад /т.е. в эпоху мезолита – *Ред.*/. «Современные белорусы – прямые потомки именно тех людей. Мы здесь превратились в протославян, затем в славян и только потом стали белорусами».

Главным выводом исследования стало то, что белорусы – это индоевропейцы и славяне, а не балты. Среди ближайших родственников по чис-

лу генетических систем – русские и украинцы. Ближе всего к этой группе славян стоят балты, а потом германцы. (См.: «Аргументы и факты в Белоруссии», 2010, № 44 (148), с. 27.)

Здесь буквально каждое предложение вызывает недоумение или требует комментария.

Какое конкретное исследование (употребляя единственное число) имеет в виду Давыденко?

На основании чего он — специалист в области ***генетики растений*** (институт, где Давыденко является ученым секретарем, еще недавно назывался институтом ботаники) — объявил людей, живших 8 тысяч лет назад, протославянами? Разве кому-то удалось найти некий «ген славянства», общий для славянских народов Северной Европы, Балкан и СНГ?

То, что беларусы — индоевропейцы (как балты и германцы), историки знают и без него. Но точно так же им известно, что современный русский этнос возник на базе финских и тюркских племен. А финны и тюрки — не индоевропейцы.

Вот и спрашивается: каких «русских» и «украинцев» имеет в виду «член» Давыденко? Если наших ближайших соседей — жителей Псковской, Новгородской, Тверской, Смоленской, Брянской, пограничных районов Черниговской, Киевской и Житомирской областей, то они по своему происхождению тоже беларусы, а не русские или украинцы.

Видимо, Давыденко не знает, что эти области — земли исторической Беларуси! Он явно незнаком с картами расселения беларуского этноса, составленными А. Риттихом (1875), Е. Карским (1903) и М. Довнар-Запольским (1919).

Такие исследователи как Е. Карский (1903), Ю. Шерех (1953), В. Топоров (1962), В. Седов (1977), А. Герд (1989), С. Санько (1993), Н. Ермолович (1994), А. Медведев (1997), А. Квятковская (1998), Э. Зайковский (2001), А. Дермант (2009), М. Петров (2010)

Алесь Жлутко

Александр Ильин

Алексей Дермант

Леонид Акалович

Здислав Ситько

Захар Шибеко

и другие на основе данных лингвистики, археологии, антропологии и палеографии убедительно показали, что автохтонными (коренными) жителями наших земель с древнейших времен и минимум до XII века являлись балтские племена.

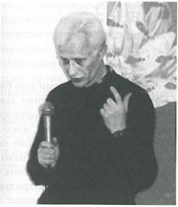
Те авторы, которые отстаивают тезис «беларусы – изначально славяне», старательно обходят фундаментальный научный факт, установленный Ефимом Карским к началу XX века: около 83 % корней слов беларуского языка (а он изучал не русифицированную на тот период «мову» тогдашних крестьян) являются балтскими. «Славянское» в беларуском языке XIX века – только форманты (окончания и суффиксы слов).

Массового переселения славян (независимо от того, где и когда они впервые появились) никогда не было. У этой гипотезы нет ни исторических, ни антрополого-генетических доказательств. Имела место лишь славянизация местного населения, то есть – постепенное усвоение аборигенами славянской грамматики и частично – лексики (это, в свою очередь, было связано с распространением «русского» языка варяжской администрации и «церковнославянского» языка христианской церкви восточного обряда).

К сожалению, вопросы славянизации наших предков под таким углом зрения официальная наука никогда не рассматривала. Причины очевидны: колоссальное идеологическое давление властей Российской империи (затем СССР) и Русской православной церкви. Это давление продолжается до сих пор. Тем важнее попытки независимых исследователей разобраться в собственном происхождении.

Общий вывод участников конференции

На территории как исторической, так и современной Беларуси в течение последних 3,5–4-х тысяч лет живет один и тот же этнос (народ). У него менялись названия, рели-

Олег Витень

Александр Островский

гии, язык. Но сам этнос в генетическом, антропологическом и ментальном аспектах оставался неизменным.

Важно подчеркнуть то обстоятельство, что славянизация местного населения (т.е. смена языка и религии) произошла значительно позже, чем принято считать. Это не IV–VII, а VIII–XIII века нашей эры.

Попутно отметим и то, что такие общеизвестные названия как «дреговичи» и «радимичи» не являются этнонимами племен или племенных союзов. Они были искусственно созданы в канцелярии киевских князей в качестве условного обозначения определенных территорий, население которых платило дань предводителям варяжской Руси.

Николай Шаровар

Так балты или славяне?

Вадим Деружинский

Не утихают споры о том, кем являются беларусы – славянами или балтами. 22 октября 2010 года агентство БелаПАН распространило заявление, которое сделал на пресс-конференции заведующий лабораторией нехромосомной наследственности Института генетики и цитологии, член-корреспондент НАН Беларуси Олег Давыденко. Он сказал, что исследование по этногеномике беларуского народа проводилось в 2005–06 гг. В ходе него было изучено около тысячи проб ДНК коренных беларусов шести географических районов: Северного Подвинья, Западного и Восточного Полесья, Центральной, Северо-Западной и Восточной Беларуси. Давыденко, в частности, заявил:

> «Основной результат исследований: белорусы – это индоевропейцы, славяне (а никакие не балты). Во-вторых, наиболее близкие родственники к нам по числу генетических систем – это русские и украинцы. Ближе всего к этой группе славян стоят балты, следующие по близости – германцы, остальные все от нас дальше».

Эти слова вызвали большой резонанс в стране, были перепечатаны многими газетами. Всех удивило то, что суждения Давыденко противоречат суждениям других беларуских ученых. Так, 30 июня 2010 года наши СМИ распространили интервью с известным антропологом и генетиком, доктором биологических наук, лауреатом Государственной премии Беларуси Алексеем Микуличем. Интервью имело заглавие «История беларусов зашифрована в их крови». Этот ученый разоблачил миф о «родстве» беларусов и русских: русские являются славянизированными финнами, тогда как беларусы генетически наиболее близки не русским или украинцам, а мазурам Польши – западным балтам.

Но в феврале 2011 года в программе «Генетический код» на Первом национальном телеканале Олег Давыденко снова повторил, что «беларусы – славяне, никакие не балты». На этот раз он привел свою аргументацию данного тезиса:

> «У летувисов в генах 35–37% финской гаплогруппы, а у беларусов только 9–14%. Если бы беларусы были балтами, то у них тоже должно было быть около 35% финской гаплогруппы. Поэтому беларусы – славяне, никакие не балты».

Мягко выражаясь, логика просто удивительная! Какое вообще отношение к «балтам» имеет финская гаплогруппа? Она показывает только степень их смешения в древности с финнами, но такое смешение присуще разным народам. Например, у современных татар 20% генов относятся к финской гаплогруппе, у ненцев – 38%, но это же не означает, что татары и ненцы – балты.

Да, у латышей 41% генов относится к финской гаплогруппе, но этот показатель появился после смешения с финским племенем ливов. У эстонцев 34% генов – финские, но при этом следует учесть тот факт, что ни ливы, ни эстонцы НЕ ЯВЛЯЮТСЯ БАЛТАМИ.

Дело в том, что финны – не индоевропейцы, а балты – индоевропейцы, причем самые архаичные. Достаточно отметить, что западнобалтский язык пруссов был очень близок к так называемому праязыку индоевропейцев. Поэтому балтов

нельзя рассматривать как смешение индоевропейцев с финнами — лингвистика такой подход отрицает.

Что касается генофонда летувисов и латышей, то здесь логический вывод из фактов прямо противоположен тому, что утверждает Давыденко: их нельзя считать «чистыми» балтами из-за значительного смешения с финнами. Генетически беларусы как раз намного больше балты, чем летувисы и латыши.

Показатель балтской гаплогруппы R1a наиболее высок у славянизированных (по языку) западных балтов: на первом месте стоят лужицкие сорбы восточной Германии (63%), на втором мазуры Польши (57%), на третьем беларусы (50%). Ретроспективно показатель R1a должен был быть на уровне 60–65 % у западнобалтских племен ятвягов и погезан (пруссов), которые не граничили с ареалом финнов.

Старые споры

Концепцию, именуемую «теорией балтского субстрата беларусов», выдвинули и аргументировано доказали в своих исследованиях академик Ефим Карский, российский археолог профессор Валентин Седов, беларуский историк Николай Ермолович, польский лингвист Ян Розвадовский, американский лингвист Ю. Шерех и многие другие ученые. Однако ее категорически запрещали в СССР, предписывая говорить так, как сегодня говорит Олег Давыденко: «беларусы — это славяне, а никакие не балты».

Об идеологической подоплеке данного предписания рассказал в статье «Балтский субстрат в формировании беларуской народности» доктор философских наук, профессор Георгий Давидюк:

> «Российские историки в своем большинстве до сих пор выступают против теории балтского субстрата. В основе их аргументации лежат постулаты, сформулированные идеологами царского самодержавия и Русской православной церкви, а позже воспроизведенные идеологами ЦК КПСС. Таково «научное обоснование» шовинистической политики правителей России всех времен. /.../
>
> Труднее понять, почему некоторые беларуские историки после обретения независимости в 1991 году продолжают рьяно защищать выдумки о «родстве» беларусов и россиян, их «славянской чистоте», о «братской любви» россиян к беларусам.
>
> ...Идейные вдохновители /теории о «братских» славянских народах — Ред./ в 60–70-е годы XX века организовали борьбу против теории «балтского субстрата». Уже в тот период она поставила под сомнение «славянскую чистоту» происхождения беларусов, равно как и теорию единой древнерусской народности, из которой будто бы вышли русские, украинцы и беларусы. А это под корень уничтожало «научные» концепции многих беларуских историков — академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук. Поэтому они решительно выступили против этой теории, защищая собственное благополучное существование»*.

Итак, в СССР активно «запрещали» концепции и скрывали факты, указывающие на балтийское, а не славянское происхождение беларусов. Давайте и мы посмотрим на эти факты, но без догматизма штатных идеологов КПСС.

* «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века». Минск, 2010, с. 255, 256. Далее номера страниц в цитатах указаны по этой книге.

Предыстория беларусов

Упомянутый выше антрополог и генетик Алексей Микулич осуществил фундаментальное научное исследование генофонда беларусов. Его результаты он изложил в монографии «Беларусы в генетическом пространстве. Антропология этноса» (2005 г.). Познакомимся с выводами ученого:

«Обобщенный анализ позволил выяснить, что генофонды беларусов, а также смежных районов Летувы и России почти не различаются между собой».

Но это вовсе не означает родство беларусов с летувисами или русскими (как это кажется Давыденко), а только еще раз подтверждает давно известный факт: территории Виленщины, Смоленской и Брянской областей являются этнически беларускими. Именно такими они показаны на картах расселения беларуского этноса, которые составили Ефим Карский (1903 г.), Московская диалектологическая комиссия (1915 г.), Митрофан Довнар-Запольский (1919 г.) и Янка Станкевич (1921 г.). Поэтому сравнение генофонда населения в данном регионе – это не сравнение генофонда беларусов с генофондом летувисов или русских, а сравнение беларусов с беларусами (несмотря на то, что в Летуве жителей Виленщины считают летувисами, а в России жителей Смоленщины и Брянщины – русскими).

Алексей Микулич отмечает:

«На карте генетических расстояний населения Восточной Европы от средних беларуских частот генов (см. карту 7), построенной на основе значительного количества маркеров (57 аллелей 21 локуса), прекрасно видна своеобразная особенность генофонда беларусов. К ним присоединяются коренные жители Псковской, Новгородской, Смоленской и Брянской областей, Виленского края, Украинского Полесья» (с. 153).

Согласно этой карте, беларусы идентичны по генам населению юго-восточной части Летувы (Виленщины) и восточной Латвии (Латгалии), но абсолютно не родственны населению Московской области и территории восточнее ее.

На карте № 8 Микулич совместил территорию расселения прабеларуского этноса, территорию расселения балтов, границы ВКЛ, границы БНР в 1918 году и современную границу Беларуси. Прабеларуский этнос охватывает указанные выше районы и целиком лежит на территории расселения балтов.

В своей работе Микулич подчеркивает, что беларусы генетически и антропологически старше славян как минимум в три раза (если считать датой рождения славянства самую верхнюю дату из называемых – VI век до нашей эры):

«Согласно нашим расчетам по «генетическим часам», этот срок /рождение беларуского этноса/ для коренных сельских популяций углубляется до 130–140 поколений (3250–3500 лет)» /с. 99/.

Он также ссылается и на российские исследования:

«...русские популяции во всех диаграммах оказываются в одном кластере с финно-угорскими, а не славянскими этносами (Лимборская С.А. и др., 2002)» (с. 151).

«Этнические облака» беларусов и украинцев достаточно компактны и в графическом пространстве двух главных компонент существенно перекрываются. Русское же «облако» весьма размыто, и лишь незначительная его часть перекрывается с предыдущими двумя. Если украинский этнос вообще не граничит с финно-угорским, а бе-

ларуский лишь достигает его границ, то русский этнос фактически смешивается с ним» (с. 179).

А теперь посмотрим, что заявляет Олег Давыденко:

> «Основной результат исследований: беларусы – это индоевропейцы, славяне (а никакие не балты). Во-вторых, наиболее близкие родственники к нам по числу генетических систем – это русские и украинцы».

Но славяне не едины в расовом отношении. Например, жители Псковской области относятся к балтийской расе, а жители Хорватии – к балканской. Доктор исторических наук Алексей Бычков отметил:

> «Иными словами, то, что мы сегодня считаем славянскими землями, – это огромная масса разноэтничного народа, лишь постепенно славянизированного /по языку – *Прим. ред.*/» (с. 72).

Как можно считать в расовом отношении русских славянами, если сами российские ученые утверждают, что «русские популяции во всех диаграммах оказываются в одном кластере с финно-угорскими, а не славянскими этносами»?

И что понимает Давыденко под термином «балты»? Оказывается, вовсе не древних западных балтов (ятвягов, пруссов, кривичей) – предков беларусов,

Этнические границы Беларуси

а современных жителей Летувы и Латвии. Но они — балты восточные и, к тому же, в немалой степени смешавшиеся с финнами (41 % генов угоро-финской гаплогруппы).

Беларуские ученые Алексей Дермант и Сергей Санько пишут:

«1) согласно имеющимся сегодня сведениям разных наук исконными обитателями, то есть автохтонами нашего края были балтоязычные племена;

2) консервативность антропологическо-генетического облика беларусов не позволяет принять теорию о массовой славянской миграции на территорию будущей Беларуси;

3) славянизация местного балтского населения имела в основном языковый (частично и культурный) характер;

4) особенности процесса формирования беларуского этнического сообщества соответствуют этногенетической ситуации, когда предполагаемые переселенцы составляли меньшинство, однако через административно-религиозный фактор оно произвело изменения в языково-культурном ландшафте местного населения;

5) балтские корни родословной беларусов находят подтверждение в специфических антропологических, этнографических, лингвистических чертах;

6) они также объясняют факт длительного исторического сосуществования предков беларусов и летувисов в границах одного государства — Великого княжества Литовского, равно как и органический характер его образования» (с. 530).

Истоки ошибок

Миф об общем славянском происхождении русских, украинцев и беларусов придумал Михаил Ломоносов (1750 г.). Далее этот миф развивали и активно пропагандировали Николай Карамзин, Михаил Погодин, Владимир Соловьев и прочие историки царской России, так как он идеологически обосновывал захват Украины и Беларуси, а также русификацию их жителей. Коммунистическое руководство СССР продолжило имперскую политику царизма, поэтому старый миф не только не был отброшен, но и получил развитие в виде теории «единой древнерусской народности».

Понятно, что этот миф насаждался и в антропологии, причем столь успешно что некоторые беларуские ученые продолжают отстаивать его даже после развала СССР. В лучшем случае они говорят, что ставить вопрос «являются ли беларусы чистокровными славянами или же балтами» — неправомерно. Именно так сказала в одном интервью доктор биологических наук Инесса Саливон:

«Так балты мы или славяне? — с таким бесконечно дискутируемым вопросом я /журналистка/ обратилась к Инессе Ивановне — кто еще может ответить на него наиболее квалифицированно?! Данная проблема — тема ее постоянных научных исследований.

— Предположительно до расселения славян на территории Беларуси преобладало балтское население. Причем довольно многочисленное, о чем свидетельствует тот факт, что и сегодня, зная закономерности наследования устойчивых во времени признаков, можно проследить определенную степень сходства белорусов Гродненской, Витебской и в меньшей степени Минской областей с населением восточных районов Литвы и Латвии. Многие их жители — высокорослые, крупно сложенные. Это тип северных европеоидов. А вот среди населения Полесья чаще встречаются люди ниже среднего роста, с темными волосами и глазами. Эти особенности южных европеои-

дов, возможно и привнесены на территорию Беларуси миграционным потоком южной ветви славян.

Лингвистические исследования также показывают, что в Беларуси сохранились древние балтские названия рек и поселений. Например, реки Реста, Брожа, Эса, Цна, деревни Бершты, Ятвезь, Литва, Жемайтишки, фамилии Сурвила, Ловейка, Зыль... Так что есть гипотеза, что до проникновения первых славянских миграций – примерно IV–VI веков нашей эры – на территории Беларуси жили балтоязычные племена.

Но, как бывает, материальный и духовный комплекс культуры пришельцев даже при численном преобладании коренного населения может им постепенно усваиваться. Именно с этого начинается формирование новой этнической общности, происходит смена этнической принадлежности потомков. Такой процесс, судя по всему, происходил и на территории Беларуси при расселении славян, ассимилировавших балтское население. В этническом же плане белорусы сформировались в XIV–XVI веках и уже не на балтской, а на восточнославянской основе. Отсюда в нашей культуре определяющими являются славянские, а не балтские черты.

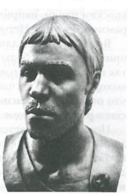
Словом, спорить о том, являются ли белорусы чистокровными славянами или же балтами, неправомерно. Этническая принадлежность определяется не биологическими особенностями, а совокупностью элементов духовной и материальной культуры, самосознанием. Так, в Соединенных Штатах негр и европеоидного облика человек не родственники ни в расовом отношении, ни в национальном – они жители Америки и представляют один этнос».

Этот пример И.И. Саливон из реалий США и показывает всю абсурдность представлений о том, что со сменой языка якобы меняется антропология – дескать, раз беларусы стали славяноязычными, то перестали быть балтами. На самом деле негр, освоив английский язык, не становится англичанином, а балты (предки беларусов), перейдя на славянский, – не превратились в славян. Не только генетически и антропологически, но также и ментально они остались балтами – пусть славяноязычными.

Сами славяне – это, как уже говорилось, не «этническая группа» и не раса, а нечто, напоминающее народ США: пестрая смесь разных этносов и рас. Доктор исторических наук Алексей Бычков в статье «Славяне, кто вы и откуда?» отмечает:

«В чем заключается колоссальная ассимилирующая сила славянского языка? Напомним: население современной Польши, Чехии, Словакии – отчасти потомки носителей пшеворской и пражско-корчаковской культур, а отчасти – потомки кельтов, германцев, западных балтов. Но в средние века это /уже/ сплошь славяне, то есть люди, говорящие на славянских языках и считающие себя славянами.

Население всей полосы европейской степи и лесостепи – это много столетий подряд ираноязычные народы (скифы, сарматы, аланы), а на ее западных рубежах – еще и готы, и фракийцы (геты, даки, карпы). Но к X веку это уже сплошь славяне, по тем же признакам» (с. 72).

Молодой ятвяг (реконструкция И. Чаквина)

Ошибка таких антропологов как Инесса Саливон или Людмила Тегако налицо: они строят генетичес-

кую классификацию «восточных славян» на основе одного лишь языка, хотя он-то как раз к антропологии никакого отношения не имеет. Точно так же английский язык в настоящее время является родным для жителей Индии, Гонконга и Кении, но если принять «научную методологию» наших горе-антропологов, то китайцы, индусы и негры-кенийцы должны входить в антропологическую и этническую общность с англичанами. Почему? А из-за языка, принесенного колонистами из Англии, а также вследствие влияния на Индию, Гонконг и Кению английской культуры.

При последней переписи населения Российской Федерации в русский этнос записались 160 тысяч бурятов (бурятского языка не знают, имена и фамилии русские, по вероисповеданию – православные). Согласно «научной методологии» Саливон, их надо зачислить теперь в особую группу: «очень восточные славяне с узкими глазами».

Если кто-то сочтет комичным отнести славянизированных бурятов к славянам, то я задам риторический вопрос: а почему вообще русский этнос считается славянским? Ведь его костяк – это примерно 70 миллионов славянизированных финно-угров центральной России, и еще столько же – славянизированных народов бывшей Золотой Орды. Те и другие точно так же не индоевропейцы, как и буряты. Они, правда, европеоиды – и только на этом основании кажутся «славянской внешности», хотя в виду имеется только «европеоидная внешность». Но антропологически и генетически эти русские далеки от чехов и лужицких сорбов, от мазуров и беларусов.

Кроме того, сторонники мифа о «восточных славянах» дружно обходят стороной вопрос о том, как и откуда в России появились 140 миллионов славян? Это ведь значительно больше, чем всех остальных славян, вместе взятых. И куда исчезли финно-угры и тюркские народы Орды?

Инесса Саливон утверждает, что «в Соединенных Штатах негр и европеоидного облика человек не родственники ни в расовом отношении, ни в национальном». Но почему тогда беларус вдруг оказывается родственником (в расовом и генетическом смысле) потомков татарских мурз, перешедших на службу московским царям, например, татарина фельдмаршала Кутузова или татарина Карамзина, автора «Истории государства Российского»?

Вот еще вопрос для любителей определять этнос по языку. В Минске есть приют для детей, больных болезнью Дауна. У них особые черты лица, а многие так и не научились говорить. Если национальность определяется по языку, то выходит, что эти несчастные дети вообще не имеют национальности? Тем более, что очень часто неизвестна национальность родителей, отказавшихся от них еще в родильном доме.

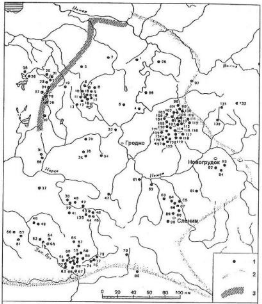
Но когда появляется такое «качество» как национальность? С момента рождения ребенка, или с той поры, когда он начинает понимать язык своей нации и говорить на нем? Например, почему считают «беларусами» тех детей, которые до школы абсолютно не знают «мовы», и говорят только по-русски? Ведь согласно концепциям таких «специалистов» как И.И. Саливон, они не беларусы, а русские.

Я же полагаю, что всякий ребенок имеет определенную национальность с рождения. Анализ его генов и антропологических черт автоматически отно-

сит его к той или иной этнической группе. Обращаю внимание – еще до того, как он стал понимать речь.

То есть, когда рождается беларуский младенец, он уже имеет определенный комплекс генов (балтийскую гаплогруппу) и специфические антропологические характеристики (например, лицевой угол, разрез глаз, пигментацию кожи и т.д.). Иными словами, он беларус. А вот выучит ли он потом беларуский язык (став славяноязычным и в этом смысле – славянином), или же его увезут в США, Германию или Венесуэлу, где он усвоит совсем другой язык и культуру – это уже ничего не значит в плане того, что он родился беларусом.

Поэтому БЕЛАРУС – это понятие изначально генетическое и антропологическое (с балтским содержанием), а не лингвистическое или культурологическое. Точно так же негр – не лингвистическое понятие. Однако ученые «советской школы» утверждают, что если от негров мы действительно отличаемся и лингвистически, и антропологически, и генетически, то от русских – только лингвистически.

1 - могильники с каменными курганами; 2 - восточная и южная граница распространения ятвяжской гидронимики; 3 - пруссо-ятвяжская и галиндо-ятвяжская границы

Ареал расселения ятвягов охватывал значительную часть современной Беларуси

Вообще говоря, подобные умственные упражнения принято называть словоблудием. Вот факт: генетические различия между русскими, беларусами и украинцами позволяют криминалистам легко определять по генному материалу трупа, уроженцем какой области Беларуси, России или Украины был потерпевший. А в перспективе, как писала Светлана Лимборская, по мере совершенствования методов генетического анализа, можно будет определять происхождение человека из конкретного района радиусом не более 50–60 км. Как видим, генетические различия между людьми очень даже конкретны.

Одним словом, когда ученые советской школы делают акцент на схожести беларусов именно с русскими, смысл этого тезиса в том, что мы – «младшие братья» русских. На самом деле у беларусов куда больше схожего с украинцами, чем с русскими. Микулич отмечает в своей работе:

«У русских тоже нет 7 аллелей /аллели – различные формы гена, расположенные в одинаковых участках (локусах) гомологичных (парных) хромосом. – Прим. авт./,

но только три из них те же, что отсутствуют и у беларусов: 41-й, 47-й, 55-й. /.../ Среди украинцев нет почти половины евразийских аллельных вариантов – 12 (25, 27, 28, 31, 33, 37, 39, 41, 45, 47, 53, 55). Таким образом, если у беларусов вместе с русскими одинаково отсутствуют только три аллеля, то у беларусов вместе с украинцами – уже семь, или в 2,3 раза больше. Этот факт свидетельствует о большей общности исторической судьбы нашего народа с южным соседом, чем с восточным» (с. 167).

Почему же генетики и политики, твердящие о «родстве беларусов и русских» всегда «забывают» уточнить, что беларусы в 2,3 раза генетически ближе к украинцам, чем к русским? Да потому, что этот факт «политически» никем не востребован – в Киеве нет политиков, желающих использовать генетическую общность как предлог для включения Беларуси в состав «Великой Украины». Подоплека споров о «старших и младших братьях» – идеология и политика.

Беларусы — балты

Кандидат исторических наук Олег Дернович пишет в статье «Этническая история Беларуси»:

> «Пути миграции кривичей всегда проходили через балтские территории, и это насторожило исследователей – здесь нет никаких славянских признаков. Антропологически кривичи оказались не просто похожими, но общими с латгалами (обитателями Восточной Латвии). А гидронимия (названия водных объектов) кривичской территории – бесспорно балтская. Беларуский археолог Александр Медведев теперь прямо пишет, что кривичи – это балты.
>
> ...Следует напомнить, что автор «Повести временных лет» не называет кривичей среди «словенских языков Руси» ...кривичей по объективным признакам мы можем отнести к балтам» (с. 194).

Дреговичи – тоже западные балты. По мнению московского лингвиста Георгия Хабургаева, название балтского сообщества Припятского региона имело форму Dreguva, что соответствует западнобалтским названиям соседних племен: Мазова, Литва, Ятва, Дайнова, Крива.

Историк Алексей Дермант в статье «Кривичи» пишет:

> «Особенности кривичей-полочан археологически связаны с культурой ранних длинных курганов Полотчины и атокинским вариантом банцеровской культуры, а этнически – прежде всего с балтским субстратом... Это обстоятельство позволяет отказаться от противопоставления в этническом смысле определений «кривичский» и «балтский», ибо априорная славянскость кривичей просто исчезает, а их славянское слагаемое (безразлично, откуда оно могло происходить) оказывается фикцией» (с. 214).

То же самое писал еще в 1973 году Владимир Топоров в работе «К вопросу о балтизмах в славянских языках»:

> «Чрезвычайно интересно то, что понятие «славянский», употребляемое в традиционном смысле, меняет (а отсюда и теряет) свое значение также и в свете ряда иных достижений последних лет в области реконструкции этнолингвистической карты Восточной Европы.
>
> ...Иначе говоря, для этой части Восточной Европы «славянский» элемент, как он понимался до сих пор, для определенной эпохи, когда балтский элемент был бесспорно актуальным, оказывается фикцией».

М. Артамонов писал в 1974 году:

«Вследствие того, что славянские памятники, которые определенно относятся к VIII веку, в Верхнем Поднепровье до сих пор не обнаружены, славянский период на этой территории /.../ надо начинать с IX века».

То есть, на 200–400 лет позже, чем утверждает И.И. Саливон.

Российский историк И. Ляпушкин пишет:

«До VIII–IX веков вся область Верхнего Поднепровья и прилегающих к ней районов до верховий Оки на востоке и до Немана на западе, от границы с лесостепью на юге и до бассейна Западной Двины на севере, была занята балтскими племенами».

Алексей Дермант делает вывод из многочисленных исследований:

«Бесспорно, что в IX–XI веках произошли значительные изменения как в материальной, так и в духовной культуре здешних обитателей, но объяснение этих трансформаций исключительно поиском следов «массовой славянской миграции» выглядит как упрощенный и ангажированный подход» (с. 216).

Все эти выводы опровергают суждение «белорусы — это славяне, а никакие не балты». Поскольку массовой миграции славян на территорию Беларуси никогда не было, постольку бессмысленно искать у беларусов «славянские гены», а называть таковыми гены коренного балтского населения (которое старше славян минимум на 2000 лет и генетически неизменно 3500 лет) — антинаучно.

Алексей Дермант:

«Г. Дебец, который исследовал черепа из захоронений кривичей, дреговичей и радимичей X–XII веков, констатировал отсутствие между ними реальных различий, а также отметил их весьма большое сходство с серией черепов из Люцинского кладбища (Латвия). На основании этого автор утверждает, что включение территории современной Беларуси в круг славянских культур не сопровождалось какими-то значительными переселениями, а происходило через окультурацию.

Т. Трофимова приобщала полоцких кривичей к долихоцефальному широколицему типу и, отмечая его связь со Средним и Верхним Поднепровьем и Прибалтикой, считала этот тип реликтовым, известным по крайней мере с эпохи бронзы» (с. 221).

Языческий бог Род

Т.И. Алексеева в труде «Этногенез восточных славян по данным антропологии» (1973 г.) отмечала в отношении полоцких кривичей:

«...долихокрания в сочетании с относительной широколицестью характеризует балтоязычное население средневековья, и, вероятно, генетически этот комплекс не связан со славянами. Территориальное размещение (северная часть зоны расселения славян) также свидетельствует против славянской его принадлежности».

Алексей Дермант пишет:

«Псковская группировка кривичей антропологически наиболее похожа на население ятвяжского ареала. ...По абсолютным размерам мозгового отдела черепа и скелета лица в отношении головного показателя и ширины лица, мазовшане (славянизированные западные балты), полоцкие кривичи, ятвяги и латгалы объединяются одним комплексом физических черт и в этом приближаются к норвежцам и англо-саксам» (с. 222–223).

Вот такие мы «славяне», и такова степень «близости беларусов с русскими»... И далее:

«Изучение одонтологических (зубных) материалов показывает, что западные серии кривичей полностью соответствуют так называемым ранним латгалам Видземе и жемойтам, но наибольшее сходство у них выявляется с восточными латгалами VIII–XIII веков. Отмеченная близость зубного комплекса кривичей и синхронных им латгалов может быть объяснена в пользу местного (балтского) происхождения первых.

Явных антропологических следов проникновения славян на территорию Подвинья нет. Те материалы, которые некоторые ученые идентифицируют со славянами, могут быть связаны и с другими этносами, в том числе с балтскими племенами. При этом единственное, что позволяют утверждать антропологические исследования, это отсутствие массовых миграций, которые могли бы привести к существенному изменению физического типа населения Беларуси».

Таким образом, засвидетельствованное большинством антропологов значительное сходство балтских племен (особенно латгалов) и полоцких кривичей позволяет поддержать мнение о славянизации кривичей путем замены ими своего балтского языка на славянский» (с. 223).

Ятвяги (реконструкция)

Кстати, еще в середине XIX века летувисский историк Симон Даукантас подчеркнул тот факт, что у кривичей до перехода на славянский язык был балтский:

> «Род кревов (krievai) так соединился с русами, что разговаривает по-русски, а не по-своему. Кревы ...говорили на том же языке, что и литовцы, жемойты, леты, пруссы. В стране кревов было два языка – один письменный, так называемый русский, второй – людской, так называемый кревский»*.

Однако постепенный переход крестьянского (в те времена 95% от всей популяции) западнобалтского населения кривичей на «русский» язык (т.е. на славянский «койне») не означал, что Кривия стала пресловутой «Русью». Алексей Дермант отмечает:

> «При этом к собственно «Русской земле», или «Руси» в узком смысле слова (которая существовала в Среднем Поднепровье), Полоцк и Смоленск не принадлежали. До последней трети IX века полоцкие кривичи не зависели ни от Киева, ни от Новгорода, и только в 70-е годы IX века киевские князья Аскольд и Дир совершили поход на Полоцк и, возможно, включили его в орбиту своего влияния. Но, в любом случае, при князе Олеге Полоцк уже не подчинялся Киеву.
>
> Все вышеупомянутые города, которые являлись конкурентными государствообразующими центрами, принадлежали к трем крупным этнокультурным и географическим ареалам: финско-словенскому Северу (Новгород), ирано-полянскому Поднепровью (Киев) и балто-кривскому Верхнему Поднепровью и Подвинью (Полоцк, Смоленск). Два первых ареала, не завершив самостоятельного развития в государственные структуры, были объединены Рюриковичами и уже вместе пошли к созданию общего государства, Полоцкая же земля проявила максимум упрямства и не попала в эту компанию. Известный историк и культуролог Л. Акиншевич утверждал по этому поводу, что «во времена княжеские (X–XIII века) беларуские княжества, бесспорно, менее, чем украинские и российские, имели тенденцию к объединению в единое «русское» целое» (с. 232–233).

Балтская культура беларусов

В начале 90-х годов вопрос «славяне или балты?» обрел «патриотическое звучание». В стремлении доказать, что история Великого Княжества Литовского является историей беларуского этноса и государства, а не Летувы жамойтов, беларуские историки стали изображать историческую Литву как славянское государство.

Если судить по заявлениям Олега Давыденко, для некоторых ученых и сейчас вопрос стоит именно так. На самом деле этот вопрос неверен по существу, потому что наши предки, создавшие ВКЛ, не были ни славянами, ни восточными балтами (предками летувисов и латышей). Они были ЗАПАДНЫЕ БАЛТЫ – большая этническая группа, ныне полностью ассимилированная.

Еще в 1950-е годы беларуский историк-эмигрант Витовт Тумаш опубликовал работы «Балтский элемент при становлении современного беларуского народа» и «К вопросу о беларуской южной этнографической границе». В них он убедительно показал культурную и духовную близость беларусов к «современным балтам»**. Однако эта близость обусловлена не процессами этноконтактов между

* См. его работу «Образ жизни древних литовцев, верховников и жамойтов», 1845 г. – *Прим. ред.*

** См. Тумаш В. Выбраныя працы. Мінск, 2002, с. 30 и др.

«славянами-беларусами» и восточными балтами, а самой сутью нашего древнего субстрата, к которому предки летувисов и латышей имели отношение только «по касательной». Наше балтийское содержание сугубо западнобалтское, а не от нынешних соседей.

Что касается балтских этнокультурных реалий, то таковых существует масса у беларусов, мазуров и лужичан, только их почему-то причисляют к «славянским традициям». Например: 1) архаичная западнобалтская лексика (по Е. Карскому в беларуском языке конца XIX века не менее 83% корней слов были балтские); 2) фамилии на «-вич», топонимы на «-но» и «-овичи», пшеканье/дзеканье и другие особенности балтской фонетики; 3) блюда из овса, имеющие возраст минимум 3500 лет (тогда как в народной кухне славян овсяных блюд вообще не было); 4) уникальные традиции и календарные праздники; 5) поклонение дубам, камням, ужам... Короче говоря, в культуре беларусов, мазуров и лужичан даже сегодня ярко выражены балтские черты.

Разве наша культура похожа хоть чем-то на культуру «славян»-болгар? Нет, у них совершенно иная культура, они даже в знак согласия мотают головой, а в знак несогласия кивают. Или разве в культуре беларусов есть хоть что-то из якобы «славянской» русской культуры с ее угорскими матрешками, финскими саунами, тюркской кадрилью и балалайками? Нет, у нас есть «дуда» (беларуская волынка) и «батлейка» (кукольный театр). Это у кого же еще из славян национальным инструментом является волынка? Больше ни у кого. А для украинцев характерны балканские песни и пляски, шаровары и ленты в косах, все прочее — от ираноязычной культуры сарматов.

НЕТ ГЕНОВ «СЛАВЯНСТВА», НЕТ ОБЩЕЙ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. Есть народы разных рас и культур, перешедшие на общий жаргон межэтнического общения («койне») — то есть, ставшие славяноязычными.

Предлагаю задуматься над следующим фактом. В середине XIX века генерал-губернатор Северо-Западного края Михаил Муравьев-вешатель, следуя указаниям из Петербурга, перевел «жмудскую письменность» (то есть нынешний «литовский язык») на кириллицу (перед этим он сделал то же самое с литвинским-беларуским языком). Это было только началом реформ Муравьева, в перспективе обозначился перевод «жмудского наречия» на «русский алфавит», а всех «жмудинов» на русский язык.

И вот представьте себе, что царизму это насилие удалось бы (как оно удалось по отношению ко многим другим народам, порабощенным царизмом). Тогда мы имели бы сегодня славяноязычную Республику Летува, население которой называлось бы литово-русами. И вот ее ученые ставят вопрос: кто они — славяне или балты?

Какой-нибудь Жмудявичус, академик Литово-Русской ССР, с жаром доказывал бы, что литово-русы Жамойтии — никакие не балты, а славяне. Ведь они сегодня говорят на русско-жамойтском языке (из семьи славянских языков), и вместе с этим языком впитали «славянскую культуру». А раз они по культуре славяне — тогда они во всем славяне. Мало того, этот академик грозил бы оппонентам тем, что попытка увидеть в литово-русах Жамойтии и в беларусах Беларуси каких-то «балтов» — это попытка подрыва единства «великорусского народа» и замаскированное под науку стремление отделиться от России.

Или другой пример. Один из главных аргументов наших ретроградов заключается в том, что, дескать, беларусы потому не балты, что перешли на славянский беларуский язык. Но эти их суждения соотносятся с реальностью лишь первой половины XX века, а вот в 2011 году в Беларуси уже трудно найти беларуса, говорящего на «роднай мове». Причем только за 10 последних лет число беларусов, считающих беларуский язык родным, сократилось на 25 %. Если эти ученые уважают законы логики, они должны теперь провозгласить, что беларусы исчезли, а вместо них в Беларуси появилась новая русская нация. Мол, раз перешли на русский язык, то утратили заодно всю свою культуру и традиционную ментальность, а также антропологию — этнически перестали быть беларусами.

Эти два примера еще раз показывают, что вопрос «славяне или балты» носит чисто политический характер и упирается в абсолютно ненаучный вопрос принадлежности к унизительному сообществу «младших братьев Москвы».

Летописные литвины (реконструкция)

Кстати, в XIX веке идеологи западнорусизма даже поляков причисляли к «восточным славянам» и к западной ветви «древнерусской народности». Якобы Карамзин и его коллеги счастливым образом одновременно с оккупацией Речи Посполитой нашли где-то ветхие документы, в которых сказано, что «ляхи Кракова — это суть русы и отпочкование от России».

В 1888 году был введен запрет на само слово «Польша», вместо него царские чиновники пытались ввести название «Привисленский край». Они утверждали с серьезным видом, что поляки — те же самые русские, но «испорченные католицизмом».

А беларусы генетически ближе всего к мазурам — жителям Северо-Восточной Польши. Поэтому сегодня ангажированные ученые на основании данного факта доказывали бы, что поляки — тоже «по генам русские». Это не юмор, и не преувеличение. Именно таковы по своей сути нынешние спекуляции ряда генетиков из России.

Спекуляции

Некоторые российские ученые разделили современный русский этнос на две группы (что уже странно): «московских русских» (славянизированных финно-угров) и «западных русских» (кривичей). Они утверждают, что гаплотипы кривичей из пограничных с Беларусью российских областей (Псковской, Новгородской, Смоленской, Брянской) — это «основа русского генофонда». Дескать, историко-генетическим эталоном русского этноса являются вовсе не жители Владимиро-Суздальского региона (то есть исторической Московии), а тех земель, которые Иван III и Василий III отвоевали у ВКЛ!

Дело в том, что эти потомки кривичей, во-первых, отличаются от русских из региона так называемого «Золотого кольца» отсутствием статистически значимой примеси финно-угорских генов и, во-вторых, похожи на беларусов и украинцев. Таким образом, политическое значение «эталона» заключается в якобы «научном» обосновании великодержавных претензий Москвы на Беларусь и Украину.

При этом заявления беларуских ученых (таких как А. Микулич) о том, что кривичи — это и есть беларусы, а не русские — игнорируются. Более того, российские ученые, записав кривичей Псковщины, Смоленщины, Брянщины в «основу русского этноса», находят теперь саму Беларусь — этнически русской. Мол, раз кривичи — основа русской нации, то никакой беларуской нации нет.

И вот мы видим сегодня, как российские генетики проводят сравнительные исследования, манипулируя тремя «субъектами».

Первый — «смежные западные русские», то есть кривичи. Сравнение их генофонда с генофондом беларусов и украинцев нужно для обоснования политического тезиса о «братской родственности» трех восточных славяноязычных народов.

Второй — «московские русские» (то есть исторические московиты). Они как отдельная общность обычно не афишируются в исследованиях, ибо по генам идентичны финно-униграм.

Третий «субъект» — это усредненные показатели «смежных русских» и «московских русских», которые используются как картина «общего русского генофонда».

Такое «усреднение» генофонда кривичей и мордвы столь же абсурдно и ненаучно, как попытка найти «среднего американца» путем «усреднения» генетических особенностей англо-саксов и негров в США (вспомните слова И. Саливон). Вроде они тоже 300 лет жили вместе в одной стране и являются одной нацией, только вот слишком разные по генам, цвету кожи, курчавости волос. Это как в анекдоте о «средней температуре» по больнице.

Алексей Микулич комментирует ненаучные концепции такого рода следующим образом:

> «Сначала кратко о том, как выглядит восточноевропейский генофонд с точки зрения московских антропологов. Юрий Рычков с коллегами на основе построенных ими карт предложили время формирования генофонда русских на протяжении 1000–1500 лет (карта 9). Они утверждают, что на этой карте восточноевропейский генофонд выглядит как отклонение от «средних частот генов русского народа и тех дру-

гих народов, чьи ареалы полностью или частично входят в прямоугольное окно со сторонами 28 и 56 градусов восточной долготы, 50 и 60 градусов северной широты (Восточные славяне. М., 1999, с. 129).

Однако генофонд беларусов существенно отличается от русских (по материалам сравнения 100 аллелей 34 локусов). К беларусам Придвинья генетически наиболее близки жители Псковской, Новгородской и Смоленской областей. Этому факту есть историческое объяснение – общие кривичские корни. Немного дальше от «кривичского» ареала находятся популяции Центральной Беларуси и Поднепровья вместе с жителями юго-западной Летувы и восточной Латвии. В третью шкалу генетическо-антропологических расстояний попадают западные беларусы Понеманья (вместе с жителями польского пограничья, западными летувисами, латышами) и южные популяции Беларуского Полесья.

Мы принимаем мнение московских коллег только как дополнительное свидетельство продвижения генных комплексов из Центральной Европы и с Балкан в эпоху славянизации автохтонов. Влияние балтских популяций на беларуский генофонд они, несмотря на неопровержимые археологические факты, к сожалению, не учитывают» (с. 147–148).

Беларусы начала XX века (фото Б. Тышкевича)

Причина понятна: стоит только московским ученым признать балтский субстрат беларусов как автоматически встанет вопрос о финно-угорском и ордынском субстратах русского этноса. А этого в Москве категорически не хотят. Микулич продолжает:

«Поэтому с тезисом, что «ядро русского генофонда находится на юго-западе русского этнического ареала» /то есть на захваченных Московией землях беларусов-кривичей. – *В.Д.*/, с добавлением части беларуского ареала /т.е. «кривичской части» уже территории Республики Беларусь. – *В.Д.*/, мы согласиться не можем. В действительности на карте уровней близости к беларускому этносу эти два субареала объединяются в один – беларуский. Именно здесь отчетливо проявляется многовекторная дивергенция обобщенной генетической компоненты (см. карту 7). К беларусам на северо-востоке и юго-востоке нашей страны приближаются жители смежных территорий, предки которых еще в первой четверти XX века идентифицировались как беларусы» (с. 148).

Нет сомнения в том, что жители тех районов Псковской, Смоленской, Новгородской и Брянской областей, что граничат с Беларусью, родственны корен-

ным жителям нашей страны. Ведь все они потомки кривичей. Но этот факт не делает беларусов «родными братьями» русских. Тем более ненаучно изображать кривичей «ядром русского генофонда», так как вовсе не от кривичей произошли генетически 140 миллионов нынешних русских. Кривичи даже на территории Беларуси являются предками максимум 4-х миллионов беларусов.

С такой российской пропорцией «раздачи генов» беларуские кривичи должны были размножиться до 220–250 миллионов человек. Но у нас они почему-то плодились по законам демографии, тогда как в России неизвестно по каким законам: если кривичи Смоленщины и Брянщины породили русский этнос как его «генетическое ядро», то должны были иметь в семьях в 35 раз больше детей, чем потомки кривичей в нынешней Беларуси. То есть, рожать не 7–8 детей, а 245–280 (!).

Но абсурд не смущает: уж очень хочется российским ученым видеть свой этнос «рожденным от кривичей», а не от финно-угров и не от тюрков Орды. Это «идеологически не котируется».

Ненужные теории о «всяких субстратах»

Все сказанное выше проясняет вопрос, почему во времена СССР запрещалось считать кривичей – балтами, а беларусов – славяноязычным народом с балтским субстратом. Ведь правда о балтском происхождении беларусов на принципиальном уровне опровергает миф о том, что русский этнос – славянский.

Более того, с 1991 года значение этого мифа для обоснования «претензий на Беларусь и Украину» значительно ослабло. Однако на кон теперь поставлено этническое единство самой России, где славянство официально преподносится как «главный стержень объединения нации». Поэтому вполне закономерно российские ученые в своих поисках «славянских генов» (как «ядра русского генофонда») остановились на кривичах. Но тут оказалось, что беларусы их «предают», доказывая, что кривичи – не славяне, а балты. Получается полный конфуз...

Суть проблемы, на мой взгляд, в следующем. Беларусам, по большому счету, вообще не так уж важно, кто они – балты, славяне, кельты или готы (которые когда-то жили в западной части Беларуси, и от их этнонима Gytos летувисы до сих пор именуют нас «гудами»). Единственное, что важно – чтобы нас не считали «младшими братьями» какого-нибудь соседнего народа, будь то русские, поляки, украинцы или жамойты.

Формально и Беларусь, и Россия – моноэтнические государства (доля титульной нации в населении страны превышает 80 %). Но есть огромная разница: в Беларуси основой нации действительно является единый субстрат. И как его ни называй (славянский, балтский, кельтский...) – это никак не скажется на единстве нации. А вот в России огромная масса субстратов, где кривичский – просто мизерная часть на фоне финно-угорских, тюркских, северных, дальневосточных и прочих субстратов, вплоть до казаков (изначально нерусского и неславянского этноса). Поэтому сама постановка вопроса о субстратах славяно-

зычного ныне населения – разрушительна для единства России. Предельно ясно высказал суть вопроса один известный российский политик:

> «Мы не для того создавали веками Великую Россию, чтобы ее сегодня разваливать теориями о всяких субстратах».

И вот ряд беларуских ученых, преимущественно старшего поколения, попрежнему не мыслящих себе жизни «без России», отстаивают и пропагандируют именно такой подход. Но тогда нет речи об объективном освещении вопросов этногенеза беларусов. Выходит, что такие исследования неизбежно «подрывают» основанную на мифах государственность соседа.

Нам нет дела до единства России. Хочу напомнить другое. Еще в 60-е годы в рамках подобных споров Николай Алексютович задал вопрос: «А где же истина объективная?» (таким был заголовок его статьи в журнале «Полымя», № 5 за 1966 год). Он назвал московско-партийную концепцию истории Беларуси политическим шулерством и обкрадыванием истории беларуского народа.

И я тоже завершу свои рассуждения вопросом: чего ради нам приносить себя в жертву мифам другой страны и чужой нации?

Этногенез беларусов: лингвистический аспект

Алексей Дермант, этнокультуролог
Сергей Санько, философ

От редактора

В сборнике «Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века», обсуждавшемся на конференции, помещена статья А. Дерманта и С. Санько «Этногенез беларусов: наука и идеология». В свою очередь, она перепечатана (в переводе А. Тараса) из 5-го номера журнала «Arche» за 2005 год.

Тот же журнал через год поместил критический отзыв на эту статью, которую написал гродненский автор Юрий Потупа (см. «Arche» № 1–2 за 2006 г.). Отзыв называется «Куда ведет логика балтского автохтонизма».

Приведенный ниже текст является дополнением Дерманта и Санько к их собственной концепции «балтской автохтонности беларусов». Это дополнение имеет форму полемики авторов с Ю. Потупой.

Однако мне пришлось значительно сократить и упростить авторский текст. В первую очередь потому, что он содержал много специальных терминов, абсолютно непонятных подавляющему большинству читателей. Некоторые из них вообще отсутствуют в имеющихся у меня словарях (например, «акут» и «циркумфлекс», «интенсионал» и «экстенсионал»)...

К сожалению, отечественные авторы злоупотребляют специальной терминологией в работах, предназначенных широкому кругу читателей. При этом они не дают себе труда указывать их смысл. Возьмите, например, слово «нарратив» (его очень любят Игорь Бобков, Геннадий Саганович и многие другие) и поищите в словарях на русском и беларуском языке. Не найдете, потому что слово это английское. Но кое-кто усиленно вводит его в «мову». Пишут «нарацыў» без всяких объяснений.

А что значит слово «этимологизация», использованное Дермантом и Санько? Этимологией принято называть установление происхождения слова или морфемы (наименьшей значимой части слова), а также его родственных отношений с другими словами (или морфемами) этого или другого языка. Но что такое «этимологизация»?

Лингвистика — это наука о строении и функционировании человеческого языка. В таком случае, какой смысл вкладывают авторы в термин «экстралингвистика»?

Понимают ли они сами точное значение употребляемых ими слов? Лично я сильно сомневаюсь в этом. Например, в данной статье они используют термин «фонология». Но из контекста следует, что имеется в виду «фонетика» (звуковая организация речи), а не «фонология» — область языкознания, исследующая структуру (фонемы) и функции (морфемы) языка.

При таком подходе к использованию иностранной лексики авторы выглядят не умниками, а переучившимися субъектами. Образование пошло им во вред.

Конечно, интересные мысли и концепции у них есть. Потому я и публикую данную статью. Но, к сожалению, к этим мыслям и концепциям мне пришлось продираться через частокол заумных фраз, непонятных словечек и множества бесполезных ссылок (почти все ссылки я устранил) на чужие публикации, нужных, видимо, исключительно для подтверждения начитанности авторов.

Приходится также предварить статью кратким словариком некоторых (не всех) встречающихся в ней терминов.

Автохтонный – местный, туземный, возникший в данной стране. Следовательно, автохтонность синоним «тутэйшасці».

Ангажированный – заранее нанятый (приглашенный, купленный).

Билабиальные звуки – звуки, произносимые путем сближения губ (б, п, м).

Билингвизм – двуязычие, владение двумя языками.

Бифуркация – раздвоение, при котором обе части приобретают самостоятельное значение.

Глоттогенез – происхождение и развитие данного языка.

Дентальный – согласный звук, образуемый при смыкании (или сближении) передней части языка с верхними зубами (д, з, с, т).

Диглоссия – владение двумя разными диалектами одного и того же языка.

Дифтонг – сочетание двух гласных звуков в одном слоге (например, ау, оу).

Имплозия – вероятно, смыкание, так как «имплозивный» – это смычный согласный звук, после которого нет «взрыва» при произношении слова. Но авторы используют этот термин в каком-то другом смысле.

Интерференция – взаимодействие и взаимовлияние двух языковых систем в условиях, когда население пользуется сразу двумя языками.

Лабиальный – губной звук.

Модальность – грамматическая категория, выражающая отношение содержания высказывания к действительности.

Наркомовка – вариант беларуского правописания, введенный декретом наркома просвещения БССР в 1935 году.

Полиглоссия – многоязычие.

Релевантность – пригодность для различения языковых единиц. В данной статье авторы используют термины «релевантный» и «нерелевантный» в каком-то ином смысле.

Синтаксис – способы соединения слов языка (лексики) в словосочетания и предложения.

Субстрат – местный язык, вытесненный языком пришельцев (а также следы этого языка в речи пришельцев).

Тарашкевица – вариант беларуского правописания в соответствии с «Беларускай граматыкай для школ» Бронислава Тарашкевича, впервые изданной в 1918 году.

Тезаурус – максимально полный словарь данного языка с примерами употребления слов.

Флексия – конечная часть слова, изменяющаяся при склонении или спряжении, а также чередование фонем в корне слова (например, «рост» – «расти»).

Эксплозия – «взрыв» согласных звуков (б, г, д, к, п, т) при произношении слов. Как и «имплозию», авторы используют термин в ином смысле, не разъясняя свое понимание этого слова.

Этногенез – происхождение народов.

О «логике здравого смысла»

Мы благодарны нашему оппоненту (Ю. Потупе) за то, что он обратил внимание на существенный аспект, который в предыдущей статье был рассмотрен недостаточно, а именно — лингвистический аспект. Теперь у нас есть повод уделить больше внимания именно ему. Но не только.

Дело в том, что оппонент, по его собственным словам, не стремился оспорить наши прежние выводы. Цель была иная — «защитить» беларуский язык. Сделать это он намеревался посредством аргументов так называемого «здравого смысла». Наш оппонент выступил на защиту беларуского языка, руководствуясь следующим «методологическим» тезисом:

> «Мои возражения — это сомнения человека со стороны, который опирается не на целенаправленные исследования в данной области, а только на логику здравого смысла».

Он, правда, не конкретизирует, что понимает под «логикой здравого смысла» и вообще под «здравым смыслом». Поэтому нам придется самостоятельно выяснить, с каким «здравым смыслом» мы имеем дело.

Потупа провозглашает, что хотя высказывает свое частное мнение, тем не менее, благодаря обращению к здравому смыслу (то есть, к «нормальным» умам) «арбитров» (читателей) его мнение претендует на общезначимость. И на этом основании он «имеет право» вынести приговор о ценности другого частного мнения (нашего) — по его мнению, явно ангажированного. Оппонент не замечает, что тем самым он покидает сферу подлинного здравого смысла, с присущим ему прагматическим тезисом «не судите, да не будете судимы».

Более того, он стремится придать своим «частным размышлениям, не опирающимся на научные исследования», форму научной аргументации. Именно научной, ибо истинная наука всегда стремится быть неангажированной, то есть — объективной. Но при этом оппонент хочет устраниться от обсуждения содержания того феномена, относительно которого он выносит свои суждения.

Однако есть такие сферы, в процессе познания которых теоретический и практический аспекты не просто сплетаются, но и оказываются тождественными. Это такие сферы, где «наблюдатель» одновременно является действующим лицом, то есть сферы с «включенным наблюдателем». Такова, например, культура по отношению к культурологу, принадлежащему к этой же культуре. Такова проблематика истории того этноса, к которому принадлежит исследователь. Здесь сам способ познания одновременно является фактом этнической истории, теория становится генеалогией, а хорошее «поведение» совпадает с целью познания и подытоживается архаической формулой «знай свой род».

Для «здравого смысла» нашего оппонента необходимым условием является родной язык. Но одного только этого условия недостаточно. По нашему мнению, требуются еще два: 1) принадлежность к общей традиции (и переживание ее); 2) предугадывание (ощущение) общих целей. Очевидно, что три условия вместе представляют собой три модальности здравого смысла: прошлого (традиция), современности (язык) и будущего (судьбы).

Однако здравый смысл «сознательного беларуса» Потупы полностью сосредоточен на языке (на «роднай мове»). Поэтому вся используемая им аргументация выстраивается вокруг языкового вопроса.

Сначала выражается «тревога» в связи с тем, что «выводы, к которым ведет рассматриваемая теория, ...весьма ...запутывают проблему глоттогенеза».

Это понятно, ибо глоттогенез в плане современности выглядит совсем не так, как в определенном периоде прошлого или будущего. И оппонент, понимая это, уверенно заявляет:

> «Уважаемые авторы своим «непротиворечивым» решением проблемы этногенеза загоняют проблему происхождения беларуского языка в беспросветный тупик».

Далее он выносит суровый приговор:

> «Между тем, именно для идеологии, а точнее для «беларуской идеи» вопрос «языка» куда важнее вопроса «крови» или вопроса «веры». Как бы парадоксально это ни казалось, но в действительности беларуская культура все же — «лингвоцентричная» (мовацэнтрычная), и потому всякий подкоп под язык является «идеологической диверсией».

Хорошо еще, что он не обвинил нас в интеллектуальном терроризме.

Но таков «здравый смысл» любого относительно замкнутого сообщества. Любой вопрос, выводящий за привычные границы теоретизирования, сначала вызывает бессознательную тревогу, а потом объявляется «диверсией». Например, таков «здравый смысл» научного сообщества (общеизвестный тезис: «ученые чрезвычайно консервативны»). Именнно «здравый смысл» заставляет адептов религиозных сект воспринимать вопросы, несанкционированные их «каноном веры», как своего рода агрессию и вызывают агрессию в ответ. Впрочем, так ведут себя и те сообщества, которые присвоили право представлять «здравый смысл» всего общества, например, государственная или культурная бюрократия.

В случае рассматриваемого здесь лингвоцентричного «здравого смысла» «всякий подкоп под язык» действительно кажется «идеологической диверсией» именно потому, что на язык возлагают несвойственную ему (как языку) функцию — быть служанкой идеологии. Отсюда, например, раскол его на «свой» беларуский язык и «чужой», то есть на «тарашкевицу» и «наркомовку». Отсюда почти религиозная привязан-

Мужчина эпохи неолита
из Северной Беларуси

Мужчина эпохи неолита
со Среднего Поднепровья

Мужчина эпохи неолита
из Южной Беларуси

ность к графическому обозначению мягкости согласных в определенных позициях посредством мягкого знака, место чему на самом деле в орфоэпических словарях.

Так какой беларуский язык защищает наш оппонент? Беларуский язык вообще? Или тот из них, который соответствует его личному «здравому смыслу»? Но при таком подходе проблема языка становится значительно в большей мере идеологизированной, чем в результате интеллектуальных «диверсий» «балтских автохтонистов».

Почему-то романоязычным румынам или французам не мешает то, что они оказались вовсе не наследниками древних римлян. Изучение кельтских, тракийских, иллирийских лингвистических древностей они не воспринимают как «диверсии».

Приговоры Потупы по своей сути – ценностные приговоры, они опираются в основном на эмоции (нравится, не нравится), однако высказываются при этом как «истина в последней инстанции».

Этногенез против глоттогенеза?

Оппонент убежден, что выяснение некоторых проблем этнического происхождения (например, вопросов типа «а кто из славян – истиные славяне?») не стоят в науке даже выеденного яйца. Досадно, что Потупа либо совсем не знает предмета этногенетической науки, где такие вопросы занимают очень важное место, либо имеет о нем весьма поверхностное представление, ограниченное собственной «логикой здравого смысла». Из того же ряда и следующие его рассуждения:

> «Правильно ли этногенез рассматривать изолированно от глоттогенеза? Или, наконец, может ли этногенез противоречить глоттогенезу? Думаю, что на оба вопроса ответ будет отрицательный».

В своей статье мы обращали внимание на методологическую неправомерность смешивания этно-, глотто- и культурогенетических проблем, что далеко не тождественно изоляции вопросов этногенеза от глоттогенеза. И совсем непонятно, что имеет в виду оппонент под «противоречием» между этно- и глоттогенезом?

В науке уже давно разработана типология этногенетических ситуаций. Одним из постулатов нашей концепции как раз и является приложение типичной ситуации к проблеме происхождения беларусов:

> «Пришельцы составляют меньшинство, однако, будучи определенное время руководящей политической силой, они передают местному населению свой язык и оказывают определенное влияние на его культуру. Но их брачные контакты с местным населением незначительны, и в результате образуется народ, который практически не отличается от местных предков, но разговаривает на отличном от них языке и обладает новыми чертами культуры».

В специальной литературе приведены многочисленные примеры реализации такой модели. Например, она применима к современным туркам. Антропологически и генетически они близки древнему населению Малой и Передней

Азии (эллинам, персам, армянам), тогда как лингвистически относятся к группе тюркоязычных народов.

Это для идеологии (точнее, для идеологии определенного типа) не имеют значения ответы на вопросы о том, кто кем является «на самом деле», а интерес к таким вопросам или альтернативное мнение воспринимаются неадекватно. Между тем перспективность «балтского автохтонизма» сознают не только специалисты, но и некоторые известные беларуские интеллектуалы. Для них балтская идентичность беларусов не только означала бы поворот к истинным истокам нашего этноса, но и открывала бы определенные перспективы будущего:

> «Балтская идеология, пожалуй, имела бы шансы на завтра. Только сначала кто-то должен ее создать, выписать, сделать привлекательной. А тогда уже на ней имел бы шансы въехать на должность новый президент страны»*.

С. Хоревский обращает внимание на историческую значимость «балтской темы»:

> «Даже в Минске нет археологического музея. А было бы вполне справедливо создать музей здешних аборигенов-балтов. Пожалуй, мы тогда не дергались бы так от своих насущных политических обид, глядя на них с вершины двухтысячелетней истории».

Г. Лех – руководитель Межрегионального объединения беларусов России – еще категоричнее в своих выводах:

> «В каждом беларусе «сидит» балт, хотим мы того или не хотим».

Женщины Среднего Бронзового века (Поднепровье)

То, что этно-, глотто-, культуро- и нациогенезы – далеко не одно и то же, в свое время (1992 г.) хорошо показал Мирча Элиадэ на примере румын. Рим и идея латинства с XVI века находились на первом плане в формировании румынской культуры, но во второй половине XIX века начался «бунт автохтонной глубинки». В результате сегодня гетто-дакийцы «реабилитированы» в качестве предков румын.

Процесс беларуского нациогенеза достиг своей критической точки только сейчас, когда большинство стран Европы живет уже в эпоху постнационализма. И как часто бывало в истории, апогею нациотворения сопутствует определенная конфронтация, противоречие между имплозией, направляемой внутрь сообщества, и эксплозией, направленной за его пределы.

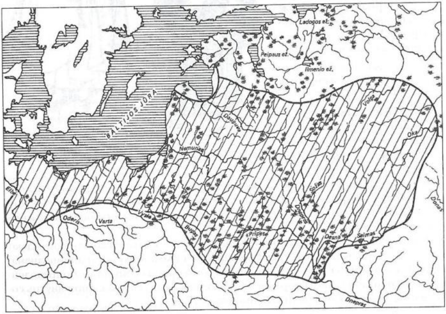
* С. Паўлоўскі. Будзь гатовы! // «Наша Ніва». 1997, 30 чэрвеня.

Беларуский национальный проект похож сегодня на двуглавую химеру, с одной головой в виде нации «советских беларусов», а другой – в виде «затравленного» меньшинства «сознательных беларусов». Однако эта химеричность иногда рождает в обеих головах если не одинаковые стремления, то сходные идеи. Например, план танкового блицкрига на Вильню объединил бы многих представителей враждебных беларуских лагерей, а описание коварства «жмудинов-летувисов», укравших название и славную историю ВКЛ, может посоревноваться с пропагандой БТ о намерении Летувы отравить радиоактивными выбросами половину синеокой республики.

При таком раскладе «балтский автохтонизм» неизбежно встречает нервную реакцию с обеих сторон. Слева видят в нем «подкоп» под славянско-русскую суть беларусов, справа – «подкоп» против беларуского языка и «виленского вопроса».

Тем не менее, обвинение нас в потворстве западнорусизму является абсурдным. Ведь еще Валентин Седов в своих работах убедительно показал, что для беларусов и летувисов характерен общий антропологический тип, что фонологические особенности беларуского языкового комплекса, специфические археологические, этнографические и мифологические черты почти точно совпадают с ареалом сплошного распространения балтской гидронимии. Именно это объединяет пространство Беларуси и Летувы и отличает его от России.

Коренные жители западных российских областей, в этногенезе которых балтский субстрат тоже сыграл значительную роль, еще совсем недавно присо-

Ареал распространения балтской гидронимики (по обобщенным данным)

единялись к беларускому этнолингвистическому ареалу. На других российских территориях, где тоже находят следы балтского присутствия, уже достаточно отчетливо фиксируется финно-угорский элемент.

И если уж искать основу для какого-то единства беларусов и русских (прежде всего псковичей, новгородцев и тверичей), то не на основе «русского» или «славянского» элемента, а в исторической традиции – в экспансии Великого Княжества Литовского на восток, которая вероятно имела этнокультурную мотивацию:

> «С самого основания Литовского княжества литовцы претендовали на определенные части бывшего балтийского пространства. Они достаточно четко помнили его границы и, видимо, сознательно направляли свои военные походы в эти стороны» (В. Топоров, 1990).

Оппонент пользуется очень опасной риторикой типа «всякий подкоп под язык является «идеологической диверсией», которая весьма похожа на аргументацию советских научных «авторитетов», направленную против теории «балтского субстрата». Сразу встает вопрос – по каким критериям определяется «диверсионность подкопов» против беларуского языка?

Раньше под аналогичным лозунгом («националистическая диверсия против единства восточнославянских народов») подвергались репрессиям исследования балтской основы этногенеза беларусов. Поэтому есть основания опасаться, что сегодня к «диверсиям» отнесут, например, изучение беларуских балтизмов, которые выявляются во все большем количестве и таким образом «портят» славянский облик беларуского языка. Более того, такие исследования позволяют совершенно иначе ставить саму проблему восточнославянских балтизмов:

> «Типология балтизмов такова, что при рассмотрении их нет нужды во всех случаях обязательно допускать обычную двухчленную ситуацию – заимствованное и то, откуда заимствуют. Во многих случаях такая схема – только дань традиции. Если бы за этими соотношениями не стоял этнолингвистический переход (балт. > слав., конкретно: русск., бел. и т.д.), то, видимо, балтизмы в вост.-слав. диалектах и не рассматривались бы преимущественно как заимствования.
>
> В любом случае здесь надо обратить внимание на возможность принципиально другого понимания восточнославянских балтизмов. А именно: в русских диалектах метрополии балтизмы, строго говоря, не есть заимствования; здесь они у себя дома; они не новшество, а архаизм. Сами по себе балтизмы неподвижны относительно разных языковых комплексов (как, например, в собственно балтийском ареале), но вокруг этих уцелевших архаизмов балтийского языка само языковое окружение изменилось настолько радикально, что они из части материка превратились в островки и на фоне изменений, произошедших вокруг, стали восприниматься совсем в другом топосе. В качестве основного и исходного стали воспринимать то, что с исторической точки зрения, строго говоря, и есть заимствование (то есть собственно русские слова)»*.

Иначе говоря, балтизмы – это не взятые извне слова, а частички, «удержавшиеся» в языке после «вымывания» из-под него балтской основы. Балтское сла-

* Топоров В. Парадоксы заимствований в сравнительно-исторической перспективе // Топоров В. Исследования по этимологии и семантике. Том I. Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2004. с. 49.

гаемое «беларусчины» — словно «нить», на которую нанизаны славянские «чётки». Балтизмы формируют специфику нашего языка, определяют его особенность*. Поэтому выпад Потупы в нашу сторону, будто балтский автохтонизм — «чудная игрушка в руках так называемых «русскоязычных» беларусов», полностью лишен смысла. Ведь «беларусчина» через призму нашей теории предстает сегодня не только как слагаемое этнокультурной идентичности, но и важнейшим консервирующим элементом нашей «непохожести» (специфики), через который мы можем познать тайны своего происхождения.

Наш язык, пользуясь выражением Вацлава Ластовского, — это «музыка всех чувств, которые переживал наш народ». Мы являемся убежденными сторонниками этой «музыки», так как понимаем, что только в ней мы можем услышать мелодии здешней души, только через нее звучит сложная правда нашего прошлого. Нельзя согласиться и с тем, что «мы легко утратили балтский язык», ибо процесс славянизации, по большому счету, не закончился и поныне, а язык днепровско-двинских балтов все еще живет, став органической основой беларуского языка и его диалектов.

Владимир Топоров, который внес огромный вклад в изучение балтского наследия и который не раз встречал суровую критику оппонентов за свою теорию происхождения славянских языков, очень метко охарактеризовал позицию, основываясь на которой Потупа (и подобные ему) выдвигает эмоциональные обвинения против «балтских автохтонистов»:

> «В ненормальных условиях, при господстве предвзятых убеждений, которые становятся скорее делом веры, чем результатом свободного критического исследования явлений, перед некритически настроенным «потребителем» нередко возникает искушение выбрать в качестве истинного решения то, что он считает наиболее «престижным» (сама «престижность» становится в таком случае как бы критерием истины).
>
> В подобной ситуации часто выступает на сцену хорошо известная и в прошлом, и в современности, «патриотическая» демагогия, цель которой — «улучшение» своей генеалогии (разумеется, всегда кажущееся), с одной стороны, а с другой, — дискредитация, в частности посредством обвинений в «антипатриотизме», тех исследователей, которые /.../ пришли к выводам, не совпадающим с «престижными»**.

Несомненно, что резкая оценка Потупой «балтского автохтонизма» вытекает из желания возвысить ради насущных идеологических целей «престижность» беларуского языка за счет «продления» и «расширения» его славянской родословной. Дескать, только так мы обеспечим свой язык дополнительными аргументами перед более сильными конкурентами — русским и польским языками. Но это именно то, о чем писал В.Н. Топоров, и что мы определили как попытку спроектировать современную идеологизированную оценку на огромные хронологические периоды в прошлое.

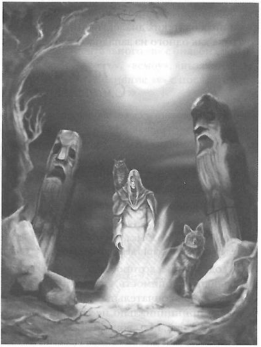
---

* Надо в очередной раз напомнить вывод академика Е.Н. Карского, сделанный им еще в начале XX века в фундаментальном исследовании «Белорусы» (3 тома в 7 книгах): «пять шестых слов (т.е. 83 %) белорусского языка имеют балтские корни». Он же указал на типично балтские особенности беларуской фонетики. — *Прим. ред.*

** Топоров В.Н. К реконструкции древнейшего состояния праславянского // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. Сб. докладов. М., 1988. с. 266.

Не избежал оппонент и еще одного искушения, на которое мы тоже обращали внимание. Это отнесение фактов к релевантным и нерелевантным на основе умышленно принятых критериев с одновременным игнорированием нерелевантных фактов. Только этим можно объяснить, почему не была прокомментирована достаточно подробная и обеспеченная соответствующей библиографией часть нашего текста, посвященная особенностям антропологического облика современных беларусов и их предков.

Выводы, которые следуют из анализа многолетних исследований в области физической антропологии и генетики (а это констатация длительной генетической преемственности коренного населения и отсутствие следов массовых миграций извне), наш оппонент легко перечеркивает всего-навсего одной цитатой из сочинения Николая Ермоловича.

Для балтов было характерно поклонение священному огню

Мы недаром уделили много внимания именно антропологическим материалам ради того, чтобы показать, что ситуация выглядит как раз совсем иначе, чем представляется Н. Ермоловичу и Ю. Потупе, ибо те антрополого-генетические черты, которые доминируют у современных беларусов и определяют особенности их физического облика, имеют своими предками автохтонное дославянское население.

Более того, утверждение о демографическом преобладании славян на территории Беларуси требует специального научного анализа, которому сторонники массовой славянской миграции никогда не уделяли надлежащего внимания. Между тем, историческая демография становится серьезным аргументом в дискуссии на тему происхождения славян и причин их распространения. Гипотеза о «демографическом взрыве» среди славян, который якобы послужил толчком широкомасштабной их экспансии, не находит подверждения. Именно по этим причинам в последнее время все громче слышны голоса ученых, ставящих вопрос совсем в другом ключе:

«Может быть, мы должны говорить не об экспансии «славян», но об экспансии «славянскости»? Может быть, надо дополнить простое видение «люда», который рас-

пространяется, комплексной гипотезой о распространении специфического культурного образца, выходящего за пределы демографической экспансии?»*.

Все это позволяет по-другому представить базовые вопросы нашего происхождения: подлинной проблемой является не балтская основа беларуского народа, но этногенез славян и адекватное истолкование процесса славянизации автохтонного населения. Решение этой проблемы невозможно ограничить только рамками географической локализации праславянского этноса между Вислой и Одером или между Днепром и Бугом. Надо обязательно учитывать еще принятую большинством лингвистов теорию о развитии славянских языков из периферийных балтских диалектов (не говоря уже о классификации праславянского языка как одного из западнобалтских).

Так о чем говорит «Смоленская грамота»?

«Логика здравого смысла» дает сбой именно в том пункте, который наш оппонент считает «решающим аргументом». Потупа приводит большую выдержку из Смоленской грамоты 1229 года, адаптированную им к современному правописанию. Осуществив эту адаптацию (как сам признается, «наспех»), он с победным пафосом задает риторический вопрос:

> «Кто скажет, что перед нами не беларуский язык?!»

А затем делает теоретический вывод:

> «Что из сказанного следует? То, что диалекты, которые легли в основу современного беларуского языка, как отмечает Виктор Мартынов, уже на момент становления беларуской государственности мало отичались от современных диалектов».

То содержание, которое приписывается «здравому смыслу» («здоровая рассудительность, терпимость, скромность»), должно было бы вызвать воздержание от вынесения окончательных приговоров или определений. Однако «обычный человек» принципиально не способен проводить различие между фактом и интерпретацией, ибо свои представления о реальности он всегда склонен отождествлять с самой реальностью. Именно в этом заключается «наивный реализм» обыкновенного человека, укорененный в «природной установке» сознания (по Эдмунду Гуссерлю).

Смоленские грамоты с их лексическими, синтаксическими и фонетическими особенностями — это исторический факт. Но то, что написаны они на смоленском варианте старобеларуского языка, которым в быту пользовалось большинство жителей смоленского края, — это хотя и правдоподобная, но только интерпретация. Рассматриваемый факт надежно сообщает лишь о том, что языком княжеской администрации был «русский» язык, что писари рекрутировались чаще всего из местного населения, что фонологические системы канцелярского языка и местных диалектов не совпадали. Последнее обстоятельство подтверждают многочисленные случаи смешения в письме «е» и «ь»; «ъ» и «о»; «тс», «ц» и «ч»; «в» и «у», а также некоторые другие.

* Urbanczyk P. Wiadza i polityka we wczesnym średniowieczu. Wrocław, 2000, s. 136.

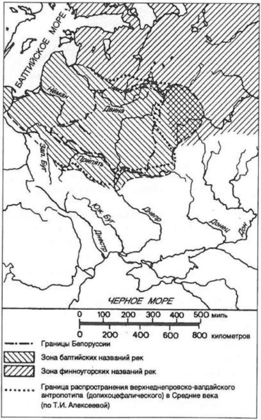
При этом должно было бы насторожить отсутствие следов «аканья» и «яканья», столь характерных для беларуского языка. В самом деле, такие следы в памятниках старобеларуской письменности появляются только в XV веке (в смоленско-полоцких грамотах – с 1478 г.) и не отражаются в грамотах великих князей литовских (М.И. Лекомцева, 1980). Причина, видимо, в том, что, как показывает изучение заимствований из языка кривичей в латышском и прибалтийско-финских языках, по крайней мере, до XIII века (возможно, и позже) в языке кривичей еще существовало противопоставление долгих и кратких гласных, а также противопоставление акута и циркумфлекса (М.И. Лекомцева, 1980). Они и стали предохранителем от «аканья-яканья». Вот вам и очередной «подкоп», а если угодно, то и «диверсия»...

Что касается смешения в письме лабиально-дентального «в» с билабиальным «у» в позициях перед последующей согласной («всемъ», «всмоу», «възяти», «але уздоумал», «оу риз», «оу роусе», «оузяти» и т. д.), то слияние «v» с последующей согласной запрещено именно в балтийских языках, так же, как и противопоставление акута и циркумфлекса, долгих и кратких гласных.

Важно, однако, уяснить другое. Среди всех подсистем языка лексическая является самой подвижной, она первой испытывает кардинальные преобразования в условиях неравноправного языкового взаимодействия.

Это связано с тем, что слова (лексика) тесно соотносятся с социокультурной и социополитической реальностью, а также с сознанием, контролирующим словоупотребление в условиях билингвизма или диглоссии. Потому лексический тезаурус языка быстро изменяется при общественно-политических трансформациях общества, как эволюционных, так и насильственных.

Совсем иное дело – фонология и синтаксис. Они, во-первых, значительно меньше «идеологически» маркированы, а потому меньше подвергаются подавлению и при-

Балтский субстрат (по М. Гимбутас)

нудительному исправлению, во-вторых, в значительно меньшей степени контролируются сознанием. По этой причине фонология и синтаксис любого языка намного консервативнее лексики, и язык, даже потеряв свои прежние внешние признаки, может долго сохранять память о своем происхождении. Таково длительное сопротивление «аканью-яканью», переход «v», «у», «u» перед согласными и многие другие черты беларуского языка.

Кроме того, фонетическая система, представляющая собой сложную динамическую систему с самоорганизацией, при бытовании в аутентичном речевом окружении испытывает как бифуркации (когда незначительное влияние вызывает перестройку всей системы), так и долгосрочные циклы (эволюции вблизи так называемых аттракторов). В результате могут воссоздаваться явления из далекого прошлого языка, например, вторичная дифтонгизация монофтонгов.

Жилище наших древних предков (реконструкция из поселения Хотамель в Столинском районе Брестской области)

В одних случаях это ведет к повторной балтизации беларуского языка (диалектов), как, например, переход ударного «о» в дифтонг «уо» (куонь < конь), ибо ударное «о» воспринимается по-прежнему как продленное.

В других случаях наблюдается своеобразная «этимологизация», как, например, переход ударного «и» в дифтонг «ей» (могилевск. «эйш ты!» < «иш ты!» < «виш ты!» < русск. «видишь ты!»; гомельск. «клеймит» < «климат»).

Что уж говорить о наличии в фонетической системе современного беларуского языка дифтонгов типа «аў», «яв» и т. п., признавать которые беларуская лингвистика весьма несклонна. Но о том, что дифтонги – наша языковая реальность, свидетельствует, например, наличие таких форм, как «вук» (волк) в деревне Руда Яварская Дятловского района Гродненской области.

О том же свидетельствуют и синтаксические балтизмы беларуского языка, в немалом числе выявленные М. Прохоровой именно на востоке беларуского ареала – в нынешних Смоленской и Брянской областях России (М. Прохорова, 1993). Это формы типа «icцi вады», «пайсцi ў грыбы», «ехаць з канём», «пiсаць з асадкай».

Так о чем свидетельствует щедро процитированная Потупой Смоленская грамота? А именно о том, о чем мы и писали в прошлый раз:

> «Особенности формирования беларуского этнического сообщества соответствуют такой этногенетической ситуации, когда предполагаемые переселенцы составляли меньшинство, которое через административно-религиозную причину вызвало изменение в языково-культурном ландшафте местного населения».

Не желая преувеличивать значение религиозного фактора в языковой славянизации местных балтов, мы особо подчеркнули роль «административно-религиозного» фактора. Ведь с учетом длительного существования активного двоеверия, сохранившегося в Беларуси до начала XX века, один только религиозный фактор вряд ли мог дать наблюдаемый результат. Роль административного ресурса являлась принципиальной. И учтем попутно, что церковь, как в старину, так и теперь не только религиозный институт, но также политический и идеологический. А в Средневековье еще и могущественный землевладелец.

О том, как государство проводило свою языковую политику, свидетельствует предписание Статута ВКЛ 1566 года:

> «А писаръ земскій маеть по Руску литерами и словы Рускими вси листы и позвы писати, а не иншымъ языкомъ и словы, и такъ маеть писаръ присегати»*.

Это при том, что князья ВКЛ и урадовцы не могли не помнить своего балтского происхождения. Определять в Статутах 1566 и 1588 гг. официальный статус «русского языка» надо было потому, что реальная языковая ситуация в ВКЛ попадает под определение диглоссии и полиглоссии. Не говоря уже о польском факторе, нельзя забывать и то, что не только урадовцы литовского происхождения знали и активно пользовались родным языком, употребляя в делах служебных официальный язык делопроизводства — «русский», но и урадники «русинского» происхождения обычно хорошо владели литовским языком.

Славянизировавшись, наши предки сохранили игрища с огнем

Об этом, в частности, свидетельствует запись в 6-й Книге судебных дел Метрики ВКЛ, где повествуется, что в начале 1529 года в Ейшишскую волость Лидского уезда центральной администрацией ВКЛ был послан децкий Васько (Василий Белянин, русин), чтобы опросить свидетелей по спорному гражданскому делу Петра Сумарока. Ход рассмотрения дела децкий описал с протокольной точностью и, между прочим, записал:

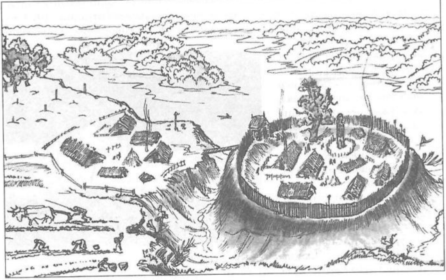
> «И ямъ почалъ пытати: «Сумороче, где светъки», и он ми указалъ светковъ у березнику. Потомъ, кгды светки передо мною стали и хотели сознати справедливост(ь), и Суморок почалъ имъ говорити по-литовски передо мною и просилъ их: «Для Бога не выдайте мя, а што есьми вам обецалъ, то дамъ, а вас в том не выдамъ». И я, видячы несправедливость Суморокову, тых светъковъ есьми пыталъ»**.

* Статут Великого Княжества Литовского 1566 года. Раздел 4, статья 1.

** Исторический путь литовской письменности: Тезисы международной научной конференции. 4–6 ноября 2004 г. Москва, 2004, с. 20.

Однако нет причин сомневаться, что на низовом уровне существовал билингвизм — в сношениях между еще балтоязычными и уже не балтоязычными жителями ВКЛ. Живой лабораторией этнолингвистических процессов сегодня является литовско-беларуское пограничье и немногие летувисские анклавы на территории Беларуси (Пеляса, Радунь и др.), где и теперь фиксируется ситуация активной диглоссии.

Предписание Статута 1566 года засвидетельствовало, что этнолингвистический перелом произошел и стал необратимым, хотя ситуация балто-славянской диглоссии сохранялась. Ведь часть балтского населения — не в Жамойтии, а в кривичской среде (в окрестностях деревни Деравная нынешнего Столпецкого района, деревни Оболыцы на Толочинщине, на Логойщине и в других местах) — еще долго имела свою языковую специфику, пока оно не беларусизировалось или не ополячилось окончательно.

Поселение зарубинецкой культуры

Так что все было далеко не однозначно. Заметим, что именно в рамках нашей концепции проблема беларуского глоттогенеза была сформулирована таким образом, чтобы направлять исследования на изучение механизмов и особенностей протекания интерференционных процессов в каждом конкретном случае межъязыкового (в нашем случае балто-славянского) взаимодействия.

Параллельно этому еще в начале 1990-х гг. мы очертили проблематику исторической демографии. Ни в балто-славянской теории Седова, ни, тем более, в славянских теориях происхождения беларусов никогда не делался акцент на необходимости подобных исследований. Дело здесь было не только в идеологии, но еще и в особенности тех самых «здравых умов», умозаключениями кото-

рых возникли соответствующие концепции. Им такая «историческая криминалистика» абсолютно не нужна.

Что же касается указанного нами вектора языковой славянизации (из города – в деревенский округ), то в пользу его свидетельствуют данные 10 томов «Этимологического словаря беларуского языка», и уникальный на сегодня «Словарь балтизмов в славянских языках» Ю.А. Лавчуте. Они, между прочим, показывают, что большинство беларуских балтизмов – это слова, означающие реалии сельскохозяйственной жизни, окружающей среды или же касающиеся сферы межличностных отношений. Во времена ВКЛ появилось определенное число культурных терминов. Немало балтизмов выявляется в памятниках старобеларуской письменности.

В Центре этнокосмологии «Крыўя» уже предпринята работа по созданию как можно более полного «Словаря беларуских балтизмов» и аннотированного библиографического указателя «Балтика Беларуси». Когда эта работа будет доведена до публикации, может быть, наш оппонент изменит свою «природную установку» на более критическую.

Этническая ситуация на территории Беларуси в железном веке

Виктор Титов, *доктор исторических наук*

1. Сравнительное изучение археологических культур и проблемы их этнической идентификации

Сравнительное изучение памятников железного века позволяет рассмотреть особенности материальной культуры во времени и пространстве, предпринять попытку их идентификации. А это, в свою очередь, позволяет проследить межэтнические связи и этнокультурную ситуацию на территории Беларуси и сопредельных стран*.

Такое изучение предполагает сравнительное сопоставление этнографических и археологических материалов и соответствующую методологию исследования. В этой связи обратим внимание на соотношение понятий «археологическая культура» и «этническая культура». Ряд исследователей отождествляют предметное содержание двух культур и не проводят существенных различий между данными понятиями. Они считают их равнозначными в системе этнической археологии и этногеографии, если речь идет о сравнительном сопоставлении ареалов древних культур.

Однако каждая из этих культур имеет свою специфику, свою методологию, источниковедческую базу и предмет исследования.

Этнография (этнология) обычно имеет дело с «живой культурой», которую она, словно матрицу, примеряет к более древним формам культуры.

Археология, в свою очередь, изучает и реконструирует древние формы культуры, прежде всего – по ископаемым остаткам (археологическим памятникам). В силу своей специализации она не может охватить живого разнообразия всех форм культурной деятельности.

Археологическая культура далеко не всегда отражает этническую идентичность ископаемых находок в широком диапазоне. Она не исключает вероятность существования в ареале отдельной археологической культуры двух или нескольких этнических культур с подобными археологическими памятниками. Такая ситуация объясняется не только однотипностью ряда памятников соседних этносов, но и неполнотой данных, плохой сохранностью археологических находок, а также несовершенством методик их выявления и изучения. Добавим, что при исследовании культуры древних племен и народов мы нередко имеем дело со смешанными (или частично интегрированными) типами культуры и этническими группами местного населения.

* Период железного века на территории Беларуси охватывает период с VI века до н.э. по VIII н.э. – *Прим. ред.*

Ограниченность и нестыковка археологических и этнографических материалов нередко приводят к подмене не только самих понятий, но и исходных базовых данных. В итоге мы имеем разночтения, неполную или искаженную картину мира, разные, а нередко противоположные выводы о происхождении и этнической идентификации одной и той же группы памятников или целой археологической культуры.

* * *

Предварительным условием сравнительного изучения и идентификации археологических (а также этнических) культур является апробированная система типологизации и классификации исходных материалов, с учетом их информативности и реальной значимости как достоверных источников. С этой целью можно выделить отдельные типологические группы памятников, без которых не обходится сравнительное исследование и реконструкция древних культур. В их числе:

а) характер поселений и типы жилища;

б) орудия труда, бытовой инвентарь и оружие;

в) гончарные изделия;

г) декоративно-прикладное искусство и украшения;

д) способы захоронений и сопутствующий инвентарь.

В отдельную рубрику целесообразно выделить материалы, используемые в массовом производстве и связанные с ними технологии древних ремесел, что отражает уровень технических знаний и социальной организации общества.

Одни из этих групп археологических памятников являются «этническим маркером», т.е. могут выступать определяющим признаком (критерием) этнических культур и их носителей – различных племен и народов. Другие же, несмотря на их многочисленность в археологических находках, не играют столь значимой роли и имеют значение лишь при исследовании региональных особенностей этнической культуры.

В качестве примера можно сослаться на группу *в) – гончарные изделия*. Именно эта группа памятников нередко играет в археологических исследованиях исключительную роль, в том числе в тех случаях, когда речь идет об этнической идентификации археологических культур. Об этом свидетельствуют сами названия отдельных культур – штрихованной керамики, шнуровой, ямочно-гребенчатой керамики и т.п.

Такая преувеличенная и не всегда адекватная роль керамики, которая отводится ей в археологических исследованиях, свидетельствует об одностороннем подходе и ограниченной базе достоверных, информативно значимых источников. Между тем, как показывают сравнительные этнографические материалы, гончарные изделия слабо фиксируют межэтнические рубежи, чаще они отражают локальные или региональные особенности культуры. Именно поэтому гончарные изделия не могут выступать достоверным критерием на межэтническом уровне при установлении ареалов и границ этнических культур.

В качестве критериев этнической идентификации более достоверными источниками информации являются поселения и жилища, орудия труда и предметы быта, способы захоронений и сопутствующий обрядовый инвентарь, а так-

же материалы, отражающие технологию производства. Лаконично продемонстрируем эти положения на конкретных примерах путем сравнительного сопоставления выделенных нами типологических групп памятников в ареалах основных археологических культур железного века — милоградской, зарубинецкой, культуры штрихованной керамики и днепро-двинской.

Как известно, этническое происхождение двух последних, занимавших северную половину современной территории Беларуси, почти единодушно связывают с балтским населением. Основным видом жилища в ареале культуры штрихованной керамики (VII в. до н.э. — V в. н.э.) были длинные дома каркасно-столбовой конструкции с 3–6 помещениями. Здесь проживали обычно родители и женатые сыновья с семьями, образуя большую патриархальную семью. Помещения обогревались открытыми очагами, которые служили одновременно для освещения и приготовления пищи. Огонь в домашнем очаге горел круглые сутки («вечно»), отсюда понятна его особая роль в традиционной культуре и мифологических воззрениях древних балтов, как и соседних славян. Если судить по некоторым этнографическим материалам, домашний скот и балты и славяне содержали под общей крышей, в непосредственной близости от домашнего очага, особенно зимой. Это обстоятельство было учтено при воссоздании древнего аналога постройки железного века, представленного в наше время в музее-скансене близ Каунаса (в Летуве).

Подобный тип наземного многокамерного жилища с открытыми очагами мы наблюдаем и у днепро-двинцев, традиционная культура и бытовой уклад которых имеют заметное сходство и близкие генетические черты с племенами культуры штрихованной керамики. На позднем этапе (I–V вв. н.э.) здесь на смену наземным многокамерным домам пришли небольшие жилища столбовой конструкции с открытыми очагами, что свидетельствовало о распаде большой патриархальной семьи.

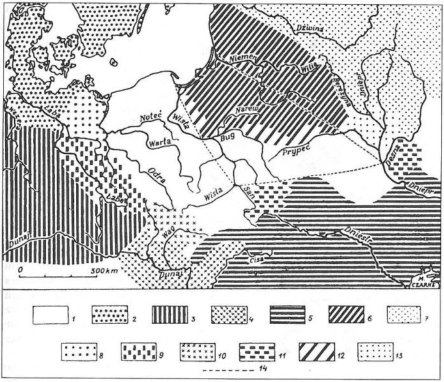
Совсем иные типы жилищ были распространены у населения милоградской и зарубинецкой культур. У милоградцев основными типами были наземные или несколько углубленные в землю однокамерные постройки столбовой конструкции стен площадью 12–16 кв.м.; крыша опиралась на стены и на более высокий центральный столб (соху). В глубине небольших жилищ, рассчитанных на двухпоколенную семью, в неглубоких ямах горели очаги. Рядом с жилищем размещались сараи для домашнего скота и ямы (погреба) для пищевых запасов.

Весьма примечательны милоградские находки разнообразных железных орудий труда, оружия и украшений. Среди них — железные серпы, мотыги, топоры, топорики-кельты, ножи, трехлопастные копья и стрелы скифского типа. Оригинальны женские украшения — браслеты, височные кольца, серьги, перстни, гривны, фибулы, янтарные и бронзовые ожерелья и многое другое. Изготовление этих изделий сочетало в себе сложные технологические приемы железной и бронзовой металлургии, термической обработки металлов, кузнечного и слесарного ремесла, художественной резьбы, декорирования, инкрустации.

Весьма сомнительно предполагать, что подобный комплекс культуры принадлежал древним балтам. Очевидно, что здесь мы имеем дело с иным уровнем знаний, представлений, с совершенно иной культурой. Судя по характеру указан-

ных памятников, милоградский комплекс обнаруживает черты сходства с материальной культурой соседних скифских племен.

Объяснять подобные черты сходства только эпизодическими контактами и разовыми нашествиями скифо-сарматских или германских племен нет достаточных оснований. Тем более, что под названием *скифы* античные авторы понимали очень разные племена, которые заселяли обширные пространства Причерноморья и Восточноевропейской равнины и заметно различались между собой этнокультурными традициями и хозяйственно-бытовым укладом. Во всяком случае, носители милоградской культуры были теснее связаны со своими южными и западными соседями, чем с населением севера, т.е. с носителями культур штрихованной керамики и днепро-двинской. Важно отметить, что последние заметно запаздывали в эволюции общественных отношений, о чем свидетельству-

Предполагаемое расселение племен на рубеже 2 и 1 тыс. до н. э. (Henzel W., 1974): 1 — праславяне; 2 — прагерманцы; 3 — пракельты; 4 — иллиро-венеты; 5 — прафракийцы; 6 — прабалты; 7 — угро-финские племена; 8 — зона контакта прагерманцев и праславян; 9 — зона контакта пракельтов и праславян; 10 — зона контакта иллиро-венетов и праславян; 11 — зона контакта прафракийцев и праславян; 12 — зона контакта прабалтов и праславян; 13 — зона контакта угро-финнов и праславян; 14 — граница гипотетического ядра балто-славянской общности

ет организация жилища и отсутствие до середины 1 тыс. до н.э. железных орудий труда и оружия.

Не менее контрастные различия севера и юга мы наблюдаем и при рассмотрении похоронных обычаев и обрядов. Более ранние курганные захоронения с трупоположением (ингумацией) у милоградцев сменились кремацией; умершего сжигали за пределами могильника, останки ссыпали на дно неглубокой (до 1 м) ямы. Похоронный инвентарь: глиняная круглодонная посуда, фигурки и зубы домашних животных (тотемные знаки), реже оружие и украшения.

Продолжение той же традиции мы видим и у племен зарубинецкой культуры на рубеже и в начале нашей эры, хотя похоронный инвентарь у них был более разнообразным – горшки, миски, кубки, фибулы, кольца, нагрудные подвески, стеклянные и янтарные ожерелья, кости домашних животных, остатки обрядовой пищи. Тут же встречаются захоронения останков покойников в глиняных урнах. Обращают на себя внимание также захоронения черепов – обычай, который встречался у древних кельтов (1).

Памятники лужицкой культуры (Strzelczyk J., 1987)

Это обстоятельство заслуживает особого внимания. Некоторые исследователи соотносят местные памятники данного периода с латенской культурой, принадлежавшей древним кельтам (ее восточный ареал включал территорию современной Чехии) (2). Позже она составила один из компонентов пшеворской культуры, сформировавшейся на территории нынешней Польши с участием германских и отдельных групп славянских (или славяно-кельтских) племен.

В то же время археологи не выявили ни одного могильника, ни одного захоронения, которые бы проливали свет на тогдашнюю похоронную обрядность и культ предков у племен штрихованной керамики и днепро-двинцев. Отсутствие курганных захоронений в археологических находках можно было бы объяснить тем, что древние балты не считали похороны сакральным обрядовым действом. Такое предположение можно сделать, приняв во внимание выводы некоторых

исследователей жамойтской (летувисской) мифологии. Последние отмечали, что предки современных летувисов «не знали ни храмов, ни статуй (идолов), не изготавливали собственными руками никаких образов своих божеств и не возводили над ними культовых сооружений. Ведь их боги жили повсеместно в природе, преимущественно в святых рощах, деревьях, представляя собой анимистические верования местного населения» (3).

Однако более вероятной нам представляется иная версия, на которую наводят слова древнего летописца. Нестор осуждал «поганский» похоронный обряд у кривичей и вятичей, когда «мертвеца сожигаху, и по сем собравши кости, влогаху в сосуд мал и поставляху на столе на путех» (4). То есть, тела умерших кривичей и вятичей сжигали и, собрав останки, ссыпали в глиняную урну, который выставляли на ритуальных площадках на распутье дорог.

Понятно, что такие мемориальные знаки не могли сохраняться несколько веков, и даже десятилетий, а потому не стали археологическими памятниками. Поиски их являются тщетными, несмотря на применение самых совершенных методик полевых исследований и инструментов. Вероятно, подобный похоронный обычай ретроспективно можно распространить и на древних балтов, носителей культуры штрихованной керамики и днепро-двинцев.

* * *

При анализе географической локализации и ареалов археологических культур вызывает критические замечания то, как они очерчены на картах, составленных разными авторами.

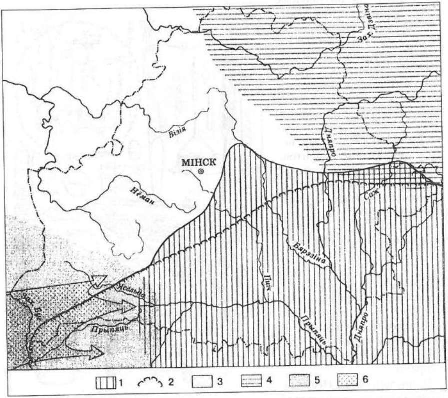

Памятники пшеворской культуры (Strzelczyk J., 1987)

Например, В.Ф. Исаенко провел северо-восточную границу милоградской культуры от Пинска на Клецк – Слуцк – Березино – Могилев – Мстиславль. А севернее ее проходила граница более позднего ареала племен зарубинецкой культуры. Однако А.А. Егорейченко, автор другой карты, помещенной в том же томе «Энциклопедии истории Беларуси», разместил границу зарубинецкой культуры южнее милоградской, по линии Гацевичи – Слуцк – Быхов – Кричев – Хотимск.

В целом же среди археологических культур железного века можно выделить условную пограничную полосу, протянувшуюся от Ляхович к Клецку, севернее Слуцка, далее к югу от Березино на Могилев и Кричев. Она служила своего рода этнолингвистической границей, устойчиво сохранявшейся на протяжении многих столетий. Этот рубеж делил северную и южную части территории Беларуси, отчленяя северный массив культур штрихованной керамики и днепро-двинской, с одной стороны, и южный регион господства милоградской и зарубинецкой культур, с другой*.

Первые две культуры, как уже отмечено, исследователи почти единодушно считают балтскими, тогда как об этническом характере милоградской и зарубинецкой культур единого мнения нет. Некоторые археологи склонны принимать

Племена железного века на территории Беларуси (М.М. Чернявский, 2003)
Показан условный «рубеж» между археологическими культурами железного века:
1 — милоградская культура; 2 — зарубинецкая культура; 3 — культура штрихованной керамики; 4 — днепро-двинская культура; 5 — поморская культура; 6 — вельбарская культура

* Добавим, что этот условный рубеж совпадает еще и с водоразделом бассейнов Балтийского и Черного морей. — *Прим. ред.*

памятники милоградской и даже зарубинецкой культур за балтские и, таким образом, распространять ареал расселения древних балтов на территорию белорусского Полесья и северной Украины. Но основные археологические памятники соседних культур севера и юга слабо согласуются между собой как этнографические реалии, имеют заметные типологические различия. Поэтому у нас нет достаточных оснований для объединения их в единой балтской семье.

При выяснении вопроса об этнической идентификации этих культур и их носителей существенное значение имеет синхронный сравнительный анализ археологических данных и письменных источников, в частности, сообщений античных авторов о тогдашних народах и культурах. Так, Геродот (V век до н.э.) посвятил четвертую книгу («Мельпомену») своей «Истории» скифам, среди которых выделил скифов-земледельцев, проживавших на севере современной Украины и в соседних районах Беларуси («на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену», как называли в то время Днепр). Геродот также упоминает племена невров, которых он разместил «по реке Гипанису (Буг) к западу от Борисфена». «У невров обычаи скифские», — замечает далее автор (5).

Подобные сообщения греческого историка нельзя игнорировать, несмотря на присутствие в его описаниях пересказов легендарных сообщений. Тем более что среди археологических находок, относящихся к милоградской культуре, как сказано выше, довольно часто встречаются предметы скифского происхождения (наконечники стрел, серпы, топорики-кельты, женские украшения, похоронный инвентарь и др.).

Не менее интересны сообщения авторов более позднего времени — очевидцев событий в начале нашей эры. Древнегреческий географ и этнограф Страбон (ок. 64 г. до н.э. — 24 г. н.э.) в своей многотомной «Географии» дает подробное описание разных стран и народов Евразии. В лесной зоне на правобережье Днепра он упоминает племена бастарнов и их соседей германцев и тирогетов, причем бастарнов склонен считать племенами германского происхождения (6). Аналогичную информацию мы находим у Плиния Старшего (ок. 23–79 гг. н.э.), автора «Натуральной истории» (в 27 книгах). Некоторые исследователи, идентифицируя зарубинецкие древности, непосредственно соотносят их с бастарнами античной эпохи (7).

В V–VII вв. Полесье оказалось в зоне распространения памятников пражской археологической культуры, славянский характер которых не вызывает сомнений.

2. *Культуры железного века и этногенез славян*

Выяснение реальной этнокультурной ситуации на пространстве Беларуси и сопредельных стран в железном веке проливает свет на проблемы происхождения и взаимных связей славянских, балтских и других народов.

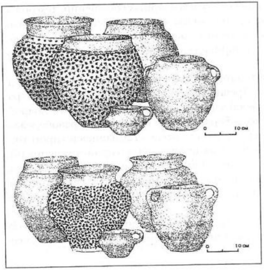
Ряд исследователей предполагают существование в глубокой древности (конец неолита — начало бронзового века) единой балто-славянской общности. Однако принятие в качестве исходного постулата такой общности ставит ряд вопросов, вносит смятение в дальнейший ход исследований этногенетических процессов, порождает всевозможные коллизии и расхождения в оценках ме-

жэтнической ситуации, и слабо согласуется с результатами исследований археологических культур в железном веке.

До настоящего времени мы не имеем единой согласованной теории, которая бы убедительно отвечала на основные вопросы проблемы славянского этногенеза: у нас нет однозначного и научно достоверного представления о древней прародине славян, когда и при каких обстоятельствах славяне выделились из общей семьи индоевропейских народов, когда и откуда прибыли на территорию Восточной и Средней Европы. Принятие гипотезы единой балто-славянской общности не решает этих реальных проблем. В наше время существует немало конкурирующих гипотез славянского этногенеза.

В современной историографии можно условно выделить две группы славистов, в зависимости от ответа на вопрос о прародине славянства. Одни авторы считают славян автохтонами, другие — аллохтонами (мигрантами), когда-то прибывшими на территорию Средней и Восточной Европы.

Сторонники восточной (аллохтонной) теории славянского этногенеза (К. Мошиньский, М. Парчевский, Г. Улашин, Ф.П. Филин и др.) предполагают длительный путь становления славянского языка и культуры. Они локализуют историческую прародину славян на востоке, за пределами современной славянской территории. Такова азиатско-днепровская теория, которая ищет древнюю славянскую прародину в Азии, в зоне лесостепи, приблизительно на севере современного Казахстана и соседней Сибири. Согласно этой гипотезе, оттуда славяне за несколько веков до н.э. двинулись на запад (следом за сарматами) и расселились первоначально на пространстве между Днепром и Бугом.

Сходство керамики из районов, удаленных друг от друга. Вверху — зарубинецкий тип (Полесье), внизу — померанский тип (бассейн Вислы)

Авторы висло-одерской версии автохтонной концепции (В. Маньчак, Т. Лер-Сплавинский, Ю. Костжевский) рассматривают славянское население средней Европы как исконное, их прародиной («колыбелью») считают междуречье Одры и Вислы, на юге – до подножья Карпат. Они берут за основу этнолингвистические данные и исторические сведения о славянском расселении, которые уходят истоками в эпоху железного века. В то же время Ю. Костжевский полагал, что более древняя лужицкая культура (XV–IV вв. до н.э.) уже принадлежала славянскому населению.

Другие представители автохтонной концепции (Л. Нидерле, В. Гензель, Г. Ловмянский, В.В. Седов, О.Н. Трубачев и др.) сдвигали зону древнейшего расселения праславян далее на восток: это бассейн Припяти и северная часть современной Украины до среднего течения Днепра. Так, Любор Нидерле (1865–1944) размещал прародину славян в регионе на север от Карпат и в среднем Поднепровье, где жили славяне «до своего расселения, то есть до начала нашей эры». Но западные границы этой территории для автора «Славянских древностей» оставались до конца не решенной проблемой: трудно определить, шла ли западная граница славянской прародины по Эльбе или по Висле, это предстоит в будущем решить археологам (8).

Л. Нидерле допускал, что историческим предкам славян и балтов предшествовала единая общность. Его последователь В. Гензель размещал «гипотетическое ядро» этой общей прародины в междуречье Вислы и Немана, включая на юге территорию беларуско-украинского Полесья.

На своей этнографической карте он показал общую этническую ситуацию на территории Восточной и Средней Европы на рубеже 2 и 1 тысячелетия до н.э. (9). Ареал обитания прабалтов занимает здесь бассейн Немана и Вилии, ограничиваясь на юге левобережьем Припяти, а на востоке – руслом верхней Березины. Соседями праславян на западе были прагерманцы и кельты, на востоке – угро-финны, на юге – фракийские племена. Можно принять подобную реконструкцию этого исследователя как рабочую гипотезу, хотя она весьма приблизительна, условна и лишь в общих чертах отражает этнокультурный ландшафт далекой эпохи.

Накопление конкретного археологического материала и его сравнительный анализ в дальнейшем позволили расширить представления о характере этнокультурных связей, конкретизировать и уточнить отдельные положения теории славянского этногенеза. Рассматривая многочисленные памятники пшеворской культуры, И.П. Русанова выявила присутствие в них славянских, кельтских и германских компонентов (10). В свою очередь С.В. Цветков, прослеживая этническую ситуацию на территории Средней Европы, обратил внимание на процессы миксации и культурного взаимодействия германцев, кельтов и славян.

Начало славянской колонизации Восточной Европы Цветков связывал с эскалацией на восток в II–III вв. н.э. пшеворской культуры, которую он рассматривает как кельто-славянскую с возможным участием германского элемента (11). Исследователь проводит широкий сравнительно-типологический анализ памятников славяно-кельтской культуры и устанавливает ее преемственную связь с памятниками зарубинецкой культуры. Население же поморской культуры (VII–II вв. до н.э.) он относит к периферийной группе западных балтов, близкой к формирующимся славянам. Как и В.В. Седов, Цветков допускает, что племена зарубинецкой культуры по языку были близки и славянам и западным балтам и, возможно, составляли «отдельную диалектную группу, занимавшую промежуточное положение между славянским языком и окраинными западно-балтийскими говорами» (12).

Несколько особняком стоит теория славянского этногенеза К. Годловского, которая в последнее время приобрела ряд сторонников. Анализируя обшир-

ный археологический материал, он пришел к выводу о сравнительно позднем формировании славянской общности на территории Европы (13). Годловский отрицает славянский характер зарубинецкой и пшеворской культур, ссылаясь на то, что раннеславянская культура и «славянский люд» до VI века н.э. неизвестны в античных источниках. Согласно этой концепции, прародина славян находилась на территории Украины, на пространстве между Восточными Карпатами и Днепром, где в V веке «произошла кристаллизация славянской культуры, здесь же находился исходный массив ее дальнейшей экспансии» (14).

Заметим, что К. Годловский ведет речь о «кристаллизации» культуры славян на сравнительно поздней стадии. Славяне действительно не были известны античным авторам до VI века *под своим нынешним именем!* Но это обстоятельство не является серьезным доказательством того, что подобного племени (народа) не существовало. Античным авторам были известны этнически неоднородные племена скифов, кельтов, германцев и «иных варваров». В античных источниках часто встречаются племена венетов, энетов, антов. Заметим, что *венеты, энеты, анты* имеют единый лингвистический корень.

В I–VI вв. племена *венетов* встречались в разных районах Европы – во Франции (тогдашней Галлии), Британии, Ирландии. Вероятно, в большинстве случаев они соотносились с древними кельтами. Однако уже в то время этнические процессы миксации и интеграции глубоко затронули кельтское общество и соседние народы. Большинство венетов на западе подверглось романизации и германизации. Присутствие венетов зафиксировано на побережье Балтийского моря, на территории современных Польши и Летувы (на север от Вильни). Заслуживает внимания тот факт, что Балтийское море (возможно, часть его) в то время называли *Венедским* морем (или заливом), что отражают старинные карты (карта Птолемея).

Исторические связи кельтов и славян еще недостаточно изучены наукой. Однако есть основания предполагать, что устойчивые контакты и этнокультурные связи между кельтами и славянским населением в конечном итоге приводили к образованию смешанных этнических групп *венетов* и их последующей славянизации. Во второй половине I тысячелетия отдельные анклавы венетов (или венедов) размещались на территории северной Италии и Словении, о чем свидетельствует и название *Венеции*.

До настоящего времени *венедами* (или *вендами*) называют словенцев их соседи венгры, тогда как австрийцы называют их *виндами*, что не меняет этнолингвистической сущности одного и того же понятия. В свою очередь немцы называли *вендами* или *вандалами* полабских славян. И это не случайно, тем более что свои исторические названия (этнонимы), фигурирующие в различных письменных источниках, народы обычно получают извне, от соседей.

Вероятно, славяне принимали участие в общих этногенетических процессах, которые развивались на территории Евразии в античную эпоху и не остались в стороне от Великого переселения народов, в котором участвовали германские, скифо-сарматские и другие племена, что в конечном итоге привело Римскую империю к крушению. Нужно также иметь в виду недостаточную определенность самого понятия «прародина», как и достоверность исторического периода, к которому оно относится.

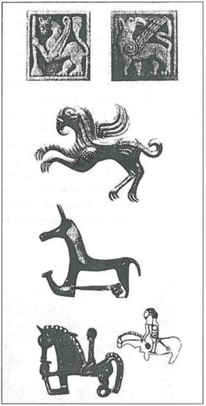
Проникновение славянских племен в зону более раннего обитания балтских и финно-угорских племен происходило в несколько этапов и, вероятно, шло из нескольких исходных очагов. При этом миграционные потоки на отдельных этапах под влиянием разнообразных факторов (направлений речных путей, отношений с местным населением и др.) «плавно» меняли направление, схематично напоминая движение воздушных масс в зоне циклона.

В V–VII вв. славяне занимали большую территорию от Эльбы (Лабы) и Дуная до среднего Днепра. Это подтверждают не только письменные источники, но и археологические материалы – распространение в указанном ареале памятников пражской культуры, славянский характер которых не подвергается сомнению. После распада гуннской державы славяне распространили сферу своего присутствия на Балканы и Адриатическое побережье, а на северо-востоке – в верхнее Поднепровье и Подвинье. Соседями славян на северо-востоке были балтские и финно-угорские племена, на юго-востоке – скифы и сарматы, на юге – фракийцы и иллирийцы, на западе – германцы и кельты.

Языческие идолы славян (худ. Н.К. Рерих)

Зооморфные изображения. Слева — кельтские, справа — славянские (С.В. Цветков, 2005)

Постоянные контакты и многообразные связи с соседними народами реально влияли на процессы этногенеза и динамику культуры славянских народов. Славянами были ассимилированы местные группы балтов, финно-угров, западноиранских и тюркских племен (скифов, сарматов, торков, половцев и др.). Однако отдельные группы славян в процессе межэтнического взаимодействия в зонах контактов сами были ассимилированы соседями (германцами, венграми, тюрками), или же в результате межэтнической миксации и интеграции формировались новые этнические группы и целые народы.

Во второй половине I тысячелетия славянские племена расселились на большой части территории Беларуси, постепенно смешиваясь с местным балтским населением, предками племен культуры штрихованной керамики и днепро-двинской.

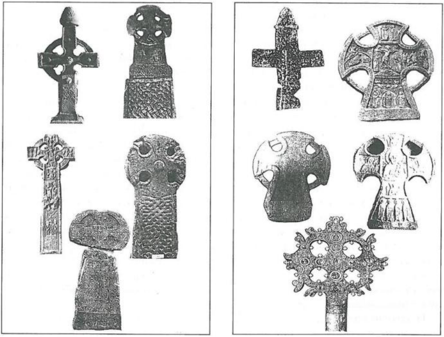
Помимо этих культур существовала отдельная западнобалтская культура. Ее ареал, судя по археологическим материалам, в начале нашей эры занимал левобережье Немана, включал древнюю Пруссию и часть правобережья Немана

в нижнем течении (15). Именно носители этой культуры – западная группа балтских племен, по мнению ряда исследователей, принимали наиболее активное участие в этногенезе мазуров и беларусов (16).

* * *

Некоторые авторы вслед за Л.Н. Гумилевым обращают внимание на так называемую комплементарность этносов, которая отражает природу неосознанных симпатий (или антипатий) одних этносов к другим и, как следствие, их взаимное сближение по принципу антропологических биополей. Этот фактор, по мнению А.Е.Тараса, играл очень важную роль и в процессе этногенеза (антропогенеза) беларусов-литвинов, субстратной основой которого послужили преимущественно западные балты (17).

Проникновение славян в зону более раннего расселения балтов растянулось на ряд столетий, поэтому взаимоотношения между этими народами могли быть весьма разнообразными – от совместного проживания и мирного освоения лесных пространств и урочищ до различного понимания права собственности и вооруженных конфликтов. В конечном итоге в решении спорных вопросов существенное значение приобретали многочисленность племен, степень их консолидации и общественной организации.

Слева — кельтские кресты VIII–X вв. Справа — новгородские кресты XII–XV вв. (С.В. Цветков, 2005)

Вместе с тем в условиях миграции и освоения новых земель обычным явлением были межплеменные (межэтнические) браки, которым даже отдавалось предпочтение по сравнению с более поздним социально неоднородным обществом. Племена объединялись в союзы во главе с князем, с военной дружиной, выборной системой власти и самоуправления. Союзы формировались по территориально-соседскому принципу, этническое происхождение отдельных родов, общин, племен не играло определяющей роли, на первый план выступали здоровый прагматизм и право силы. Это был период военной демократии. Ее отзвуки («пережитки») еще долго сохранялись в институтах народной демократии и обычного права, в вечевом строе Полоцкого и Новгородского княжеств, в системе городского и сельского самоуправления, в обычае приглашения на княжеский трон предводителей варяжских (русских) дружин.

Резюме

Сопоставляя понятия «археологическая культура» и «этническая культура», целесообразно разделять предметное содержание этих понятий в практике ареальных исследований. В силу своей специфики археологическая культура не всегда отражает этническую идентичность ископаемых находок в широком диапазоне и не исключает вероятности существования в ареале отдельной археологической культуры двух или нескольких этнических культур с подобными археологическими памятниками.

При реконструкции и воссоздании древней культуры как живого, гармоничного целого необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что мы имеем дело не с живой функционирующей системой культуры, а с ее фрагментами, дающими нам весьма ограниченное и одностороннее представление о реальной этнической ситуации того времени.

Не все типы сохранившихся археологических памятников как первоисточники одинаково можно использовать в процессе комплексного исследования и этнической идентификации археологических культур. Особое значение «этнических маркеров» имеют такие группы памятников, как поселения и жилища, орудия труда и предметы быта, оружие, декоративно-прикладное искусство, способы захоронений и сопутствующий обрядовый инвентарь, а также материалы, отражающие технологию древнего производства и уровень цивилизации.

Ряд исследователей рассматривает древности милоградской и зарубинецкой культур как балтские и, таким образом, распространяют ареал расселения древних балтов на территорию беларуского Полесья и северной Украины. А между тем комплексный сравнительный анализ показывает, что характеры выделенных нами основных групп археологических памятников соседних культур севера и юга слабо согласуются между собой и как этнографические реалии имеют существенные различия, что не дает достаточных оснований для объединения их в единой балтской семье.

Носители милоградской и зарубинецкой культур, судя по характеру памятников и историческим источникам, имели многообразные и стабильные связи с южными и западными соседями (скифскими, германскими, протославянскими племенами). Важно отметить, что «штриховики» и днепро-двинцы заметно опас-

дывали в эволюции общественных отношений, о чем свидетельствует организация жилища и отсутствие до середины 1 тыс. до н.э. железных орудий труда и оружия. Не менее контрастные различия севера и юга мы наблюдаем при рассмотрении похоронных обычаев и обрядов.

На карте археологических культур железного века обращает на себя внимание условная пограничная полоса, которая протянулась от Ляхович на Клецк, севернее Слуцка и далее на Березино, Могилев, Кричев. Она служила разделительным рубежом, этнолингвистической границей, устойчиво сохранявшейся на протяжении многих столетий.

Этот рубеж делил северную и южную части территории Беларуси, отчленяя северный массив культур штрихованной керамики и днепро-двинской, с одной стороны, и южный регион господства милоградской и зарубинецкой культур, с другой. Контакты населения севера и юга на этом рубеже, по всей видимости, носили долгое время ограниченный характер. Они заметно оживились и приобрели необратимый разворот только во второй половине 1 тысячелетия и сопровождались миграцией славянских племен на север и северо-восток, преобразившей исторические судьбы этого края.

В свете рассмотренной нами историографии по проблеме этногенеза славян гипотеза о древней балто-славянской общности и единой прародине не выдерживает критики, не подтверждается развитием этнокультурных процессов и сравнительным анализом конкретных материалов.

ИСТОЧНИКИ

1. Цветков С.В. Кельты и славяне. СПб., 2005, с. 75–76.

2. Каспарова К.В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры. / «Советская археология», 1981, № 2, с. 57–79.

3. Brukner A. Starozytna Litwa: ludy i bogi. Olsztyn, 1984, s. 167–168.

4. ПСРЛ. Том 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989, с. 14.

5. Геродот. История. /Пер. и примеч. Г.А. Стратановского/ М., 2002, с. 241, 269.

6. Страбон. География в 17 книгах. /Пер. и примеч. Г.А. Стратановского/ М., 1994, с. 280.

7. Рассадзін С. Землі амаль невядомыя. Мн., 1996, с. 63–64.

8. Нидерле Л. Славянские древности. М., 2000, с. 26.

9. Henzel W. U zrodel Polski sredniowecznej. Wroclaw etc., 1974, s. 14, 26–34.

10. Славяне и их соседи в конце 1 тыс. до н.э.– первой половине 1 тыс. н.э. М., 1993, с. 55.

11. Цветков С.В. Кельты и славяне, с. 5, 10–11.

12. Там же, с. 107–108; Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002, с. 136.

13. Godiowski K. Pierwotne siedzibe Siowian. Krakyw, 2000.

14. Strzelczyk J. Od prasiowian do Polakyw. Krakyw, 1987, s. 24.

15. Strzelczyk J. Opus cit., s. 18.

16. Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века /Сост. и ред. А.Е. Тарас/ Мн., 2010, с. 242–467.

17. Там же, с. 277–280.

Раннее христианство в Беларуси: пути проникновения, центры христианизации, миссионеры

Алесь Жлутко, кандидат филологических наук

В распространении христианства летописного времени на этнической территории Беларуси наиболее заметны два пути. Первый отмечен в легенде, приведенной в «Повести временных лет» (ПВЛ). Апостол Андрей, брат апостола Петра, отправился из малоазийского города Синоп через Черное море в Корсунь в Крыму (недалеко от сегодняшнего Симферополя) и узнав, что оттуда недалеко до устья Днепра решил водными путями пробираться на север. Поднимаясь Днепром вверх, он вышел на берег у Киевских гор, объявил своим ученикам пророчество о мощи будущего Киева, а сам, взойдя на горы, поставил там крест и благословил народ. Затем он двигался той же рекою выше и прибыл в Новгород. Из Новгорода св. Андрей отплыл к варягам, а от них – в Рим. Из Рима Апостол опять вернулся в Синоп, чтобы продолжать там миссионерскую работу.

Таким образом, маршрут Андрея Первозванного полностью повторяет описанный в той же «ПВЛ» путь из «варяг в греки», за исключением Константинополя, который в легенде обойден молчанием. Самым значительным из ответвлений этого пути была Западная Двина. «Из варягов» в направлении Старой Ладоги – Новгорода, а также по Двине к Полоцку – Смоленску отправлялись не только купцы и воины за товаром и добычей, но и первые христианские миссии за добыванием душ для Христа.

Балтийским участком этого пути с запада на восток в VII–VIII вв. поступали средиземноморско-византийские стеклянные четки, а с конца VIII века в обратном направлении, с востока на запад, шли арабские дирхемы. Самые ранние и многочисленные клады арабских монет найдены на территории прибалтийских (или полабских) славян, населявших южное побережье Балтийского моря между реками Лабой (Эльбой) и Одрой (Одером). Самыми могучими племенными группировками славян в этом регионе были вильцы-лютичи и ободриты-бодричи. Славяне здесь граничили с немцами и датчанами, а далее на западе еще с одним германским племенем – фризами.

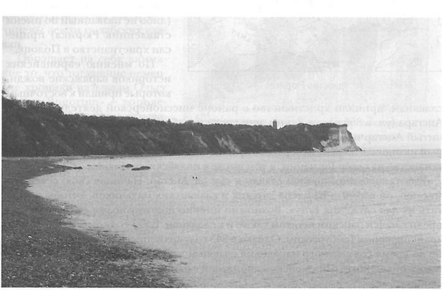
В этой контактной славяно-германской зоне и надо искать летописных варягов, с которыми исследователи связывают первое заметное проникновение христианства к восточным славянам и на беларуские земли. Сегодня имеется много оснований понимать под варягами не шведов, а датско-славянские или датско-фризско-славянские дружины.

С датчанами прибалтийские славяне начали контактировать очень рано. Уже в легендарной части «Деяний датчан» Сакса Грамматика говорится об участии славянских воинов в датских дружинах, о продолжительной оккупации славянских земель датчанами, а датских – славянами, о войнах между ними, а также

о совместных предприятиях против других народов*. Интересно описание поведения славянских воинов в битве, напоминающее «боевое безумие» берксерков. Как пишет Сакс Грамматик, славяне шли в бой вооруженные длинными мечами и маленькими круглыми щитами. В битве они забрасывали щит за спину и бросались на врага с одним мечом, открывая тело для ран.

С начала IX века связи славян с датчанами фиксируются в документах и немецких хрониках. Например, в 808 году датчане в союзе с вильцами-лютичами воевали против Карла Великого и его союзников ободритов-бодричей. Совместные действия датчан и славян против немцев фиксируют письменные источники в 817, 838 и особенно в 845 г., когда славянско-датское войско до основания разрушило Гамбург и Гамбурское архиепископство, во главе которого тогда стоял св. Ансгар. Обычными были и династические браки между датчанами и ободритами. Подтверждением тесных взаимосвязей являются материалы раскопок: славянские артефакты находят на датских землях, датские — на славянских. Существовали связи и в культовой сфере. Так, знаменитому божеству Святовиту, чей храм находился на острове Руяне (ныне Рюген), населенном славянским племенем руянов-ранов, поклонялись не только полабские славяне, но и датские властители.

Впервые «варязи из заморья», собиравшие дань с кривичей и новгородских словенов упоминаются в «ПВЛ» под 859 годом. В промежутке между 862 и 868 гг.

Остров Руян (Рюген). На мысу, выдающемся в море, в X–XII вв. находился святой город Аркона с храмом Святовита (фото автора, май 2010 г.)

* Сакс Грамматик (Saxo Grammaticus) родился около 1150, умер между 1206 и 1220 гг. Он был секретарем Абсалона (1128–1201), архиепископа Лунда и по его поручению написал «Деяния датчан» в 16 книгах. Повествование доведено до 1185 г. — *Прим. ред.*

варяги были изгнаны, а затем снова призваны, чтобы «княжит и володети» в кривицких и словенских землях. В сообщении под 862 годом названы имена призванных варяжских верхников. Старший из них – Рюрик, сев на княжение в Новгороде, раздал «мужем своим» восточнославянские города, среди которых назван Полоцк. Это первое датированное сообщение о городе. По крайней мере двоих из этих «мужей» – Аскольда и Дира, захвативших Киев и на какое-то время якобы подчинивших Полоцк, устойчивая традиция и ряд исследователей считают христианами.

Государство Рюрика

Согласно двум независимым источникам (Сакс Грамматик и Никоновская летопись) Аскольд и Дир воевали против Полоцка и овладели им. Как полагает украинский историк-эмигрант Омельян Прицак, специалист по скандинавским источникам, они сделали его оперативной базой для нападений на южные земли и на Византию*. Очень вероятно, что именно они (либо не названный по имени ставленник Рюрика) принесли христианство в Полоцк.

По мнению европейских историков варяжские вожди, которые пришли к восточным славянам, приняли христианство в районе миссионерской деятельности св. Ансгара (ум. в 865 г.) – в Дании, или среди полабско-поморских славян. Знаменитый Ансгар некоторое время был монахом монастыря Новая Карбея, который находился на реке Везер в Вестфалии. Монахи этого монастыря несли христианство на север Германии, в том числе к полабским славянам.

Работал над обращением славян и сам св. Ансгар. Начиная свою северную миссию, он выкупал из плена датских и славянских мальчиков, «чтобы воспитать их для служения Богу». Возможно именно поэтому позже св. Ансгар был предназначен папским легатом также и к славянам. В 831 году он был поставлен архиепископом Гамбургским. Однако в 845 году архиепископство было разрушено во время совместного нападения славян и датчан, после чего остатки пришлось объединить с Бременской диоцезией в одно Бременско-Гамбургское епископство.

От Ансгара принял крещение и Рюрик, которого историки Ф. Крузе и Н. Беляев отождествили с датским конунгом Рёриком. Часть современных историков считает Рёрика-Рюрика сыном датского конунга и ободритской княжны. До сво-

* Никоновская летопись – летописный свод, составленный в Москве в 1539–42 гг. Это громадная компиляция многих источников, в том числе не сохранившихся до нашего времени. – *Прим. ред.*

ей экспедиции на восток он овладел большой территорией, где находились центры тогдашней приморской торговли. В 857 году в руках Рёрика оказалась южно-западная часть Дании на Ютландском полуострове. Еще раньше он получил в ленное владение побережье Фризии с крупным торговым центром Дорестадом, а позже обеспечил себе выход к южно-датскому торговому центру Гэдэбю (ныне Шлезвиг). На юге по реке Эйдер он имел границу с германскими саксами и племенем ободритов, а именно с их ответвлением — ваграми. По другой версии, Рёрик владел землями ободритов. В любом случае, с ними он координировал свои более поздние нападения на саксонские земли.

От названия племени вагров иногда выводят слово «варяги». По другой версии, это наименование происходит от приморской части Фригии, которая в IX веке называлась Wieringen, в современном звучании примерно как «виэрегэ».

С варяжским регионом может быть связана и христинизаторская акция княгини Ольги (в крещении Елены; ок. 914–969), которая была родом из кривицких земель Псковщины. Выйдя замуж за варяжского вождя князя Игоря (конунга Ингвара), она после его смерти правила в Киеве. В 959 году Ольга, уже будучи христианкой, обратилась с просьбой к немецкому королю Оттону I дать ее народу епископа и священников. Король предложил гамбург-ско-бременскому епископу Адальдагу сделать это, так как именно его кафедре были подчинены земли полабских славян.

Посещение Константинополя княгиней Ольгой в 955 году (миниатюра из Радзивилловской летописи)

Обращает на себя внимание то, что тогдашние немецкие хроники называли Ольгу «regina Rugorum» — королевой ругов. Но ругами называли немцы и одно из племен полабских славян — руянов (живших на острове Руян). Очевидно отождествление ругов с восточнославянской «русью». Истиный смысл такого отождествления остается загадкой, но сам этот факт еще раз указывает на глубинную связь восточнославянской правящей элиты с полабскими славянами.

Поскольку назначенный Адальдагом епископ Либуций вскоре после этого умер, то к Ольге был направлен в 961 году другой епископ — Адальберт. Но уже в 962 году Адальберт вынужден был вернуться. При возвращении его преследовали язычники, а некоторые спутники погибли. После этого Адальберт был поставлен первым архиепископом Магдебурга. Эта митрополия переняла эстафету от Гамбурга — Бремена, ибо ее главной задачей стала миссионерская деятельность на землях славян, в том числе среди восточных славян.

Если говорить об этих территориях, то наиболее благоприятная почва для христинизаторских устремлений Ольги, видимо, была не в Киеве, а на землях

ее земляков – кривичей, которые уже во времена Рюрика испытали христианский импульс из варяжских земель, и где уже пустило корни христианство другого, – славянского обряда. В любом случае и народное представление, и летописные сообщения связывают с именем княгини учреждение в Витебске двух храмов – Благовещения и св. Михаила, особенно чтимого среди полабских славян. Эти события происходили, видимо, попутно с походом княгини на Псков. Устная традиция указывает также на посещение Ольгой Полоцка и Туровщины.

Памятник Св. Ансгару, апостолу Севера, в Гамбурге

Имеются основания утверждать, что первый упомянутый в летописях полоцкий князь Рогволод, а также его дочь княжна Рогнеда, были христианами. «ПВЛ» в записи под 980 годом связывает происхождение князя с варяжским регионом: «Рогволод пришел и-заморья» и повествует об его убийстве князем Владимиром.

Сразу после возвращения от варягов Владимир, будучи еще язычником, вступил в борьбу со своим соперником, киевским князем Ярополком Святославичем (правил в 970–980 гг.), который склонялся к западному христианству и продолжал миссию своей бабушки Ольги. В 973 году послы Ярополка присутствовали на сейме немецкого королевства, где был и будущий император Священной Римской империи Оттон I. На сейме присутствовал также первый Магдебургский митрополит Адальберт.

Посольство, кроме политических договоров, видимо имело целью восстановление духовной иерархии, миссионерской работы и посылку духовенства, ибо в 977 году к Ярополку прибыли послы от папы Бенедикта VII (понтифик в 974–983 гг.). Хотя летопись не сообщает о цели этого посольства, можно думать, что оно касалась вопросов создания миссионерских и христинизационных центров.

Как установил российский исследователь А. Назаренко, князь Ярополк был женат на внучке Оттона I, поэтому должен был принять крещение по латинскому обряду*. Летописи также отмечают покровительство Ярополка христианам. Возможно что именно по этой причине полоцкая княжна Рогнеда, которая видимо была уже христианкой, отказала сватам на то время еще язычника Владимира, но была не против того, чтобы отдать руку и сердце Ярополку. Видимо, поддержка Рогволодом христианской политики Ярополка и стала главной причиной ужасающей расправы Владимира с полоцким князем**.

* См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001, с. 339 и далее.

** Владимир убил Рогволода вместе с женой и двумя сыновьями – Раальдом и Свеном. По мнению В.Н. Татищева, это произошло в 975 или 980 году; по мнению А.А. Шахматова – в 970. – *Прим. ред.*

Некоторые летописи утверждают, что перед убийством Рогволода Владимир на глазах у него и его жены изнасиловал Рогнеду, а затем насильно взял ее в свой гарем жен. Бросается в глаза то, что согласно «Житию Владимира» точно таким же образом он расправился позже с христианским князем Корсуня. Разница только в том, что изнасилованную дочь корсуньского князя Владимир отдал своему приближенному варягу Ждиберну*.

Преступление, учиненное в Полоцке, стало первым среди расправ Владимира со сторонниками христианства, ибо вслед за этим погиб от рук посланных им убийц Ярополк. Согласно летописям, Ярополк был предательски убит около 978 года по приказу своего брата, будущего крестителя Киевской Руси**. Владимир сделал уже беременную жену Ярополка, красавицу-гречанку, своей наложницей. Поэтому рожденного ею Святополка (ок. 979–1019), будущего Туровского князя (в 988–1015 гг.), летопись называет сыном Владимира, хотя его истинным отцом был Ярополк***. Спустя какое-то время после этой расправы, в 983 году, в один год с восстанием полабских славян против насильственной христианизации немцами, в Киеве были преданы мученической смерти двое варягов-христиан.

Император Оттон I (912–973) (скульптура из Магдебургского архикафедрального собора, где он похоронен)

В пользу принадлежности Рогволода и Рогнеды к христианству можно привести такие аргументы. Во-первых, это приязнь полоцкого князя и его дочери к Ярополку, который покровительствовал христианам и сам был христианином. Во-вторых, о христианском воспитании полоцкой княжны свидетельствует сообщение тверской летописи, повествующее, что после принятия Владимиром крещения Рогнеда отказалась от венчания с ним и постриглась в монахини, приняв имя Анастасии****. Она же основала недалеко от Заславля женский монастырь.

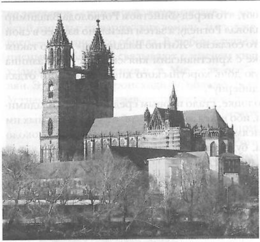
Чрезвычайно набожным и начитанным в Святом Писании представлен в летописях и сын Рогнеды от Владимира — Изяслав

* Предание гласит, что у князя Владимира Святославича до его крещения в 988 году был огромный гарем — около тысячи женщин. Часть их считалась «женами», а большинство — наложницами. — *Прим. ред.*

** В «Советской Исторической Энциклопедии» (том 16, Москва, 1976, ст. 983) утверждается, что Владимир в 980 году осадил Ярополка в Киеве. Ярополк отправился на переговоры с братом и там был убит дружинником Владимира.

*** Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950, с. 127.

**** Будучи женой Владимира в 980–988 гг., она носила славянское имя Горислава. Рогнеда умерла в 1000 году. Ей было тогда от 23 до 28 лет. Она успела родить Владимиру четырех сыновей. — *Прим. ред.*

Костёл архикафедры св. Мауриция – Морица в Магдебурге, где первым митрополитом был Адальберт и при котором существовала школа славянских миссионеров

(980–1001). Наконец, соратника Рогволода – Тура, упомянутого рядом с ним в «Повести временных лет» («...бе бо Рогволод пришел и-заморья имяше волость свою Полотьске, а Тур Турове, от него же и Туровци прозвашася...»), предание называет распространителем христианства среди дреговичей.

Вполне возможно, что имя Тур есть сокращенная форма от имени Торвальд, которого связывают с распространением христианства на Полотчине. «Кристни-сага» (Сага о крещении), описывающая события около 1000 года, повествует о путешествии Торвальда (который распространял христианство в Исландии) в Иерусалим и Константинополь. На обратном пути по Днепру Торвальд оказался в Полоцкой земли. Здесь он умер и был похоронен «при храме Иоанна Крестителя и здесь его называют святым».

В другой скандинавской саге говорится о том, что именно Торвальд основал здесь монастырь св. Иоанна и умер в нем монахом. Его же попутчик Стегнир направился дальше на запад – в Данию. Сам Торвальд принял крещение в соседней с Данией Саксонии. Таким образом, эти сообщения снова связывают изначальное христианство в Беларуси со странами юго-западного побережья Балтики.

***

Еще одну миссию, близкую по времени к предыдущей, совершил в западную часть Беларуси святой Бруно Бонифаций. Он проповедывал язычникам и был убит ими в 1009 году «на пограничье Литвы и Руси», т.е. где-то на западе или юго-западе Беларуси. Европейские авторы XI века (Петр Дамиани и продолжатель «Хроники Адемара») сообщают, что тело святого после его смерти похоронил «русский король» и поставил над ним храм, а «русская церковь гордится тем, что имеет этого благословенного мученика».

Бруно Бонифаций родился в Кверфурте на славянских землях, которые были в то время под властью немцев. Воспитывался в школе при монастыре св. Иоанна в Магдебурге, знаменитой тем, что в ней в разное время учились многие славянские епископы и миссионеры. Школа находилась под управлением Магдебургского архиепископства. До Бруно в ней учился известный проповедник христианства у пруссов и мученик св. Адальберт (Войцех). После его смерти и канонизации в 1000 году в Гнезно было создано епископство и митрополия, которой подчинялись три епископства – Краковское, Вроцлавское и Колобжег-

ское. Епископом в Колобжеге (Кольберге) был поставлен земляк и знакомый Бруно – Райнберн, который воспитывался в той же магдебургской школе, что и Бруно. Вместе с основанием Гнезненского архиепископства Польша получила костёльную независимость и возможность самостоятельно учреждать новые христианские центры на Востоке и посылать миссии.

За три года до этого Бруно стал капелланом императора Оттона III. Отправившись с ним в Италию, он несколько лет изучал там славянские языки в специальной школе. В 1002 году Бруно Бонифаций был посвящен в архиепископы для миссионерской работы среди языческих народов. Вскоре после этого он вернулся в Магдебург, а оттуда отправился к польскому королю Болеславу II Храброму, который подружился с ним и посоветовал совершить миссию в Венгрию. Однако неблагорасположение венгерского короля принудило его покинуть эту страну и в 1007 году идти в Киев.

С разрешения киевского князя Владимира, Бруно совершил успешную миссию к печенегам, окрестив 30 человек и поставив для них епископа, а также устроив мир между печенегами и киевским князем. Заложником в подкрепление мира у печенегов остался сын киевского князя, в котором многие исследователи видят туровского князя Святополка. Возможно, что кроме миссионерской работы, Бруно исполнял какие-то дипломатические поручения Болеслава Храброго к Владимиру. Закончив эту миссию, он какое-то время находился при дворе корроля Болеслава, а оттуда отправился с проповедью к язычникам на границу Литвы и Руси, где и принял мученическую смерть.

Видимо, Бруно отправился в Литву и Русь от Магдебургского архиепископства в продолжение отношений, установленных еще во времена св. Ольги. Болеслав Храбрый выступал в данном случае как посредник.

По нашему мнению «русским королем», похоронившим тело святого, был туровский князь Святополк – сын убитого Владимиром Ярополка.

С именем Святополка связано еще одно важное событие в христианской жизни Беларуси. Около 1008 года состоялась свадьба этого князя с дочерью Болеслава Храброго. Вместе с польской королевной в Туров прибыл Райберн, епископ Колобжега

Мученичество св. Бруно Бонифация
(с фрески в монастыре Св. Креста в Польше)

(Кольберга). Очевидно, что последний исполнял не только обязанности духовника дочери Болеслава, но имел целью и миссионерскую работу. Полагают, что при Райнберне в Турове было создано епископство западной ориентации. Миссия Райнберна несомненно была связана с деятельностью св. Бруно.

Таков в общих чертах балтийский путь проникновения христианства на земли Беларуси.

***

В конце IX – начале X вв. открылся другой путь для проникновения христианства на земли Беларуси – из Великой Моравии. Известно, что в конце жизни одного из славянских апостолов св. Мефодия, около 875 года, к Великоморавскому государству, куда принесли христианскую веру Кирилл и Мефодий, была присоединена Белая Хорватия – территория на запад от украинской Волыни. Отсюда, скорее всего из Перемышля, древнего города на современной границе между Польшей и Украиной, велась евангелизация и южно-беларуских земель.

Справка: Великая Моравия – славянское государство, возникшее в бассейне реки Моравы в 830-е годы, а затем присоединившее многие соседние земли. В 863 году сюда прибыли из Византии монахи Кирилл и Мефодий, посланные патриархом Константинопольским. Они добились создания в 869 году славянской церкви, независимой от немецких епископов. В 895 году от моравской державы отделилась Чехия. В 906 году большую часть территории Великой Моравии захватили кочевники-мадьяры и положили конец ее существованию. *(Ред.)*

Местное предание говорит о том, что власть архиепископа св. Мефодия простиралась до берегов реки Припяти, а его ученики приплывали сюда с Волыни по припятским притокам Горынь и Случь. Вполне вероятно, что тем же путем кирилло-мефодиевский вариант христианства проникал и дальше, в северо-восточные районы Беларуси.

Святые Кирилл и Мефодий (с памятника «1000-летие России» в Великом Новгороде)

Среди прочего, на это указывает находка при раскопках в Гнёздове (под Смоленском) кроме древнейшей кириллической надписи, вещей, аналогичных великоморавским. Археологические данные свидетельствуют также о значительном притоке славянского населения с русла Дуная на наши территории в IX–X вв. Это появление в середине X века многочисленных захоронений по обряду ингумации (захоронения в земле) на территории полоцко-смоленских кривичей, распространение гончарной керамики и других артефактов, характерных для Дунайского региона.

Славянский обряд, созданный Кириллом и Мефодием, соединял в себе особенности греческого и латинского обрядов. После смерти св. Мефодия он развивался за грани-

цами Великой Моравии, в т.ч. на беларуских землях, где существовал, по крайней мере, до начала XIII века (т.е. около 400 лет). Лишь затем он начал уступать место греческому обряду со славянским богослужебным языком. По мнению Н. Никольского и ряда других исследователей, именно славянский обряд и связанные с ним церковные язык и письменность уже в великоморавский период получили название «русских».

Вероятно, с Великой Моравией следует связывать еще одну особенность раннего восточнославянского христианства — заметное присутствие арианства. Известно, что славянский обряд был запрещен Римом именно из-за обвинения в арианстве. Историки обращают внимание на то, что даже «Символ веры», помещенный в «Повести временных лет» имеет явно арианские черты*. Арианство могло влиять и на раннюю церковную организацию, например, на назначение епископов.

***

Таким образом, первоначальное христианство на землях Беларуси связано с двумя древними христианскими центрами — Великой Моравией, откуда проникали славянский обряд и письменность, и юго-западной Прибалтикой, где граничили между собой прибалтийские славяне, датчане и немцы, и откуда шло христианство западного обряда. В этом другом центре наибольшее значение имели Гамбургская и Магдебургская митрополии, созданные специально для христианизации прибалтийских славян.

В раннем христианстве Беларуси отчетливо просматривается взаимодействие двух типов христианской обрядности, которые шли из этих центров. Надо отметить также, что земли Беларуси не избежали, как другие европейские страны, раннехристианских ересей, среди которых самой заметной у нас было арианство.

Именно невизантийский характер раннего христианства в Беларуси стал главной причиной для исключения сведений о нем при проведении впоследствии византийской цензуры летописей в Киеве, а затем в Москве. Поэтому беларуские епископы упоминаются только с XII века (полоцкий епископ Мина в 1105 году). Более ранние сообщения сознательно опущены в новой редакции летописей, ибо содержали сведения об иерархах невизантийской ориентации. Видимо, некоторые из этих иерархов ставились по арианскому обычаю.

С XII века византийский элемент постепенно делается заметным в христианстве на беларуских землях, но более-менее устойчивые позиции он завоевал только к середине XIII века или даже позже.

---

* Арианство (по имени основателя, священника Ария из Александрии, умершего в 336 г.) — одно из учений раннего христианства, признанное «еретическим» на вселенских соборах в 325 и 381 гг. Ариане считали Иисуса Христа не богом, а «творением Божьим», т.е. человеком. Несмотря на осуждение соборами, арианство принял ряд «варварских» королевств и княжеств Европы. Его влияние сохранялось не менее 500 лет. — *Прим. ред.*

Средневековый беларуский город как фактор этногенеза

Сергей Тарасов,
кандидат исторических наук

Города в историографии традиционно не рассматриваются в качестве слагаемого, влияющего на этническое развитие общества. Считается, что город от своего рождения и в дальнейшем существовании выступает в качестве «котла», где «варятся» разные этнические сообщества.

В определенной степени такой подход верен. И в наши дни исследователи, изучающие геном человека, особенности этого генома у разных этносов, не включают города в сферу замеров генетического материала. Они полагают, что «чистый» генетический материал сохраняется только в деревнях, и только у людей традиционно там проживающих.

Мы не собираемся оспаривать этот тезис. Однако попытаемся проанализировать этнический состав феодальных беларуских городов IX–XIII вв., базируясь на общепризнанных в археологии этнических маркерах. В первую очередь это украшения и импортные вещи. Отметим сразу, что последние мы не будем рассматривать исключительно как этнические маркеры, поскольку попадали они и в результате обмена (приобретения). Но вместе с тем, могли принадлежать и «иноязычному» населению, так или иначе связанному с жизнью средневекового города.

В современной беларуской исторической и археологической литературе специальных исследований по анализу городского этноса нет. Исследователи лишь констатируют, что города возникали в ареале тех или других этнических сообществ. Например, Туров, Берестье, Новогрудок, Слоним, Пинск, Гродно, Слуцк, Волковыск, Клецк, Минск, Заславль, Борисов, Логойск – в землях дреговичей. Другие города – в кривицкой среде – Полоцк, Витебск, Браслав, Лукомль, Усвяты... Третьи, как Гомель и Речица – на землях радимичей*.

Это три наиболее крупные этнические группировки, заселявшие беларуские земли в раннем средневековье, известные по письменным источникам. Традиционно их относят к «славянам». Сразу оговоримся, что мы не будем обсуждать славянскую или балтскую составную этих этносов. А будем лишь пользоваться общепринятыми этническими маркерами указанных этносов. Также мы не будем рассматривать территории современной Беларуси, некогда заселенные разными балтскими народами, по причине отсутствия там в IX–XIII вв. собственных городов.

Вряд ли надо сомневаться в том, что этническую основу тех или других городов составляло преимущественно местное население. Правда, здесь проблема этногенеза напрямую пересекается с проблемой происхождения городов. А это

* Лысенко П.Ф. Туровская земля IX–XIII вв. Мн., 2001, с. 68–69. Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Мн., 1978, с. 6–13.

один из фундаментальных и до сего дня окончательно не выясненных вопросов отечественной и европейской историографии.

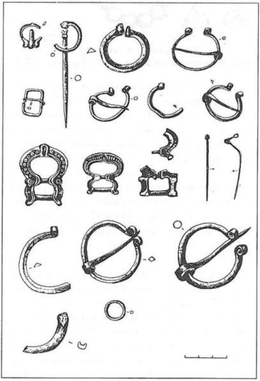
Мы будем исходить из того, что каким бы образом город ни возник – как этнический центр, торговая фактория, военное укрепление и т.д., он начинал притягивать в своё пространство местное население и в качестве постоянных жителей, и в качестве округа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, вопрос об этническом составе города как бы и не имеет принципиального значения. Подразумевается, что города на нашей земле соответственно были в большинстве и в основном заселены кривичами, дреговичами и радимичами. Но это только на первый взгляд.

Для начала хотелось бы сделать комментарий к «свежей» монографической работе полоцкого исследователя Д.В. Дука «Полоцк и полочане (IX–XVIII вв.), изданной в конце 2010 г. Это редкий случай исследования, где автор, пусть скромно, в заключение, делает попытку определить этнический состав городского населения на раннем этапе существования города. Процитируем: «Варяжский этнический элемент в Полоцке прослеживается в значительно меньшей степени по сравнению с Ладогой и Новгородом». Мы бы добавили сюда еще Смоленск и Киев.

И далее, имея в виду IX–X века:

> «Полоцк возник на основе автохтонного поселения балтов днепро-двинской и банцеровской культур... Керамический комплекс банцеровской и культуры смоленско-полоцких длинных курганов из этого слоя свидетельствуют об определенном этапе совместного проживания двух этносов (восточных балтов и славян-кривичей) первоначального Полоцка».

> «Отсутствие на полоцком городище следов размещения варяжской дружины свидетельствует о доминировании здесь местной кривицкой родо-племенной верхушки в IX–XI вв., подчиненной сначала интересам Новгорода, а в дальнейшем, со времен Рогволода и Брячислава Изяславича, поддерживающей местного князя»*.

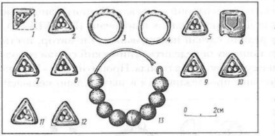

Ювелирные изделия из Полоцка (С. Тарасов)

* Дук Д.В. Полоцк и полочане (IX–XVIII вв.). Новополоцк, 2010, с. 132.

Опустим комментарий насчет новгородской подчиненности раннего Полоцка, ведь и с самим Новгородом IX–X вв. далеко не все ясно. Но вот то, что на определенном этапе два разных этноса могли жить в одном «протогороде», это прозвучало впервые.

В работах археологов, непосредственно исследовавших культурные наслоения древнего Полоцка (А.М. Левданский, А.Р. Митрофанов, Г.В. Штыхов, С.В. Тарасов) до этого момента высказывался другой взгляд на этническое и хронологическое слагаемое города. А именно, что действительно, первыми обитателями полоцкого городища были банцеровцы. Кривичи пришли им на смену. Почему, как и куда исчезли носители банцеровской (безусловно балтской) культуры в VIII веке н.э. – это большой вопрос. Как и вопрос о наличии полноценной городской культуры IX века в самом Полоцке. Поэтому, возможно, существовал хронологический разрыв в заселенности полоцкого городища продолжительностью от 50 до 100 лет.

Украшения водских женщин:
бляшки, перстни и височное кольцо (на рис. — № 13)

Тем не менее, сосуществование двух разных материальных культур допустить можно. Вот только были ли они разными в этническом плане?

Со второй половины IX века Полоцк считается кривицким городом. Даже появляется летописный термин «кривичи-полочане». Сам по себе этноним «кривичи» оказался настолько устойчивым, что на страницах летописей дожил до 1162 года. А в топонимике живет и сегодня.

Кривицкие могильники, в том числе в окрестностях Полоцка, изучены неплохо. Это позволило выявить этноопределяющие украшения кривичей, в первую очередь браслетоподобные проволочные височные кольца с завязанными концами диаметром 5–11 см. Плюс к ним стеклянные позолоченные четки, стеклянные и сердоликовые перстни, браслеты, шейные гривны, использование монет в качестве подвесок.

И действительно, в самом Полоцке были найдены кривицкие височные кольца. Только не в наслоениях IX–XI вв., а в слоях XII века, при исследовании большой усадьбы мастера золотых дел на бывшем Большом посаде. Но рядом (по крайней мере хронологически) здесь нашлась литейная формочка для отливки дреговичских зернёных четок и височное водское многобисерное кольцо (еще одно кольцо было найдено в 2000-е годы), браслеты со змеевидными концами, характерные для балтов и скандинавов, балтского типа пряжки и застежки*.

Многобисерные кольца известны как маркер води до конца XIII – начала XIV вв. А булавки с крестообразным навершием, аналогичные найденной в Полоцке, – как маркер «прибалтийско-финских» народов, то есть той же води.

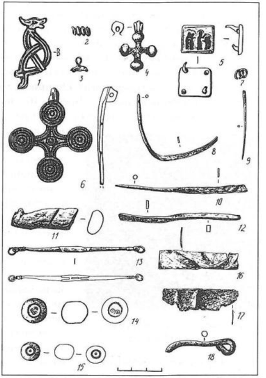
* Тарасов С.В. Полоцк IX–XVII вв. История и топография. Мн., 1998, с. 150–152, 158.

К этому надо добавить найденные в Полоцке раньше два фрагмента семилопастных височных колец вятичей, по которым Г.В. Штыхов полагает, что в Полоцке X–XI вв. жили вятичи, и золотое трехбисерное дреговичское височное кольцо*.

Из всего этого этноопределяющего «богатства» проще всего объяснить происхождение водских (финно-угорских) височных колец. В октябре 1069 года полоцкий князь Всеслав Брячиславич, будучи в изгнании, напал на Новгород во главе войска «вожан», но был разбит и взят в плен новгородским князем Глебом. Потом его отпустили. В 1071 году он снова сел на свой родовой престол. Естественно, что и какая-то часть води оказалась рядом.

Почему во главе водского войска – вот это загадка. Л.В. Алексеев полагает, что «вожане» сильно страдали от новгородских поборов, и князь просто нашел среди них союзников против Новгорода**. Н.И. Ермолович считал, что жена Всеслава происходила из финно-угров. Однако то, что водские украшения были найдены в наслоениях XII века, свидетельствует о присутствии финского этнического элемента в городе того времени. То есть, в течение столетия после похода Всеслава. И мало того, если их носили полоцкие водчанки, значит они выделялись, не смешивались с местными кривичами.

То же можно предполагать о дреговичах. Зернёные многобисерные дреговичские височные кольца – достаточно частая находка в беларуских городах. Как правило, они датируются в границах XI–XIII вв. Этнически дреговичи составляли преимущественную массу населения Беларуси тех

Ювелирные изделия из Полоцка, в том числе крестообразная булавка (С. Тарасов)

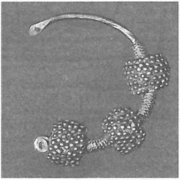
* Рябинин Е.А. Новгород и северо-западная область Новгородской земли (Культурное взаимодействие по археологическим данным. // Культура средневековой Руси, Л., 1974, с. 56–61. Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. Мн., 1975, с. 66, 72. Археология Беларуси: Энциклопедия. Том 1 (А–К). Минск, 2009, с. 320.

** Алексеев Л.В. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. М., 1966, с. 248.

времен. Потому похожие находки не чудо. Странно другое – в Полоцке их изготавливали местные мастера! На продажу в земли дреговичей? В Минск, например. Или чтобы удовлетворить собственно полоцкий спрос? Возможно и то, и другое. Последнее кажется более вероятным, ведь в ближайшем окружении капитал оборачивается скорей. Соответственно и прибыль больше.

Из этого можно сделать интересный вывод. В Полоцке IX–XIII вв. проживало разноэтничное население, которое отличало свое этническое происхождение. Видимо в самом деле кривичей-полочан можно считать в городе базовым этносом. Но рядом с ними жили не только родственные по языку, но и разноязычные этносы. Через улицу с ними жили финны, латгалы, ливы, скандинавы, возможно ятвяги. Конечно, «котёл» ассимиляции уже варился, но однородной «каши» еще не было.

Картину, сходную с полоцкой, мы наблюдаем и в других беларуских городах раннего средневековья. Для яркого диаметрального примера возьмем Туров – сердце и столицу дреговичских земель. Общих интересов у Полоцка и Турова не было. А вот взаимных претензий – хоть отбавляй! В своей монографии П.Ф. Лысенко приводит описание и частично изображения найденных в городах Туровской земли женских украшений*. Он пишет, что частой находкой были проволочные височные кольца: 14 – в Бресте, 10 – в Пинске, 9 – в Турове, 4 – в Давид-Городке. Эти кольца практически ничем не отличаются от кривицких. Таким образом, с одной стороны как будто нет оснований отрицать, что основную массу жителей городов Туровской земли составляли дреговичи. Но с другой стороны, их присутствие по археологическому этноопределяющему артефакту ниже, чем тех же кривичей.

Дреговичское золотое височное кольцо из Полоцка

А вот металлические трёхбисерные кольца найдены всего в 4-х экземплярах, среди которых только одно зернёное – этноопределяющее дреговичское. Кроме того констатируется, что по одной похожей бисерине было найдено в Минске и Гродно. Золотое дреговичское кольцо из Полоцка не упоминается.

Уникальная находка – золотое трёхбисерное височное кольцо было найдено в Минске**. Оно тоже свидетельствует о наличии в городе дреговичского этнического элемента. Хотя никто из ученых и не спорит, что Минск возник именно в дреговичской этнической среде.

Итак, можно утверждать, что так называемый «славянский» элемент (дреговичи, кривичи, и в некоторой степени радимичи), присутствовал практически во всех беларуских городах и выделял (отличал) себя от других горожан по своему этническому происхождению как минимум до конца XII века.

* Лысенко П.Ф. Туровская земля IX–XIII вв. 2-е изд. Мн., 2001, с. 176–178.

** Загорульский Э.М. Возникновение Минска. Мн., 1982, с. 222–223.

Несколько иначе видится наличие балтских этносов в средневековых беларуских городах. Как сказано выше, влияние балтов на этногенез наших земель в раннем средневековье очевидно. Но практически никто из ученых не проводил анализ этого элемента в городах. Небольшим исключением является ремарка Л.В. Алексеева при описании его исследований в Браславе (Брачиславле):

> «Несмотря на то, что население уже было древнерусским, состав украшений в значительной степени был латгальским.... Общий характер основного инвентаря позволяет считать, что в XI–XII вв. в Браславе жило русское население, пользовавшееся прибалтийскими вещами»*.

В качества доказательства приводится рисунок № 45 «Украшения прибалтийских типов: булавки, пряжки, подвески, фибулы-застёжки, заколка, фрагменты гривен. Действительно, эти вещи соответствующих форм являются характерными именно для балтских народов. Среди них под названием «закола» помещена фотография фрагмента балтского женского головного наряда – вайнага. И если находка вайнагов в городах явление редкое, то браслеты и подковообразные фибулы, приведенные Алексеевым, встречаются в беларуских городах повсюду.

Аналогичную таблицу-рисунок приводит Ярослав Зверуго в своей монографии 1989 года**. Представленные в таблице вещи: фибулы, браслеты, пряжки, подвески, перстни, височное кольцо, булава, поясной крючок, янтарные крестики, наконечник ножен меча – происходят из Волковыска, Новогрудка, Гродно. В своей интерпретации этих этноопределяющих предметов Я.Г. Зверуго ссылается на выводы Ф.Д. Гуревич, высказанные ею в монографии «Древний Новогрудок» (Ленинград, 1981). И идет дальше, связывая с балтийским этносом не только значительное количество украшений вроде булавок, подвесок, перстней, пряжек, но и изделия из черного металла (наконечники стрел, топоры, сошники, косы и т.д.). При этом делается ремарка, что невозможно установить, что из этих изделий было привезено в город, а что изготавливалось на месте. (Зверуго Я.Г., с. 19–21). Все перечисленные предметы были найдены в наслоениях X–XIII вв.

Фрида Гуревич в свое время высказала весьма осторожное суждение:

> «Украшения, а также некоторые предметы убора могли принадлежать литовским или иным жителям соседних прибалтийских земель, почему-то оказавшимся в пограничном районе. Таким же образом могли попасть в Новогрудок отдельные украшения радимичей» (Гуревич Ф.Д., с. 153).

При этом надо отметить, что Новогрудок она все время называла «древнерусским» городом.

Конечно, на примере понеманских городов, особенно Новогрудка, чьи культурные наслоения X–XIII вв. богаты импортными вещами из Азии, Ближнего Востока, Византии, Западной Европы (кстати, феноменальное явление для тех времен), нельзя говорить, что представители этих стран и этносов здесь же и проживали. Но все же «почему-то оказавшиеся в пограничном районе» балты выглядят здесь абсолютно естественно. Согласно с гипотезой Николая Ермоло-

* Алексеев Л.В. Полоцкая земля, с. 174–177.

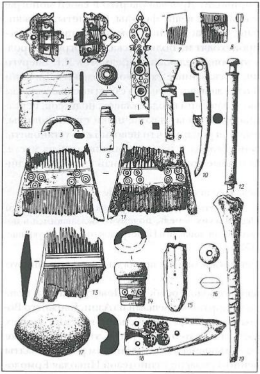
** Зверуго Я.Г. Верхнее Понёманье IX–XIII вв. Мн., 1989, с. 18.

вича Новогрудок как раз и был «сердцем» литовского этноса и государства (не путаем со Жмудью и жмудинами).

Таким образом, присутствие балтского этнического элемента в раннесредневековых беларуских городах абсолютно очевидно. В Западной Беларуси это литовский, возможно ятвяжский элемент, в Северной – латгальский и частично финно-угорский (водский). «Взаимообмен» кривицкими, дреговичскими и радимическими украшениями можно отнести к межэтническим «внутриславянским» отношениям.

В этой связи надо отдельно отметить, что унификации украшений тогда еще не было. Как трудно представить, чтобы современная беларуская модница носила на шее африканские кольца, или протыкала деревянными палочками нос и уши, так же невозможна была замена этноопределяющих украшений между кривичами, дреговичами, радимичами, балтами или финно-уграми. По крайней мере, височных колец. С другой стороны, процесс унификации, безусловно происходил.

Стирание этнических границ между жителями раннесредневековых городов происходило прежде всего посредством экономическо-производственных факторов. И здесь, на наш взгляд, в первую очередь влияла не естественная этноинфильтрация, физиологическое смешение разных этносов по схеме: отец – кривич, мать – латгалка, дети – кривичи (или полочане). Главную роль играла унификация технологии, производства и бытовой жизни. А это, в свою очередь, через внешние экономические связи вело и к унификации языка, традиций, взглядов, верований.

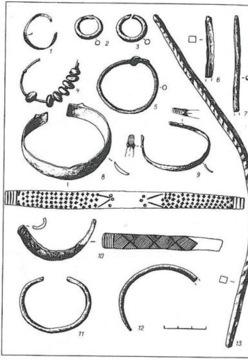
Изделия из кости и формочка (№ 19) для отливки бусин из Полоцка (С. Тарасов)

Материальная культура беларуских городов раннего средневековья практически не различается. Горшки, изделия из дерева, кожи, черного металла, кости, камня и т.д. абсолютно одинаковы. Они одинаковы даже по отношению к соседним территориям. Есть некоторое отставание, скажем в формах посуды Киева и Минска – Полоцка, около 50–100 лет, однако все остальное, бытовое практически не-

возможно отличить от Киева до Новгорода, от Рюгена до Смоленска. Повторим, что имеем в виду хронологический отрезок X–XIII вв.

Даже инфраструктура, топография городов, система их застройки, конструкции самих строений – все чрезвычайно похоже, хотя политические особенности, внутренняя организация были, безусловно, разными. Это как один и тот же «чисбургер» из закусочной Мак-Дональдс одинаков по своему вкусу и в Америке, и в Китае, и в Беларуси, несмотря на то, что жители этих стран говорят на своих языках и остаются в своих странах.

На эту цивилизационно-техническую унификацию с конца X века (для наших городов реально – с начала XI в.) стала налагаться христианская универсализация.

Ювелирные изделия из Полоцка (С. Тарасов)

В городах, где только-только начали стираться этнические границы, появилась новая – религиозная граница. До сих пор язычество было универсальной и понятной для всех народов верой. Но отныне оно во всех своих проявлениях было противопоставлено абсолютно новой, абсолютно «иноземной» доктрине единобожия. Эта доктрина не только не поддерживала этнические особенности разных народов, но и навязывала свою символику, свой образ жизни, свою внешнюю форму жизни. В городах появились храмы, жилой дом тоже становился храмом, человек с крестиком на теле – частью этого храма. А сакральная суть христианских храмов во всем мире – один Бог.

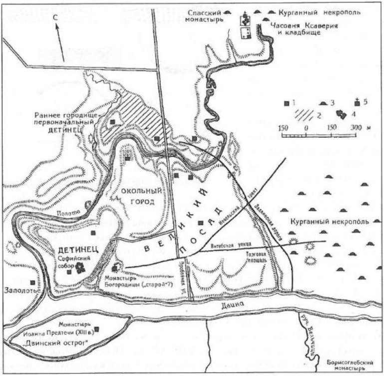
В этом процессе универсализации, безусловно, города были форейторами. Деревня «подтянулась» куда позже – к XIII–XIV вв. Поэтому можно говорить, что собственно этногенетическое слагаемое в городах в основном «переварилось» до конца XIII века. Но это не означает, что изменилось этническое сознание. Просто оно поднялось на уровень понимания государственно-политического, территориального единства (знаменитые «мужи полочане»).

И язык тоже не стал единым, унифицированным. И до сего времени города – центры многоязычия. Нам, современным людям, трудно представить, что тогдашние горожане (в первую очередь ремесленники и купцы) достаточно свободно владели всеми языками ближайшего, а то и дальнего окружения. Иначе они

просто не смогли бы работать. Староболгарский язык, на котором мы читаем летописи и литургические тексты – тоже не язык повседневного общения. Об особенностях подлинного народного языка ярко свидетельствуют новгородские берестяные грамоты. У нас же писали своим языком на восковых дощечках. Он был настолько своеобразен, что попал даже на Крест Ефросинии Полоцкой и другие беларуские эпиграфические памятники.

Факторы этнической принадлежности к тем или другим группам, на первый взгляд мало совместимым, разноязычным, переходили на политическо-территориальные. Появились «полочане», «смоляне», «новгородцы», даже «псковичи». Исчезли присоединенные к Киеву «туровцы» или «пинчуки», «черниговцы».

До последнего держались «волыняне-львовяне», «ятвяги» или пруссы. Им на смену пришла Русь и Литва. Но это уже совсем другая история...

План древнего Полоцка (по Л.В. Алексееву):
1 — места археологических исследований; 2 — район древнейшего поселения; 3 — курганы; 4 — развалины древних каменных зданий (до начала XIII в.); 5 — древнейшие храмы

Что такое Литва?

Здислав Ситько

Кто такие литы

НУЖНА АЛЬТЕРНАТИВА

В 2009 году соседняя с нами страна торжественно отметила 1000-летие первого упоминания топонима «Литва». Действительно, десять столетий прошло со дня убийства язычниками христианского миссионера Бруно Кверфуртского. Он погиб «между Русью и Литвой» («in confinio Rusciae et Litvae»), как сообщил немецкий хронист в летописи Кведлинбургского монастыря («Annales Quedlinburgenses»).

Бруно сумел окрестить где-то «над Бугом» ятвяжского князя Натимера, но был убит язычниками. Позже римская курия провозгласила Бруно святым и главным покровителем Ломжинской диоцезии (20, 389), которая находится в польском Побужье. Но конкретное место расправы с миссионером осталось неизвестным.

Историки нередко воспринимают упомянутые топонимы как названия стран. Однако даже слово «Русь» (Rusciae) в Кведлинбургских анналах нельзя считать синонимом названия реально существовавшего в то время Киевского княжества. Не было в то время, к тому же в районе гибели миссионера, княжества или края с названием «Литва». Это знал епископ Мерзебургский Дитмар (Thietmar). Сообщая в своей «Хронике» об убийстве Бруно, своего ровесника и, возможно, родственника, он написал не Литва, а Пруссия.

Польский хронист XIV века Ян Длугош писал, что «литва с русью перемешавшись» жили. И в наше время в районе польского Побужья находим топонимы Stara Litwa и Stara Ruś, Kostry Litwa и Wyliny Ruś, Wierciszew al Russ и Litwa al Księża, которые указаны на туристических картах. Но исследователи истории Великого Княжества Литовского не обращают внимания на эти топонимы.

Наиболее вероятно, что убийство произошло между селениями Русь и Литва, которые упомянуты в «Переписи войска Великого Княжества Литовского» за 1528 год, тем более, что там среди фамилий местных жителей есть фамилия Натимер.

Печальная дата трагического события дает повод рассказать о происхождении слова литва. Этим словом названы не только упомянутые побужские сёла, но и многочисленные сёла Полабья, Понеманья, реки и селения Подунавья, одна из групп жителей западных славянских княжеств, а также воины Полоцкой земли, участвовавшие в Куликовской битве...

Слово Литва — не топоним. Не означает оно и название народа, тем более нельзя принимать его за название племени. Литва — это воины, позже — профессиональное войско ВКЛ. Происхождение литвы и её социальная функция в нашей древней державе выясняются при рассмотрении тех критериев, по которым определяют этнос.

Язык. Не было какого-то особого «литовского» языка. «Литва квитнеет русчизною», – свидетельствует Статут ВКЛ. Этот основной Закон и иные государственные акты в течение более чем 500-летнего существования ВКЛ издавались на старобеларусском языке и никогда не переводились на жамойтский. «В Литве язык народа славянский», – утверждал в XV веке Папа римский Пий II (понтифик в 1458–64 гг.). Такое мнение он оставил в своём произведении «Описание Азии и Европы и их народов». А узнал папа Пий II о государственном языке «в Литве» от духовника великого князя Ягайло. (Кстати, когда Ягайло поселился в королевском замке Вавель в Кракове, там «запанавала рушчызна», то есть, там стали говорить на старобеларуском языке, потому что Ягайло иного языка не знал. До него в Кракове, как и везде в польских городах XIII–XIV веков, «разговаривали по-немецки, а молились по-чешски». Переписка Ягайло с ордынскими ханами велась, как установил академик Е.Ф. Карский, на «старом западнорусском наречии», это значит, на том языке, который теперь называют старобеларуским.

Погребальный обряд и археологические памятники. Как установили археологи, жамойты в течение первого тысячелетия после Р.Х. хоронили своих умерших по обряду трупоположения – в грунтовых могилах. Покойников-мужчин клали в могилы преимущественно головой на север или на северо-восток.

Воины-литва, как и большинство славян, для покойников насыпали курганы. В самых ранних таких курганах (IV–V вв.) находят захоронения по обряду трупоположения. Останки мужчин ориентированы головой на запад, лицом к восходящему солнцу. С V века в так называемых «восточнолитовских курганах» стали хоронить останки сожженных покойников.

Из противоположных погребальных обрядов следует, что жамойты и воины-литва имели разные представления о дальнейшем пути умершего в загробной жизни. Следовательно, жамойты и литва не принадлежали к одной этнической группе.

Отметим, что летувисские исследователи признают принадлежащими к этой группе археологических памятников только курганы в восточной части республики Летува. Карта же известного археолога и историка Л.В. Алексеева включает также Верхнее Понеманье и Среднее Поднепровье. Ещё более обширным предстаёт регион славянских курганов на карте польской исследовательницы Г. Золль-Адамиковой. Они известны и в Польше, и в междуречье Лабы (Эльбы) и Одры (Одера).

Женские украшения. В захоронениях женщин на территории «восточнолитовских» курганов находят исключительно височные кольца – типичные украшения славянок. Жамойтские женщины имели совершенно иные украшения – головные венки-оголовье из бронзовых спиралей.

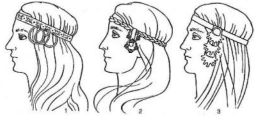
Орудия труда. За более чем сто лет археологического исследования региона «восточнолитовских» курганов не нашли никаких орудий для обработки почвы. На эту особенность региона обратил особое внимание известный российский археолог В.В. Седов: «К сожалению, находок пахотных орудий труда в памятниках второй половины I тысячелетия н.э. пока не обнаружено», а раскопали не менее тысячи курганов. Археологам попадались косы. (Отметим особо, что в погребениях мужчин-литвы по обряду трупосожжения периода VI–VIII вв. «обыч-

ны предметы вооружения: один-два, а иногда и три наконечника копий, умбоны щитов, узколезвийные топоры», — то, что необходимо в новой жизни именно воинам.

Мифология. Мифологическим творчеством воинов-литвы никто не интересовался, но можно представить, что их мифы, а также мифические существа были идентичны общеславянским, и непосредственно западнославянским. Такое мнение основывается, в частности, на упоминании Белуна (Белала) миссионером Бруно Кверфуртским. (Белун — одно из божеств также и беларуского языческого пантеона.) Бруно упомянул это божество в 1008 году в своём письме германскому императору Генриху II, упрекая его за связи с языческими западнославянскими племенами лютичами и радарами: «Что за сговор Христа с Белялом?» (20, 390).

Имена. Летувисы настойчиво и последовательно мифологизируют начальный период истории ВКЛ. Исторических личностей, создателей этой могучей державы, они заменили выдуманными кунигасами из якобы «исторических источников», конкретно — из псевдоисторической вставки в текст Галицко-Волынской летописи о посольстве 25 литовских, жамойтских, деволтвских и иных князей, в том числе Миндовга.

Слева: венок-оголовье жамойтской женщины (вайнаг).
Справа: височные кольца литвинских женщин

Внимание современных историков Летувы к мифическим жамойтским кунигасам особенно удивляет, если проследить отношение деятелей разных эпох к реальной личности — великому князю Миндовгу, первому королю Литвы, коронованному по приказу папы Иннокентия IV в июле 1253 года в Новогородке Литовском.

В папских буллах его имя (Mindowe, Myndow, Mendoch, Mendog) упоминается с самыми почетными титулами и эпитетами: «самый дорогой в Христе сын наш» (carissimus in Christo filius noster) ; «особенный сын» (specialem filium); «король Лютавии» (rex Luthaviae). То же и в немецких хрониках: «Король Миндов Литовский» (König Mindove von Litthauen); «господин Миндов, володарь королевства Летовии» (principe domino Mindowe rege Lettowiae); «Миндов, божьей милостью король Литовии» (Myndouwe Dei gra rex Litowie) (16; 17, 22).

Не менее почётно представил Миндовга автор «Ливонской Рифмованной хроники» (конец XIII века), посвятивший ему много восторженных строк. Деяния Миндовга описывали немецкие хронисты Пётр из Дусбурга («Хроника прус-

ской земли», ок. 1330 г.), Герман фон Вартберг («Хроника Ливонии», ок. 1380 г.), Бальтазар Руссов («Хроника лифляндской провинции», 1578 г.), польский историк Мацей Стрыйковский («Хроника польская, литовская, жамойтская и всей Руси», 1582 г.), а также некоторые русские летописцы.

Как это ни удивительно, но «Хроника Литовская и Жамойтская» (XVII век) лишь кратко упоминает о крещении и коронации Миндовга. А из всех 13 «летописей белорусско-литовских» в 35 томе Полного Собрания Русских Летописей только одна (!) упоминает «князя Миндовга», и то не во время его правления. По мнению Николая Ермоловича, из других летописей его имя вычеркнули идеологи Костёла ВКЛ. После этого в течение нескольких веков о Миндовге, первом короле Литвы, его державной деятельности, никто и не вспоминал.

Только в XIX веке известные поэты-литвины Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий начали прославлять Миндовга. А «историки» тогдашней Летувы, входившей в состав Российской империи, либо не читали записки средневековых хронистов о Миндовге, либо не желали писать правду. Героические Миндовговы деяния они приписали придуманным князьям. Спохватились лишь историки буржуазной Летувы в 1920-е годы и стали «возвращать» изгоя в свою мифическую историю под мифическим именем Миндаугас.

Надо сказать, что имена сыновей Миндовга — Войшелк, Рукель, Репих — несомненно славянского происхождения.

Как параллель к имени старшего сына Миндовга — Войшелка — можно предложить имена из древних польских хроник так называемой пястовской эпохи: Войнар, Войшнар, Войшек. Воиславой звали жену князя ободритов Прибислава. Что же касается другой части имени — «шалк », то и она не балтская. У западнославянского племени ободритов был князь Готшалк (Gotschalk).

И своему среднему сыну Миндовг выбрал известное имя. Так, князь западнославянского племени вагров назывался Рокелем (или Рукелем). Он имел свою «курию» в городе Старгарде — нынешнем Ольденбурге (17, 53). Такое же имя было у каштеляна славянского полабского города Дымин в XIII веке.

В именослове западных славян находим параллель и для имени Репих, младшего Миндовгова сына. Например, жену польского короля Пяста звали Репка. (Кстати, возле местечка Липск, что в Ляховичском районе Брестской области, когда-то было имение Репихово).

Итак, язык, погребальные обряды, археологические памятники, женские украшения, орудия труда, имена... Все важнейшие аспекты жизни и деятельности литвы дают основание искать иную гипотезу происхождения исторического термина «лит» и производного от него слова «литва», альтернативную фантазиям современных идеологов Летувы.

КТО ТАКИЕ ЛИТЫ?

Термин «лит», от которого происходит термин «литва», упомянут в сборниках законов раннего средневековья, в так называемых «варварских Правдах». Такие сборники имели, например, саксы, фризы и другие германские племена, а также франки, которые жили в бассейне реки Заале (Салы). Известны «Саксонская Правда», «Фризская Правда» и наиболее изученная «Салическая Правда». В них определена, в частности, мера ответственности за различные про-

ступки представителей трёх главных социальных групп, трёх сословий соответствующих племен.

Как известно, основную часть каждого народа составляют непосредственные производители. В «Правдах» они называются преимущественно словом «wollfrei» — «свободный» (у саксов — фрилинги). Это свободные крестьяне. Над ними возвышается родо-племенная или дружинная знать — эделинги или нобили (nobiles), а ниже их стоят полусвободные люди (литы, альдии, вольноотпущенные) и рабы (servi).

Надо сразу сказать, что одной из основных определительных примет сословия было соотношение с землей: одни владели наделом или наследовали отчину, другие же должны были трудиться на чужих полях. Литы не имели собственного земельного надела, не имели права участвовать в народном собрании и не могли защищать своих интересов в суде. Но они сильно отличались от рабов, потому что они имели свои жилища, домашний скот, хозяйственный инвентарь. На них распространялось семейное право.

Франкские воины
(1-я половина X века)

Саксонские литы находились в ещё лучшем положении. Они участвовали в народных собраниях, наравне с нобилями и свободными крестьянами становились заложниками, которых брал Карл Великий во время войны с саксами, и даже имели право носить оружие. Советский историк-медиевист А.И. Неусыхин уточнил: «У литов сохранились широкие кровно-родственные связи, и они имели право участвовать в общеплеменном собрании саксов».

Что же касается самого термина «лит», то его происхождением никто из языковедов не интересовался. Впервые слово с таким смыслом — и не раб, и не полностью свободный — встречается в произведениях римских писателей. В Римскую империю слово «лит» попало с войском франков. Франки, начиная с III века, совершали набеги на северо-западные провинции Римской империи, но не всегда возвращались победителями и с добычей. Так, их отряд был разгромлен в Галлии: 700 человек погибли на поле боя, а 300 пленных римляне увели в рабство (3,77). Ряд поражений нанес франкам Константин Хлор в конце III века, а в начале следующего — его сын Константин Великий, римский император (правил в 306–337 гг.).

Захваченных в плен воинов германских племён римляне, как утверждает Неусыхин, селили «на приграничных территориях римских провинций то как рабов и колонов, то как военных поселенцев летов (laetus)*», и заставляли обра-

* Колоны — в Римской империи приписанные к земле крестьяне, в хозяйственных и судебных отношениях зависимые от своих хозяев. Колония — община, основанная римским сенатом или императором на недавно завоёванной земле.

батывать землю. Российский историк Н.П. Грацианский цитировал мнение Евмения, панегириста императора Константина Великого, о летах:

> «Прежний бродяга и разбойник становился спокойным земледельцем. Если же его зовут на военную службу, он охотно является на зов. Хотя он называется воином, но это настоящий слуга, и рад такому состоянию» (3, 79).

Из сказанного следует:

– военный поселенец-франк получал особое название – лет (laetus);
– леты по своему положению резко отличались от рабов;
– леты становились земледельцами, но всё же охотнее шли воевать.

Это достаточно точное определение социального статуса носителей термина «лет» (лэт), которых селили на приграничных территориях Римской империи. Но имелись ли похожие социальные группы у варваров? Ответ на этот вопрос находим у немецкого историка Й. Херрманна:

> «Несомненен исторический факт, что с конца I века германские племена Центральной Европы, в том числе и региона Эльбы – Заале (Лабы – Салы – *Авт.*), регионов на восток от Одера (Одры – *Авт.*) и Скандинавии, имели всё большую и большую возможность перенимать соответственно уровню своего собственного развития, результаты развития производственных сил в провинциях Римской империи » (9, 71).

Варвары перенимали от римлян:

> «...методы работы, земледельческие приспособления, технологию добычи железной руды и переработки её на производственный инструмент и оружие, а цветных и драгоценных металлов – на вещи ежедневного использования и украшения, перенимали также способы хозяйствования и даже формы поселений».

Херрманн упомянул, например, центр гончарства в Тюрингии, где «с III века изготовлялась керамика по римским образцам и римской технологии».

Эти римские влияния достигали Мекленбургии, где велетские гончары изготовляли так называемую фельдбергскую посуду. Также известно, что в первых веках после Р.Х. римские металлурги работали на юге Польши, в Свентокшыских горах, где известен центр обработки железа. (К этим фактам следует добавить и факт появления в то время производства стекла на территории современных Беларуси и Украины. В доказательство торгово-хозяйственных отношений населения наших земель с Римской империей можно привести 23 находки античных монет, преимущественно на территории западной части Беларуси).

На основании различных фактов взаимных связей Херрманн констатировал:

> «Начиная с V века, возможность синтеза германского и римского развития становится исторической реальностью» (9, 74).

И как пример такого синтеза привел образование Франкской державы, в сферу социально-экономического развития которой была включена территория Тюрингии – после завоевания ее. В этом крае франки обустраивали хозяйство по римскому образцу. И как раньше римляне селили в Галлии «пленных германских крестьян и их семей – летов», так и в завоёванной франками Тюрингии «возникли крупные вотчины с крепостными (servi, coloni)», где франки селили пленных, в том числе и славянских воинов.

Вот так «в Тюрингии (а также в Баварии) с конца VI – начала VII веков появляются группы славянских поселенцев, которые становятся объектом феодаль-

ной эксплуатации» (9, 76), попадая, безусловно, в зависимое положение – положение свойственное римским летам. Их называли здесь литами.

Й. Херрманн сообщал, что в Тюрингии было много смешанных, германо-славянских, поселений. А историк Н. Грацианский писал, что в верховьях реки Майн имелся славянский регион (regione slavorum) с рядом славянских сёл, где селили пленных. Так возникали поселения литов. Некоторые из этих сёл получили название, в основе которого было слово «лит», например, Lytouga, Lituania (19, 369). Жители этих сёл, как и все литы, имели собственное имущество и некоторые права. Их общинами управляли свои (славянские) старейшины – жупаны (9, 76).

А ещё, как считал А. Мейцен, у славянских литов, проживавших в отдельных сёлах, «могли существовать даже некоторые корпоративные организации или объединения, какие имелись уже в обособленных группах германских летов во время римского господства».

«Салическая правда», свод законов франков (рукописная книга, ок. 770 г.)

Но высшая власть принадлежала франкам. Над жителями поселений тюрингских литов были поставлены «графы, которые совместно с епископом насаждали среди славян христианство» (4, 21).

ЛИТЫ У ГЕРМАНЦЕВ

В «Саксонской племенной державе», как утверждал Неусыхин, уже имелись три названных социальных слоя: «эделинги» (или «нобили») – племенная знать, а также «фрилинги» – свободные крестьяне и «литы» – полузависимые крестьяне. Саксонский и фризский лит – это, преимущественно, зависимый от своего властителя арендатор земли, плативший ему небольшой оброк. Как видим, саксонские зависимые крестьяне (литы) и римские военные поселенцы (леты) имели не только схожие названия, но и схожий статус в обществе.

По мнению немецкого историка А. Мейцена, литы, которые жили на усадьбе своего хозяина, имели преимущество, потому что за хорошую службу могли получить определенные права и достигнуть лучшего социального положения. К примеру, из числа этих частично свободных «оброчных» людей (их называли censuales) землевладельцы выбирали отдельных мужчин, на которых возлагали исполнение определенных хозяйственных служб, связанных с большей ответственностью: лесничих, егерей, конюших, надсмотрщиков, руководителей отдельных частей феодального двора и даже всего имения (кого потом назовут тиунами). Также из литов, как сообщает Мейцен, франкская знать набирала себе

вооруженную охрану. Так постепенно складывались условия для перехода части литов в более высокое сословие.

Литы составляли значительную часть общества, но в разных германских княжествах их социальное положение не было одинаковым. Например, фризские литы могли выкупать себя. Представители подобного сословия у лангобардов – альдии были зависимыми людьми и обрабатывали чужую землю, но могли иметь рабов.

С течением времени феодалы начали брать литов с собой в походы. И хотя только полноправные вольные люди (vollfrei), которые владели имуществом, имели формальное право участвовать в суде и служить в армии, по Мейцену, уже в эпоху Каролингов (772–911 гг.) «литов брали на военную службу».

И хотя их реальное положение было двойственным: и слуги, и воины, постепенно всё больше проявлялась тенденция значительных перемен в статусе саксонских литов. Так, А.И. Неусыхин цитировал мнение историка Ф. Гека, считавшего саксонских литов особым сословием и называл их «частью племени, обязанной нести воинскую службу и присутствовать на судебных заседаниях, за непосещение которых литов штрафовали». Так начала проявляться новая роль литов в саксонском обществе.

Постепенно возрастала и социальная значимость литов, зависимых людей, сидевших на чужой земле. Литы, которые поначалу не составляли отдельного класса, тоже участвовали во всеобщем процессе имущественного расслоения общества. Неусыхин выделил три категории саксонско-фризских литов с разными имущественными правами: «1) литы, которые не имели рабов; 2) литы, которые имели рабов; 3) литы, к которым в зависимость могли попасть вольные».

Но как у «частично свободного» лита могли появиться рабы? В то время была только одна возможность получить их: надо было привести пленных, лично захваченных в битве или набеге. Но сначала лита должны были взять на войну.

Победить неприятеля и захватить добычу могли только умелые, можно сказать, профессиональные воины. Поэтому общественный статус таких литов значительно возрастал. Так, Мейцен отметил принципиально новое положение литов: их стали принимать в служилое сословие. Неусыхин цитирует саксонские хроники, авторы которых «зачисляют литов в состав саксонского племени» и ставят литов «на третье место после эделингов и фрилингов, отчетливо отделяя их от рабов».

Такое «зачисление» свидетельствует прежде всего о том, что саксы следовали «древнему сословному порядку», по которому членом племени мог быть только полноправный общинник, рожденный свободным – упомянутый ранее «wollfrei». А «кто родился несвободным, тот не был частью народа и не имел доступа к народным правам», и не принадлежал к племени. Поэтому такое позднее признание литов соплеменниками саксов дополнительно подтверждает то, что сакские литы происходили из пленных, как и упомянутые римские «леты, большую часть которых составляли пленные германцы».

На значительную перемену положения саксонских литов повлияло завоевание Саксонской державы в начале IX века королем франков Карлом Великим. Саксонские эделинги постепенно переходили на сторону франков. А фрилинги, вольные крестьяне, не говоря уже о литах, постепенно закабалялись и станови-

лись полностью зависимыми. Конечно, бывшие фрилинги не смирились со своим новым положением, они упорно боролись за свои права. Их союзниками стали литы, которых историк Нитард называет lazzi. Фрилинги и lazzi вместе участвовали в восстании Стеллинга, «прогнали из страны своих продавшихся господ и начали жить по старым обычаям».

Здесь важно отметить, что даже в такой критический момент эти два сословия не стали единым народом, по крайней мере, хронисты их различали. Но lazzi-литы, несомненно, уже представляли собой немалую военную мощь, иначе фрилинги не стали бы с ними объединяться.

Как видим, в германских княжествах имелся «институт литства». Литы не только приобретали со временем права свободных граждан. Важно уяснить, что люди, волею судьбы попавшие в сословие полузависимых, неполноправных членов общества, не смирялись со своим положением и добивались лучшего. В результате литы, как, например, у саксов во время восстания Стеллинга, активно содействовали перемене государственного строя.

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЫ

Могла ли быть у западных славян подобная социальная структура? Условия для её возникновения, по крайней мере, были. Ободриты, велеты и прочие славянские племена почти всё время воевали с германцами, датчанами и между собой. Херрманн, изучавший славяно-германские отношения в Нижнем Полабье, утверждает, что там в течение нескольких столетий между саксами (германцами) и ободритами (славянами) существовала военно-политическая граница — Limes Saxoniae (9, 76). По обе стороны этой «этнической, социально-экономической, культурно-исторической и территориальной границы» стояли бурги — укрепленные поселения, жители которых охраняли границу.

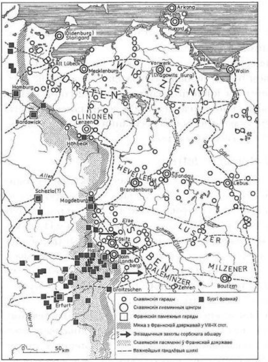
Здесь надо вспомнить ещё об одном аспекте римско-германских отношений, о строительстве римлянами длинной полосы укреплений, предназначенных для защиты от варваров (так называемый вал Траяна)*. Несомненно, строительство саксонских и ободритских приграничных городов-бургов было в определенной мере наследованием римских традиций.

Но ободриты строили большие бурги по всей своей земле. Это были хозяйственные и культурные центры. Безусловно, бурги служили также и убежищем для сельского населения, которое обрабатывало свою землю и землю феодала. «Властители таких бургов обустраивали сельскохозяйственное производство в сельских общинах зависимых крестьян» (9, 80). И нужно сказать, что с середины X века значительно возросла интенсивность обработки земли. Хронист Гельмольд писал, что славяне пахали землю плугом, впрягая двух волов или коня (1, 352). «Добавочный продукт, который поступал в бург, создавал основу для дальнейшей торговли» (9, 81). В свою очередь, рост хозяйственной деятельности влиял на все стороны жизни славянских княжеств. Херрманн отметил довольно

* Марк Ульпий Траян (53–117) — римский император в 98–117 гг. Вел многочисленные захватнические войны, в широких масштабах осуществлял строительство городов, портов, дорог и оборонительных сооружений в провинциях. — *Прим. ред.*

высокий уровень развития социальной структуры у северозападных славян – близкий уровню саксонцев.

А хозяйственное развитие обеспечивало соответствующий социальный статус западнославянских княжеств, их независимость и союзы с другими западноевропейскими государствами.

Бурги франков и славян VIII–X вв.

Именно славяне становились союзниками франков. Например, король франков Пипин Короткий (правил в 751–768 гг.) звал их на помощь, когда собирался воевать с саксами (4, 22). Ободриты участвовали и в кровавых войнах Карла Великого (правил в 768–814 гг.) с саксами, которые длились 33 года.

Славянские воины, как и все победители, приводили пленных и, по образцу римлян и франков, селили в своих вотчинах как литов. Их даже называли тем же словом – литы. К примеру, литы – как отдельная группа славянского населения, хотя и подчиненного уже немецким графам, упоминаются в дарственной грамоте Лаутербергскому монастырю, датированной 1181 годом. В этом документе маркграфы Отто фон Мейсен и Дитрих фон Остмарк перечисляют некоторые категории славянских жителей их марки*: «...деревенские старейшины, которые на их языке называются жупанами, и конные слуги – это витязи... Остальные литы, это значит смерды» (18, 240). Как видим, маркграфы уточняют значение слова лит, используя славянское слово смерд.

Итак, и в мекленбургских славянских княжествах имелось полусвободное сословие литов. И на славянских землях возникали поселения, названные этим термином. Немецкий языковед Р. Траутманн приводит топонимы Litten, Litsouw, Litzenitz с территории полабских и померанских славянских земель.

«Литство» было довольно широко распространённой составной частью системы европейского раннего феодализма. Такие же социальные процессы происходили и в западнославянских княжествах.

* Марка – в государстве франков и в средневековой Германии пограничный укрепленный округ во главе с маркграфом. – *Прим. ред.*

Из сведений о летах и литах можно сделать некоторые выводы.

Пленные, которые служили своим новым хозяевам, получали от них отличительное прозвище. К примеру, пленных поселенцев-франков римляне называли летами. Вспомним в этой связи «белых наёмников на службе у правителей Египта» — мамелюков, от арабского mamluk (купленный невольник, раб). И «отборная турецкая пехота» — янычары — была названа от турецкого слова «еничери», обозначавшего «новое войско». Как известно, янычаров набирали из пленных молодых славян.

Различным категориям военнопленных давали не только соответствующие обязанности. Так, римляне стремились привлечь бывших воинов неприятеля некоторыми привилегиями, земельным наделом, возможностью иметь семью и тем самым заинтересовать новых землевладельцев в необходимости защиты собственности или возможностью вступления в ряды легионеров. Безусловно, положение таких людей сильно отличалось от положения тех пленных, которых превращали в рабов.

Но все же приведенные выше слова Евмения не отражают истинную цель их желания воевать. Леты прекрасно понимали свое истинное положение: они — недавние свободные грозные воины вынуждены исполнять обязанности если не рабов, то слуг. Поэтому вполне понятно их стремление стать свободными и, вернувшись в воинское сословие, завоевать то, ради чего они ушли из родных краев. Летам, бывшим франкским воинам, это удалось, правда, несколько иным способом. Мейцен писал, что «военнопленные, расселенные римлянами как «laeti», германизовали римские области».

Похожее сословие полузависимых людей — литов — имели и славянские княжества в междуречье Одры и Лабы.

Из литов стала Литва

«... П О ФРАНКО-САКСОНСКОМУ ОБРАЗЦУ»

Как известно, западными соседями полабских славян были германцы. А в Тюрингии, завоеванной франками, жили разные племена. Там, как писал Херрманн, «чёткую географическую границу между германскими и славянскими поселениями» нельзя было провести (9, 76). Но между саксами и ободритами на протяжении нескольких столетий существовала на Нижней Лабе военно-политическая граница (limes Saxoniae), с обеих сторон которой стояли города-бурги, где жили феодалы с дружинами. (Мейцен указывал, что в начале IX века Карл Великий установил на востоке своего нового государства аналогичную границу — «limes sorabicus», сорбскую границу).

Такие «лимес» следовали римским образцам. В ряду больших укрепленных поселений выделялся главный город ободритов Мехлин (ныне Мекленбург), основанный, как предполагают, в VII или в VIII веке. Хотя взаимоотношения двух этносов далеко не всегда были добрыми, можно уверенно говорить о постоянных контактах между ними и взаимном заимствовании различных элементов материальной культуры.

Славянские племена, жившие в регионе между Лабой и Одрой (немецкий хронист Адам Бременский называл его Sclavonia, Sclavia), «находились на одном

уровне общественного развития – на высшей стадии распада общинного строя, с явно выраженными чертами военной демократии» (8, 197).

У велетов, «лучших мореходов в славянской семье» (2, 79) и, как утверждал Гельмольд, корсаров, этот процесс шел наиболее активно. Кстати, они на своей «прародине» сталкивались с античной культурой (9, 80), поэтому Полабье и Поморье выделялись некоторыми чертами материальной культуры. Например, отменной посудой (фельдбергской), «которая изготавливалась на гончарном круге, была хорошо обожжена и богато украшена» (8, 201). В славянских городах, как свидетельствуют немецкие миссионеры, были «улицы, площади, храмы и другие большие строения».

Кстати, именно в Фельдберге (прежний округ Нойштрелиц севернее Берлина) археологи раскопали велетские укрепленные поселения с «линейными» улицами, застроенными большими домами, с храмами и местом для собрания (9, 80). Херрманн полагал, что в каждом таком селе жило от 600 до 1200 человек.

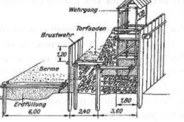

Схема оборонительной стены города Любчин

Он же указывает, что славянские бурги известны в латинских источниках как civitates. В этих бургах во время нападения враг ов прятал и сь также жители окрестностей. Похожие укрепленные «civitates» строили и другие западнославянские племена, потому что «славяне всегда были строителями городов» (11, 13).

Оборонительные укрепления славянских городов состояли из деревянных конструкций и нескольких земляно-каменных слоев, что выявлено во время археологических исследований. Херрманн представил образец сложной конструкции оборонительной стены города Берен–Любчин (округ Тетерев). В других городах оборонительные сооружения были еще более мощными. Известно, например, что во время осады руянского города Арконы германцы вынуждены были использовать специальные подвижные приспособления, с помощью которых они недавно штурмовали римские города (11, 652).

Из этих фактов можно сделать вывод о соответствующем техническом уровне строительства, инженерных способностях славянских зодчих, о высоком уровне общественного и экономического развития, позволявшего строить такие бурги.

Вследствие необходимости защиты в ходе постоянных войн велетские племена проявляли стремление к организации государственной жизни (2, 69). Как утверждает Гельмольд, у славян, как и у германцев, имелось вече. На этом народном собрании решались основные государственные вопросы: начала войны, перемирия, внешних сношений и культов.

Не случайно Херрманн полагал, что общественный строй славянских полабских племен лишь незначительно отличался от строя германцев. И вообще, князья ободритов и других племен... «участвовали в формировании феодальных отношений по франко-саксонскому образцу» (9, 83).

ОСТАЛЬНЫЕ ЛИТЫ, РАЗУМЕЕТСЯ, СМЕРДЫ

Рабов-соплеменников у западных славян не было. Подневольными становились пленники, которых приводили из каждого удачного похода. Пленников делили «между воинами или продавали на рынке» (2, 57). А полабские и поморские славяне вынуждены были постоянно воевать. Длительное время они соперничали и сражались с франками. Например, согласно «Хронике Фредегара», франки напали на государство Само, но не победили и вынуждены были бежать (5, 44). В свою очередь, много раз «виниды врывались в Тюрингию и в другие области королевства франков, опустошая их». Несомненно, это опустошение означало и захват населения.

Карл Великий воевал с велетами, в 810 году – с линянами и бытеньцами. А ободриты тем временем состояли в союзе с франками и участвовали во многих совместных походах. Так, на помощь Пипину, будущему королю франков, когда он начал борьбу против своего брата, заключившего союз с саксами, пришло славянское войско. Польский историк В. Богуславский писал, что было их 100 тысяч! Понятно, что в действительности этих воинов было меньше раз в десять или пятнадцать, но всё равно можно говорить о высоком уровне экономического развития ободритского государства, способного вооружить крупное войско (11, 25). С помощью ободритов Пипин победил брата и покорил саксов.

Как писал польский историк Г. Лябуда, ободритский князь Мстивой отправился с тысячей всадников вместе с императором Оттоном I в Италию, где германцы воевали с сарацинами. Из этого похода вернулись не все ободритские всадники, но князь Мстивой приобрел боевой опыт, который пригодился ему в восстаниях против немцев в 990 и 1002 годах.

Немецкие хроники сообщают о частых войнах славян с германцами в середине IX века. В 844 и 845 гг. ободриты дважды разоряли Гамбург, где в то время установилась христианская митрополия (11, 57, 59). По обычаю того времени, каждый раз победители возвращались домой с пленными. Известны грабительские походы западных славян на данов (17, 57). В X веке славяне нападали на уже христианскую Данию. Как написал Гельмольд, ему рассказывали, «что в городе Мехлине в торговый день насчитали 700 пленных данов, предназначенных на продажу».

Ободриты и велеты до X века часто воевали между собой. Гильфердинг писал, что славяне превращали в рабов не только пленных германцев. После побед в междоусобных войнах «лютичи уводили в неволю бодричей (ободритов), поморяне – лютичей» (2, 58). Захваченных в таких набегах пленников селили на княжеских дворах, усадьбах дружинных и деревенских старшин, а также в отдельных селах. Так появлялись славянские литы.

Подтверждает существование славянских литов, как полусвободных крестьян, и В. Богуславский. Он писал: «в захваченной франками и саксами славянщине творились ужасные вещи. Саксы убивали лехов*, закабаляли людинов (литов), прогоняли местное население с их земельных владений» (11, 17). (Славя-

* Лехи, лехиты (Lechitae) – так некоторые польские ученые называют определенные категории населения полабских племен, очевидно, знать. По Богуславско му, лехиты – свободные, они же воины, а, значить, основные враги саксов.

не ответили восстанием 990 г.). Как видим, Богуславский отметил, что до этого закабаления литы имели какую-то свободу.

Подтверждение находим и у Мейцена, который утверждал, что литы — выходцы из «подчиненного народа». Заметим, что из народа, а не сословия. Вспомним и дарственную Лаутербергскому монастырю: «ceteri liti, videlicet hoc est zmurdi...» («остальные — литы, разумеется, это смерды...»). Здесь значение термина литы объясняется словом смерды. Вероятно, оба слова одинаково использовались. Первое было официальным, а второе, — разговорным, как считает польский историк К. Тыменецкий. Его коллега Ю. Бардах упомянул документ, в котором смерды выделены из общего учета деревенских жителей — литов, альдов и «оброчников». И этот факт, — резюмирует Бардах, — противоречит мнению о происхождении смердов из пленных (10, 61). Славянские литы, бывшие пленные, всё же не могли быть смердами, потому что воевали только свободные.

Из упомянутых документов и мнений ученых следует, что литы отличались от смердов. По крайней мере, они жили отдельно. Вспомним названия сёл Lytouga, Lituania и местность Malici zmurdiaca в Мекленбурге. М. Ежова также упоминает славянские поселения Smorte из округа Пенцлин, Smerdele (14, 78) из округа Росток и территориально не определённый Smarzenow (15, 86).

Есть основание утверждать, что славянские воины использовали литов как оруженосцев (вспомогательное воинство). Например, В. Богуславский пересказал сообщение хрониста Сакса Грамматика о битве около поселения Бравалс, где от шведов и норвежцев отбивались датчане. Датчанам помогал полк лютичей, выделявшихся своим оружием и снаряжением. Те лютичские воины имели щиты цвета меди и длинные мечи. «Сражаясь, славяне забрасывали щиты за спину или отдавали их слугам-похолкам» (11, 8). Правда, Богуславский не указывает, как называются похолки-слуги в «Хронике» Сакса Грамматика. Но сам факт присутствия таких помощников-оруженосцев у лютичских воинов позволяет думать, что это были именно литы, как и у германцев. Поначалу литы находились на содержании у своих хозяев, но позже, нажившись на грабительских походах и войнах, стали жить и даже воевать самостоятельно. В пользу такого мнения свидетельствуют поселения, в названии которых есть слово «лит».

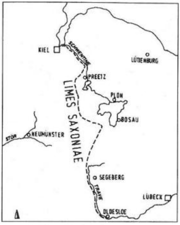
LITTEN, LETTOWE — ПОСЕЛЕНИЯ ЛИТОВ И ЛИТВЫ

Немецкий языковед Р. Траутман называет полабские и померанские славянские топонимы Litten, Litsouw, Litzenitz, в которых жили литы. М. Ежова также отыскала в старом немецком документе топоним Lettowe с острова Руя. (Lettowe, «летавы» — славянизированная форма множественного числа от lit. Сравним немецкое Litten).

Представляет интерес еще один факт. Карл Великий, «реализуя свою антисакскую политику, массово выселял саксов и отдал ободритскому князю Дражко Нордальбингию», землю залабских (со стороны франков) саксов» (11, 29). Польский историк Е. Стшельчик высказал мнение, что Карл Великий посадил славян на левом берегу Лабы ради своей выгоды. А кого он мог там посадить? Очевидно, что только безземельных литов. Они должны были стать «стражами реки» (Stromhüter) против неприятельских — относительно франков — славянских

племен и одновременно оставаться союзниками Карла Великого против покоренных саксов.

(Позже о подобной обязанности литвы – быть стражами – напомнила Галицко-Волынская летопись сообщением о « стороже», которую послала литва на озеро Зьята. Очевидно, что обязанности стражников на Лабе и литовской сторожи были сходными. Это воинское сословие на Полесье обязано было нести специальную службу, как когда-то леты на пограничных территориях Римской империи и славянские воины на Лабе).

Рубеж между государствами саксов и ободритов

На приобретенных саксонских землях ободриты создали – по римскому образцу – поселения колонов: летов, или литов. Такое суждение подтверждает исследование историка В. Кипарского, который нашел в «нововерхненемецком и средненижненемецком диалектах» названия Lettowen – Литва.

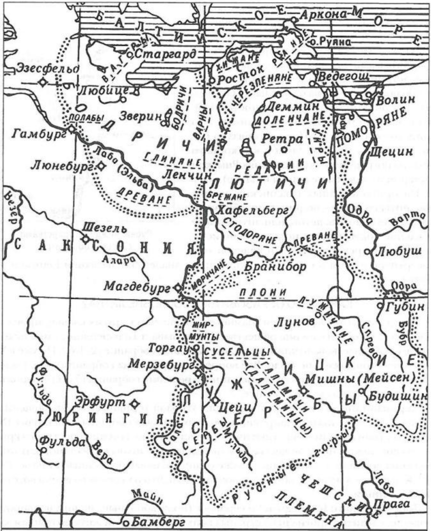
КАК МОГЛО ОБРАЗОВАТЬСЯ СОСЛОВИЕ ЛИТВА?

У велетов (велетов-лютичей) намного раньше, чем у других славян, произошло социальное расслоение общества. Как указывает Гильфердинг, у них некоторое время властвовали князь, нобили и народное собрание (2, 139). Но уже в X веке у велетов князей не было. Все вопросы решались на собрании, и не было другой общественной власти кроме единого решения собрания (7, 11) – вероятно, вече, как это было и в Полоцке.

Херрманн писал, что у лютичей перед угрозой германского порабощения произошла «мобилизация широких народных масс для обороны». Начиная с IX века, на главную арену вышло лютичское крестьянство. Именно крестьяне укрепили свое положение в обществе, подтвердили свои права и восстановили «отношения военной демократии, а также отличительные племенные культы» (9, 82). Как видим, у велетов-лютичей произошло то, что и у саксов во время восстания Стеллинга.

Тогда фрилинги (свободные) и сервилес (полусвободные, значит, вольноотпущенные и литы) прогнали из страны своих господ и стали жить по старым законам. Кстати, известно более раннее «сотрудничество» этих двух сословий. Во время восстания тюрингских саксов против франков местные литы, «не обращая внимания на ненависть к саксам, приняли участие в восстании, за что Хлотар, король франков, разорил Тюрингию» (11, 18). (В критических ситуациях лютичи тоже могли принять своих литов в ряды воинов).

У саксов, по мнению Неусыхина, «литство каждый раз скрупулезно отмежевывается от свободы (libertas) именно как servitium» (7, 161), что значит «слуги». Вероятно, и у славян литы создавали отдельные отряды. Можно предполагать, что у славян давно имелись такие группы воинов. Пожалуй, литов имел в виду

ПОЛАБСКИЕ СЛАВЯНЕ в 8–10 веках

60 0 60 120 км

ВАГРЫ — Племена полабских славян
ЛЮТИЧИ — Племенные союзы
(пунктир) — Приблизительные территории племенных союзов
САКСОНИЯ — Германские области
◆ — Опорные пункты германской агрессии в земли славян

Гельмольд, когда рассказывал о грабежах имущества ободритского епископа Ваго «разбойниками, которые приходя сюда от ранов (руян – Авт.) или вильцев, не щадят и епископских владений» (1, 59).

Как уже упоминалось, князья ободритов и других племен «участвовали в формировании феодальных отношений по франко-саксонскому образцу». (А в германских княжествах в конце IX века образовалось фактически новое сословие – литы, которые были обязаны нести воинскую службу). Поэтому образ жизни и обязанности саксонских и славянских литов были похожи. Вероятно, и славянам пришлось отступиться от традиционной воинской обязанности только свободных сограждан, особенно, когда к этому принуждали обстоятельства. Без литов, прежних воинов, не обошлись во второй четверти X века, когда начались оборонительные войны вильцев, самоотверженно сража вшихся «против завоевателей из Саксонии и захватнической политики императоров Оттонов» (9, 81).

Херрманн писал, что «в этих войнах стала более значительной роль свободных крестьян. Они в добились успеха в одном из величайших восстаний X века». Так же успешно действовали они и в восстании под руководством князя Мстивоя. Тогда славянское войско разорило Нордальбингию, сожгло храмы (1, 135). Как следует из контекста, кто-то исполнял менее значительную роль. Кто еще мог участвовать в восстании? Присоединиться могли нобили и литы. Однако, по утверждению того же Херрманна, «о господстве в лютичском союзе племенных нобилей нет почти никаких сведений», а в конце X века «организаторами армии выступали языческие жрецы». Видимо, исполняли «менее значительную роль» литы – жители ободритских, лютичских, руянских поселений (таких как Litten, Lettowe и других) – отдельное социальное сословие. Созданные ими дружины никогда не становились в ряды воинов других сословий. Такие воинские группы должны были отличаться и особым названием.

Скорее всего, славянские соплеменники называли их словом «литва». Это название, обозначавшее и одновременно выделявшее воинов полузависимого сословия, образовалось от термина «лит» с присоединением прославянского суффикса со сборным значением -tv- (- тв -). Сравните беларуские дзятва, спадарства, казацтва; польские dziatwa, państwo; русские братва, паства, воинство.

ЛИТВА ИЗ ЛЮТИЧЕЙ? ВОЗМОЖНО ЛИ?

Наш эмигрантский историк Павел Урбан, который исследовал деяния Великого Княжества Литовского, выводил литву тоже от западных славян. Но он утверждал, что слово литва – это переделка термина лютва, который образовался из этнонима «лютичи», название известного западнославянского племени. Такое мнение основано, вероятно, на своеобразном (и ошибочном) написании в папских буллах названия Миндовгова королевства Литва – Liutowia (6, 55). В этих документах, кстати, встречаются и другие формы названия королевства: Litowia, Letowia.

Происхождение термина литва от этнонима лютичи было бы возможным, если бы речь шла о названии племени или народа. Но литва, как уже сказано, – не племя и не народ, а социальное сословие. Это профессиональные воины происхождением из пленных, однако не из какого-то одного этноса. И, разумеется, во-

ины-литва не были генетически связаны с каким-то одним конкретным племенем. Их объединяло не происхождение, а принадлежность к полузависимому сословию, из которого бывшие воины, бывшие свободные люди, стремились вырваться, как это сделали, например, римские леты, учредив свои корпоративные организации. То зависимое положение, в котором оказались славянские литы, принудило их создать особые воинские объединения, которые и получили название литва.

Поэтому маловероятно, чтобы велеты-лютичи, которые уже основательно заявили о себе на исторической арене всей Европы, а не только Мекленбургии, отказались от своего этнического имени и стали называться литвой. К тому же, как известно, лютичи не самое первое их самоназвание. На протяжении своей многовековой истории они были известны преимущественно под двумя именами.

Лютичи вышли из венедов – так античные авторы называли группу раннеславянских племен, населявших большую территорию: от Прикарпатья до Венедской (Поморской) бухты Балтийского моря. Но в VIII веке появился термин велеты. Эту форму – weltaba (велеты) – записал арабский путешественник Ибрагим ибн Якуб. Хронист франков Эгинхард (Эйнгард) указал почти такое же самоназвание велетов – weletabi. Франкам они были известны как «вильцы» (wiltzi), по крайней мере, в последней четверти VIII века. Такое же название (vilci) записал Баварский Географ, хронист второй половины IX века. Но он употребил слово vilci в ином, нежели франкские хронисты, значении: «Термин «vilci» у Баварского Географа, отметил польский историк Е. Довят, означает определенное политическое объединение» (13, 264).

Можно полагать, что название лютичи переходило на всех членов лютичского союза. Например, «Богуслав I, князь Западного Поморья, титуловался princeps Liuticorum» – «князь лютичский». Как видим, в это название уже вложен политический смысл. С использованием термина «лютичи» для обозначения велетского союза встречаемся затем у Адама Бременского, автора XI века, и зависимого от него Гельмольда. В их произведениях под именем лютичи выступает союз четырех племен: ратарей (радаров), доленчан, черезпенян и хижан (кишан) (1, 59). Также и Е. Довят, анализируя свидетельства разных хронистов, утверждает: «Термины велеты-лютичи употреблялись на протяжении VIII–IX вв. в двояком значении: или этнической группы, или политической единицы, а именно «союза четырех племен».

Впрочем, лютичи, чтобы отличаться от других участников упомянутого союза, могли взять себе в очередной раз новое имя – литва. И некоторые народы, скажем, соседи, тоже могли называть их новым именем, а те, кто жил дальше, вряд ли вообще знали о замене. Но в таком случае, переселившись в наш край, лютичи принесли бы только свое новое имя. Однако в нашей топонимике находим обе формы упомянутого этнонима.

Например, на Минщине известны поселения, происхождение названия которых можно связывать с лютичами: Лютец (Борисовский р-н), Люти (Пуховичский р-н), Лютка (Смолевичский р-н), Лютые (Крупский р-н). При этом некоторые деревни, возможно лютичского происхождения, находятся неподалеку от селений Литва: Лютовичи (Копыльский р-н) – Литва (Узденский р-н), Лютош, Лютина, Лютинка (Воложинский р-н) – Литва (Молодечненский р-н). И в Ко-

пыльском районе есть деревни Велешино (Копыльский сельсовет), Велешино I и Велешино II (Слобода-Кучинкский сельсовет), а в Воложинском — Велец (Соковщинский сельсовет). Деревню Велетово находим и в Кореличском районе.

Как видим, в топонимике Верхнего Понеманья отразились разные формы названий представителей лютичского союза, отдельные группы или роды которого, как утверждал Павел Урбан, переселялись сюда в разное время. Они и основали поселения, назвав их соответственно своему имени.

Но нет основания включать в этот ряд селения под названием Литва.

Во-первых, в отличие от Довята, российские историки утверждают, что вильцы стали называться лютичами только в конце X века (8, 203). Между тем уже в 1009 году Литва — известный по немецкой летописи топографический объект находился далеко за пределами лютичской территории. Мы полагаем, что за столь короткий отрезок времени вильцы-лютичи не смогли бы в очередной раз сменить самоназвание, и тем более заявить о себе под новым именем в другом регионе. К тому же лютичи все ещё оставались в Мекленбургии, где в городе Радогощ (Радигощь, Ретра) был их главный храм бога Сварога*.

Из таких воинов-литов состояли дружины литвы

Во-вторых, если принять утверждение, что литва — это лютичи, то как совместить следующие факты. С одной стороны, лютичи выходили на войну «под штандарами», как римские легионеры (8, 204); «корсаров-лютичей» называли «лучшими мореходами в славянской семье» (2, 79); зодчие-лютичи строили в Полабье бурги с «храмами и иными большими зданиями». А с другой стороны они, переселившись в бассейн Немана, вдруг затаились в глухих лесах, позволили сделать себя данниками местных князьков и служили им конюхами. Об этом сообщает «Летописец Переяславля Суздальского»: «литва, испрьва исконнии данницы и конокръмци» («литва, изначально исконные данники и конюхи»).

Не сочетается это между собой. Видимо, лютичи-велеты никакого отношения к литве не имели.

Н а рубеже 1-го и 2-го тысячелетия у этого мощного союза славянских племен не было ни социальных, ни политических причин менять свой этноним «лютичи» на социальный термин «литва».

* Лютичи, или велеты — союз славянских племен, существовавший в VIII–XII вв. между Одером и Эльбой. Германский император Лотарь разрушил Радогощ в начале XII века и вскоре после этого покорил лютичей. Их земли вошли в Бранденбургскую марку. — *Прим. ред.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельмгольд. Славянская хроника. М., 1963.

2. Гильфердинг А. История балтийских славян. Часть 1. М., 1994.

3. Грацианский Н.Н. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.

4. Грацианский Н. Карл Великий и славяне. // «Исторический журнал». 1945, № 3.

5. Грацианский Н. Славянское царство Само. // «Исторический журнал». 1943. № 5–6.

6. Жлутка А. Кароль Міндоўг і яго дзяржава ў дакументах папскай курыі XIII ст. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 4. Мінск, 2003.

7. Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. М., 1974.

8. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.

9. Херманн Й. Общество у германских и славянских племён и народностей между Рейном и Одером в VI–XI вв. // «Вопросы истории», 1987, № 9.

10. Bardach J. Zmiercz smierdow. // Z polskich studiow slawistycznych. Seria 3: Historia. Warszawa, 1968.

11. Boguslawski W. Dzieje slowianszczyzny polnocno-zachodniej do polowy XIII w. Ksiega III. Poznan, 1892.

12. Brukner A. Starozytna Litwa. Ludy i bogi. Olsztyn, 1984.

13. Dowiat J. Pochodzenie dinastii zachodnio-pomorskiej i ukszaltowanie terytorium ksiestwa Zachodnio-Pomorskiego. // Przeglad historyczny. Tom XLV. Zeszyt 2–3. Warszawa, 1954.

14. Jezowa M. Dawne slowianskie dialekty Mieklemburgii w swietle nazw miejscowych i osobowych. Cz. I. Fonetyka. // Prace jkzykoznawcze. Tom 26. Wroclaw, Warszawa, Krakow. 1961.

15. Jezowa M. Cz. II. Slowotworstwo. // Prace jkzykoznawcze. T om 32. 1962.

16 . Ketrzynski W. O dokumentach Mendoga krola litowskiego. Krakow, 1907.

17. Leciejewicz L. Miasta slowian polnocnopolabskich. Wroclaw, Warszawa, Krakow, 1968.

18. Meitzen A. Wanderungen, Anbau und Agrarrecht der Volker Europas nordlich der Alpen. Berlin, 1895.

19. Will K. Ueber den Verfaser des Chronicon Moguntinum. // Historisches Jahrbuch. Band II. Heft 3., Munster, 1881.

20. Zaleski W. Swieci na kazdy dzien. Warszawa, 1989.

«Повесть временных лет» и вопросы этногенеза беларусов

Александр Ильин,
доцент Полесского университета
(Пинск)

В последнее время ведется активная дискуссия по вопросу происхождения беларусов. Главным письменным источником, используемым в этом споре, является знаменитая «Повесть временных лет» (ПВЛ)*.

Уже много веков этот литературный и исторический памятник удивляет своей полнотой и совершенством. Академик Герард Миллер, поражённый широтой летописной информации и уровнем её систематизации, писал в 1749 году, что летописец Нестор (предполагаемый автор) и его последователи создали настолько полную систему русской истории, что никакая другая нация не может похвалиться таким сокровищем.

Современный русский историк В. Дёмин пишет:

> «...Из всех историков прошлого лишь один автор «Повести временных лет» озабочен судьбой славянства как единого целого. По существу, Нестор – первый славянофил и первый панславист, равных которому не было ни до, ни после» (1).

Аналогичной мысли придерживался выдающийся славист Н. Толстой:

> «Ранний период в истории славяноведения, сыгравший значительную роль в формировании славянского народного самосознания и этнической индивидуальности, связан с именами Нестора-летописца (конец XI – начало XII вв.), Я. Длугоша (1415–1480), Мацея из Мехова (ум. 1523) и М. Кромера (1512–1589) – в Польше, Ю. Крижанича (ок. 1618–1683), М. Орбини (сер. XVI в. – 1611) и П. Витезовича (1650–1713) – в Хорватии и Далмации, с трудами М.В. Ломоносова (1711–1765) и А.Л. Шлёцера (1735–1809) – в России, И. Гердера (1744–1803) – в Германии, В. Дуриха (1738–1802) – в Чехии» (2).

Стоит задуматься над вопросом: откуда у простого киевского монаха столь высокий уровень научных знаний, такое опережение почти на 400 лет европейской исторической и политической мысли? Лично я в подобные чудеса не верю. Византийско-православная цивилизация до XVIII века не замечена в получении научных результатов мирового уровня. Так, чешский хронист Козьма Пражский – современник Нестора – не смог даже понять близость чехов и поляков (привел легенду о Чехе, но о «брате» его Лехе не слышал).

***

Для возникновения панславизма требовался целый комплекс культурных, экономических и политических условий. Такие условия возникли после того,

---

* «Советская Историческая Энциклопедия» (том 6, с. 192; том 8, с. 366; том 11, с. 228) сообщает, что ПВЛ это летописный свод, составленный в Киеве около 1113 года на основе предыдущих летописей и других текстов. Но как самостоятельный памятник ПВЛ не сохранилась. Она является частью так называемой «Лаврентьевской летописи» (1377 г.) и «Ипатьевской летописи» (начало XV века). – *Прим. ред.*

как турки в 1453 году захватили Константинополь и перерезали торговые пути на Восток. В то время Папой римским был Николай V (понтифик в 1447–1455 гг.):

> «Папа Николай V создал в Риме центр науки, искусства и философии, где активно проявил себя кружок Виссариона. Вокруг Виссариона группировались деятели культуры из восточных, а также латинских стран, многие из которых впоследствии стали выдающимися представителями западного гуманизма» (3).

Энциклопедически образованный гуманист Виссарион (ок. 1403–1472), ставший в 1437 году архиепископом Никейским, стремился к союзу Византии с Западом в целях совместной борьбы против турок. В 1439 году он выступил одним из инициаторов Флорентийской церковной унии. Однако вожди латинофильской группировки византийской знати оказались в Константинополе в меньшинстве, и встретили сильное сопротивление, поэтому им пришлось эмигрировать. Переселившись в Италию, Виссарион перешел в католичество, стал кардиналом. Кардинал Виссарион всячески вдохновлял яростную антитурецкую борьбу Николая V и Пия II.

Виссарион,
архиепископ Никейский

Судьба славян не была безразличной для Пия II. Будучи в своё время папским легатом в Чехии, он написал «Богемскую историю», а в своих географических работах описал жизнь славян Великого Княжества Литовского. В частности, он отметил, что язык литвинов – славянский, и многие из них православные. Кстати говоря, другом Пия II (в мирской жизни – поэта-гуманиста Энеа Пикколомини) был выдающийся немецкий философ Николай Кузанский (1401–1464). Николай создал знаменитую карту Европы, на которой обозначил ВКЛ и все славянские государства. В окружении Виссариона получила признание «паннонская теория» происхождения славян. Так, Пий II писал, что легендарные Чех и Лех были хорватами.

(Выходит, что автор «Повести временных лет» намного опередил теорию Виссариона и его сподвижников.)

В то же самое время в Риме в кружке гуманиста Помпония Лето (1428–1497) оформилась «сарматская» теория происхождения славян, утверждавшая, что их прародиной является бассейн реки Дон и северное Причерноморье*. Главная роль в создании этой теории принадлежит выдающемуся историку Флавио Биондо (1392–1463). Российский исследователь Е. Космин-

* Отметим в этой связи, что ряд современных авторов тоже считает «колыбелью» славянства именно этот регион. – *Прим. ред.*

ский считает его основателем школы эрудитов в итальянской гуманистической историографии:

> «Я имею в виду терпеливых и кропотливых собирателей, которые рылись в археологическом материале, занимались собиранием и сличением источников и воссозданием на их основе истории средневековья» (4).

Косминский отмечает честность и независимость Биондо, работавшего папским секретарём. Подтверждением этому тезису является опровержение им легенды о крестовом походе Карла Великого, которая в то время была нужна Римским папам в их антитурецкой борьбе.

Следовательно, можно предположить, что созданная Биондо «сарматская теория» происхождения славян имела солидную документальную основу.

Эту теорию взял на вооружение Сабеллико (1436–1506) – историк, обслуживавший политические интересы Венеции, потерявшей тогда богатые колонии в Причерноморье, прежде всего Тан (Азов). Немного ранее этими идеями увлеклись Помпоний Лето, а также его ученик Каллимах (Филиппо Буонаккорси; 1437–1496). В 1472 году Лето совершил «скифское путешествие», побывав в Польше, Украине и на берегах реки Танаис (Дон).

Каллимах (надгробная плита в костёле доминиканцев в Кракове (Вит Ствош, ок. 1500 г.)

Именно Каллимах стоял у истоков «сарматской теории» происхождения польской шляхты.

Итак, можно сделать вывод, что посредническую роль по ознакомлению европейских ученых со славянским миром сыграла итальянская историография.

***

И вдруг оказывается, что за 350 лет до Виссариона, Каллимаха, П. Лето, Ф. Биондо и их сподвижников киевский монах Нестор глубоко осмыслил историю славянских народов в контексте мировой истории. Между тем принято считать, что восточные славяне до принятия христианства находились на низком уровне развития, так как их почти не коснулась римская цивилизация.

Отсюда возникает ряд вопросов. Например, российский историк А. Кузьмин не принимал Нестора как автора ПВЛ и выдвинул гипотезу о существовании прозападного летописца при киевской Десятинной церкви (5). О том, что автор ПВЛ кроме византийских источников использовал также и западные, писали Н. Никольский, Н. Ильин и другие авторы.

Украинский историк и философ П. Кралюк замечает:

> «Автору «Повести временных лет» нельзя отказать в патриотизме. Однако это был не украинский патриотизм и не российский, а скорее «столичный», «киевский» (6).

Другой украинский философ И. Паславский пишет:

«Во второй половине XV века в Украине заметно активизировалась социально-культурная жизнь, что в значительной мере было вызвано сменой политической ситуации – возрождением автономного Киевского княжества во главе с Ольгердовичами-Олельковичами, которое просуществовало с 1440 до 1471 г. Политическое возрождение Киевского княжества в середине XV века благоприятно повлияло на его экономическое и культурное развитие. Именно тогда Киев становится центром рационалистическо-гуманистического движения, которое охватило украинско-белорусские земли Великого Княжества Литовского. Была начато восстановление пышных культовых сооружений Киева, поднят из руин Успенский собор лавры.

Нестор-летописец (скульптура М. Антокольского, 1890 г.)

Тогда же активизируется литературная жизнь в Киеве. Из стен Печерского монастыря выходят выдающиеся памятники украинского книжного искусства – «Лествица» (1445 г.) и «Златоструй» (1474 г.). /…/

В 1460–1462 гг. были осуществлены две основательные редакции «Киево-Печерского Патерика». Обращение киевских книжников к этому литературному источнику древнего Киева никак не было рецидивом средневекового способа мышления, а определялось реальной жизнью Украины того времени. Большое внимание, которое было уделено в Патерике **прославлению исторического прошлого Киева** /выделение мое – *А.И.*/, находилось в прямой связи с автономистической политикой киевских князей Олельковичей, их стремлением вернуть Киеву роль главного центра всех украинских земель» (7).

Детальное изучение ПВЛ, а также ознакомление с таким культурным явлением как «олельковицкий ренессанс», позволило автору данной статьи прийти к выводу, что ПВЛ была написана в Киеве по заказу киевских владетельных князей Олельковичей.

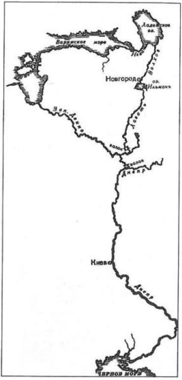
В Киеве при поддержке князей Олельковичей действовал научно-переводческий кружок. Именно деятельность этого кружка вызвала существенные перемены в ориентации украинской культуры во второй половине XV века. Произошла переориентация ее с византийской мистической традиции, уже исчерпавшей свои жизненные силы, на традицию западноевропейскую с её жизнеутверждающим рационализмом.

Князья Олельковичи были могущественными магнатами, меценатами культуры и яркими личностями. Князь Семен Олелькович (1420–1470) стоял во главе православных магнатов, пытавшихся воссоздать Великое Княжество Русское с центром в Киеве. Несколько раньше князь Свидригайло Альгердович (ок. 1370–1452) делал уже такую попытку. Отметим, что одной из главных в ПВЛ является идея единства русинов и прославление могущества Киевской Руси.

Князь Семен Олелькович в 1454 и 1464 гг. выступал конкурентом польского короля Казимира IV в борьбе за великокняжеский престол в Вильне. В середине 50-х годов литовские православные магнаты строили планы по возведению

Семена Олельковича на великокняжеский престол, а в 1461 году на сейме они потребовали от Казимира – либо жить в Литве, либо дать ей отдельного великого князя, желательно Семена Олельковича. Князь Семен содействовал тому, что в 1458 году православная церковь в Украине отделилась от Московской митрополии и была преобразована в самостоятельную Киевскую митрополию.

Не менее интересной личностью являлся его брат Михаил Олелькович (ок. 1425– 1481), который с разрешения Казимира IV был приглашён в 1470 году на княжение в Новгород для обороны города от угрозы со стороны Москвы. В Новгород он с собою привёз своего астролога и чернокнижника Схарию. Но вскоре князю пришлось покинуть Новгород.

Путь «из варяг в греки»

Отметим, что идея органической связи киевских и новгородских князей проходит через всю ПВЛ, хотя там постоянно подчеркивается превосходство Киева над Новгородом.

В 1476 году Михаил Олелькович подписал знаменитое письмо Папе римскому Сиксту IV, в котором православные представители духовенства и шляхты ВКЛ высказали желание заключить унию с католической церковью.

Князь Михаил Олелькович погиб за свою идею воссоздания Великого Княжества Русского (Киевского). В 1481 году он организовал заговор с целью убийства или устранения с престола великого князя Казимира IV.

Именно в ПВЛ впервые появился рассказ о торговом пути «из варяг в греки» и говорится о важном значении его для славян и Константинополя. Между тем в начале XII века (которым традиционно датируется ПВЛ) Царьграду (Константинополю) еще не угрожал турецкий захват. Кроме того, в ПВЛ водный путь Новгород – Киев – Константинополь продолжен до Рима. На наш взгляд, это сделано для того, чтобы подчеркнуть христианское единство этих городов, т. е. фактически проводится идея Флорентийской церковной унии 1439 года.

Еще академик Борис Рыбаков заметил, что в «Сказании про грамоту славянскую» содержится похвала Папе римскому (8). Включение в потомство Яфета варягов, руси, римлян, греков, немцев и других европейских народов означает, что автор ПВЛ утверждает не только их христианское единство, но также и этническую близость. А легенда о приглашении варягов для правления на Руси вероятно создана для того, чтобы подчеркнуть неразрывную связь Руси с католическим Западом.

ПВЛ также указывает на связи Киевской Руси с балканскими странами (версия о дунайской теории происхождения славян) и с Византийской империей (легенда о том, как князь Олег в 907 году прибил свой щит на воротах Константинополя). Всё это обосновывало идею совместной борьбы славянских народов против турецкой агрессии и за освобождение от них Константинополя.

Если внимательно читать вступительную часть ПВЛ, то можно убедиться, что в ней отражена идеология киевских князей Олельковичей.

***

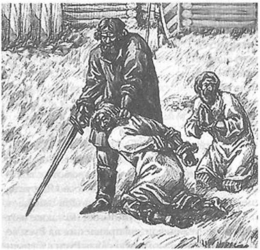
Коснемся теперь этнографических аспектов ПВЛ. Этот вопрос мало изучен: можно отметить лишь статью украинского историка и философа П. Кралюка (9). Можно предположить, что автор ПВЛ был знаком с произведением византийского императора Константина Багрянородного (905–959) «Об управлении государством», в котором названы всего четыре восточнославянских племени: вервиане (волыняне), другувиты (дреговичи), кривитиане (кривичи) и северии (северяне). Интересно, что в этом списке племён нет «полян» — ключевого племени для автора ПВЛ.

Некоторые историки (например, М. Брайчевский) вообще не находят места для полян на этнографической карте Древней Руси. А российский археолог Д. Авдусин пишет:

> «Наиболее характерным племенным признаком оказались так называемые височные кольца — украшения, которые поддерживали причёску и носились женщиной на висках. Нет племенного типа височных колец только у полян, живших вокруг Киева» (10).

В VII веке армянский историк Зеноб Глак писал об основании города Куара в стране Полуни братьями Куаром, Ментеем и Хереаном. Как похоже это на легенду об основании Киева перевозчиком Кием и его братьями. Д. Лихачев считал (11), что легенда о Кие проникла в Армению в VII веке, но это просто фантастично (очень вероятно, что тогда Киев ещё не существовал).

Полагаем, что всё было наоборот. Армяне, которые появились на Украине в XIII веке, принесли с собой труд Глака. Автор ПВЛ использовал его, придумав племя «полян» (полун), тем более, что его название созвучно ляшскому племени полян — предков поляков. Это, с одной стороны обосновывало унию Польского королевства и ВКЛ, а с другой — возможное создание Славянской империи для

Казнь Михаила Олельковича и его сообщников

борьбы против турецкой агрессии. Так, П. Кралюк отметил, что в ПВЛ «русь-поляне выступали как центр славянского мира». На наш взгляд, жители тогдашней Киевщины были частью племени вервиан (волынян), но автор ПВЛ, будучи киевским патриотом, искусственно выделил полян в качестве отдельного племени и возвысил его над соседними племенами*. С этой целью древлян, радимичей и вятичей летописец представил отсталыми и дикими – настоящими варварами.

Многие исследователи пишут, что ПВЛ полна мифами и легендами, причем главную причину этого видят в том, что её автор широко использовал фольклор. Думается, что дело не только в народных преданиях, но и в идеологических установках. Так, Кралюк пишет:

> «Похоже, что именно «полянский патриотизм» привёл Нестора к созданию ряда мифов, которые вырваны из контекста, стали «знаковыми» в украинской и российской культурах, вызвали горячие дискуссии (...). Дальнейшие этнографические исследования Нестора, как правило, были подчинены стремлению возвеличить полян» (12).
>
> «На юге Киевской Руси в конце XII века наблюдаем формирование нового пути для балтийско-черноморской торговли, который в основном осуществлялся речными путями бассейнов Днестра и Вислы. На этом пути возникло Галицко-Волынское государство со своими центрами – Галичем, Владимиром (Волынским), Холмом. Именно это государство переняло от Киева инициативу консолидации этносов Южной Руси» (13).

В середине XV века Галиция и Волынь имели не меньше исторических прав на наследство древней Руси, чем Киевщина (только недавно, после смерти князя Свидригайло в 1452 году, было ликвидировано Волынское княжество). Именно поэтому автор ПВЛ разделил соперничающий субэтнос на различные племена (волыняне, древляне, дулебы, бужане...), как бы заявляя: какие это наследники – еще не разобрались кто они сами. Древлянам он дал вообще уничижительную характеристику (дескать, жили звериным образом, по-скотски, убивали друг друга, ели всё нечистое, даже брака у них не было).

К новгородским словенам у автора ПВЛ двоякое отношение. С одной стороны, понимая огромное значение Новгорода в восстановлении торгового пути «из варяг в греки», он возвеличивает город легендой о посещении апостолом Андреем того места, где позже возник город. Но с другой стороны, он тут же пишет о дикости и странности обычаев словен, как бы указывая на культурное превосходство полян, которых прямо назвал Русью. Кралюк в этой связи пишет:

> «Однако, создавая миф о путешествии Андрея Первозванного, автор летописи имеет целью не отображение каких-то исторических реалий, а утверждение определённых идей. (...) Возьмём смелость утверждать, что помещенная в «Повести ...» легенда про Андрея Первозванного, кроме описания пути из «варяг в греки», имела целью также возвеличивание Киева и одновременно принижение Новгородской земли» (14).

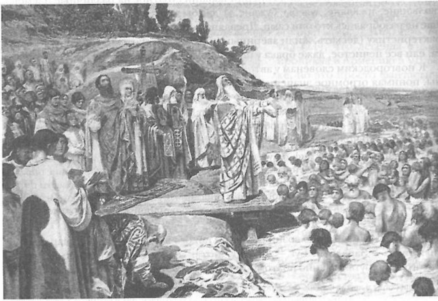
Ранее мы уже писали о возникновении нового варианта пути «из варяг в греки»: Висла – Западный Буг – Днестр. Автор ПВЛ понимал важное значение и этого маршрута. Именно поэтому он упоминал племена, жившие на данном пу-

* Существует и другая версия, согласно которой поляне – это часть древлян, поселившихся в пограничной крепости Киев и постепенно обособившихся от своих сородичей. Как известно, в X веке шла ожесточенная борьба между князьями древлян и варягами, захватившими власть в Киеве. – *Прим. ред.*

ти – уличей, тиверцев, белых хорватов, бужан, явно намекая, что их территории тоже должны войти в будущее Великое Княжество Русское.

Много споров среди исследователей вызывает и замечание о ляшском (польском) происхождении радимичей и вятичей. Современные археологи не находят подтверждения концепции польского происхождения вятичей. Но в рамках теории олельковицкого происхождения ПВЛ легко найти ответ и на этот вопрос. Как раз Верхняя Ока – территория обитания вятичей – была тогда главной ареной соперничества между ВКЛ и Московским государством. Вполне вероятно, что в XV веке ещё многие вятичи разговаривали на балтском языке (здесь жило балтское племя голядь), что доказывало законность принадлежности этих земель ВКЛ. Но в государстве имела место конкуренция между русинами и литвинами (балтами), поэтому русинский патриот не хотел давать лишних козырей в руки конкурентов и указывал на западные корни вятичей, однако не балтские, а ляшские.

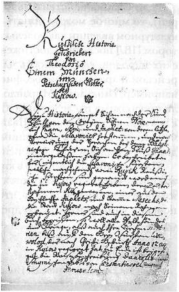
В известном «Списке русских городов дальних и ближних» (конец XIV – начало XV вв.), как литовские указаны города Виленщины, Гродненщины, Минщины, Витебщины и части Ковенщины, но самое интересное – также и города Верхней Оки, и даже западной части современной Тверской области. (Кстати говоря, в псковских летописях Владимира из Торопца называют «литовским князем»). Выскажем гипотезу, что в XV веке под литвинами понимали православных балтов, а под Литвой – территорию, где они проживали. В таком случае, жамойты в ВКЛ – это балты-язычники. Такая версия многое объясняет в нашей истории...

Крещение жителей Киева (худ. В.М. Васнецов)

В рамках предлагаемой концепции решается и вопрос о происхождении знаменитой Радзивилловской летописи. Наиболее исследованы её знаменитые миниатюры. Исследователи отмечают, что во многих миниатюрах одежда, архитектура, мебель, оружие, а также композиция и даже манера исполнения рисунков имеют западный характер. Большинство учёных считают, что эта летопись была написана в ВКЛ: по мнению А. Шахматова (15) и В. Ганцова (16) — в Смоленске, по А. Чернецову (17) — в Полоцке.

Выдвинем гипотезу, что Радзивилловская летопись была создана в Киеве в середине XV века. Во-первых, Киев был тогда крупнейшим в Восточной Европе центром книгописания и книжной миниатюры. Во-вторых, когда в XVI веке угас род князей Олельковичей-Слуцких, их наследниками стали могущественные князья Радзивиллы*. Именно поэтому обладатель Радзивилловской летописи Станислав Зенович подарил русинскую святыню литовскому патриоту, протестанту Янушу Радзивиллу как её законному владельцу.

Rüssische Historie
geschrieben
von
Theodosio
Einem Münchem
im
Petscherskischen Closter,
bei
Kyow.

Радзивилловская летопись
(одна из страниц)

* * *

Естественно возникает вопрос об авторстве ПВЛ. Проблема — не в том, что трудно найти автора, а в том, что много претендентов на авторство. Мы уже отмечали, что в окружении киевских князей Олельковичей в середине XV века действовал научно-переводческий кружок. Очевидно, что анонимного автора надо искать среди членов этого кружка. К числу людей, близких этому кружку, можно отнести подписантов знаменитого письма Папе римскому Сиксту IV. Это архимандрит Киево-Печерского монастыря Иоанн III, литовский подскарбий Ивашка Солтан, митрополит Мисаил, князь Михаил Олелькович, князь Федор Бельский, князь Семен Вяземский, архимандрит Троицкого монастыря в Вильне Макарий и некоторые другие лица. Заметим, что в письме, составленном архимандритом Иоанном, отмечалось, что общим врагом для всех европейцев являются татары и турки, которые захватили христианские страны Византию, Сербию и Болгарию.

К членам киевского кружка можно смело отнести и печерского монаха Кассиана (Касьяна), который в 1460 и 1462 годах сделал две редакции «Киевского Патерика», а также загадочного помощника князя Михаила Олельковича — астролога и чернокнижника Схарию. Некоторые исследователи считают, что Схария — это «таманский князь» Захарий Гвизольфи.

* Род Олельковичей по мужской линии прервался в 1592 году. — *Прим. ред.*

Если Схария действительно был итальянцем (обычно считают, что он еврей), то многое можно понять в таком изумительном, но трудно объяснимом культурном явлении как «олельковицкий ренессанс». В частности, это знание автором ПВЛ последних достижений итальянских учёных в исследовании славянских народов, увлечённость членов научно-переводческого кружка древнееврейской и арабской философией. Между тем, многие итальянские гуманисты, например, Пико делла Мирандола (1463–1494) увлекались этой философией. Если продолжить исследования в данном направлении, то уверен, что мы придём к деятельности печатника Швайпольта Фиоля и нашего великого просветителя Франциска Скорины (напомним, что в 1512 году он получил степень доктора медицины в Падуанском университете).

Паславский считает, что в киевский кружок книжников входили также образованные евреи (или караимы), занимавшиеся переводами с древнееврейского языка. А если предположить, что членами кружка были выпускники западноевропейских университетов, то древнееврейский язык могли знать и местные русины.

Теперь непосредственно об авторе ПВЛ. В самой Радзивилловской летописи указан её автор:

> «Сия книга летописець. Повесть временних лет черноризца Феодосьева монастыря Печерьскаго, откуда есть пошла Руская земля и кто в неи почал первое княжити».

Итак, какой-то монах Киево-Печерского (Феодосьевского) монастыря, живший в середине XV века (а не в XII), и есть автор ПВЛ. Наиболее подходящие личности – архимандрит этого монастыря Иоанн III и уставщик того же монастыря Кассиан (Касьян). Великий украинский историк М. Грушевский считал, что ПВЛ фактически является эклетическим собранием разнородных материалов. С этим можно согласиться. На наш взгляд, ПВЛ написана на основе какой-то древней Киевской летописи, которую, возможно, создал в XI–XII вв. печерский монах Нестор.

Польский хронист Ян Длугош (1415–1480), когда писал свою «Историю Польши», использовал многие киевские летописи (и даже московские), но ПВЛ он не знал. Это выглядит весьма странным, если считать, что столь выдающаяся летопись существовала уже свыше 300 лет. Отметим также, что автор ПВЛ был выдающимся историком, географом, славистом, великим писателем и политическим мыслителем.

Членам киевского кружка книжников важно было не только создать художественное произведение («летопись»), воспевающее мощь древней Русской (Киевской) державы и пропагандирующее актуальные для них политические идеи. Следовало также добиться того, чтобы все считали это произведение подлинником времен Киевской Руси. Вот почему они весьма прозрачно намекали на то, что автор ПВЛ – монах Нестор. Именно Кассиан занимался возвеличиванием личности Нестора. Так, в свою редакцию «Киевского Патерика» он вставил имя Нестора в качестве автора двух статей: рассказа (слова) о том, почему монастырь называется Печерским и о переносе мощей святого Феодосия, кроме того он пять раз назвал Нестора летописцем. Прием сработал: уже в XVI веке появилось первое упоминание Нестора как автора ПВЛ.

Итак, мы склоняемся к мысли о том, что подлинный автор ПВЛ – Кассиан (Касьян), а не архимандрит Иоанн и, тем более, не Нестор.

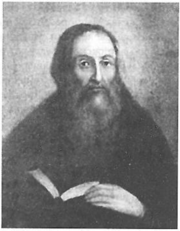
* * *

Теперь коснемся вопроса этногенеза беларусов с учетом всего вышеизложенного.

Существуют две основные концепции этногенеза беларусов: древнерусская (от якобы единого когда-то народа) и племенная (от разных племен), а также их разновидности. Мы предлагаем свою концепцию, которую назовём комбинированной субстратно-племенной и литовско-русской. Она близка концепциям А. Шахматова, Е. Карского, П. Кралюка, а по некоторым позициям – концепции беларуского исследователя В. Носевича. Последний пишет:

> «Что касается белорусов, то процесс их этногенеза оказался настолько сложным и противоречивым, что это не позволяло описать его в виде простой и однозначной формулы» (18).

Недавно беларуские генетики доказали, что беларусы являются индоевропейцами, пришедшими сюда из Северного Причерноморья 6–8 тысяч лет тому назад. Однако считается, что первые славяне появились на наших землях только в V–VI веках. Возникает вопрос: кем же тогда были эти индоевропейцы – предки беларусов? Археологические исследования показали, что на территории современной Беларуси жили балты. А поскольку население не мигрировало несколько тысяч лет, то балты никуда не ушли, их славянизировали пришельцы. Беларуский историк и этнограф В.С. Титов пишет:

Кассиан (или Касьян), монах Киево-Печерской лавры в XV веке, подлинный автор «ПВЛ»

> «Как показывают материалы раскопок «длинных курганов», распространенных на территории расселения кривичей в VIII–IX веках, местная материальная культура носит смешанные славяно-балтские черты. Комплексный анализ захоронений этого периода на территории Подвинья дал основание Г.В. Штыхову сделать вывод, что они принадлежали славянизированным балтам. В результате славянизации местного балтского населения образовался целый кривичский регион со смешанной этнической культурой» (19).

Аналогично образовался и дреговичский регион со смешанной славяно-балтской культурой. На наш взгляд, славянизацию балтов осуществляли волыняне и новгородские словены (полабского происхождения) с двух направлений. В результате юго-западной колонизации образовалось племя дреговичей, в результате северо-восточной – племя кривичей. На это четко указывает граница двух основных диалектных зон беларуского языка: юго-западной и северо-восточной.

В бассейне Немана имела место миграция ещё и ляшских (польских) племён, что тоже внесло свою лепту в этнические процессы. Носевич отмечает:

> «Таким образом, различные группы восточнославянских племён действительно существовали, но ни письменные, ни археологические данные не дают оснований для выделения среди них единой прабелорусской (ровно как и праукраинской, и правеликорусской) группы» (20).

Итак, при решении вопросов этногенеза беларусов нельзя полностью доверять ПВЛ, да и в других вопросах тоже. Российский исследователь В. Егоров вполне справедливо пишет:

> /ПВЛ/ «это не летопись, а беллетристика на исторические темы, которая ни в коем случае не может служить надёжным основанием для реконструкции реальной истории становления Киевской Руси» (21).

Мифология ПВЛ существенно исказила историю Восточной Европы. Возникает серьезное сомнение в существовании даже Киевской Руси. На наш взгляд, могущественная империя, сейчас называемая Киевской Русью, если и существовала, то недолго — от времени княжения Владимира Святого до княжения Ярослава Мудрого. Это период с 980 по 1054 год, всего лишь 75 лет.

Ранее, в X веке, если судить по произведениям византийских авторов, существовало варяжское (русское) протогосударство с параллельными центрами в Киеве и Новгороде, взявшее под свой контроль торговый путь «из варяг в греки» и собиравшее дань с окрестных славянских и балтских племён.

Держава Владимира и Ярослава, на наш взгляд, держалась не на общей экономике и культуре, а только на военной силе варягов. Во второй половине XI века, когда варяжский фактор ослаб, на ее обломках возникли отдельные славянские и балто-славянские государства: Киевское, Галицко-Волынское, Полоцкое, Новгородское, Смоленское, Черниговское и другие. Границы этих княжеств не совпадают с границами современного расселения беларусов, украинцев и русских.

Когда внутри ВКЛ оказались близкие по языку, культуре и христианской вере племена (кривичи, дреговичи, волыняне, северяне и другие), тогда начал формироваться русинский этнос. Огромную роль в его формировании сыграло Киевское княжество Олельковичей с характерным для него культом русской культуры. Украинские историки В. Бубенщиков и П. Кралюк пишут:

> «И «беларуское», и «украинское» население на территории Великого Княжества Литовского, а также Польского и Венгерского королевств, до конца XVI — первой половины XVII веков в этническом плане не разделяли себя. Терминами этнической самоидентификации (по крайней мере, для просвещённых слоёв) были термины «русь», «русские». Например, известный первопечатник Франциск Скорина, который происходил с территории современной Беларуси и который в значительной мере был связан с этими землями, называл себя просто русским. Самую известную книгу, изданную им, он назвал «Библия Руска» (1519 г.). Язык, который Ф. Скорина использовал, переводя эту Библию, он назвал русским. Сама же Скориновская Библия распространялась не только на беларуских, но и на украинских землях. (...) Пребывание киевских митрополитов /с XV века до 1620 г. — *А.И.*/ на территории современной Беларуси в то время способствовало усилению православизации и славянизации этих земель, увеличивало привязанность их к киевским духовно-культурным тра-

дициям. Всё это и способствовало созданию своеобразного украинско-беларуского культурно-этнического симбиоза» (22).

Однако Люблинская уния (1569 г.) разделила этот протоэтнос между двумя государствами – ВКЛ и Польским королевством. Свою лепту в процесс разделения внесли и Брестская церковная уния (1589 г.), и образование на юге Казацкой державы (Вольного Запорожского войска). Русинский протоэтнос разделился на два субэтноса: северный и южный. Кралюк так пишет об этом:

> «Выходцы из Украины, прежде всего из Галиции, в конце XVI века охотно ехали на территорию Беларуси, в частности в Вильню, и работали тут в области культуры. Итак, есть все основания говорить о работе украинских и беларуских деятелей в границах одного культурного поля. Однако в начале XVII века это поле начинает разрушаться. Украинская и беларуская нации все больше и больше дистанцируются друг от друга. Определяющим фактором украинского нациогенеза в то время становится казачество и, соответственно, поддерживаемое им православие. Для беларусов же казачество выступает в целом как чуждое явление. Здесь вместо традиционного православия утверждается уния. И можно говорить, что уния в то время становится важным фактором нациогенеза беларусов» (23).

Поскольку у южного русинского субэтноса остались хоть остатки своей государственности – Гетманщина (автономная структура с ограниченными правами в составе Московского государства), а также Запорожская Сечь, и кроме того южные русины имели свою казацко-старшинскую элиту, то развитие этого субэтноса пусть медленно, всё же продолжалось, проделывая путь от русинов и малоросов до украинцев.

Северный же русинский субэтнос, не имевший ни своего государственного образования (ВКЛ в XVII веке фактически ополячилось), ни своей элиты, застыл в развитии (сохранил «русскость» и не ассимилировался благодаря греко-католической церкви) вплоть до середины XIX века. Именно тогда начала формироваться современная беларуская нация на основе народного (крестьянского) языка и народной (крестьянской) культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Демин В. Тайны земли русской. М., 2000, с. 286.

2. Толстой Н. Славяноведение // Краткая литературная энциклопедия. Том 6. М., 1971, с. 912.

3. См.: Голенищев-Кутузов И. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI веков. М., 1963, с. 221.

4. Косминский Е. Историография средних веков. М., 1963, с. 76.

5. Кузьмин А. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977, с. 183–220.

6. Кралюк П. Життєпис літописця Нестора: спроба реконструкції // Вісник Національної академії наук України /далее ВНАНУ/. 2000, № 7, с. 63.

7. Паславський І. Філософська та науково-природнича думка. // Історія української культури. Том 2. Київ, 2001, с. 446.

8. Рыбаков Б. Древняя Русь, былины, летописи. М., 1963, с. 234.

9. Кралюк П. Етнографічні аспекти «Повісті минулих літ» //ВНАНУ, 2000, № 10, с. 32–43.

10. Авдусин Д. Археология СССР. М., 1977, с. 223.

11. См.: Повесть временных лет. Часть 2. М.–Л., 1950, с. 11.
12. Кралюк П. Етнографічні аспекти «Повісті минулих літ» //ВНАНУ, 2000, № 10.
13. Кралюк П. Етнічні процеси в східноєвропейському регіоні періоду Київської Русі // Україна і слов'нський світ: історія та сучасність. Ч. I. Рівне, 2001, с. 22.
14. Кралюк П. Етнографічні аспекти... //ВНАНУ, 2000, № 10, с. 37.
15. Шахматов А. Заметка о месте составления Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи // Сборник в честь 70-летия Д.Н. Анучина. М., 1913.
16. Ганцов В. Особенности языка Радзивилловского (Кенигсбергского) списка летописи // Известия отд. Русского языка и словесности АН СССР. Л., 1927. Том 32.
17. Чернецов А. Радзивилловская летопись // «Свiцязь», Мiнск, 1989, с. 139–147.
18. Носевич В. Белорусы: становление этноса и национальная идея // Белоруссия и Россия: общества и государства. М., 1998, с. 27–28.
19. Титов В. Этногенез литвинов (беларусов) в славянском контексте. // Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века. Минск, 2010, с. 450.
20. Носевич В. Цит. соч., с. 17.
21. Егоров В. У истоков Руси: «меж варягом и греком». М., 2010, с. 219.
22. Бубенщиков В., Кралюк П. Греко-католицька церква в етнічній історії українського та білоруського народів. Львів, 2004, с. 41–42.
23. Кралюк П. Духовні пошукі Мелентія Смотріцького. Київ, 1997, с. 174.

Часть II
СЕДАЯ СТАРИНА

Каменная царевна-лягушка

Денис Ободовский

Сенсационные археологические находки в наше время крайне редки. Но как оказалось, порой они находятся у всех на виду. Надо только внимательно относиться к окружающим нас вещам и хотя бы немного интересоваться историей родного края. Так случилось и с нашей находкой. Начну с предыстории. Надеюсь, читатель простит за лирическое отступление.

В юности, в 1980-е годы, в жаркие летние дни мы с ребятами частенько ходили на речку, а после купания всей компанией направлялись к роднику попить ледяной воды. Неизменно наш маршрут проходил мимо высокого песчаного холма. На крутом откосе из песка торчала часть камня с какими-то знаками, линиями, волнами. Подобраться к валуну для осмотра возможности не было. Песчаные склоны холма были круты и осыпались при любой попытке подъема, верхняя же часть камня была покрыта слоем песка.

Прошли годы, как-то прогуливаясь с сыном в тех местах, я вспомнил о камне. Холма в том виде, каким я его помнил, уже не оказалось (видимо, песок брали для строительных работ). Зато камень был раскопан и доступен для осмотра. К большому удивлению, на верхней части камня обнаружилось изображение. Это было некое фантастическое существо, на боковых частях камня — волны и спирали. Мы несколько раз возвращались к камню, измерили его. Он из мелкозернистого гранита, около 2 м в поперечнике, 1,2 м — высота видимой над землей части, глубина рисунка от 4 до 70 мм, ориентация фигуры — головой на восток, нижней частью на запад).

Прорисовки показали, что ни одна линия рисунка не заканчивается, а плавно перетекает в следующее изображение, причем все линии уходят на невидимую под землей часть. Камень выглядел очень древним (напомню, раньше он был под слоем песка на глубине порядка 1 метра). За разгадкой природы существа, изображенного на камне, мы решили обратиться к профессионалам в Институт истории НАН Беларуси.

Вместе со специалистом в области истории и археологии, занимающимся исследованием культовых валунов, Эдвардом Михайловичем Зайковским мы снова посетили камень. По его мнению, находка уникальна. На территории Рес-

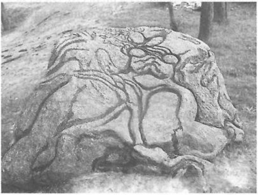
За помощь в подготовке данной статьи автор благодарит историка и археолога, специалиста по сакральным камням Беларуси Э.М. Зайковского.

Вид камня с северо-востока

Вид камня с юго-востока

Изображение на камне напоминает лягушку

публики Беларусь ранее валуны с подобными изображениями не находили.

Как правило, на других наших валунах имеются достаточно простые рукотворные изображения (тарелки, стрелы, различные углубления, короткие надписи, кресты и другие солярные знаки). У каждого камня есть свое имя и с каждым связаны местные предания.

Мы попытались выяснить назначение найденного камня. Ведь это важно для определения происхождения и пути развития беларуской нации с древних времен и до наших дней.

Найти какие-либо сведения или легенды, связанные именно с камнем, в районе его расположения не удалось. Возможно потому, что очень долгое время он был недоступен, находясь под слоем песка. Однако само местоположение достаточно известно.

Недалеко находится очень старое кладбище деревни Крупцы, храм и святой источник (на кладбище до сих пор сохранились могилы XIX века).

Из истории храма известно, что в 1612 году в окрестностях города Минска на роднике была чудесно явлена икона Божией Матери, которую, по названию существовавшего здесь имения Крупцы, стали называть Крупецкой. («В 5 верстах от города Минска стоит деревня Крупцы помещика Вериги»). В XIX веке эти места описывали так:

«Издревле славная чудотворной иконой Божией Матери. Сюда по воскресениям из города от мала до велика, особенно летом, в так называемую по-здешнему обычаю молодиковую неделю (первую неделю новолуния) спешат, как бы для успокоения души от сует городских, поставляя за священную обязанность пред образом Богоматери излить религиозные свои чувства, утешить себя в скорбях, неразлучных с каждым в этой жизни и утолить жажду души и тела струями живоносного источника, истекающего из-под самого алтаря храма, стоящего на горе. *Воде этой чистой, пресной приписывают целительную силу, особенно от болезней глаз,* для приемлющих её с верою.

Самое положение Крупцов соответствует святости места, ибо расположены они на возвышении между рощами и текущею внизу рекою Свислочью, на коей стоит сам город Минск, и дорога сюда пролегает по берегу речки, окаймлённой с обеих сторон лесом, и таким образом чрез путешествие в Крупцы удовлетворяется кроме религиозного чувства и чувство изящного».

Со временем у источника возвели часовню, куда и поместили обретенную икону. Затем было произведено переустройство Крупецкой церкви. В 1856 году по инициативе минского губернатора Федота Шкляревича вместо обветшавшей часовни в Крупцах была построена (на добровольные пожертвования) новая большая церковь.

В 1924 году советские власти закрыли ее. В 1936 году и Свято-Покровская церковь в Крупцах была разрушена – её по брёвнам разобрал местный колхоз. Но водный источник продолжал притягивать паломников. Одна из старожилов Минска вспоминает:

«Когда люди стали ходить на Криницу (1944–1946 годы), храм уже был разрушен, а у подножия холма верующие находили обломки от икон, которые собирали и сжигали. Сам источник находился внизу, вокруг росли деревья. Ходили к нему круглый год, обычно через дворы, приносили крест, в развилках деревьев ставили свечи».

Попытки найти камни со схожими изображениями успехом не увенчались. Однако удалось найти информацию о камне с изображениями, отдаленно напоминающими изображение на камне, найденном нами. Этот камень расположен в Сныхове (Тульской области России), предварительно датируется 3-м тысячелетием до н.э., датировку производили согласно возрасту найденного неподалеку (в радиусе 2 км.) городища. Городище принадлежит Юхновской и Мощинской культурам, балтским по этнической принадлежности. Интересный факт: недалеко от камня, найденного в России, тоже находится святой источник:

«Над источником раньше стояла древняя церковь Василия Анкирского, это была одна из древнейших церквей Белёва, родник называется Василием Прозренным, но христианская церковь не знает такого святого, *глаза от источника лечили во все времена,* в известное время – тайно».

Как и в случае с местоположением найденного нами камня оба источника, по поверью, исцеляли глаза. Изображение на Сныховском камне интерпретировали как две рыбы, причем одна несет в себе икру; как беременную бобриху (внутри нее тщательно прорисован плод); как фаллос (возможна и другая интерпретация изображений). Профессор В.А. Чудинов обнаружил на камне надписи и интерпретировал их как «БОГЪ, МАКАЖЬ» (заявление спорно, однако Макошь или Мокошь – женское божество, покровительница женского начала, пло-

дородия, брака, родов, домашнего очага, идолы Макоши устанавливали у водоемов и ручьев, священный день – пятница).

За пару километров от найденного нами валуна находится известное городище Банцеровщина. Получившая от нее название банцеровская археологическая культура была распространена на территории Минской, Витебской и Могилёвской областей Беларуси в V – VIII веках н.э. Большинство исследователей (А.Г. Митрофанов, В.В. Седов, И.П. Русанова и др.) считали носителей банцеровской культуры балтами. Впрочем, в нижнем слое городища имеются материалы и более ранней культуры штрихованной керамики (начало нашей эры).

Сопоставляя различные исторические и фольклорные данные, попробуем понять, что же изображено на найденном нами камне.

Камень неподалеку

Для начала разберемся с названием деревни Крупцы. Само слово достаточно архаично и происходит от праславянской формы. Как сообщает «Этымалагічны слоўнік беларускай мовы» (том 5), словом «крупец» в бассейне Днепра называют незамерзающий короткий приток. Близко по звучанию латышск. krau~pis (жаба; парша), krau~pa (бородавка, струп), лит. kraupu`s (шершавый, неровный), kru`pis (жаба).

Деревня с названием Крупец есть в Добрушском районе Гомельской области, в центре этой деревни, на берегу реки Крупки археологи обнаружили городище раннего железного века и периода Киевской Руси.

Балтское толкование названия Крупец как жаба или лягушка очень интересно. Напомним, что ранее на этой территории проживали балтские племена банцеровской культуры. Изображение существа на камне действительно можно принять за изображение лягушки. Волны, идущие по боковым сторонам камня, можно интерпретировать как символ воды или дождя, или как символ женского начала. Рядом действительно располагались русло реки Свислочь и болотистые места, так что символика воды оправдана.

Слово лягушка позднего возникновения (лягушка – «бесхвостое земноводное с длинными задними ногами, приспособленными для прыганья»), оно отмечается в русских словарях с первой половины XVIII века. Образовано это русское по происхождению слово при помощи суффикса «к» от лягуха, в свою очередь, оформленного посредством суффикса «ух» от ляга – «нога, бедро»).

Изначально славяне использовали слово жаба. От праславянской формы *gēbā, от которой в числе прочего произошли: укр. жáба, болг. жáба, сербохорв. жаба, словенск. žába, чешск. žába, словацк. žaba, польск. żaba, в.-луж., н.-луж. žába, полаб. zoby.

Образ лягушки в поверьях связан с женской символикой (напомним наличие изображений волн, как женской символики, на найденном нами камне). Из-за

сходства лап лягушек с человеческими руками считают, что лягушка в прошлом была женщиной. Увидев весной первую лягушку, называют ее «панной». Существует примета, что если в доме будет много лягушек, то первым посетителем на Рождество, Новый год, Пасху, Благовещение и другие большие праздники окажется женщина.

Теперь рассмотрим народные поверья.

Лягушки — обращенные люди (заметим, что зачастую культовые валуны тоже считаются обращенными людьми или животными). Существует поверье, будто бы у самок лягушек длинные волосы и женская грудь, а у самцов борода. Придет время, когда они вновь станут людьми, а ныне живущие люди превратятся в лягушек. Поэтому бить лягушку грех: рука отсохнет, будут болеть глаза (напомним, что источник, находящийся недалеко от нашего камня, считался целебным для глаз).

Убийство лягушки способно вызвать дождь (снова символика воды). Причину засухи в некоторых местах видят в том, что жаба закрыла источник. Чтобы пошел дождь, убивают прыгающих лягушек и блох, нанизывают на нитку и вывешивают на кусте, приговаривая: «Как эти блохи и лягушки повисли, чтобы тучи повисли». Для вызывания дождя совершают обрядовое убиение, а иногда и похороны других «гадов»: ужа, гадюки, ящерицы, рака, медведки, паука и др.

Лягушка и жаба якобы обладают такой силой взгляда, что могут сглазить человека или животное. Когда лягушка смотрит на человека, она пересчитывает ему зубы, и они от этого выпадают. Если жаба плюнет человеку в глаза, он ослепнет. Опять мы видим связь с болезнями глаз.

Еще один камень неподалеку

Существует множество примет (что указывает на обрядовые гадания) с участием лягушки. Так, появление в доме одной лягушки служит предвестьем прихода нежеланных гостей, несчастья, скорой смерти в доме. Сыр от присутствия лягушки в доме становится ноздреватым. Женщине нельзя брать лягушку в руки, иначе выпечка хлеба не будет ей удаваться. Лягушка, выскочившая на дорогу перед путником, особенно рыбаком, сулит неудачу.

С началом кваканья лягушек связаны приметы о погоде. Если кваканье пришлось на скоромный день, коровы будут давать больше молока. При первом весеннем кваканье люди кувыркались по земле, чтобы быть здоровыми и чтобы не болела спина. Увидеть первую лягушку в траве — к удаче, в воде — к несчастью, вверх животом — к покойнику.

Следует заметить, что изображение фигуры на найденном камне расположено головой на восток (путь луны по небу происходит с запада на восток), во многих религиозных культах символом луны считается лягушка, например в Китае лягушка символизирует Инь — женское лунное начало, бессмертие и долголетие.

Луна – символ возрождения из царства мертвых. В древнем арийском гимне лягушкам («Ригведа» VII; 103) говорится, что лягушки появляются в сезон дождей и подают голос, пробуждённый к жизни богом грозы Парджаньей, при этом лягушки обращаются к этому богу «как сын к отцу». Некоторые исследователи полагают, что гимн лягушке представляет собой словесную часть ритуала вызывания дождя с помощью лягушки, известного и в современной Индии.

Как и змее, лягушке в некоторых местах приписывается роль домашнего покровителя. Словаки верили, что в каждом доме есть своя «хозяйка» в виде лягушки. В окрестностях Кракова, по местному преданию, под парой лип, оставшихся от парка графа Потоцкого, обитала лягушка с человеческим телом, которой раз в год в Страстную пятницу (напомним, что пятница – священный день богини Макоши) одна женщина бросала листочки освященной зелени, отчего ее коровы давали много молока.

Лягушку считают животным, родственным змеям и другим «гадам». Лягушка, семь лет не видевшая солнца, превращается в летающего змея. С культом поклонения лягушке связана и сказка о царевне-лягушке. Исходя из описанного выше материала, можно сделать вывод о древнейшем поклонении лягушкам. В Украинском Полесье жабу считают матерью ужа, или что она «играет» с ужом, как жена с мужем, и спаривается с ним.

О поклонении ужам на территории Беларуси известно давно. В Полесье ужей, поселившихся в доме, так и зовут: домовой уж, домовик. Запрет на убийство домовой змеи чаще всего объясняют тем, что домовые змеи – души предков (напомню, что по некоторым поверьям, души предков вселяются в лягушку). У поляков считалось, что каждый человек имеет свою змею-двойника и оттого змей убивать нельзя. Стоит только ужу угодить, и он будет приносить в дом счастье.

> «Крестьяне-белорусы кладут домашним ужам пищу и питье и вообще заботятся о том, чтобы не раздражать их. Нам не раз приходилось слышать, что в Полесье есть много ручных ужей, которые едят из одной миски с детьми» (А.Е. Богданович, 1895).

В Украине было два змеиных праздника: 21 апреля и 27–28 сентября. Заметим, что на обрядовых сосудах – календарях славян V века н. э., апрель и сентябрь месяцы обозначались знаками волн (снова женское начало, вода, дождь).

Змея выполняет роль посредника между миром живых и миром мертвых. Обитающая в доме змея воплощает душу предка. Ужи, живущие на кладбище, стерегут умерших. Символом змеи считается спиралевидное изображение.

Определенный интерес представляет приведенное выше упоминание о традиции празднования чудотворной иконы Божьей Матери в молодиковую неделю, т.е. в новолуние. У славянских народов повсеместно был распространен обычай молиться на новолуние, при виде молодого месяца на небе крестились или кланялись для здоровья и плодородия, загадывали желания. К первой фазе лунного цикла приурочивались девичьи гадания о замужестве. Время молодого, растущего месяца обычно трактовалось как благоприятное для начала любых работ, особенно для роста, для всего растущего, развивающегося.

На найденном камне можно рассмотреть несколько изображений спиралей. Между тем известно множество рельефных изображений Горгоны Медузы со

спиралевидными завитками волос, известны позднеантичные скульптуры Юпитера-спираленосца, спирали запечатлены на капителях античных колонн (ионический ордер), в прическе древнего кельтского божества и т.д. У славян спирали постоянно встречаются в виде височных колец и подвесок. Точно такая же спиральная конфигурация у некоторых древнегреческих фибул (застежек) и в орнаменте древнескандинавских диадем (полукорон). Некоторые из золотых украшений, найденных Шлиманом в Трое (браслет, брошь, заколки), сплошь испещрены мельчайшими спиралями художественного исполнения.

Установлено, что спиралевидные петроглифы (резные изображения на камнях) в дни солнцестояния освещались через щели в мегалитических сооружениях и рассекались солнечными лучами. Применение таких знаков могло быть связано с образами «смерти и воскресения». Спираль также связана с душами богов и царей, с вызывающими дождь животными и рептилиями, со свернувшейся спящей змеей Кундалини.

Арийские боги смерчей и природных стихий, такие как Рудра или Пушан, имеют прически в форме спиралей или раковин. Спираль связана также с пупком как центром силы и жизни человека.

Народный календарь

На основе проанализированных материалов можно сделать вывод о том, что поклонение лягушкам и другим хтоническим животным было широко распространено по всему миру, в том числе на территории Беларуси. В качестве объекта поклонения мог выступать найденный камень.

Поклонение камням в некоторых местах Беларуси дожило до наших дней. Последнее языческое капище в Минске, где поклонялись валуну «Дед», было ликвидировано в 1905 году. На территории Минской области находится значительное количество культовых валунов, некоторые из них собраны в музее валунов в микрорайоне Уручье.

В качестве рабочей гипотезы предлагаем считать камень в Крупцах местом отправления архаичного индоевропейского культа богини воды – стража загробного мира, в антропоморфном образе лягушки. В более поздней трактовке возможно также поклонение славянской богине Макошь, чье лицо стилизовано под лягушку.

Можно попытаться умозрительно восстановить картину поклонения этому камню. Скорее всего, здесь находилось древнее святилище (в районе местона-

хождения камня есть и другие крупные и мелкие валуны со следами обработки) где происходило поклонение богине воды и плодородия, символом которой являлась лягушка. К богине обращались в весенние месяцы с просьбами о хорошем урожае и ниспослании дождей. Святой источник использовался в ритуальных целях вызывания дождя и лечения болезней глаз. Возможно, воду из источника предварительно освящал жрец у найденного камня, так как это делал в XIX веке служитель при валуне «Дед» в Минске.

Сама лягушка считалась священным, табуированным животным. По поведению лягушек служители культа проводили гадания. Через лягушку передавали послания душам умерших. Об этом свидетельствует ориентация фигуры на камне — головой на восток, ведь многие древние культуры хоронили своих умерших головой на восток, восток символизировал возрождение, новую жизнь, а запад связывался со смертью. Возможно, держали в домах священных лягушек. Осенью богиню благодарили за урожай, играли свадьбы, почитали души предков. Постепенно культ богини лягушки трансформировался в культ поклонения змеям, его остатки дожили до наших дней благодаря сказкам и поверьям.

Каким бы ни было назначение найденного валуна, он должен иметь свое имя, правильнее всего назвать его по месту расположения Крупецким камнем.

Еще раз повторим, гипотеза рабочая, то есть один из многих возможных вариантов интерпретации изображения на камне (известны фотографии культовых и мифических фигур, с которыми можно сравнивать изображение на камне и выдвигать другие, не менее интересные варианты происхождения изображения). Получить подтверждение или опровержение нашей гипотезы, будем надеяться, помогут археологические раскопки в районе местонахождения камня, которые планируются на лето 2011 года.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александрова А. Животные в мифологии. *http://myfhology.narod.ru/myth-animals/frog.html*

Богданович А.Е. Язык земли. Создание водноречных имен и тех, что от них происходят. 1895.

Вінакураў В.Ф., Дучыц Л.У., Зайкоўскі Э.М., Карабанаў А.К. Камяні з штучнымі паглыбленнямі. // Археалогія Беларусі: Энцыклапедыя. Том 1. Мн., 2009.

Ворончихин Н.С., Емшанова Н.А. Орнаменты. Стили. Мотивы. Иллюстрации. Ижевск: Удмуртский университет.

Ляўкоў Э. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мн. «Навука і тэхніка», 1992. — 214 с.

Михеев Г. «Прозренный и зубной». *http://www.gennadym.okis.ru/prozr.html*

Моора Х.А. О древней территории расселения балтийских племен. // «Советская археология», 1958, № 2.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь. /Под ред. Н.И. Толстого/ Том 3. М., 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.

Чудинов В.А. Камень из Белева Тульской области. *http://www.runitsa.ru/publications/publication_171.php*

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Том 5.

Каркасная лодка древних жителей Беларуси

Игорь Лишик

Около 12 тыс. лет тому назад, в самом конце эпохи палеолита, с юга и запада на территорию Беларуси пришли племена, названные «охотниками на северных оленей». Они вынуждены были везде следовать за мигрирующими стадами животных, дающих им основное — еду и одежду.

Понятно, что для передвижения человек использовал и водные пути от Припяти, где олени проводили зиму, до побережья Балтики, куда стада перемещались на лето, спасаясь от жары и мошкары. Используя реки, имеющие основные направления «север — юг» и «юго-восток — северо-запад», племена имели возможность быстрее и с меньшей затратой сил перемещаться на значительные расстояния по территории, сплошь покрытой болотами, реками и озерами.Уходили за оленями не одни мужчины-охотники, но и женщины, дети, старики, беря с собой минимум утвари. Весьма вероятно, что первым судном, использовавшимся на территории Беларуси, было судно каркасное с обшивкой из кожи, которую впоследствии заменила древесная кора.

К сожалению, практически во всех современных литературных произведениях (и научных, и художественных) основным водным транспортом наших далеких предков «назначен» деревянный челн. И это воспринимается всеми как единственный и неопровержимый факт. Есть еще один вариант — пеший ход. Очень «удобный» для книг и фильмов, только не для самих кочевников. Ниже приводятся некоторые аргументы в защиту более раннего происхождения именно каркасного судна.

«Охотники на оленей» и теоретически, и практически имели возможность изготавливать каркасные суда.

Основным охотничьим оружием того времени являлись копье и лук со стрелами. Лук, в котором используется энергия упругости дерева, стал первым механическим устройством, изобретенным человеком. Изобретение лука — доказательсво того, что человек в то время мыслил образно.

Свои кратковременные стоянки люди конца эпохи палеолита устраивали на берегах рек и озер, вероятно у тех мест, где олени постоянно переправлялись при миграциях. Жильем являлись легкие сооружения из связанных жердей, покрываемые шкурой или корой. Все выглядело так, как у некоторых этносов севера Европы, Азии и Америки до недавнего времени, тем более, что общий характер верований, уровень жизни и технологий последних соответствовал уровню каменного века.

И.В. Лишик живет в поселке Козловщина Дятловского района Гродненской области. По профессии — инженер-механик. Уже давно он занимается реконструкцией речных судов древних людей, живших на территории нашей страны в каменном веке.

Необходимость какого-то водного транспорта для людей палеолита (кочевников) очевидна. Наличие лодок давало новые возможности:

– ускорялось и облегчалось передвижение;

– становилось более активным и продуктивным рыболовство;

– появился новый способ охоты на оленей – их нагоняли в воде при переправе (так охотились североамериканские индейцы и коренные жители Сибири на оленей и лосей);

– быстрее разведывались и обживались новые территории;

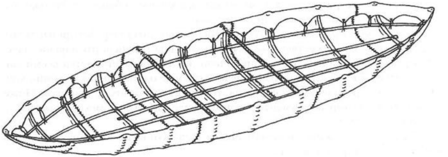
– улучшались бытовые условия – перевозка грузов не утомляла так, как их переноска, да и брать с собой можно было вес в 2–3 раза больший.

Возможно, наличие лодки могло изменить мировоззрение людей, их отношение друг к другу: появилась возможность слабого или больного не бросать, а брать с собой.

Судно кочевника должно быть легким, крепким и ремонтопригодным.Всем этим условиям соответствует каркасное судно.

Возможно ли было изготовление его человеком позднего палеолита? Ответ будет утвердительным. Рассмотрим все возможности по порядку.

Южные зоны проживания кочевников давали материал для каркаса судна, а материал для обшивки – кожу – давала охота.

Каркасная лодка с кожаной обшивкой (реконструкция)

Полосками той же кожи вязался каркас. Иного способа надежного соединения отдельных частей чего-либо в то время не существовало. Вязалось все: оружие, каркасы жилищ. Соединение частей шкур полосками кожи в одежду тоже можно рассматривать как вязку. Вероятно именно тогда появилось большое количество разнообразных надежных узлов, которые сохранились до сегодняшнего дня под названием «морских». Современный «средний» человек со своими двумя-тремя простейшими узлами выглядел бы в то время крайне жалко.

Доказательством надежности и единственной технологической возможности постройки каркасного судна способом вязки являются каяк, умиак, байдара и каноэ, сохранившиеся до XX века у народов Северной Америки, эскимосов Гренландии, Северного и Восточного побережья Азии (чукчи, эвенки, алеуты). Искусство вязки у них доведено до предела совершенства.

Плюсом каркасного судна является его весовая отдача, то есть отношение веса транспорта к весу перевозимого груза. Каркасное судно значительно меньше по весу, чем челн, что было особенно ценно для «охотников на оленей». При одинаковой загрузке каркасным судном управлять намного легче и проще. Тем более, что плавание занимало много дней и двигаться приходилось как по течению рек, так и против. Часто могла использоваться переноска судна через водоразделы. В таких случаях малый вес каркасного судна являлся его большим «плюсом».

Уровень технологий человека палеолита позволял ему изготавливать довольно сложные композитные (то есть состоящие из разнородных частей) конструкции. При этом композитное изделие (каркасное судно) изготавливалось с применением простых (однопредметных) орудий труда.

Каркас:

– заготовка деталей каркаса – вручную;

– заготовка материала для вязки каркаса (кожаные полосы– нож, лыко – нож или вручную);

– сборка каркаса – вручную;

– крепление и натяжка обшивки на каркасе – вручную с проколкой.

Обшивка:

Используя шкуру животных для изготовления обшивки можно применять только простые орудия.

– добыча животных – загонный способ;

– разделка туши (снятие шкуры) – нож;

– выделка шкур – нож, скребок;

– шитье заготовки для обшивки – игла, проколка.

Время изготовления остова каркасного судна невелико.На практике неоднократно проверил и могу утверждать, что на заготовку материалов и вязку одного каркаса длиной 4 метра уходит от 6 до 10 часов (к тому же из 4 человек, участвующих в сборке, трое делали это впервые).

Конструкция каркасного судна позволяет участвовать в сборке всем сразу, чего не скажешь о челне, технология изготовления которого предусматривает длительную подготовку ствола дерева (сушку) во избежание продольных трещин, а вырубка углубления более чем двумя людьми одновременно (не мешая друг другу) невозможна. По свидетельству участников Первой Русской Северной экспедиции (начало XVIII века) коренные жители Камчатки используя топоры с каменной или костяной рубящей частью, делали свои челны (баты) очень долго, до 3-х лет.Такие временные затраты мог позволить себе только оседлый человек.

Чёлн-долблёнка

Предполагаю, что как вариант снижения трудозатрат, возможно было использование стволов с выгнившей сердцевиной, что часто встречается у осин и ивы. Данное предположение проверено практически – середина сгнившего

ствола очищается вручную, без инструмента, до здоровой части, которую затем доводят до нужной толщины топором. Изготовленный из ивы таким способом челн в конце 70-х годов XX века использовал один из жителей г. Несвижа на озере Замковом.

Все вышеизложенное доказывает, что для изготовления каркасной лодки (композитное изделие) достаточно простых орудий, тогда как изготовить челн (простое изделие) без композитного орудия (топора) проблематично. Правда, есть еще один способ постройки лодки-однодревки – выжигание ствола изнутри. Но и здесь без топора не обойтись: нужно свалить дерево, выдолбить выжженную внутреннюю часть, отесать снаружи. Казалось бы, какая разница – простым инструментом сделать композитное изделие или композитным инструментом – простое? Но вся суть именно в этом, а точнее в типе инструмента. При рассмотрении развития технологии в различных видах отраслей замечаем одну и ту же закономерность – усложнение инструмента для изготовления предмета с одной и той же неизменной во времени функцией. Простой пример: инструмент для изготовления гвоздя теперь и 500 лет тому назад. Отсюда вывод: изготовление простым инструментом сложного изделия – более древняя технология, а это еще один аргумент в пользу старшинства каркасного судна.

Находки первых челнов датируются мезолитом. В то время произошло значительное потепление климата на территории, занимаемой Беларусью. Изменился состав флоры и фауны. Человеку пришлось уйти на Север, чтобы сохранить свой жизненный уклад, либо приспособиться к новым условиям. Первые сохранили кочевой образ жизни, а оставшиеся стали оседлым народом. Для последних необходим был новый тип судна – пусть более тяжелое по весу и способу изготовления, но долговечное и неприхотливое в обслуживании. Им стал челн. Естественно, что сохранилось и каркасное судно, постепенно сменившее кожаную обшивку на обшивку из коры, так как теплый и влажный климат совершенно не способствовал сохранению органики животного происхождения. Челны изготавливали из деревьев лиственных пород, растущих преимущественно в умеренных широтах, а такие климатические условия в Европе возникли именно в мезолите (около 6 тыс. лет тому назад).

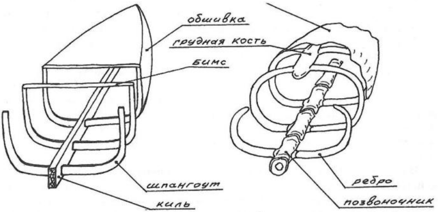
Средневековые летописи Великого Княжества Литовского и более поздние записи историков и этнографов донесли до нас названия лодок-однодревок: «дуб», «дубіца», «дубоўка», «ліпаўка», «асінаўка», «вярбоўка». Челн получал имя как производное от названия дерева,из которого был изготовлен. С названиями каркасного судна все несколько иначе.

Обращает на себя внимание сама конструкция остова каркасных лодок. Абсолютная идентичность (и визуальная,и функциональная) скелету позвоночных животных. Используя принятую в современном судостроении терминологию,можно привести аналогию.

Кто и когда впервые использовал такую конструктивную схему набора корпуса, ставшую классической? Наиболее вероятно,что ее первооткрывателями были кочевые охотники, возможно жители побережья моря. Разделка туши добытого животного,уложенного на спину, могла подсказать это, так как аналогия здесь явная.

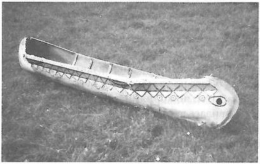
Скелет	Каркас лодки	Общая функция
Позвоночник	Киль	Основа каркаса, обеспечивает необходимую продольную жесткость всей конструкции
Ребра	Шпангоуты	Поперечные элементы,обеспечивающие постоянную форму каркаса.К ним крепится обшивка(кожа)
Грудная кость	Бимс	Поперечный элемент, обеспечивающий необходимую жесткость шпангоутов (ребер)
Кожа	Обшивка	Обеспечивает герметичность корпуса при определенной его гибкости

Еще одним подтверждением древности каркасного судна является современный обычай: при спуске корабля на воду об его нос разбивается бутылка шампанского. Основы этого действа теперь забыты, но корнями оно уходит во времена палеолита. У человека в то время развилась вера в личных покровителей, которыми могли быть предки, тотемные животные, различные неодушевленные предметы. В некоторых случаях человек чувствовал себя всемогущим: если духи создавали тело человека и давали ему душу, то и он мог сделать какое-либо «тело» (в нашем случае лодку) и с помощью своей магии «оживить» его, дать ему душу. Так индейцы Северной Америки на своих каноэ рисовали глаза, хвосты, давали лодке имя, а перед спуском на воду ее «кормили» — обливали нос молоком или водой. Обычай этот известен и у древних греков,которые «кормили» козьим молоком свои «глазастые» галеры. В обоих случаях суда были с каркасным набором корпуса.

Аналогия каркаса лодки со скелетом животного

Еще аргумент в пользу древности каркасных лодок — их собственные названия у различных народов. Некоторые лингвисты считают,что слово «корабль» произошло от слова «кора», то есть то, что было «покрыто корой». Учитывая,что тысячи лет тому назад, при всеобщем одушевлении природы разницы между корой и кожей человек не видел (кора — кожа дерева),возможно допустить, что выражение «покрытие корой» моложе чем «покрытие кожей» (исходя из реалий кочевой жизни). Латинское **corium** — это нарезанная полосами кожа или канат, сплетенный из кожи. Отсюда обилие однокоренных названий судов и сопутствующих им терминов в европейских языках:

Каркасная лодка с «глазами»

Carabella (исп.) — судно
Carabos (греч.) — судно
Carakka (исп.) — судно
Caravelle (фр.) — судно
Cargo (исп.) — груз на судне
Corvette (фр.) — судно
Карбас (рус.) — судно

У ирландцев карра, коракл, курага — мореходные лодки с деревянным каркасом и кожаной обшивкой. На одном из таких новоделов в 1976–77 гг. Тимоти Северин повторил плавание легендарного ирландского монаха св. Брендона к берегам Северной Америки.

Конструкция карры максимально соответствовала прототипу VI века: ясеневый корпус, связанный кожаными ремнями,обшивка из бычьих шкур, выдубленных по средневековым рецептам и пропитанных жиром. Во время плавания лодка уверенно прошла под парусом и веслами зону льдов Девисова пролива, куда остерегаются заходить спасательные суда ВМФ США, имеющие стальную обшивку.

Похожие «кожаные» суда упоминал Гай Юлий Цезарь в своих «Записках о галльской войне». Аналогичные по конструкции суда, распространенные по всему Черноморью, с созвучным названием «камара», упоминают античные историки Страбон, Тацит, Геродот, Авиен.

Перейдя от кочевой к оседлой жизни, человек перенес названия некоторых диких животных на одомашненных за сходные между ними признаки. Общим для диких (олень, лось, косуля) и одомашненных (корова, вол, коза) животных являлся рог — cornu в латинском языке. Возможно, последнее произошло от «корова», первоначальное «корва». В беларуской традиции принято называть «рагуляй» именно корову. От «коровы» произошло «корона», то есть «рогатый венец».

Латинское «corona» имеет значение «венок». Опять же, в беларуской традиции, выводя первый раз после зимы корову на выпас, ей на рога надевали венок из первых цветов. Корону (венок, венец) надевают людям во время каких-либо событий в их жизни — свадьба, победа, коронация. Рогатый венец присутствует в костюмах шаманов кочевых народов.

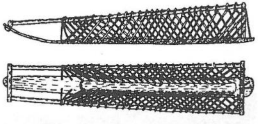
Характерное, общее для рогов — их изогнутость. Отсюда множество слов в беларуской мове, обозначающих предметы с общим свойством — «изогнутое», «согнутое в дугу, в круг»: ***корч, корань, карамысла, каравай, карагод, корба*** (дрель – коловорот), изготовленные из лозы или соломы емкости, округлые по форме: ***карбія, каробачка, каробка(каропка), корац***, изготовленные из дерева,но тоже круглые: ***карыта, корак, скрыня*** и крышка к ней ***накрыўка.***

Карачы (местное, Гродненская обл) — пренебрежительное название кривых, грязных ног. Сравните с корнями у дерева. В Дятловском районе Гродненской области есть деревня с названием Гиричи. Название, предположительно имеет основу из языка ятвягов, что жили здесь ранее. Недалеко есть деревня Ятвязь. Расшифровать название помог литовский язык: «гирс» — лес, но в то же время «гирис» — ноги, в самом уничижительном смысле, синоним карачей. Недалеко находится деревня Ходевляны («ходить»). Есть версия, что жители ее зарабатывали себе на жизнь, обслуживая волок, перенося товары босиком по болоту.

Подведем итог: слова с корнями «кор», «кар», «кр» во всех вышеперечисленных случаях означают «покрытое что-либо корой, кожей», «что-либо изогнутое».

Применительно к постройке лодки: детали ***каркаса*** изгибаются, готовый ***каркас покрывается*** обшивкой и получается ***корпус.***

Предположим, что часть кочевников все же сохранила свой жизненный уклад, уйдя вслед за оленями на север. В таком случае они «унесли» с собой свой язык и обычаи. Все это должно было отразиться в названиях предметов быта, топонимах и гидронимах той местности,куда они мигрировали. Пусть в измененном виде, но основа сохранится. Обратим внимание на север Европы. На однополосных санях первобытные люди перевозили грузы еще 10 тысячелетий назад. Десятки полозьев найдены в полосе от Швеции до Среднего Зауралья. Конструкция саней каркасная с оплеткой кожаными ремнями. В некоторых случаях их обтягивали кожей для предохранения груза от снега и воды при переходе через проталины,ручьи. На скалах Белого моря встречаются выбитые изображения саней, где отчетливо видна их конструкция. Саамы до сих пор пользуются широкими однополозными санями — ***кережами.***

Каркасные однополозные сани-желоб эпохи неолита (реконструкция)

У охотников-оленеводов ненцев, населяющих побережье Карского моря, слово «хара» (созвучное «кара») означает «излучина», «поворот». Топонимы Хараседа, Харяяха означают «Кривая река», «Кривая гора». Там же есть мыс и река Харасавей. Возможно, ненцы являются одними из потомков «охотников на северных оленей»,ушедших к морю за стадами и оставивших в языке европейских народов свой след. Беларуское слово «***абшар***» означает «большой участок земли; широкий простор». У ненцев — «все, что вижу вокруг себя» — «***ыбшар***».

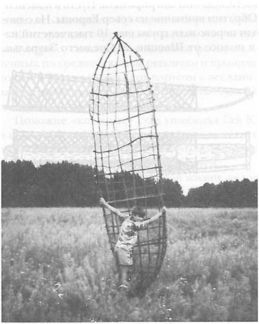
На побережье и островах Карского моря есть много мысов и полуостровов, в названия которых входит *«шар»*. К примеру, Маточкин Шар.

Возможно, наша река Щара (приток Немана) несет в своем названии первоначальное значение «кривая». Как варианты: в литовском и латышском языках «шаурс» – узкая,в беларуской мове «чур», «пращур» – защитник, предок. (Направление течения ее с юго-востока на северо-запад – совпадает с предположительным направлением миграции оленей).

Изображения каркасных судов сохранились на скалах Швеции в Бохуслейне, Тануме. Как показала находка лодки в Хьершпринге, впоследствии кожу заменили тонкими досками, но их все равно пришнуровывали к шпангоутам. Вместо кожаных ремней использовали полоски коры – лыко. Аналогично прошитые корпуса были у новгородских сойм. Древние жители Скандинавии называли свои боевые суда ***дракар*** -драконья лодка,торговые – ***кнорре.***

В Беларуси до 60-х годов прошлого века в Витебской и Брестской областях использовались на реках и озерах лодки с деревянным каркасом и с обшивкой из березовой или липовой коры – ***кары*** *(*ударение на первый слог*).* Полосы коры между собой и к каркасу пришнуровывались лыком, тонкими гибкими корнями. Все стыки на корпусе герметизировались смолой хвойных деревьев.

Общие корни сохранились и в духовной жизни наших предков. У северных народов есть праздник поклонения медведю – ***камлание.*** Духа убитого медведя задабривают,чтобы он дал здоровье, удачу. Беларуская ***камаедица*** имела целью символически разбудить медведя в берлоге для скорейшего прихода весны. Блюда на столе были только растительного происхождения, так как медведь предпочитает такую еду.

Готовый каркас лодки

Для древнего человека-кочевника основным богатством был олень. Он давал еду, одежду, возможность построить в безлесой тундре дом из шкур. Естественным выглядит обожествление оленя, нашедшее отражение в легендах и мифах, орнаментах на утвари и одежде. Петроглифы Чалмы – Варре, что на Кольском полуострове, изображают женщин-лосих, рожающих и людей и лосей. Практически у всех народов Севера есть легенды об их прародительнице – белой Матери-оленухе. Нечто похожее изображено на беларуском поясном орнаменте и использовано

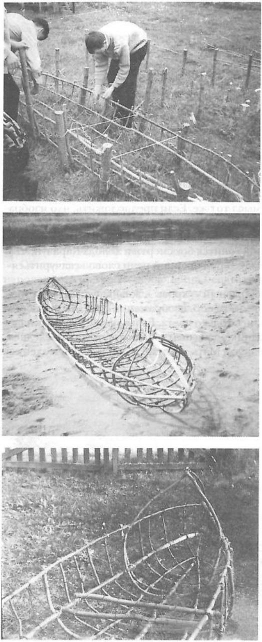
Каркасная лодка на Щаре

в национальном флаге. Центральная фигура – явно схематическое изображение рогатого животного. Рога спереди и сзади – либо это «дорисовка» согласно правилу изображения орнаментов – симметрия по одной или двум осям, либо подсказка – животное уходит и возвращается (мигрирует). Крестик внутри – зарождающаяся жизнь (продолжение рода – богатство для кочевника). Рядом изображения ромбов с точками внутри – смысл тот же. Если предположить, что изображена Мать-оленуха, то ее культ у оседлых предков беларусов превратился в культ козы, матери божича Каляды. Есть и одноименный праздник. В беларуской мифологии есть такой сюжет: за Козой гонится бог смерти и холода Карачун, чтобы убить еще неродившегося Каляду. В разговорной речи слово «скачуриться» означает «умереть от холода согнутым».

Символичны цвета орнамента: красный – кровь – жизнь, белый – кости – смерть. Пояса ткали двухсторонними, то есть изображения орнамента с обоих сторон были одинаковыми, менялись только цвета. Белым фоном наружу надевали на свадьбы и подобные праздники, красным – на похороны. В последнем случае «коза» была белой. Чем не белая Мать-оленуха! У земледельцев оленуха

Две каркасные лодки плывут рядом

Этапы постройки каркасной лодки

превратилась в солнце (полное название этой детали орнамента «играющее солнце»), ромбы с точками – в засеянные поля, а смысл остался тот же – жизнь, достаток. Скандинавские руны, похожие на изображение оленухи, имеют сходный смысл.

Находки остовов древних каркасных судов на южном побережье Балтийского моря подтверждают версию о широком распространении данного транспортного средства. Естественно, что из-за своей массивности челны лучше сохраняются, чем легкие каркасы кожаных судов, потому и чаще встречаются в раскопах. Кроме того, кочевая жизнь заставляет человека полностью использовать ставшие ненужными ему вещи. Возможно, остовы каркасных судов разбирали, а детали их применяли для ремонта других лодок, для изготовления жилищ, оружия, использовали как топливо и т.п.

Постройка каркасных лодок с 1988 года и сплав на них по рекам позволили получить некоторый опыт эксплуатации, благодаря чему стало возможным реально оценить их. Можно прийти к некоторым выводам и сидя за столом, но реальные полевые испытания надежнее, они сотрут возникшие сомнения, подскажут очевидное, чего никогда не добыть одними только теоретическими умозаключениями.

Для постройки каркаса лодки используются стволики

лозы, ольхи, лещины различного диаметра. Как-то само собой пришло то, что в качестве измерительного инструмента стало использоваться собственное тело: длина – шагами, ладонями, диаметр – толщиной пальцев. Так удобнее и быстрее. Детали шпангоутов заранее изгибаются. Весь корпус собирается и вяжется отрезками веревок на стапеле – забитым по разметке кольям. Лишнее отрезается. Готовый каркас можно обтянуть любым прочным водонепроницаемым материалом. Обычно использовали палаточный брезент и полиэтиленовую пленку (есть свои плюсы).

Несмотря на кажущуюся хрупкость, каркас довольно прочен за счет упругости деталей набора и соединения их веревочной вязкой. На большой волне качка практически отсутствует, корпус слегка изгибается, копируя форму волн. Ощущение, как будто сидишь на чем-то живом. Обшивка гибкая, поэтому соприкасаясь с ветками, неровностями дна она прогибается, не повреждаясь. Большая высота борта не дает волне перехлестнуться через него. Малая осадка (10-15 см) позволяет заходить в любые заводи, высаживаться на обмелевших берегах. И это при грузоподъемности лодки в 300–400 кг! Два человека могут легко переносить ее, спускать на воду и вытягивать на берег. При необходимости любую поломанную деталь можно заменить за полчаса, тем более, что материал для этого растет на любом берегу.

Гибкий брезент (кожа) все же надежнее жесткой коры. При примерно равной прочности материалов обшивки, ремонтнопригодность брезента (кожи) лучше, заплатка ставится легко. Если дождь застал на берегу, можно спрятаться с вещами под перевернутой лодкой. Под ней же можно оставить все лишнее на ночь, если нет места в палатке. Связанные вместе две лодки превращаются в надежный катамаран (как это делали североамериканские индейцы), перевернуть который на воде практически невозможно.

Наш вывод из полученного практического опыта один: кочевые народы были правы, выбрав себе в помощь именно каркасное судно.

Истоки Литвы

Геннадий Ковш

Руны

Возникновение рунических знаков многие исследователи связывают с древними племенами, которые жили в эпоху позднего палеолита, примерно 40–35 тыс. лет назад. Они жили в северной части Европы и даже в Заполярье, имели достаточно высокий уровень развития, неплохо знали астрономию, хорошо владели строительным делом, были отличными охотниками. В религиозных верованиях этих племён царил культ женщины, олицетворявшей плодородие и продолжение жизни. Некоторые ученые соотносят северные племена эпохи позднего палеолита с племенами древних ариев, которых они считают предками индоевропейцев.

С похолоданием в ледниковую эпоху этим племенам пришлось переселяться южнее, в места с более теплым климатом. На юго-востоке Беларуси выявлены стоянки позднепалеолитических племен – Бердыж и Юровичи (26–24 тыс. лет назад), где найдены образцы древнего искусства:

> «На территории Беларуси древние произведения искусства известны с позднего (верхнего) палеолита (орнаментированный обломок бивня мамонта со стоянки Юровичи).
>
> На близких по культуре памятниках соседних территорий Среднего Поднепровья известны скульптурки женщин и птиц из бивней мамонтов, выполненные в стиле наивного реализма, пластины из бивней украшенные орнаментом, в т.ч. зональным, в котором преобладали параллельные линии, зигзаги, ромбы, соединенные шестиугольниками, образующие сотовые узоры (стоянки Юдиново и Елисеевичи Брянской обл.), а также развитые меандровые узоры (стоянка Мезин Черниговской обл.).
>
> ...Большинство палеолитических находок древнего искусства связано с первобытным культом плодородия и охотничьей магии»*.

Примерно 18 тысяч лет назад с дальнейшим расширением ледникового покрова берега Днепра и Припяти опустели. Древние племена переселились еще дальше на юг. И только около 12 тысяч лет назад на территории нынешней Беларуси появились позднепалеолитические племена охотников на северных оленей. Заселение Беларуси в тот период происходило с запада, юго-запада и с юга – Среднего Поднепровья.

Около 10 тысяч лет назад с исчезновением ледника на территории Беларуси наступил средний каменный век – мезолит. Потепление климата привело к миграции северных оленей на север. Вслед за оленями переселилась и значительная часть местного населения, однако некоторые племена адаптировались к условиям жизни в лесах и остались на месте. Надо отметить, что территорию Беларуси в раннем мезолите снова заселили предки будущих индоевропейцев:

Г.В. Ковш «Высновы ліцвіна» (Мінск, 2009), с. 21–86. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі (ЭЛіМБел), том 4. Мінск, 1987, с. 260.

«Очень важным моментом в изучении ранних этапов заселения Верхнего Поднепровья в поздне- и послеледниковый период является факт установления генетической преемственности между населением среднеднепровской культурной зоны позднего палеолита и последующим мезолитическим населением верхнего течения Днепра, Десны и Волго-Окского междуречья. Близкое сходство технико-морфологических показателей этих групп памятников, датирование и ареал их распространения свидетельствуют о том, что изначальные миграции происходили в северном направлении по долинам Днепра, Десны, Друти и привели к формированию культурной области, которая заняла огромные территории северо-западных районов Русской равнины»*.

Но вернемся к древнему искусству наших предков:

«Странствующий быт человека финального палеолита и раннего мезолита, особенности жизни в условиях тундры и лесотундры (так выглядела территория Беларуси в тот период. – *Авт.*) влияли на характер его мировоззрения, на духовную культуру. Упорядоченность позднепалеолитических орнаментов уступает место экспансии скорописных композиций из прочерченных ломаных линий на костяных изделиях. Появляются динамические гравировки животных и мужчин-охотников, что отражает возросшую роль последних в социальных отношениях. В позднем мезолите, когда наступило полное приспособление к относительно стабильным условиям лесной зоны, опять возрождается регулярная ритмика отделок на костяных изделиях»**.

А теперь вспомним, что наиболее древние памятники с руническими знаками, найденные на территории Беларуси, встречаются среди археологических предметов мезолитической эпохи.

Сопоставляя эти факты, я пришел к выводу, что именно прочерченные композиции ломаных линий на костяных изделиях и есть первые рунические знаки. Они содержали информацию о миграциях животных, которой древние охотники обменивались между собой, но одновременно эти композиции имели еще и культовое значение.

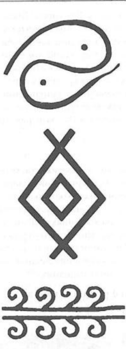
Могильный камень с руническим знаком (Крупский р-н Минской обл.)

Итак, рунические знаки (руны) первыми начали употреблять древние охотники, промышлявшие в позднем палеолите и раннем мезолите в бассейнах Верхнего Поднепровья, Десны и на смежных с ними территориях. Весьма вероятно, что именно они перешли от употребления отдельных знаков к руническому письму.

В конце XIX века возле села Триполье (ныне в Киевской области Украины) археолог В.В. Хвойко открыл древнее поселение, возраст которого около 6 тысяч лет. По названию села культура, характерная для этого

* Археалогія Беларусі. Том 1. Мінск, 1997, с. 40.

** Там же, с. 397.

Символы Трипольской культуры. Сверху вниз: начало и конец; беречь, оберегать; конь

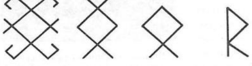
древнего поселения, получила название «трипольской». Удалось установить, что она имела распространение от Днепра до юго-восточной части современной Румынии. На археологических памятниках этой культуры выявлены рунические знаки. По мнению исследователя древнего письма Г.С. Гриневича, язык и рунические знаки носителей трипольской культуры позже легли в основу протоиндийского языка.

Все это доказывает, что мы, сегодняшние беларусы, – вовсе не славяне (какими хотят видеть нас некоторые соседи), а потомки древних индоевропейцев, создавших рунические знаки и орнаменты. Наш современный язык произошел от старобеларуского, а тот развился из праславянского языка, праславянский же, в свою очередь, возник на основе языка древних индоариев.

***

Беларуская народная символика, сохраняющая свою самобытность, формировалась в русле индоевропейских традиций. Поэтому мое внимание привлекла руническая система оберегов, которую традиционно связывают с культурой скандинавских народов. Дело в том, что знаки-символы (руны) беларуских орнаментов очень похожи на скандинавские знаки-руны.

Наиболее древний скандинавский алфавит III–VIII вв. содержит 24 руны (см. с. 146). Значит, каждый знак имел отношение к конкретному часу в сутках и, скорее всего, обозначал календарные или астрологические понятия. Поскольку некоторые руны обозначают негативные явления, то и часы, маркированные этими рунами, считались несчастливыми. Не случайно до сего времени у беларусов есть такой оборот речи как «хорошее время» («добры час»). Рунические календари, существовавшие в Скандинавии и соседних странах до XIX века, изготавливались в виде посоха, меча или книги и обозначали различные понятия, а также дни недели. Руны Луны указывали на ее фазы – полнолуние и новолуние.

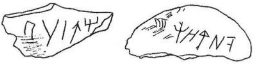
Рунические знаки из беларуских орнаментов: а) деталь орнамента пояса; б) ингви (бог плодородия); в) наследство; г) дорога, путешествие

Наиболее древние памятники с руническими знаками, найденные на территории Беларуси, встречаются среди археологических предметов эпохи мезолита. В коллекции музея Древней беларуской культуры Национальной Академии наук хранится фраг-

мент кости с изображением человека с поднятыми к небу руками (стоянка Озерцо, Центральная Беларусь), где внизу вырезан знак, похожий на руну Отилия. Этот предмет, вероятно, имел культовое назначение.

А в народных беларуских орнаментах на полотенцах, одежде, поясах и скатертях выявлены 17 рунических знаков (см. с. 147), кроме того еще один знак считается руническим предположительно.

Три аналогичных знака встречаются и в англосаксонских рунах (Гар, Гер, Ер). А руна Энваз на беларуских полотенцах находится в вертикальном положении и может быть другим знаком.

Рунические знаки на обломках костей, найденные в Беларуси (XII век)

Не чужда беларуской традиции система «связанных рун», когда несколько знаков, наложенных друг на друга, составляют одну лигатуру. Именно такие узоры сельские жители называли «варажбітнымі ўзорамі» (колдовскими узорами).

В качества гипотезы я предлагаю скандинавскую систему значений, поскольку некоторые из них достаточно точно вписываются в народные обряды с использованием таких ритуальных вещей, как полотенца или свадебные наряды. Например, руну Беркана можно встретить только на женской одежде. Она является символом богини земли. А наиболее часто встречающаяся руна Гебо присутствует на полотенцах, женской и мужской одежде, на многих бытовых предметах. Руна Ер — древо жизни — главный элемент в орнаментах пряслиц.

Этимологию слова «руна» рассматривали многие исследователи. В древности, когда не было бумаги, знаки вырезали на кости, глине, камнях, дощечках. У нас их называют «резы». От славянского корня «рун» происходят такие слова, как «рана», «ранить». Беларуское слово «рунь» — всходы, побеги растений — родственно такой этимологии: всходы как бы прокалывают землю. Мастеров, владевших мастерством вырезания рун, называли эрилями, то есть ариями. Беларуское слово «араць» (пахать) показывает, что это мастерство прямо связано с сельскохозяйственной деятельностью. Слово «раніца» (утро) — свет прорезает темноту ночи — тоже связано с корнем «рун».

Но вот какая здесь «нестыковка»: корень «рун» — славянского происхождения, тогда как руническая система оберегов традиционно связывается с культурой скандинавских народов, да и семантика наших рун привязывается к скандинавской системе значений, а скандинавы, как известно, не славяне.

Например, толковый словарь С.И. Ожегова дает следующее объяснение: «руны — древние письмена скандинавов, сохранившиеся в надписях на камнях и других предметах»*. Как видим, он связывает руны только со скандинавами. Видимо и мы, беларусы, в чьих национальных орнаментах выявлены уже 17 рунических знаков, не относимся к славянам, а родственны народам Скандинавии. Но как в таком случае быть с беларуским языком, ведь общепринято, что он — из числа славянских?

* Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 15-е, стереотипное. М., 1984.

Варяги. Славяне

Для того, чтобы найти ответы на возникшие вопросы, проанализируем информацию о происхождении славян и возникновении древних рун. Вот что, например, сказано в «Энциклопедии литературы и искусства Беларуси»:

«Славяне – группа народов, носителей славянских языков, принадлежащих к семье индоевропейских языков.

...Исторические источники дают сведения о славянах относительно поздно, попытки ученых увидеть славян в «скифах-пахарях», «будинах» или «неврах», которых называет в своих работах Геродот (V век до н.э.), маловероятны. Недостаточно обоснованы и отождествления со славянами венедов, упоминаемых авторами I–II вв. н.э. (Тацит, Плиний Старший, Птоломей). Первые известные сообщения о славянах (склавинах) – у Прокопия Кесарийского и Иордана (VI век н.э.), они, однако, не указывают точного места жительства славян. Потому вопрос о так называемой прародине славян – древней территории, где произошло формирование относительного единства носителей праславянского языка, а также о точном времени этого вызывают споры»*.

Из этого и других источников следует, что исторически достоверные сообщения о славянах относятся к середине 1-го тысячелетия н.э. В частности, они связаны с появлением археологической пражско-корчакской культуры (V–VII вв. н.э.) – несомненно славянской. Между тем, наиболее древние памятники с руническими знаками, найденные на территории Беларуси, имеют значительно более древнее происхождение. Следовательно, рунические знаки существовали на нашей земле задолго до появления славян, а это в свою очередь указывает на то, что люди, которые издавна вырезали руны, были не славяне. Отсюда вывод: корень «рун» – неславянского происхождения. Об этом свидетельствует и тот факт, что корень «рун» имеется и в шведском языке (по-шведски «runor» – письмена)**.

Выходит, что на территории современной Беларуси до появления славян проживали племена, культура которых родственна культуре скандинавских племен, среди которых были широко распространены рунические знаки. Необходимо также подчеркнуть, что для современной беларуской национальной культуры характерно широкое употребление рунических знаков в орнаментах. А это означает одно из двух: 1) придя на наши земли, славянские племена переняли культуру проживавших здесь племен; 2) никакие славянские племена на наших землях не расселялись.

Относительно второго вывода многие могут возразить: а как же кривичи, радимичи, дреговичи, а как же принадлежность беларуского языка к славянским языкам? Кажется, что для второго тезиса нет никаких оснований, но давайте попытаемся разобраться в этом.

Принято считать, что кривичи, радимичи и дреговичи расселились на наших землях во второй половине 1-го тыс. н.э. Причем, как свидетельствуют ученые, расселились мирно, вплоть до подселения в уже существующие деревни местных племен. Такое возможно лишь в случае психологической совместимости

* ЭЛіМБел. Том 5. Мінск, 1987.

** Ефремова В.В. Русско-шведский словарь. М., 2003.

пришлых людей с местными жителями и хорошего понимания друг друга (при сходстве языков). Но, как было отмечено выше, местные жители не были славянами. Отсюда можно сделать вывод: племена кривичей, радимичей, дреговичей тоже не были славянскими.

Тогда возникает очередной вопрос: почему мы, сегодняшние беларусы, хорошо понимаем поляков и украинцев, русских и словаков, других носителей славянского языка?

Вот что сообщает «Энциклопедия литературы и искусства Беларуси:

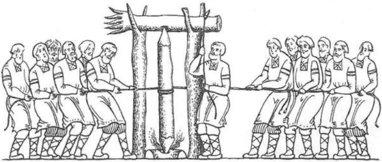
«Славянизмы, старославянизмы, церковнославянизмы – слова, заимствованные из старославянского и церковнославянского языков. Они отличаются книжно-письменной или возвышенной стилистической окраской.

...В современном беларуском языке (в отличие от русского и украинского языков) число славянизмов весьма ограничено, а их стилистическая окраска нейтрализовалась.

...В разговорном языке стилистически окрашенные славянизмы могут иметь ироничный оттенок, категория *славянизмы* для современного беларуского языка мало характерна.

...Славянские языки, это группа родственных языков, которые восходят к одному предку – праславянскому языку. Принадлежат к семье индоевропейских языков. Наиболее близки к славянским языкам балтийские языки.

...Лингвистические данные свидетельствуют о тесных связях славян с балтами, а также с иранцами, германцами, возможно, с иллирийцамі»*.

Добывание живого огня
(реконструкция беларуского археолога А. Левданского, 1928 г.)

Итак, для современного беларуского языка «категория славянизмы мало характерна». Почему же в нашем языке так много слов, похожих на слова славян? Этому может быть лишь одно объяснение: современный беларуский язык не происходит от праславянского языка, предка славянских языков, но близок к нему.

По утверждениям ряда ученых, славян необходимо связывать с северо-индоевропейскими племенами:

* ЭЛіМБел. Том 5. Мінск, 1987.

«В процессе распада индоевропейского этнолингвистического сообщества к 3-му тыс. до н.э. выделились северо-индоевропейские племена, на базе которых сложились группы племён — предков германцев, балтов и славян».

Во 2-м тыс. до н.э. в Европе выделялись уже пять крупных этноязычных массивов:

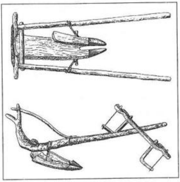
(1) финны и угро-финны в северо-восточной части Европы;

(2) ираноязычные кочевники в степях Восточной Европы;

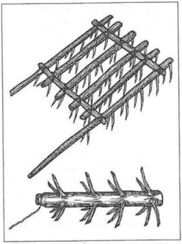
(3) южные индоевропейцы (италики, иллирийцы, греки, фракийцы) на территории к югу от Альп и Дуная;

(4) кельты — на западе и в центре Европы от Испании и Британии до Карпат;

(5) северные индоевропейцы на территории юга Скандинавии, Дании, современной северной Германии, Польши, юга Прибалтики, современной Беларуси, Западной России, почти до границ нынешней Московской области.

Две древние сохи

Древнейшие бороны-суковатки (астрогі)

Нас интересуют северные индоевропейцы. Имеющиеся данные не позволяют выделить в прото-германо-балто-славянском единстве элементы этнического расчленения. Но во второй половине 2-го тыс. до н.э. массив северных индоевропейцев разорвался на две части: с юга в бассейн Вислы пришли племена, археологическую культуру которых называют лужицкой (XV–IV вв. до н.э.). Западнее лужицкой культуры начал формироваться будущий германский мир, а восточнее остались предки балто-славян, на основе которых позже возникли балты и славяне. Самих носителей лужицкой культуры обычно связывают с южными индоевропейцами — иллирийцами и венетами (венедами). Лужицкая культура находилась также под сильным влиянием кельтов и частично — фракийцев. Таков традиционный взгляд определенной группы ученых на возникновение славян. Но существует и другая точка зрения:

«По мнению некоторых ученых (А. Шлейхер, Я. Розвадовский, Т. Лер-Сплавинский, В.В. Иванов, В.Н. Топоров, В.В. Мартынов), определенное время существовало балто-славянское этнолингвистическое единство (праязык); другие ученые (А. Мее, Я. Энделин, С.Б. Бернштейн, А.М. Трубачев) не отрицают значительной близости балтов и славян, но и не принимают тезис о балто-славянском единстве (праязыке); некоторые ученые (Х. Станг, Э. Френкель) скептически

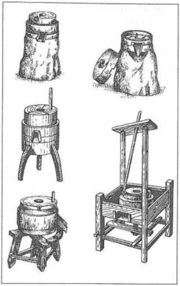
смотрят на возможности реконструкции социолингвистического статуса балтийских и славянских диалектов, а, значит, на существование у них общего праязыка»*.

Если учесть мнения противников балтославянского единства (праязыка) и то, что существование славянских археологических культур (значит, и самих славян) ученые относят к 1-му тыс. н.э. (железный век), приходим к следующему выводу. Племена лужицкой культуры во второй половине 2-го тыс. до н.э. (в бронзовом веке) разорвали близкий в этнокультурном плане массив северных индоевропейцев на две части: западную (где формировались германо-скандинавские племена) и восточную (где формировались племена балтов, а не балто-славян).

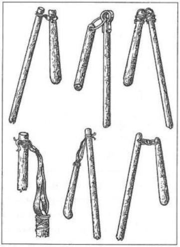
Восточные племена северных индоевропейцев ученые называют балтами. На мой взгляд, название не вполне адекватное, ибо к балтам можно отнести сегодня народ любого прибалтийского государства и в то же время не включить в их круг коренных жителей государства, не выходящего к Балтийскому морю, хотя и балтского по происхождению.

Остановимся более подробно на восточных северо-индоевропейцах. Эти племена широко расселились на территории современной Беларуси и прилегающих к ней стран. Расселение среди лесов заставило их в совершенстве овладеть подсечно-огневой, а местами и пахотной (с применением плуга) системой земледелия. О широком распространении пахотного земледелия в восточной Европе в 1-м тыс. до н.э. свидетельствуют многочисленные находки здесь деревянных плугов, которые датируются 1-м тыс. до н.э. и даже более ранней эпохой.

Отметим еще одно обстоятельство:

Деревянные жернова

Древнейшие цепы

«В связи с распространением земледелия и животноводства распространялись космогонические и связанные с плодородием земли культы. На керамике преобладали гравированные узоры в виде треугольников, дуг, ромбов с крючками, солярных знаков, которые символизировали небесные светила и явления природы, плодородие, умирание и весеннее возрождение приро-

* ЭЛіМБел. Том 5. Мінск, 1987, с. 44.

ды»*. Это означает, что тогда имела широкое распространение руническая система оберегов.

Напомним, что эрили (арии) умели вырезать руны, а родственное беларуское слово «араць» (пахать) показывает, что это умение было связано с сельскохозяйственной деятельностью. И далее:

«Древняя первооснова многих символов, входящих в орнаменты, жителями села уже забыта и значение многих знаков... называлось гадательными знаками» (Л.Е. Агеева, 2007).

Если же задуматься над смыслом слова «варажба» (гадание), то сразу напрашивается его связь со словом «ворыва» (вспашка). То есть, гадание означает какой-то ритуал при проведении работ по выращиванию урожая, с применением пахотного («ворыўнага») земледелия. Вот что сказано в энциклопедии:

«Гадание (варажба) – магические способы и действия, которые якобы предрекали будущее и помогали узнавать о былом. Возникло в первобытно-общинном обществе вместе с ранними формами религии – верой в животворные силы, в лес. Связано с признаками, часть которых основана на житейском и хозяйственном опыте, наблюдениях за явлениями природы»**.

Видимо, от слова «арыі» (эрили) позже произошло беларуское слово «араць» (пахать), слово «араць» подразумевает слово «ворыва» (пахота, вспашка), слово «ворыва» образовало слово «варажба» (гадание). От слова «варажба» происходят слова «варажы» или «варяги», которыми называли людей (позже и целые племена восточных северо-индоевропейцев), занимавшихся «ворыўным» (пахотным) земледелием, практиковавших космогонические и связанные с плодородием земли культы. По мере распространения «ворыўнага» (пахотного) земледелия распространялось и название «варяги». Поэтому восточную часть северо-индоевропейских племен, по моему мнению, надо называть варягами, а не балтами. Слово «варяг» ныне широко известно, но в другом значении (ратник, наемник, викинг).

Сделаем еще одно уточнение. Территория распространения восточных северо-индоевропейцев (впредь будем называть их варягами) простиралась от восточной части нынешней Польши до западной части современной России (почти до границ Московской области), от юго-восточной Прибалтики до северной части Украины. Это подтверждают археологические данные, указывающие территории расселения племен культуры шнуровой керамики (индоевропейских племен) на востоке Европы в бронзовом веке. Таковыми являются среднеднепровская культура, культура полесской шнуровой керамики, северобеларуская культура, тшинецкая культура и другие (напомню, что археологические культуры получают названия от тех территорий или населенных пунктов, где впервые находят определенные археологические памятники).

Почему территория распространения варягов берется от юго-востока Прибалтики, а не от всей территории нынешних Летувы и Латвии? Во-первых, потому, что археологические памятники культуры шнуровой керамики охватыва-

* ЭЛіМБел. Том 4. Мінск, 1987, с. 262.

** ЭЛіМБел. Том 1. Мінск, 1984.

ют всё беларуское Понеманье и только юго-восточную часть Прибалтийского региона.

Во-вторых, мы учитываем тезис о том, что у беларусов нет генетической близости с сегодняшними летувисами и латышами:

> «Мутация Tat C в Y-хромосоме, которая передается по отцовской линии, распространена у угро-финских народов, латышей и летувисов, но не у белоруссов и других славян. Наиболее интересным является наличие генетического барьера общеевропейского масштаба между белорусами и летувисами, выявленного при математической обработке различий по мутациям в Y-хромосоме. В то же время, каких-либо генетических различий по Y-хромосоме между соседними славянскими народами: белорусами, русскими Новгородской области и северными украинцами не обнаружено. С другой стороны, нет генетических барьеров между летувисами, латышами и эстонцами»*.

Все это означает, что тех, кого сегодня подразумевают под балтами, надо разделять на: 1) восточных северо-индоевропейских балтов (пруссов, ятвягов, днепро-двинцев, т.е. *варягов*) и 2) *угро-финских* балтов (современных летувисов, латышей, эстонцев).

Гончарный круг наши предки изобрели еще в каменном веке

Наличие угро-финских балтов объясняется тем, что на территорию нынешней Прибалтики в середине 3-го тыс. до н.э. проникали племена культуры гребенчато-ямковой керамики, которых считают предками прибалтийских угро-финнов. Они вели хозяйство присваивающего типа, специализируясь в первую очередь на эксплуатации озерных водоемов и прилегающих территорий. Археологи сообщают:

> «Культура типичной гребенчато-ямковой керамики не имеет никаких генетических связей с местной ранненарвенской культурой ни в Беларуси, ни в Юго-Западной Прибалтике, что отмечается практически всеми исследователями. Сейчас уже известно, что ее носители распространились на территорию Эстонии и Латвии с северо-востока, где в Приладожье известны наиболее ранние памятники. Культура последних, в свою очередь, имеет явные черты общности с гребенчато-ямковыми культурами Волго-Окского междуречья»**.

А финно-угорские народы не относятся к индоевропейским.

Таким образом, на территории сегодняшней Беларуси в бронзовом веке проживали племена варягов, которые в предыдущую эпоху вместе с будущими германо-скандинавскими племенами составляли единый массив северных индоевропейцев с родственными языками и религиозными традициями (в частности, широко использовали рунические обереги).

* Резников К.Ю. Балты ли белорусы? // Интернет.
** Археалогія Беларусі. Том 1. Мінск, 1997, с. 210.

Но нас интересует возникновение славян, а значит и праславянского языка. Для этого из бронзового века перенесемся в железный век.

С высадкой во второй половине 1-го тыс. до н.э. на Балтийское побережье нынешней Польши германо-скандинавских племен певкинов, бастарнов и других, а значительно позже (в I веке н.э.) племен готов, постепенно исчезли те культуры, которые долгое время разделяли западных северо-индоевропейцев (германо-скандинавов) и восточных северо-индоевропейцев (варягов). Родственные племена после длительного разобщения опять стали соприкасаться на территории проживания варягов. В результате на землях варягов начали формироваться культуры, которые приобретали германо-варяжские признаки, поскольку долгое размежевание внесло довольно существенные различия в культуру и язык этих племен, но все же не настолько, чтобы не считать их родственными.

***

Рассмотрим все это более подробно, пользуясь названиями археологических культур железного века.

Переплыв Балтийское море и высадившись на севере нынешней Польши во второй половине 1-го тыс. до н.э., германо-скандинавские племена расселились среди местных племен поморской культуры с лужицкими традициями. Через какое-то время они мигрировали на юг, на территорию северо-западной Украины и юго-западной Беларуси, распространяя поморскую культуру и там.

Некоторые германо-скандинавские племена в этот период расселялись среди варяжских племен штрихованной керамики Понеманья, вместе с частью которых позже начали продвигаться на юг и юго-восток, где участвовали в формировании германо-варяжских культур: пшеворской (II век до н.э. — V век н.э.), распространенной в основном на территории нынешней Польши, и зарубинецкой (III–II вв. до н.э. — I век н.э.), которая заняла территорию прежней милоградской культуры.

Зарубинецкая культура была распространена на Полесье, в южной части Беларуского Поднепровья, в бассейне Среднего Днепра до реки Цясмин на территории современной Украины. В конце I века н.э. эта культура прекратила свое существование. В тот период население зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья подверглось нападению кочевых племен (возможно, сарматов или кого-то еще) и под угрозой физического уничтожения и порабощения переселялось на север (в бассейн Западной Двины) и на северо-восток (в бассейн Десны), а другая часть зарубинецкого населения мигрировала на территорию теперешней Польши и в бассейн Верхнего Немана.

Позже, около I века н.э. на варяжские берега Балтийского моря (ныне Северо-Восточная Польша) высаживались новые многочисленные племена германо-скандинавов (готов и др.), в результате чего там формировалась новая германо-варяжская археологическая культура — вельбарская (I стадия, I–II вв.).

Во II веке значительная часть вельбарского населения переселилась вдоль Вислы и Западного Буга в Западное Полесье (здесь складывалась вторая стадия германо-варяжской вельбарской культуры, датируемая II–V вв.). Частично вельбарки продвинулись с Западного Полесья на восток, где вместе с варяжским населением Верхнего Поднепровья сформировали так называемую «киевскую»

культуру (II–V вв.). Памятники киевской культуры встречаются на большой территории: в Киевской, Черниговской и Сумской областях Украины, Гомельской и Могилевской областях Беларуси, Курской и Белгородской областях России.

В конце II – начале III века новые германо-скандинавские племена готов, гепидов, бурундов и других двигались с побережья Балтики вдоль Вислы в южном направлении, захватывая территорию до Черного моря на юге, до низовий Дона на востоке, до Дуная на западе. На огромной территории, включавшей сегодняшние Южную Польшу, Словакию, Украину, Молдову, Курскую и Белгородскую области России, формировалась развитая земледельческая культура, получившая название черняховской. Основа этой культуры была германская, но она также включала в себя культуры местных порабощенных племен фракийцев, ираноязычных кочевников-сарматов и других.

Поскольку черняховская культура была земледельческой, она нуждалась в создании новых земледельческих зон на плодородных землях. Такие земли находились в лесной полосе Центральной Европы и нынешней Украины. Кроме того, в связи с переселением большой массы людей на новые территории возникали многочисленные новые поселения.

В лесных зонах распространения германо-варяжских культур (киевской, вельбарской, пшеворской) возникали новые поселения. Иной раз несколько селений размещались на небольшом расстоянии (1–2 км) друг от друга, образуя скопления. Подобные скопления характерны для киевской культуры; группы по 2–4 селения встречаются также в ранней славянской пражской культуре и в более поздней колочинской культуре. Для этих скоплений весьма характерно наличие святилища – большой площадки, где выполнялись культовые обряды.

Изображение быка и женщин на подвесках (из кургана радимичей XI–XII вв.)

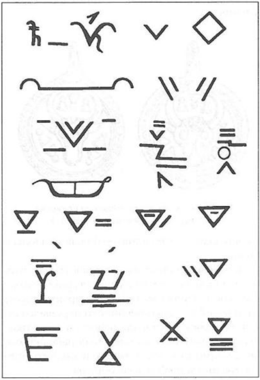
Все это требовало значительных человеческих ресурсов для работы в лесных массивах, где уже сложились киевская, пшеворская и вельбарская археологические культуры германо-варягов (близкие к черняховской). Они практиковали лядный способ земледелия (ляда, или вырубка – расчищенное от деревьев и кустарника место в лесу под посев или сенокос). Людей для работы в лесах (расчистки площадок, заготовки древесины, обработки) поставляли порабощенные готами местные племена. Невольникам приходилось не только исполнять приказы хозяев, но также соблюдать их традиции и культовые обряды.

Эти люди из подчиненных готами племен, проживавших на огромной территории, чаще всего не могли общаться между собой на своих родных языках. Но им надо было понимать хозяев, говоривших на родственных друг другу германо-скандинавских и варяжских языках. Такими языками невольники посте-

пенно овладевали, сохраняя свое произношение германо-варяжских слов и параллельно употребляя свою лексику. А хозяева усваивали некоторые слова и лексемы невольников.

Хозяева называли своих невольников «славами» или «склавинами». В подтверждение этого тезиса отметим, что в современном шведском языке слово «slav» означает «славянин» и «раб», тогда как «slavisk» — «славянский» и «порабощенный». В современном немецком языке «sklave» — «порабощенный», «slawe» — «славянин». Слово «slav» является общим для скандинавов и для варягов благодаря единому корню «lav» (лав), от которого происходит наше сегодняшнее слово «лавіць» (ловить), значит, «slav» можно перевести на современный язык как «пойманный».

Такое освоение лесной зоны продолжалось до последней четверти IV века. Нашествие гуннов и разгром ими готов в 375 году вынудили германские, а также германо-варяжские племена покинуть занимаемые территории. Большинство уходивших племен направилось на запад, в сторону Римской империи, а некоторые варяжские племена вернулись на свои прежние земли. Об этом свидетельствует синхронный распад черняховской, вельбарской, пшеворской культур, а также образование после распада киевской культуры в ее северной части колочинской (V–VIII вв.) и тушемлинско-банцеровской культур (V–VIII вв.), культуры «длинных курганов» в Северной Беларуси (V–VII вв.), в археологических памятниках которой найдены предметы киевской культуры.

Бортные знаки — вариант рунических знаков. «Священный смысл» заклинаний и магических действий старый бортник передавал своему сыну как дар знахарства только в конце жизни

После ухода готов, других германских и германо-варяжских племен, в опустевшей лесной полосе Центральной Европы и Украины в брошенных ими селениях остались большие группы ранее порабощенных людей — «славов» (или «склавинов»). Эти люди постепенно объединялись в славянские племена. Так в конце IV – начале V века возникла культура пражско-корчакского типа на территории Житомирщины, Волыни и

Малой Польши, которую все ученые считают славянской. Но до сих пор они не пришли к единому мнению о происхождении этой культуры:

«В современной научной литературе выделяется несколько направлений поисков ее истоков. И.П. Русанова и В.В. Седов разработали концепцию, согласно с которой носители пражско-корчакских древностей являются потомками населения пшеворской культуры...

Представители другого направления И. Вернер и другие отдают предпочтение восточному направлению культурогенеза раннесредневекового славянства. Они берут за основу сравнения структурную модель славянского сообщества и ищут истоки его культуры на территории Верхнего Поднепровья, бассейна Десны и Беларуси, прежде всего в границах распространения памятников киевской культуры.

Исследователи отмечают, что по уровню социально-экономического развития и культурным традициям славяне V–VI вв. ближе к населению лесной зоны Восточной Европы II–IV вв., чем к лесостепным черняховской, пшеворской и вельбарской культурам с их довольно высоким уровнем ремесла, сельского хозяйства, торговли и общественных отношений»*.

Украинские исследователи считают, что «в формировании пражской культуры приняли участие определенные группы населения киевской, черняховской и пшеворской культур»**. Думаю, что это мнение подтверждает мою концепцию возникновения славян из порабощенных людей («славов» или «склавинов»), живших и работавших в лесных массивах на территории данных культур. Вспомним заодно, что первые письменные сообщения о славянах (склавинах) встречаются у Прокопия Кесарийского и Иордана лишь в VI веке н.э.

Основой для образования праславянского языка, как следует из сказанного, стали родственные друг другу германо-скандинавские и варяжские древние языки. Именно этот факт объясняет сходство современного беларуского языка со славянскими языками.

Ну, а кривичи, радимичи, дреговичи — никакие не славяне, а германо-варяжские племена, которые под натиском гуннов ушли на запад. Однако через несколько столетий кривичи, радимичи, дреговичи (а также вятичи) вернулись на земли предков, во главе со своими вождями Кривом, Дрыговитом, Радимом, Вяткой. Отмечу, что Радим упоминается в «Повести временных лет», Вятка — брат Радима, на существование Дрыговита и Крива указывал наш историк Н. Ермолович.

Викинги. Русь

Перенесёмся теперь на Скандинавский полуостров VIII века. В мире скандинавов в конце VIII — первой половине IX века произошел резкий сдвиг: среди них появился новый тип людей — смелые мореплаватели, искатели добычи и приключений. Этих людей звали викингами. Слово «викинг» происходит от слова «vikingr» — уходящий в плавание (покидающий бухту), а оно, в свою очередь, от слова «vik» — бухта, залив.

* Археалогія Беларусі. Том 2. Мінск, 1999, с. 336.
** Там же, с. 337.

Популярна теория о том, что Скандинавия в то время была перенаселена, поэтому многие молодые скандинавы отправлялись в другие страны в поисках собственной земли. Так или иначе, викинги собирались в дружины и ходили в дальние морские походы – до Исландии, Гренландии, берегов Африки. Жертвами их набегов становились жители прибрежных районов Англии, Ирландии, Северной Германии, Франции, Пиренейского полуострова, Южной Италии.

Шведские викинги господствовали на Балтийском море, спускались по рекам до Черного и Каспийского морей, угрожали Константинополю и северным берегам Персии.

Французы называли викингов норманами; англичане всех скандинавов без разбора относили к датчанам; славяне, хазары и греки, которые сталкивались со шведскими викингами, называли их русью, русинами, варягами. Около трех столетий (до 1050 г.) викинги плавали на своих кораблях, украшенных головами драконов (драккарах) вокруг Европы и по внутренним рекам, терроризируя буквально всех.

Деятельность викингов связана и с нашей землей, через которую проходил «великий водный путь из варяг в греки». Этот путь имел два основных маршрута:

1) Балтийское море – река Нева – Ладожское озеро – озеро Ильмень – река Ловать – река Днепр – Черное море;

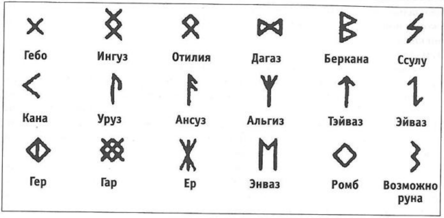
2) Балтийское море – река Западная Двина – река Днепр – Черное море.

Археологические памятники викингов обнаружены на территории Беларуси. Но обратим внимание на два обстоятельства:

а) среди тех земель, которые систематически опустошали викинги, наши земли не упоминаются;

Германо-скандинавские руны

Руны, зафиксированные на территории Беларуси

б) славяне, хазары и греки называли шведских викингов русами и варягами; отчего же тогда водный путь назывался из «варяг в греки», но не «из русов в греки»?

По моему мнению, отсутствие сведений о крупных грабежах викингов на наших землях, а также следы длительного их проживания тоже подтверждают родственность варягов, живших здесь издавна, и тех викингов, которые прибывали из Скандинавии. Скорее всего, викинги поселялись среди варягов, вместе участвовали в военных походах, сотрудничали в других сферах. Мне могут возразить, что местное население здесь было беднее, чем в Западной Европе, поэтому его и не грабили. Это заблуждение. Викингов кроме золота и серебра интересовали люди для продажи в рабство, а людей на наших землях жило достаточно.

Прежде чем говорить о водном пути, рассмотрим происхождение слова «русь». По мнению большинства современных исследователей, слово «русь» происходит от древнескандинавского глагола «roa», что означает «грести». Термин «Русь», как считают многие лингвисты, является продуктом трех языков — славяно-финско-скандинавским. Он возник в северных новгородских землях славян, где и теперь сохранилась богатая древняя топонимика: *Порусье, Русса, Русаново, Русуево, Околорусье* и т.д. Финны поныне называют шведов «рутси», поскольку в древние времена возле восточно-балтийского побережья первыми появились шведские ладьи с гребцами.

Существует мнение, что викинги имели свои опорные пункты на берегах Ладожского озера (здешнее население называло их русами), поддерживали тесные контакты с местной племенной знатью. Археологи нашли возле Ладоги поселения викингов IX–X вв., где обнаружили очень много предметов быта, культа и прочего, принадлежавших викингам.

По преданию, в 862 году князем новгородцев стал викинг Рюрик, а через 20 лет его преемник Олег со своей дружиной, состоявшей как из викингов, так и местных жителей, овладел Киевом. При этом он убил древлянских правителей Киева, князей Осколда (Аскольда) и Дира. Этот захват положил начало ранне-

феодальному государству Киевская Русь. Оно было славянским по своей этнической основе, но управлялось викингами, которые потом вели войны с варяжскими княжествами (Полоцким, Туровским и другими) за контроль над водным путем «север – юг».

Думаю, что этот путь возник еще до эпохи викингов (спрашивается: каким путем доставляли в бронзовом веке медь и бронзу с Кавказа на наши земли?), только начинался с Днепра, а не Константинополя. Позже викинги продлили его до Скандинавии. Возможно также, что славяне, хазары, греки и арабы называли «русами» тех викингов, которые прибывали на побережье Черного моря маршрутом через Ладожское озеро, а «варягами» называли наших предков и викингов, которые пользовались маршрутом через Западную Двину.

Отметим еще и то, что первоначально термин «Русь» к нашим землям не имел никакого отношения. Только с введением киевского (т.е. греческого) варианта христианства у наших предков (начиная с 992 года) стали распространяться термины «русский», «русская вера», «русский язык», означавшие «христианин», «христианская вера», «язык христианских писаний», ибо все они шли к нам с Руси (из Киева). Притом долгое время они приходили исключительно посредством вооруженных вторжений. Изначально слово «русский» не имело этнического значения для коренного населения наших земель, а означало исключительно человека, принявшего веру Киевской Руси – христианство (русский – значит христианин).

Итак, после расчленения племен древних северо-индоевропейцев на германо-скандинавов и варягов было два значительных прихода скандинавских племён на земли варягов. Первый – бастарны, певкины, готы, что повлекло возникновение германо-варяжских культур. Второй – викинги, которые содействовали становлению и росту варяжских княжеств, в первую очередь – Полоцкого княжества и самого города Полоцка.

***

Родство германо-скандинавов с нами, потомками варягов, подтверждают и языковые факторы. Это сходство значений очень многих слов, произношение звуков, например, глухое «г» и «ў», отсутствующие в польском и русском языках, наличие трех форм прошедшего времени (перфект, имперфект, плюсквамперфект). Приведу для примера шесть десятков слов, общих или близких по значению в современных шведском и беларуском языках:

barr – бор (сосновый лес; по-рус. «хвоя»)
bra – добра (по-рус. «хорошо»)
brodd – брадзіць (бродить – о закваске; по-рус. «всходы»)
dal – далёка (далеко; по-рус. «долина»)
del – доля (по-рус. «участь, судьба»)
dela – дзяліць (по-рус. «делить»)
hard – гарт, гартаваць (по-рус. «твердый, закаливать»)
hopp – гоп, скачок (по-рус. «прыжок»)
hoppa – гопаць, скакаць (по-рус. «прыгать»)
gron – гронка (гроздь; по-рус. «зеленый»)
kopa – купляць (по-рус. «покупать»); копа – одна из денежных единиц в ВКЛ
kraj – край (по-рус. «край, сторона»)

labb – лапа
lapp – ляпа (по-рус. «губа»)
lapp – лапік (по-рус. «лоскут»)
lata – лата, латаць (заплата, зашивать; по-рус. «шить»)
latt – лятаць (летать; по-рус. «лёгкий»)
lakare – лекар (по-рус. «врач»)
lillen – люляць, люлька (нянчить, детская кроватка (по-рус. «младенец»)
lin – лён
linne – лінпё (по-рус. «полотно, белье»)
mala – маляваць, малюнак (по-рус. «рисовать, рисунок»)
mynt – мытня (таможня; по-рус. «монета)
nagel – ногаць (по-рус. «ноготь»)
naken – нагі (по-рус. «голый»)
noll – ноль (по-рус. «нуль»)
nos – нос
oga – вока (по-рус. «глаз»)
plog – плуг
raake – паранчы (по-рус. «перила»)
rad – рад, рада, урад (по-рус. 1) «ряд»; 2) «совет»; 3) «правительство»)
radd – раіць (по-рус. «советовать»)
sadd – сад, садзіць (по-рус. «сад, садить»)
saddel – зэдлік (табурет; по-рус. «седло, седалище»)
skada – шкада (по-рус. «вред»)
skaka – скакаць (по-рус. «прыгать»)
skiva – скіба (по-рус. «ломоть хлеба, краюха»)
skord – сцірта (жатва; по-рус. «скирда, стог»)
skrapa – скрэбці (по-рус. «скрести, очищать»)
skrik – крык (по-рус. «крик»)
skrin – скрыня, скрынка (по-рус. «шкатулка, коробка, ящик»)
slem – слімак (улитка; по-рус. «слизь, слизень»)
slick – лізаць (по-рус. «лизать»)
smak – смак (по-рус. «вкус»)
smalta – смала (смола; по-рус. «расплав»)
smetana – смятана (по-рус. «сметана»)
smor – шмара (по-рус. «масло»)
smorja – шмараваць (по-рус. «мазать»)
snok – цмок (по-рус. «уж», «змей», «дракон»)
soka – шукаць (по-рус. «искать»)
stig – сцежка (по-рус. «дорожка»)
svara – сварыцца (по-рус. 1) «отвечать»; 2) «ссориться»)
svin – свіння (по-рус. «свинья»)
syster – сястра (по-рус. «сестра»)
tre – тры (по-рус. «три»)
tva – два
vandra – вандраваць, вандроўка (по-рус. «странствовать, странствие»)
veta – веда (знание)
vilja – воля (по-рус. «свобода»)

Выделим в этом перечне слова «rad» и «snok». Слово «rad» тесно связано со словом «радзюжка», означающим вид подстилки из грубоволокнистых нитей.

Для «радзюжкі» характерны композиции орнамента из разноцветных полос (рядов), отсюда и название. Тому, кто хорошо знает руны, эти простейшие орнаменты сообщат информацию, содержащуюся в них («радзюжку» можно рассматривать как большой тканый лист с руническим письмом). Слово «snok» по звучанию и значению родственно нашему «цмок» (змея или дракон). Все это еще раз говорит о родстве наших стародавних представлений и поверий со скандинавскими.

Конечно, если сравнить сегодняшние германо-скандинавские языки и наш язык, то они значительно различаются, но это не значит, что 1,5–2 тысячи лет назад различия были столь же велики. Эти языки разошлись после принятия нашими предками христианства (мы приняли восточный вариант и стали употреблять много греческих слов, они — западный, поэтому к ним пришло много слов из латыни). На наше родство со скандинавами указывает и то, что сегодняшние летувисы называют беларусов «гудасы» или «гуды» (гуды — готы).

Вадим Ростов в статье «Беларусы — славяне или балты?» пишет:

> «Следует отметить, что соседи древних беларусов не считали их славянами. Западными балтами их, конечно, никто не называл (ибо этот термин появился у ученых в последние десятилетия), но вот восточные балты (жамойты и аукштайты) называли и по сей день называют нас гутами или гудами. Точно так «Великая Хроника Польская» пишет в IX–XIII веках о живущих восточнее поляков древних беларусах только как о гутах или готах. Видимо, гутами-готами (гепидами) в то время и звали княжества западных балтов.
>
> Напомню, что во время знаменитого похода готов на Римскую империю к ним где-то на территории Беларуси присоединились какие-то племена западных балтов, которые после разгрома Рима осели в Полабье (возможно, наши кривичи, радимичи, дреговичи. - *Прим. авт.*)... Но что самое важное: у европейцев в этом походе готы-шведы ассоциировались и с нами, западными балтами из Беларуси, так как они составляли единое войско. Поэтому понятно, почему нас, западных балтов, тогда называли готами-гутами или гепидами в составе войска готов, а позднее нас так звали ляхи и жамойты»*...

Близость языков сегодняшних летувисов и латышей (балтийских) к славянским объясняется очень сильным влиянием на эти языки северо-индоевропейских языков.

Литва

Рассмотрим более позднюю страницу истории Отечества, связанную с образованием Великого Княжества Литовского (ВКЛ). По моему мнению, ВКЛ — объективная необходимость того времени. Она возникла из исторического требования объединения варяжских земель, которое должно было бы произойти не в XIII веке, а значительно раньше (что фактически и происходило вокруг Полоцка), но этому помешало образование Киевской Руси.

Викинги-русы, подчинив себе новгородских словен, очень мало думали о создании государства. Они вели себя как обычные пираты, которые прекрасно по-

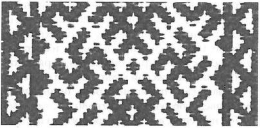
* Ростов В. Беларусы — славяне или балты? // Аналитическая газета «Секретные исследования». 2008, май, № 9.

нимали значение водного пути «из варяг в греки» и видели две преграды в контроле над ним: Полоцк и Киев. Поэтому новгородские словены стали для них всего лишь воинской «массой», с помощью которой викинги (русы) устранили указанные преграды.

Сначала был захвачен Киев с окрестностями. Позже киевские князья захватили некоторые варяжские земли с городами Полоцк, Туров и другими. В результате естественное экономическое и культурное развитие захваченных земель затормозилось. Полоцк утратил контроль над великим водным путем, началось введение христианства на неподготовленную почву и т.д. А самое главное — было остановлено объединение варяжских земель вокруг Полоцка, основанное на общности происхождения, культуры, менталитета и языка.

Рунические знаки в беларуском орнаменте

Свастика - древний символ солнца

Так называемая Киевская Русь представляла собой псевдо-государство. Киевские князья (скандинавские конунги) удерживали захваченные земли военной силой. Поэтому эта «держава» не обладала внутренней прочностью и достаточно быстро развалилась. В то же время жестокая агрессия со стороны Киевской Руси (в первую очередь действия князя Владимира — захват Полоцка с убийством князя Рогволода и его сыновей в 970-е годы, походы на ятвягов Побужья, насильственное введение христианства) подтолкнула другие варяжские земли к скорейшему объединению, чтобы вместе противостоять агрессору.

Объединение началось почти в самом центре варяжских земель, там, где соприкасались западные варяги (верхненеманские ятвяги) и восточные (западные полочане). Это объединение получило название «литва». Его территорию очертил историк Н. Ермолович. Помимо территории, название «литва» относилось и к людям, там проживавшим (позже его сменило название «литвины»). Таким образом, летописная литва представляла собой не отдельный этнос (племя или народ), как

считают многие историки, а территориальное образование. Данный тезис подтверждается тем фактом, что до настоящего времени не выявлены археологические памятники племени «литва».

Итак, летописная Литва — территориальное образование, возникшее на территории смежного проживания верхненеманских ятвягов и жителей западной части Полоцкого княжества. Ятвяги представляли собой западную группу варягов (пруссов, неманских ятвягов, ятвягов Сувалкии и Среднего Побужья), а полочане — восточную группу, занимавшую территорию вплоть до границ современной Московской области. Это объединение первоначально возникло в ходе противостояния агрессивной политике Киевской Руси (затем добавился еще и Тевтонский орден).

То, что слово «литва» подразумевает объединение, доказывают некоторые свадебные песни беларусов, в которых литвой называют друзей, собранных (объединенных) женихом.

В современном шведском языке есть слова похожие на слово «лить» — «slev» (разливная ложка) и одно из значений слова «lida» — течь, протекать. Звуки «д» и «т» («d» и «t») между собой очень близки. Изучая шведский язык, я заметил, что в некоторых словах у нас пишется «д», а у них «т» и наоборот (например, «bord» — борт, «tve» — два и др.). Следовательно, слово «lida» наши предки могли произносить как «лита», отсюда слова «лить, слитно, литва». Это говорит о северо-индоевропейском происхождении данного слова, а не угро-финском.

Но вернемся к образованию ВКЛ. Время требовало от варяжских земель объединения. Новым центром объединения стал Новогородок (Новый город, сегодняшний Новогрудок). Он возник на землях Литвы, по археологическим данным, в середине X века, а в крепость превратился в начале XI. Он и превратился в первую столицу ВКЛ — второго варяжского государства после Полоцкого княжества. Первым великим князем стал варяг Миндовг, который в 1253 году в Новогородке принял титул короля и правил княжеством до 1263 г. (может, правильно называть государство в то время не Великим Княжеством, а королевством Литовским?). Я считаю, что день нашей государственности мы должны праздновать в день коронации короля Миндовга.

Упомяну еще один факт. Великий князь Гедемин в 1323 году перенес столицу государства из Новогородка в Вильню. Этот город был основан на варяжских землях. Данный тезис убедительно подтверждают результаты, полученные археологами. Они обнаружили в Вильне и вокруг нее артефакты следующих культур: индоевропейской прибалтийской, варяжской культуры штрихованной керамики, германо-варяжской культуры восточнолитовских курганов. Еще одно доказательство — само название города. Вильня на староваряжском — это «вольность» (ведь шведское «vilja» значит «воля», т.е. «свобода»).

Тем не менее, в наше время деятели республики Летува рьяно утверждают, не обращая внимания на памятники археологических культур, что Вильня якобы находилась на земле каких-то аукштайтов — племени, родственного жамойтам (предкам сегодняшних летувисов). Почему же тогда Гедемин и в Вильне называл себя «королем Литвы и Руси» (при нем в состав ВКЛ вошла, кроме варяжских земель еще и славянская Волынь — русская земля), а не «королем Литвы, Руси и Аукштайтии»?

Некоторые авторы пытаются объяснять это тем, что аукштайты во времена Гедемина были слабым племенем. Тогда тем более странно, почему о них вдруг стали говорить? Думаю, что внезапный всплеск интереса указывает на искусственное создание пресловутых «аукштайтов» исключительно в политических целях (в частности, для обоснования «исконного права» летувисов (потомков жамойтов) на Вильню и Виленский край. За аукштайтов в Летуве выдают западных варягов (индоевропейцев), непосредственно граничивших с жамойтами (угро-финнами). Соответственно, нынешний литературный язык летувисов вовсе не «среднеаукштайтский диалект», а нечто среднее между языком западных варягов (ятвягов, пруссов) и жамойтским языком.

Наше древнее государство, когда в него входили только варяжские земли, называлось «Великое Княжество Литовское», позже, когда к нему присоединились славянские (украинские) земли, стало называться «Великое княжество Литовское и Русское», а с 1454 года, когда в него вошла Жамойтия, приобрело название «Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское». Так что никаких аукштайтов не было, это выдумка нового времени.

Отмечу еще одно обстоятельство, объективно подтверждающее тезис о близком родстве беларусов с германо-скандинавскими народами. Как-то в передаче «Здоровье» врач-онколог отметила непонятный ей факт. При пересадке онкологически больным беларусам костного мозга лучше приживается мозг от доноров-немцев, чем от ближайших соседей – русских, поляков, украинцев, прибалтов. Этот факт прямо и наглядно указывает на генетическую близость нашу к немцам. А я в тот момент подумал: вот так, дожили уже до того, что сама мать-природа вынуждена бороться с укоренившимся враньем и указывает нам на забытое прошлое...

И диву даешься чудесным рунам, которые и через тысячи лет указывают нам, далеким потомкам древних пращуров, правильный путь в жизни.

Конспект истории кривичей

Егор Новиков

У этой статьи есть несколько причин называться конспектом.

Во-первых, она не открывает новых фактов и не содержит новых положений. Все приведенные здесь мысли и гипотезы основаны на опубликованных источниках и высказанных исследователями мнениях. Задачей статьи является попытка осмыслить и истолковать известные факты, включить их в общий контекст истории и предложить свою версию истории кривичей.

Такое осмысление – рациональный ответ на позитивизм археологии и иррациональный мистицизм этнокультурологии. Нашим инструментом познания будет история, которая обеспечивает междисциплинарный подход в исследованиях, сопрягает достижения других наук и объединяет их в системно качественный итог посредством методологий политической и этнической истории, разработанных и исполненных на конкретных примерах.

Этот подход поможет нам выяснить и понять: суть кривичей как сообщества; особенности образования их сообщества; вызовы, которые перед ними стояли; причину и смысл существования их сообщества; течение событий кривичской истории; культурные традиции и этничность; наследие, оставленное ими потомкам.

Второй причиной к использованию формата конспекта является сам способ организации информации. Конспект сообщает информацию наиболее понятным и структурированным, но «сжатым» способом. Такой способ исключает роскошь длительного продвижения от отдельных фактов к обобщениям и предлагает вместо этого понимание фактов и их размещение в общей картине вещей, исходя из непротиворечивых, заранее обусловленных принципов.

Он пасует в отношении исследования эпох Великого переселения народов и Темных веков, где сумма фактов неоткрытых и утерянных превышает сумму фактов известных и используемых. Известные факты разбросаны в пространстве и времени, имеют неоднозначное толкование и создают противоречивую картину. Потому мы начнем с априорного утверждения, разработанного и подверженного при исследовании политической и этнической истории в мировом контексте. Это утверждение будет освещать факты и придавать им значение, и этими же фактами будет доказываться либо опровергаться.

Первым недостатком такого способа является гипотетичность, которая сводит заключительные выводы исследования к уровню мнений. Второй недостаток – отказ от объективного воссоздания истории «как она была». Написанная таким способом история представляется условным конструктом. Однако история-конструкт имеет то преимущество, что она является прагматическим ответом на существующую потребность. Она предлагает осмысление фактов взамен

Из журнала «Arche», № 12/2008, с. 130–146. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

Е. Новиков – историк, магистр университета Центральной Европы в Будапеште. Автор книги «Ваенная гісторыя беларускіх земляў да канца XII ст.» в двух томах (Мінск: Логвінаў, 2007, 2008).

их перечисления. В данном случае можно предложить рабочую версию истории кривичей. Версия эта будет служить промежуточным пунктом для дальнейших исследований, совершенствоваться или опровергаться.

* * *

Первый вопрос применительно к кривичам – суть кривичского сообщества. В ответ на него дается одно из следующих утверждений, или же оба они взаимно дополняют друг друга. Кривичи определяются как: а) протогосударственное образование (то есть политическое сообщество) или б) как этнос (этнокультурное сообщество).

В любом случае в основе сообщества лежит организационный принцип: политической необходимости или культурного единства. Эти утверждения не противоречат друг другу, но один из принципов этой пары должен быть первичным и оказывать влияние на возникновение и развитие второго. От ответа на вопрос о первичности принципа организации зависит понимание raison d'etre (сути) кривичского сообщества, а также выбор между историей политической и историей этнической как основным инструментом исследования.

В выборе первичного принципа организации сообществ мы пойдем следом за Томасом Гоббсом, считавшим в своем «Левиафане» (1651 г.) сообщество граждан способом преодоления первобытного состояния войны всех против всех и удовлетворения через это двух основных потребностей человека: личной безопасности и материального благополучия. Соединенная таким образом воля членов общины обретает форму власти, обеспечивающей гражданам защиту от внешних врагов, сохранение внутреннего порядка, возможности для законного обогащения и использования личной свободы в законных границах.

Длинный курган кривичей

Как видим, политическая необходимость представляется первичным принципом организации сообществ, особенно действенным для неспокойных Темных веков. Такой взгляд применительно к кривичам подтверждают факты. В трактате «Об управлении империей», написанном в середине X века, император Константин Багрянородный назвал сообщество кривичей (кривитеинов) как «склавинию». В устах византийского базилевса этот термин означал подобие внутреннего строя кривичского сообщества строю «склавиний» на сербских и хорватских землях, которые превратились в ранние государственные формирования, а также «склавиний» в Элладе и Фракии, где державотворческий процесс был прерван византийским вмешательством.

Балканские склавинии являлись догосударственной формой организации славянских племен, позволявшей им поддерживать внутренний порядок, сохра-

нять независимость и осуществлять наступательную деятельность. По мнению Г. Литаврина, склавинии имели политическую природу, т.е. военно-политическую и социальную структуру (1). Проведенное Константином Багрянородным сходство дает основания относить к числу политически организованных сообществ также и кривичей.

Если политическая организация сообщества удовлетворяет основные нужды людей и общества и отвечает на вопрос «что?», то этническая организация, основанная на единстве культурных традиций, отвечает на квалификационный вопрос «как?» и является вторичной применительно к политической, производной от нее. Как отмечает Вальтер Поль, этничность в раннем средневековье скорее результат исторических процессов, чем главный принцип организации сообществ (2).

Также, поскольку этничность способствует выделению данного сообщества среди других, сочетание черт, ее составляющих, должно отличаться устойчивостью и целостностью. Сочетание этих черт должно быть явлением качественно высшего уровня, чем их арифметическая сумма. Поэтому при переходе от исследования политической истории кривичей к истории этнической мы должны сравнить этноопределяющие черты кривичей с качественно задаваемыми требованиями и на основании этого определить, были ли кривичи полноценным этносом, или же они имели только начала этничности, либо не имели ее вообще.

Требованиями к этничности являются наличие: а) достаточно сильного политического импульса, который приводит к формированию первичных этноопределяющих черт, и б) сочетание этих черт вместе с вторичными в прочный ансамбль. Первое свидетельствует о зарождении этничности, второе – о существовании зрелого этноса.

В поисках ансамбля этноопределяющих черт обратимся к принятым определениям. Д. Раевский и В. Петрухин (3) пользуются марксистской дефиницией этноса, данной Ю. Бромлеем. Он определял этнос так:

> «Исторически сформированное на определенной территории устойчивое межпоколенное сообщество людей, владеющих не только общими чертами, но и относительно устойчивыми особенностями культуры (включая язык) и психики, а также осознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), зафиксированным в самоназвании (этнопиме)».

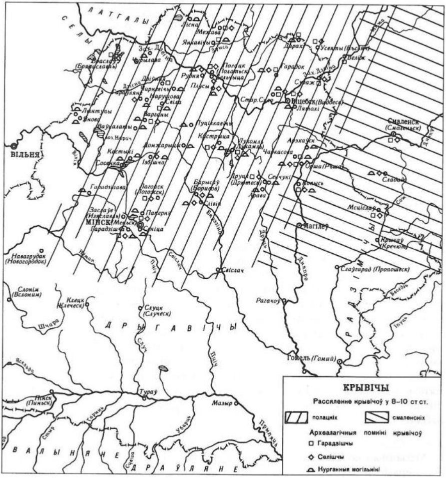
Это определение точно перечисляет принадлежащие этносу черты, но не содержит основного элемента, который бы сопрягал их в органическое целое. Энтони Д. Смит предложил на роль такого элемента миф, придающий этническому сообществу смысл существования. Он определил его термином «mythomoteur». Миф представляет собой семиотическую систему, состоящую из набора символов, знаков и воспоминаний, которые члены сообщества одинаковым образом понимают и объясняют. Семиотическая система является элементом трехчленного определения этноса, которое дал Андраш Рона-Таш:

> «Этнос – исторически развитое сообщество с общей семиотической системой, члены которого сознательно выделяют себя среди других этнических единиц, и которое владеет устойчивым самоопределением» (4).

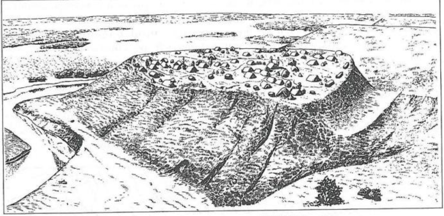
Семиотическая система, выделение себя среди других и самоопределение (этноним) образуют основу этничности, ее первичный уровень. На нем крепятся вторичные элементы вроде общей культуры, религии, территории и осознания общего происхождения, образующие развитый уровень этничности.

* * *

Проследим политические импульсы, способствовавшие формированию первичной этничности у сообществ времен Великого переселения народов и Темных веков. Вальтер Поль отмечает, что пространством для развития новой этничности в то время была биполярная модель взаимодействия между Римской империей и славяно-, германо- и тюркоязычными племенами (5).

Ареал этноса кривичей

Холмовое поселение кривичей (VIII–IX вв.)

Рим был той сокровищницей, из которой варвары черпали культурные заимствования, и отметкой, по сравнению с которой они обозначали себя и определяли свое место в мире. Другими словами, взаимодействие с империей сделало их самими собой. Это хорошо видно на примере славян, чья этничность сформировалась в военных и мирных контактах с Восточноримской (Византийской) империей и даже как понятие (славянство) стала результатом обобщения и систематизации, сделанных конкурентами славян – византийцами (6).

Мы имеем основания сделать вывод, что раннее средневековье, наполненное столкновениями между сообществами разных порядков, предоставляло достаточные политические возможности и даже способствовало формированию первичной этничности народов.

Другим было положение с развитым уровнем этничности. То самое неустойчивое политическое положение, которое открывало возможности для первичного самоопределения, препятствовало установлению прочного ансамбля вторичных этноопределяющих черт. Характерной чертой раннесредневековых народов была «размытость», обусловленная наличием многих разнокультурных групп в их составе. Сама этничность была достоянием высших слоев общества, тогда как остальное население продолжало пользоваться первобытными формами сознания. Даже носители этничности могли определять себя по-разному в зависимости от обстоятельств и политического положения (7).

Этничность была скорее практикой и процессом, чем состоянием, что препятствовало возникновению ее развитых форм. Потому мы не будем искать развитой этничности у кривичей, но допустим существование у них прочных форм этничности первичной.

* * *

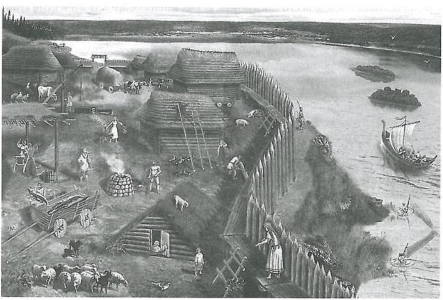
Указанный подход позволяет перейти к исследованию истории кривичей. Его первым пунктом является вопрос о формировании кривичского сообщества. Мы рассмотрим его как формирование из разнородных элементов, в про-

тивовес мысли о линейном развитии после возникновения. За точку отсчета примем сообщество кривичей VIII–X вв., известное по письменным источникам и представленное населением, оставившим памятники археологической культуры смоленско-полоцких длинных курганов.

В.В. Седов считал генетическим предшественником этого сообщества венедские группировки из бассейна Вислы, носителей архаических славянских диалектов. В IV веке они оставили обжитые земли из-за поднятия уровня грунтовых вод. Путь через Балтийскую гряду привел их в бассейн реки Великой на современной Псковщине. Археологические памятники венедского населения, которое за время своей миграции впитало культурные традиции балтоязычных и финноязычных сообществ, образовывают культуру псковских длинных курганов, датированную V–VI вв. В VII–VIII вв. под давлением северных соседей определенной части носителей этой культуры пришлось уйти на юг, в Полоцкое Подвинье и Верхнее Поднепровье (8).

Венедское происхождение носителей культуры длинных курганов подтверждают лингвистические данные. Так, С. Николаев считает, что характерные черты кривичского диалекта выявляют его сходство с лехицкими диалектами, с которыми они входили в один ареал еще до контакта с диалектами восточнославянскими (9).

Другой мысли придерживается Г. Штыхов. Он утверждает, что длинные курганы появились на Полотчине одновременно с Псковщиной или даже раньше, в V–VI вв., и принадлежали тому населению, которое оставило памятники верхнего слоя Тушемли-Банцеровщины в VIII веке. По Штыхову, население это бы-

Кривичское поселение на берегу реки

ло неоднородным и включало балтоязычные сообщества, но испытало уже и славянское влияние со стороны носителей киевских древностей, которые в V веке мигрировали в Верхнее Поднепровье и Подвинье с юга (10).

Присутствие киевского населения в Подвинье уже во второй четверти 1-го тысячелетия н.э. зафиксировано археологическими находками в Городокском районе Беларуси, но его славянская принадлежность не доказана (11). Некоторые артефакты, обнаруженные на южной периферии будущего кривичского ареала, позволяют предполагать присутствие на этой территории групп днепровских антов.

Полоцкие кривичи (реконструкция)

Вообще говоря, дискуссия между археологами отличается методологическим несовершенством. Оппоненты с обеих сторон понимают сообщества раннего Средневековья прежде всего как этносы. По их мнению, археологические культуры – это материальные отпечатки этнических сообществ. Распространение археологической культуры на определенной территории они приравнивают к установлению там соответствующего этноса. Если археологическая культура имела своей предшественницей культуру, бытовавшую на другой территории, археологи делают вывод о миграции ее носителей (этноса) на новое место. Тип взаимодействия с автохтонным населением колонизованной территории сводится к изгнанию, истреблению или ассимиляции. В последнем случае используется субстратная теория, которая отводит балтоязычным автохтонам и их этнокультурным традициям место субстрата (фундамента) кривичского этноса, тогда как определяющую роль в нем играют традиции пришлых славян.

Отличие между сторонниками различных взглядов заключается только в исходном пункте миграции (бассейн Вислы или Среднее Поднепровье) и этническом характере славянских сообществ (венеды или восточные славяне).

Понимание этноса в качестве основной единицы исторического процесса в раннем Средневековье, и археологической культуры как его отпечатка и инструмента познания является несовершенным. Если исходить из политической природы ранних средневековых сообществ, то процесс их взаимодействия и формирования будет выглядеть иначе.

Археологическая культура имеет дело с артефактами, которые могут иметь связь с этничностью, но не являются исключительными ее отметками (12). Такая честь принадлежит элементам сознания. Артефакты в большей степени от-

ражают факт наличия крупных культурных традиций, чем особенности местных сообществ.

Выделение территориально-хронологического блока артефактов (т.е. археологической культуры) выглядит чисто служебной потребностью и мало соответствует подлинной динамике культурных процессов. Даже если такой блок обладает внутренним единством, его вряд ли можно отождествлять с отдельным этносом. Скорее, он отражает иной комплекс общественных отношений, направленных на общественное развитие определенного сообщества, функционирование его социальной структуры. Потому распространение какого-либо артефакта или похоронного обряда надо истолковывать не как проникновение этноопределяющих черт в процессе формирования этноса, но как материальную отметку установления определенных социально-политических отношений.

Процесс, который привел к образованию сообщества, оставившего смоленско-полоцкие длинные курганы, можно рассматривать как формирование политического организма, связанного единой сетью общественных отношений. Материальным отпечатком этого сообщества было сходство похоронного обряда. Такой взгляд отвергает вертикальную двухчастную схему этногенеза, где сообщество может занимать только нишу угнетенного субстрата или господствующего суперстрата. Взамен предлагается гипотеза политогенеза, которая предусматривает синтез различных сообществ в единый структурированный политический организм на основе общего интереса в поддержании собственной безопасности и материального благополучия.

Важным ускорителем формирования политического сообщества служит необходимость ответа на внешний вызов, угрожающий самому его существованию (13). Сообщество должно реформировать и мобилизовать свои структуры ради эффективной обороны. При успешном преодолении вызова оно выходит на качественно более высокий уровень развития.

Внешним вызовом может быть столкновение с другим сообществом, явно отличающимся внутренним строением, способом хозяйствования, образом жизни. По классификации Бел-Фиалкофа, тремя основным типами сообществ в раннесредневековой Европе были оседлые сельскохозяйственные общества, варварские племена лесной зоны и степняки-кочевники (14).

Для тех группировок, из которых сформировались кривичи, внешним вызовом не могли быть конфликты между ними самими, либо с другими группами населения лесной зоны (15). Другим агентом столкновения могли быть только степняки. Несмотря на кажущуюся удаленность степи, жители лесистого севера знали кочевников издавна.

Современная полочанка в одежде и с украшениями кривичских женщин

В промежутке от III до первой половины I века до нашей эры исчезли древности милоградской культуры, занимавшей юг современной Беларуси и развивавшейся в контакте с южными скифскими соседями. Поражение скифов в борьбе с сарматами и завоевание последними причерноморской степи имело фатальные последствия для милоградских сообществ.

Похожая судьба постигла носителей зарубинецкой культуры, предположительно отождествленных с бастарнами, которые наследовали милоградцев в Южной Беларуси. Внезапное исчезновение зарубинецких памятников в 40–70-е годы I века нашей эры приписывается сарматскому нашествию.

Городище кривичей на реке Витьба в IX-X вв. (будущий Витебск)

Следующей угрозой для жителей лесной зоны стали готы. Достигнув в III веке нашей эры причерноморской степи и вобрав в свой состав иранские элементы, готы в значительной степени усвоили степной образ жизни и такое достижение степи, как мастерство конного боя. Результатом готско-иранского синтеза стало агрессивное государственное образование в Северном Причерноморье, угрожавшее всем соседям. Поэтому не удивительно, если жители лесной зоны считали покрытого железом конного германца (гота) таким же степняком, как и сармата. На этот раз всадники с юга достигли Верхнего Поднепровья. Преобразование днепровско-двинской культуры Смоленщины в культуру типа Тушемли – Окатово в IV веке могло произойти под влиянием упомянутого Иорданом наступления готского короля Германариха на эстиев, которыми вероятно были днепровские балты.

В середине V века Поднепровье испытало вторжение тюркских кочевников, вызвавшее исчезновение киевской культуры и миграцию ее носителей на север, в будущий ареал кривичей. В нападении кочевников приняли участие и готы, до того времени уже подчиненные гуннами (16). Эти события предопределили тенденцию вторжения степняков в лесную зону через Поднепровье. Но они были только предвестником той катастрофы, которая произошла в промежутке между серединой VII и началом VIII века.

К середине VII века Центральная Беларусь, Верхнее Подвинье и Верхнее Поднепровье были заняты племенами, вероятно балтоязычными, от которых остались памятники типа Тушемля – Банцеровщина. Их социальную организацию можно определить как последнюю стадию родового строя, опиравшегося

на свободных общинников при ведущей роли родовой аристократии. Поселенческая структура тушемлинско-банцеровских сообществ состояла из округов, объединявших поселения одного племени вокруг городищ. Городища служили административными центрами округов. Например, это Никодимово в Горецком районе Могилевской области, Вежки в Дубровенском районе Витебской области, Демидовка в Смоленской области. Значительные размеры городищ, сочетание оборонительных, жилых и культовых построек свидетельствуют о высоком уровне развития их населения.

Многочисленные предметы конской сбруи и снаряжения всадника в Никодимово доказывают использование лошади для езды верхом, что являлось привилегией представителей родовой знати. Женщины из знатных родов украшали себя бронзовыми фибулами, янтарными четками (17). Аристократическим устройством общества никодимовское Поднепровье напоминает Англию эпохи Беовульфа*.

Внезапно все это исчезает. Гибнет в огне пожаров Никодимово вместе с Вежками, Демидовкой и Тушемлёй. Разрушаются мощные срубные укрепления. Гибнут в огне их жители. Найденные на пепелищах трехлопастные наконечники стрел указывают на степняков как инициаторов и участников масштабного вторжения в Верхнее Поднепровье.

Версий происхождения этих степняков может быть несколько, и они зависят от датировки разгрома Никодимово и других поднепровских городищ. А.А. Седин, первооткрыватель многих никодимовских находок и наиболее авторитетный знаток темы, датирует фатальный пожар серединой VII века, что подтверждается радиоуглеродным анализом (18).

В таком случае претендентом на роль агрессора может быть Аварский каганат, сердце владений которого находилось в Паннонии, на территории нынешней Венгрии, но который в начале столетия господствовал в причерноморской степи. Считается, что аварское господство в Северном Средиземноморье завершилось после 626 года, когда поражение авар при осаде Константинополя ослабило их государство, а отпадение от авар булгарского хана Кубрата около 634 года принудило их оставить большинство владений вне Паннонии.

Нападение скифов на городище

Однако такую версию событий, основанную на сообщении константинопольского патриарха Никифора, оспаривают современные исследова-

* Беовульф – главный персонаж англо-саксонской эпической поэмы, написанной в конце VII или в начале VIII века. Действие поэмы происходит в Дании и Швеции. – *Прим. ред.*

тели и она не находит подтверждения в других источниках. Например, армянское географическое произведение Анания Ширакаци (VII век) приписывает изгнание авар из причерноморской степи хану булгар Аспар-хругу (Аспаруху), сыну Кубрата, и относит это событие к 670-м годам.

Набег печенегов

Это не противоречит возможности нападения авар на Верхнее Поднепровье, тем более, что паннонские хищники имели свои причины совершить вторжение. Во-первых, хозяйство кочевых сообществ отличается низким уровнем самодостаточности, поэтому для поддержания приемлемого уровня жизни оно должно собирать дань с земледельческих соседей. После ряда поражений на Балканах Аварскому каганату ради своего выживания пришлось искать промыслы в других краях, а давно нетронутый войнами лесной Север в этом смысле был привлекательной целью.

Во-вторых, имелся и другой повод. Топонимика доказывает присутствие в бассейне Днепра переселенцев из племенного союза дулебов (деревни Дулебы в Березинском районе Минской области, Дулебня в Кличевском районе Могилевской области). Дулебы страдали от аварского угнетения во время правления византийского императора Ираклия (610–641 гг.), и бегство на северо-восток стало для них шансом на освобождение от авар. Потому каганат, который к середине VII века уже оправился от поражений и междоусобных войн, вполне мог преследовать непокорных подданных.

Причастность авар к вторжению археологически доказывается сходством найденных в Никодимово трехлопастных наконечников стрел с аварскими образцами из Паннонии (19) и наконечником стрелы с городища Хотамель в Столинском районе, традиционно считающимся аварским.

Некоторые исследователи настаивают на господстве в причерноморской степи в середине VII века Великой Булгарии под властью хана Кубрата. В соответствии с этой версией Великая Булгария существовала в 630–650-е гг. между Доном и Южным Бугом, а затем развалилась под напором новой силы с востока – хазар (20). Она тоже отличалась агрессивной внешней политикой, и Верхнее Поднепровье было одним из направлений таковой.

Существуют более поздние датирования поднепровских событий. Так, фундаментальная «История Беларуси» (2000 г.) относит никодимовскую катастрофу к границе VII–VIII вв. (21). В это время соотношение сил в причерноморской степи выглядело иначе, в нем нет места ни аварам, ни булгарам. Впрочем, само существование Великой Булгарии встречает серьезные возражения. Украинский археолог А. Комар аргументированно оспаривает принадлежность похо-

ронных комплексов перещепинского круга булгарам середины VII века и ставит под сомнение высокий уровень политической мощи булгар. По его мнению, перещепинские древности можно датировать последней четвертью VII века и отнести их к ранним хазарам, взявшим под свой контроль степь после 679 года и до второй половины X века представлявшим собой значительную силу на юге Восточной Европы (22). Хазарский каганат – вполне вероятный кандидат на роль таинственного степного агрессора.

Косвенным аргументом в пользу «хазарского следа» служит вся история отношений хазар с племенами лесной зоны. Хазарское господство оказалось наиболее длительным периодом подчинения племен лесной зоны Поднепровья степнякам. Согласно «Повести временных лет», еще в последней четверти IX века данниками хазар были радимичи, жившие в бассейне Сожа. То есть, примерно через 200 лет после разгрома Никодимово власть хазар все еще простиралась вплоть до современных Чаус, Мстиславля, Нового Быхова, и граница ее проходила лишь в нескольких десятках километров южнее никодимовского городища.

Исследование А. Комаром и А. Сухобоковым военного дела хазар показало, что они тоже использовали трехлопастные стрелы (23), аналогичные найденным в Никодимово. Вообще, такие стрелы использовали многие степные племена, поэтому нельзя считать их исключительно аварским оружием.

Еще одна версия является вариантом хазарской. Венгерские исследователи считают, что древние мадьяры, будучи союзниками хазар в войнах с булгарами, после ухода последних переселились в оставленный ими район Отелькуза (Этелькёз) между Днепром и Дунаем. По арабским источникам, они совершали нападения на славян, живших вдоль Днепра, и вели торговлю рабами (24). Таким образом, племенной союз мадьяр вполне мог стать главной силой хазарского вторжения в Верхнее Поднепровье.

Все версии отождествления кочевников, врывавшихся в Верхнее Поднепровье между серединой VII – началом VIII вв. гипотетичны. Но все они указывают на угрозу из степи как на основной политический и военный вызов, стоявший перед жителями Верхнего Поднепровья и смежных с ним земель.

Авары (обры), жестокие завоеватели из степи

Хелфорд Макиндер и Луи Альфан определяют европейскую цивилизацию как результат борьбы против азиатских вторжений (25). То же самое, пусть в меньшем масштабе, относится и к кривичам. Ответом на вызов явилось преобразование разбросанных сообществ Верхнего Поднепровья и Верхнего Подвинья в единый кривичский племенной союз.

В связи с вторжениями степняков первой задачей местного населения стало укрепление обороноспособности. Задачу эту после гибели многих представителей родовой аристократии (и ее общего упадка) местное население решало путем увеличения численности и повышения роли в обществе дружин во главе с военными вождями.

Институт дружины известен у многих европейских народов. Дружина состояла из наиболее воинственных людей племени, избравших своим ремеслом войну и грабеж. Дружины находились вне родового строя и считались угрозой общественному порядку, но во время опасности их военные качества оказывались очень кстати для защиты от иноземцев. Именно выделение дружин во главе с вождями (т.е. самыми решительными и предприимчивыми воинами) служит маркером перехода от родового строя к ранним формам государственности.

Хазары

Повышение обороноспособности требовало объединения сил. Отдельное племя не могло противостоять крупным массам степняков. Эту задачу могло решить только объединение племен. Объединение производили наиболее могучие и способные военные вожди — как принуждением, так и путем соглашений. В свою очередь объединения нескольких племен тоже могли вступать между собой в союзнические отношения. Образование конфедеративного союза в Верхнем Поднепровье и Верхнем Подвинье, известного как кривичский, завершило процесс.

Следует учитывать, что население земель, подвергшихся ударам кочевников, было разнокультурным. Чересполосно жили сообщества, говорившие на разных языках и приписывавшие себе разное происхождение. Они имели разную социальную структуру, руководствовались разными обычаями, жили обособленно друг от друга.

В условиях формирования сообщества высшего уровня они стали объединяться вокруг новых административных центров и получили представительство в союзных органах управления. Территориально-политическая принадлежность имела для них большее значение, чем культурное тождество. Разнокультурные племена сливались в один протогосударственный организм — вроде латинов, сабинов, этрусков в древнем Риме, дорических и ахейских филий в архаическом Пелопонессе.

Наиболее многочисленными в новом союзе были балтоязычные племена тушемлинско-банцеровского типа, территория которых простиралась по всему Верхнему Поднепровью и Верхнему Подвинью. Но они были настолько ослаблены вторжением кочевников, что роль лидеров досталась венедским племенам, сохранившим свою военную мощь. Именно их язык стал основой «lingua franca» в новом союзе*. Группировки антов и дулебов тоже присоединились к конфедерации, образование которой соответствовало интересам всех составных групп.

Угроза из степи определила геополитическое положение и динамику территориального развития союза кривичей. Политически союз был противоположностью степным государствам, а территориально распространялся на те земли, которые хотели и могли быть свободными от присутствия степняков. Поскольку главным фактором образования союза был военный, вхождение территорий в его состав определялось недоступностью для вражеских вторжений или удобством их защиты.

На южном направлении даже объединенные кривичи не были равны в бою лучше организованным и вооруженным кочевникам. Потому они должны были рассчитывать на лесистый или болотистый ландшафт, который степная конница преодолевала с трудом и где она теряла свою мобильность. В Поднепровье кривичи в VIII–IX вв. должны были удовлетвориться территориями на север от современных Мстиславля, Чаус и Нового Быхова, ибо южнее находилась лесостепная равнина (А. Смолич назвал ее Раданью), легко доступная для вражеских войск (26).

Основными направлениями колонизационного движения кривичей являлись северо-восток (финно-угорские земли в верховьях Волги) и юго-запад (из бассейна Западной Двины в нынешнюю Центральную Беларусь). Следует пояснить, отчего продвижение в этом направлении оказалось возможным, в отличие от продвижения на юг в Поднепровье. Фактором различия служила защищенность Центральной Беларуси труд-

Набег мадьяр

* *Лингва франка – жаргон, служащий средством межэтнического общения. Возникает на основе конкретной грамматики, но включает лексику из разных языков. То же самое, что и койне. – Прим. ред.*

нодоступными лесистыми и болотистыми бассейнами Припяти с юга и Березины с востока.

Припятское Полесье исключало вторжение кочевников и сдерживало колонизационное движение дреговичей на север. Березина с ее малодоступными берегами надежно отгораживала Центральную Беларусь от лесостепи с востока (27). Итак, совсем рядом с Поднепровьем простирался обширный лесисто-болотистый регион, дававший убежище от иноземцев. Граница между Поднепровьем и Центральной Беларусью не проходила исключительно по руслу Березины. Границей был весь березинский край, который вместе с главной рекой и ее притоками составлял единое территориальное и хозяйственное целое (28).

Важной геополитической чертой кривичского союза являлось стремление к освоению верховий крупных рек – Днепра, Западной Двины и Волги. Связано это было с тем, что крупные реки в эпоху раннего Средневековья (как и равнины) служили путями сношений, открытыми не только для торговли, но и для войны, поэтому являлись источником потенциальной опасности. Оставаясь же на узких несудоходных верховьях рек, кривичи предохраняли себя и от этой угрозы. В наилучшем положении оказались кривичи Полотчины. Удаленные от опасной Радании, они обжили узкую часть бассейна порожистой Двины с короткими притоками, текущими среди болот и озер (29). Здесь они обладали наибольшими возможностями для беспрепятственного развития.

Геополитическое положение кривичей предопределило способ их отношений с окружающим миром. Основной задачей являлось сохранение своей независимости от степняков, а главным ресурсом (вследствие военной слабости) – малодоступная территория. Потому логичной линией их поведения по отношению к более сильным соседям стал глухой изоляционизм, стремление отсидеться от внешних угроз за лесами и болотами. Исключением была колонизация, направленная в малозаселенные земли юго-запада, где отсутствовало какое-либо сопротивление.

Стремление пересидеть нашествие и оставить истребление иноземцев на милость внешних сил было свойственно кривичам и их потомкам и в более поздние времена. Весьма показательной в этом плане является легенда о горе Княжеская Могила у озера Нещарда в современном Россонском районе, посвященная событиям эпических племенных времен. Легенда описывает город и «тамошний люд», который жил «в лесных околицах, долго не зная нападений других народов, блуждавших по тем краям ради грабежа». Через определенное время город пережил нападение князя-великана, который «разбил его слабых защитников», разграбил город и остался править им. Тамошние жители не могли совладать с этой бедой, и только посланная Богом эпидемия избавила их от князя и его дружины (30).

***

Теперь можно попытаться проследить линию событий истории кривичского союза в VIII–IX вв. Начало VIII века прошло для кривичских вождей и их дружин в заботах по созданию племенного союза и его укреплению. С середины столетия они жили под угрозой, нависшей со стороны Хазарского каганата. Как известно, после поражения, понесенного от арабов в 737 году, хазары перенесли

центр своего государства с Кавказа в бассейн Дона и компенсировали потерю влияния на юге за счет подчинения племен лесной зоны Восточной Европы. Попали под иго хазар и южные соседи кривичей — радимичи.

Начало IX века отмечено несколькими событиями. Во-первых, ведущие слои Хазарского каганата приняли иудаизм. Это решение привело к гражданской войне и ослаблению каганата. Радимичи остались под властью хазар, но для кривичей угроза ослабла. Сократилась и потребность в сохранении их конфедерации племен, слабо связанной внутренне.

Во-вторых, Византия добилась успехов в борьбе со славянами на Балканах и в возврате ранее потерянных территорий. В 805 году византийцы отбили славянское нападение на Патры в Пелопонессе с очень большими потерями для нападающих. Результатом кампании стало выселение многих славян с Балкан и их движение на Север. Некоторые переселенцы достигли Верхнего Поднепровья.

Приток нового населения изменил территориальную и социальную структуру кривичского союза, степень влияния в нем разных группировок. Союз распался на две части: Смоленское Поднепровье с Витебским Подвиньем, где влияние пришлых славян ощущалось сильнее, и Полоцкое Подвинье, где власть сохранили представители местных группировок. Но длительная самоизоляция кривичей была нарушена.

Норманны

Последним ударом по изоляции стало появление на рубеже первой — второй четвертей IX века в бассейнах Днепра и Двины дружин норманнов, открывавших для себя водные пути Восточной Европы с целью торговли со странами Востока и Византией. Верховья Днепра, Двины и Волги перестали быть тихим местом и превратились в пересечение водных путей, где через волоки перетаскивали свои корабли торговцы и разбойники.

Храбрые умелые воины и способные организаторы, норманнские вожди присоединились к процессам державотворения, происходившим в сообществах кривичей, новгородских словен и чуди. Норманны ускорили этот процесс и получили его главный приз. Иногда как наемники, но чаще как самостоятельная сила, они включились в борьбу между местными группировками за власть и завершили ее захватом власти в свои руки. Стремление норманнов овладеть торговыми путями на юг делало их естественными врагами хазар, что стало еще одним фактором, склонявшим кривичей к принятию власти норманнских вождей.

Согласно «Повести временных лет» князь Рюрик, обосновавшийся в Ладоге и Новгороде, после 862 года прислал какого-то своего соратника управлять Полоцком от его имени. В 882 году преемник Рюрика Олег занял Смоленск и при-

соединил к государственному образованию, которое в дальнейшем получило название «Русь». На этом самостоятельная история кривичского союза завершилась. Вместе с тем стремление не допустить присутствия кочевников на своей территории осталось главным фактором политической истории потомков кривичей в составе тех государств, где они оказались.

* * *

Возвращаясь к вопросу об этничности, рассмотрим, каким образом соседство с кочевниками повлияло на образование первичных этноопределяющих черт кривичей. Культурные импульсы, которые народы лесной зоны Европы получили от них, можно условно разделить на три типа.

Первый, «северский», от названия племенного союза северян, характеризуется добровольным принятием черт степной культуры и степного образа жизни, а также осознанием себя частью степи в результате мирного вхождения в степное государство.

Второй, «полянский», от названия племенного союза полян, отличается героикой вооруженного противостояния леса и степи, в результате которого две стороны, кочевники и люди леса, образовали биполярную систему, а культурные заимствования происходили через войну как форму культурного контакта.

Третий, который можно назвать «кривичским», характеризуется стремлением леса отгородиться от степи и свести контакты с ней до минимума. Культурный импульс заключался в осознании существования чужого враждебного мира рядом со своим родным, и в ощущении отличия от него.

Культурное влияние степи на кривичский этнос в период формирования затронуло в первую очередь его семиотическую систему. Структура семиотической системы у раннесредневековых народов, как показали на примере славян В. Иванов и В. Топоров, складывается из двухчастных противопоставлений, где один элемент несет положительный заряд применительно к человеку и сообществу, а второй — заряд отрицательный. Система противопоставлений образует первичную модель мира. Более сложные семиотические системы вырастают из первичной системы противопоставлений (31).

Таким противопоставлением была пара «лес — степь», где за пространственными денотациями (обозначениями) стоят сложные смысловые коннотации (дополнительные значения). Лес, испокон веков знакомый предкам кривичей, имел вертикальную ориентацию и семантически маркировал «верх» (32). Вместе с городищем, поселением, подворьем, пашней, кладбищами, он был неотъемлемым элементом структурированного и привычного «своего» мира. Лес давал своим жителям убежище, где те могли *оставаться* в безопасности.

Степь, наоборот, имела горизонтальную ориентацию и маркировала «низ» (33). Степь была для жителей лесов «чужим» миром, не структурированным на отдельные части, связанные с оседлой жизнью. Степная жизнь характеризовалась *проходом* через пространство, а не пребыванием в нем. Пара «лес — степь» конкретизировала более общие противопоставления «положительный — отрицательный», «свой — чужой», «верх — низ», и придавала им новый смысл.

В контексте никодимовских событий противопоставление леса и степи придало новое значение парам «порядок — хаос» и «безопасность — опасность»,

приспособив их для конкретных деятельных сил: «своего» кривичского союза и «чужих» степных сообществ. Составленная таким образом семиотическая система явилась программой действия для человека и общества, поэтому она обратным образом повлияла на политическое развитие кривичского союза, закрепив стремление кривичей полностью отделить себя от степи.

Выделение кривичами себя среди других этнических единиц, прежде всего степняков и подвластных им лесных народов, нашло выражение в общем самоназвании. По Г. Хабургаеву, корень самоназвания кривичей «Kriev-» имеет балтское происхождение, но использование его с патронимичным суффиксом «-ич» свидетельствует об ассимиляции славяноязычными мигрантами местных этнических групп и заимствовании у них самоназвания на раннем этапе развития*, еще при господстве родовых отношений (34).

Это не противоречит гипотезе о раннем появлении венедов в балтских землях и усвоении ими местных культурных традиций. Заимствование названия могло произойти еще на границе IV–V веков от носителей культуры штрихованной керамики, во время прохода венедов через территорию современной Виленщины, где имеются топонимы с таким корнем, или же в VII веке у тушемлинско-банцеровского населения во время миграции носителей культуры длинных курганов с Псковщины в Подвинье и Поднепровье. В ходе образования кривичского союза название было перенесено на все его население путем добавления патронимичного суффикса, что подчеркивало миф о происхождении кривичей от единого предка и закрепляло новое сообщество.

Корень названия, видимо, имел сакральный характер и восходил к упомянутому Петром из Дусбурга «Криве», титулу служителей культов, которые исповедовали все балтоязычные племена*. Семиотически спаянное в сакральном контексте с понятием «верха» название было переосмыслено как этноним и политоним и стало отождествляться с населением земель по верховьям Днепра, Западной Двины и Волги, и с сообществом, свободным от власти степняков. Трудно сказать, существовало ли общее название страны кривичей. Если такое было, оно вероятно имело простую бессуфиксную форму вроде «Крево» (35).

***

Подведем итоги. Кривичи были племенным союзом, раннесредневековым протогосударственным образованием, которое сложилось в Подвинье и Верхнем Поднепровье в начале VIII века из нескольких сообществ. Это:

1) носители культуры длинных курганов, мигрировавшие в Подвинье и Верхнее Поднепровье из бассейна реки Великой на современной Псковщине;

2) автохтонные носители тушемлинско-банцеровской культуры;

3) дулебы, анты и другие славяноязычные группировки, мигрировавшие на север под давлением кочевников.

Все они стояли на последней стадии родового строя.

Кривичский союз образовался как ответ на вторжение кочевников в Верхнее Поднепровье между серединой VII – началом VIII вв. Смыслом его существова-

* Патронимия – наименование потомков по отцу. – *Прим. ред.*

* Петр из Дусбурга – священник, первый хронист Тевтонского ордена в Пруссии. Его «Хроника прусской земли» охватывает события с 1234 по 1330 год. – *Прим. ред.*

ния было сохранение независимости племен лесной зоны от степных агрессоров, в частности — от Хазарского каганата. Внешнеполитической линией союза являлось сознательное стремление к изоляции, с опорой на природную труднодоступность его территории.

Воины-русины с вооружением норманнского типа

В результате ослабления каганата в начале IX века племена кривичского союза утратили необходимость в общей политической структуре, что привело к распаду союза на отдельные части и обусловило их вхождение во второй половине IX века в состав раннесредневекового государства, известного как «Русь» (Киевская).

Политические процессы привели к возникновению у кривичей первичных этноопределяющих черт:

– семиотической системы (основанной на противопоставлении «леса» и «степи» как «своего» и «чужого», «порядка» и «хаоса»);

– выделения себя среди других народов (понятому как отличие себя от степняков и их подданных);

– самоназвания «кривичи» (имевшего и политическое, и этническое значение).

***

На этом конспект кривичской истории можно было бы завершить, отметив ее заурядность, а также отсутствие ярких политических и культурных достижений. Однако значимость кривичской эпохи состоит в том, что она была временем закладывания основ, на которых развивалась политическая жизнь государств на территории бывшего кривичского союза, и на которых строилась культура потомков кривичей. Потому добавим еще несколько суждений.

В политическом плане кривичский союз передал стремление сохранить независимость от степняков Полоцкому княжеству, возникшему на западе кривичского ареала в X веке. Такое же стремление было свойственно Великому Княжеству Литовскому. Это привело к их столкновению с теми государствами, которые в результате длительного взаимодействия со степью (и военного, и мирного) переняли степные традиции.

Как известно, Киевское государство, а затем Великое Княжество Московское, добившись успеха в борьбе со степняками, сами претендовали на суверенитет над степью и политически вели себя именно как наследники степных владетелей. Поэтому противостояние с ними было естественным для Полоцкого княжества и ВКЛ. Однако их ослаблял унаследованный от кривичей изоляционизм, диктовавший пассивный оборонительный подход и ставший причиной многих политических и военных неудач.

Культурное наследие кривичской эпохи оказалось еще более прочным. Культурный контакт между кривичами и степняками свелся к осознанию кривичами

чуждости степи и не привел к взаимным культурным заимствованиям. Наоборот, рождение в результате контактов семиотической модели с параллелями «лес – свой – порядок» и «степь – чужой – хаос» надежно блокировало заимствования. Следствием стало рождение ядра кривичской культуры из традиций местных сообществ венедов и тушемлинцев, пришлых дунайских славян и антов. Сходство культур и образа жизни этих сообществ обусловило однородность ядра, его консервативность и тенденцию скорее к сохранению традиций, чем к самостоятельному творческому развитию.

Не будучи способной производить новые образцы, кривичская культура и ее наследники не проявили склонности и к органическому восприятию достижений других культур, даже не настолько отличных и чуждых, как степная. Любые культурные образцы либо встраивались в первичную семиотическую систему и переосмысливались в соответствии с ее символикой, либо оставались непрочным внешним влиянием. В любом случае они оставляли неизменным монолитное культурное ядро.

ИСТОЧНИКИ

1. Литаврин Г.Г. Склавинии VII–IX вв. Социально-политические организации славян // Этногенез народов Балканов и Северного Причерноморья. М., 1984, с. 194–195.

2. Walter P. Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies. /In: Debating the Middle Ages: Issues and Readings. Blackwell Publishers, 1998, p. 16.

3. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004.

4. Ryna-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999, p. 6.

5. Walter P. Opus cit., p. 18.

6. Curta F. The making of the Slavs: history and archaeology of the Lower Danube Region, ca. 500–700. Cambridge, New York, 2001, p. 118–119.

7. Walter P. Opus cit., p. 16–17.

8. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995, с. 210–217.

9. Николаев С.Л. К истории племенного диалекта кривичей // «Советское славяноведение». 1990, № 4, с. 62.

10. Штыхаў Г.В. Крывічы. Мінск, 1992, с. 94–97.

11. Память: Городокский район: Историко-документальные хроники городов и районов Беларуси. Минск, 2004, с. 35–36.

12. Петров Н.И. Могилы превысокие: языческие курганы племенной аристократии Северо-Западной Руси VIII–XI вв. Budapest, 1999, с. 33.

13. Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век. М., 2003, с. 11–12.

14. Bell-Fialkoff Andrew, ed. The Role of Migration in the History of the Eurasian Steppe: Sedentary Civili zation vs. «Barbarian» and Nomad. New York, 2000, p. 1–2.

15. Чарняўскі М.М. Ілюстраваная гісторыя старадаўняй Беларусі: Першабытный перыяд. Мінск, 2003, с. 130–131.

16. Гісторыя Беларусі. Том 1. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. Мінск, 2000, с. 102–105.

17. Седин А. Никодимово – городище третьей четверти 1-го тысячелетия н.э. в Восточной Беларуси // Край – Kaj: Дыялог на сумежжы культур. Магілёў, 2000, с. 35–40.

18. Седин А. Там же., с. 41.
19. Археология Венгрии. Конец 2-го тыс. до н.э. – 1-е тыс. н.э. М., 1986, с. 526.
20. Andras Ryna-Tas. Where Was Khuvrat's Bulgharia? // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Volume 53 (1–2). Budapest, 2000, p. 1–22.
21. Гісторыя Беларусі. Том 1. С. 130.
22. Комар А.В. Ранние хазары в Северном Причерноморье (постановка проблемы) // Сайт «Восточноевропейский археологический журнал», 12.04.2008.
23. Комар А.В., Сухобоков О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Тот же сайт, 12.04.2008.
24. A. Ryna-Tas. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. P. 325–330.
25. Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории. С. 12; Альфан Л. Великие империи варваров. От великого переселения народов до тюркских завоеваний XI века. СПб., 2006, с. 8.
26. Смоліч А. Геаграфія Беларусі. Мінск, 1993, с. 298–299.
27. Там же, с. 62.
28. Хаусхофер К. Границы в их политическом значении // Классика геополитики, XX век. С. 394–395.
29. Западная Двина – Даугава. Река и время. Мінск, 2006, с. 9, 154.
30. Легенды і паданні. Мінск, 2005, с. 346.
31. Иванов В.В., Топоров В. Н. Славянские моделирующие семиотические языковые системы (Древний период). М., 1965, с. 63–64, 192.
32. Беларуская міфалогія. Мінск, 2004, с. 283–285.
33. Там же, с. 494–495.
34. Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М., 1979, с. 108–115, 195–200.
35. Латышонак А. Крэва – Верх – Белая Русь // «Arche», № 11 (62), 2007, с. 434.

Какой национальности был Илья Муромец?

Анатоль Тарас

С недавних пор один чудак стал заявлять повсюду, что Илья Муромец был беларусом. Зовут этого сказочника Николай Чубрик. Родом он из деревни Карчёва, расположенной где-то на полпути между городским поселком Мир и городом Новогрудок. Нетрудно догадаться, что, по мнению Чубрика, эта же деревня – родина богатыря Ильи.

Спрашивается: какие у него доказательства? А никаких. Вместо данных лингвистики, археологии, истории Чубрик говорит о своих измерениях географической карты. Суть их сводится к тому, что расстояние от деревни Карчёва до Новогрудка и Киева значительно меньше, чем от деревни Карачарово, находившейся под Муромом (это на Оке, во Владимирской области России).

Но главный метод «исследования» Чубрика – установление аналогий между местными и былинными названиями. Например, гранитный валун в лесу недалеко от деревни Карчёва, известный под названием Филаретов камень, по его мнению, это и есть сказочный Алатырь-камень. Деревня Цирин и урочище Ака-

Карта Н. Чубрика

новичи якобы соответствуют райским птицам Сирин и Алконост. Былинный Ворон запечатлен в названии деревни Ворончa. Кисельные берега молочной реки – деревни Кисели и Киселевск, находящиеся на противоположных берегах реки Сервеч. Черный Змей, лижущий дверь кузницы Сварога – деревня Лизаровщина. Плуг бога Сварога – деревня Плужины. Поле, прозванное местными жителями Абессиния, указывает на небесную наковальню (настолько далеко зашла его мысль в раздумьях над словом «небеси»). Печь огня Семаргла – деревня Франтишково, потому что когда-то она называлась Печища. Сам Семаргл – деревня Сёгда. Узелок в память о радости – Радунь, в память о горе – Городея.

У Николая Чубрика есть и более сложные ассоциации. Например, воплощению Стрибога – птице Стратим – по его мнению соответствует деревня Працевичи. Битва светлых и темных сил, сокола Рарога с Вороном, представлена соседними деревнями Дорогова и Ворончa. Святогор, валящий небесный столб – это поселок Свержень, а сам столб – город Столбцы. Наконец, вход в Ирий (рай) – деревня Райцы.

Таким вот способом Чубрик «нашел» уже более 400 соответствий между мифическими и реальными топонимами и гидронимами. Когда он проработает всю карту Беларуси, вероятно список возрастет до тысячи.

А еще он утверждает, что былинный «град Чернигов» – вовсе не тот Чернигов, что в Украине на Десне, а наш Новогородок (Новогрудок). Опять же, вместо доказательств – одни предположения.

Чубрик настойчиво распространяет свои выдумки через газетные публикации. По мнению этого фантазера, «подобная трактовка былин /.../ в корне переворачивает взгляд на историю Беларуси. Да и историю всей Руси придется дополнять»*.

Ну, еще бы! Только ничего подобного он не дождется. Ученые не реагируют на подобную чепуху. Давайте и мы критически рассмотрим эти выдумки.

Былины

Начнем с выяснения того, что представляют собой былины. Классическая точка зрения такова:

> «Былины – устные эпические песни русского народа о своем прошлом, отразившие в художественных образах историческую действительность /.../, взгляд народа на историю в целом. Термин «былины» введен в 30–40-х гг. XIX века И.П. Сахаровым на основании упоминаемых в «Слове о полку Игореве» «былин сего времени»**.
>
> ...Былины возникали постепенно и впитывали в себя отголоски разных исторических событий и фактов. Поэтому при анализе былин как исторического источника необходимо отделять более поздние напластования от первоначально возникшего

* Аргументы и факты в Белоруссии. № 5/2011, с. 34.

** Кстати говоря, текст «Слова о полку Игореве», в котором впервые упомянут термин «былины», был введен в обиход только в 1800 году, когда его опубликовал граф А.В. Мусин-Пушкин. Сейчас уже никто, кроме наиболее упорных русских шовинистов, не сомневается в том, что «Слово» написано в конце XVIII века (а не в XII) и представляет собой талантливую имитацию произведения «древнерусской литературы». Высказывается также мысль, что анонимный автор «Слова» использовал в качестве основы для своего сочинения поэму «Задонщина», известную в шести списках (вариантах).

текста. Отнесение былинных сюжетов к тому или иному историческому периоду, как источников не датированных, всегда условно». (Советская Историческая Энциклопедия, том 2. М., 1962, ст. 884.)

Итак, былины – это смутные народные воспоминания о событиях и персонажах далекого прошлого. Ученые доказали, что язык былин условен и символичен, это своего рода код (шифр), скрывающий их подлинный смысл. Поэтому воспринимать былины в качестве исторических рассказов о конкретных фактах – неверно в принципе.

Именно такую принципиальную ошибку совершает Чубрик, когда ищет в текстах об Илье Муромце соответствия реальным ойконимам, топонимам и гидронимам. Он абсолютно не понимает того научно доказанного факта, что все упоминаемые в былинах имена и названия – всего лишь символы. Например, Калинов мост через реку Смородинную вовсе не означает конкретный мост через реальную реку, построенный по приказу конкретного властителя. Это – символ описанного в языческих мифах пути в загробное царство! Но «задним числом» сказители позднейшего времени «привязывали» былинные названия к реально существующим.

Мировое дерево. Трипольский символ

Другой пример. Птица Рарог (чешское «raroh» – сокол) – символ духа огня. Генеалогически он произошел от арийского божества Веретрагны, одним из воплощений которого считался сокол.

Вырий (либо Ирий) – это не рай, а мировое дерево, образ, воплощающий универсальную концепцию мироздания. Образ мирового дерева зафиксирован во всех древних культурах Евразии и доколумбовой Америки. Поэтому, когда Чубрик серьезно заявляет о том, что Вырий (Ирий) – конкретная точка на карте Беларуси, он не совершает никакого переворота в науке, а только свидетельствует о своем невежестве.

Что такое камень Алатырь (или Латырь)? В энциклопедии «Мифы народов мира» (том 1, М., 1980, с. 57) сказано следующее:

«В русских средневековых легендах камень с чудесными и целебными свойствами, «всем камням отец», лежащий в море (вероятно, название «Алатырь» восходит к древнему наименованию Балтийского моря – «Алатырское море»)».

Чубрик же поместил его на земле, в окрестностях родной деревни. Как видим, он претендует на пересмотр не только истории Руси, но и ее мифологии!

Филаретов камень, который Н. Чубрик называет Алатырь-камнем

Неясно, какие конкретные былинные тексты использовал Чубрик для своих псевдона-

учных изысканий*. Между тем это важно, так как все былинные сюжеты известны во многих вариантах, существенно различающихся между собой интригой, именами персонажей, названиями местностей. Академик Всеволод Миллер (1848–1913) использовал для анализа 20 текстов об Илье Муромце**. А современный автор Сергей Горюнков рассматривает уже 58 аналогичных текстов. Единый свод былин об Илье Муромце («канон») не существует.

Смысл сюжета об Илье Муромце и Соловье Разбойнике

Сюжет этой былины можно свести к двум основным версиям.

Согласно более поздней из них, Илья – крестьянин села Карачарова под Муромом, сидевший сиднем 31 год (в некоторых вариантах – 33 года) и получивший исцеление, а также богатырскую силу от «калик перехожих». По выезде из дома он побеждает разбойников, затем освобождает от басурманской рати то ли Себеж (в одних вариантах этой версии), то ли Чернигов (в других вариантах). Соловей Разбойник – сказочное чудовище с чертами птицы, коварный злодей, как и его дочь, пытающаяся убить Илью чугунной подворотней. В Киеве Илье выказывают недоверие, доходящее до конфликта с князем Владимиром. В конце былины Соловья Разбойника убивают.

В вариантах былины, относящихся к древнейшей версии, указаний на крестьянское происхождение Ильи нет. Наоборот, князь Владимир обращается к нему с титулом «осударь»; прозвище Ильи не «Муромец», а «Муравленин», «Муровец» или «Мурович». Богатырскую силу Илья получает от некоего Святогора, образ которого имеет кавказские черты; столкновение с разбойниками отсутствует. Илья спасает от вражеской осады город Чернигов. Соловей-Разбойник – не чудовище, а богатырь, имеющий иногда отчество «Будимирович»; покушение его дочери на Илью отсутствует. Князь Владимир принимает Илью с доверием; Соловья Разбойника в конце сюжета отпускают на волю.

Три богатыря (худ. В.М. Васнецов, 1881–1898 гг.)

Современные ученые полагают, что символические образы и метафоры этой были-

* Первый сборник былин был издан в 1804 году (Кирша Данилов. «Древние российские стихотворения»). Он переиздавался в 1901, 1938 и 1958 гг. Известны сборники былин, собранных П.Н. Рыбниковым (в 3-х томах), П.В. Киреевским (в 10 выпусках), А.Ф. Гильфердингом (в 3-х томах), А.Д. Григорьевым (в 3-х томах), А.М. Астаховой (в 2-х томах). Кроме того, существует более дюжины однотомных сборников былин.

** См. труд В.Ф. Миллера «Очерки русской народной словесности» в трех томах (1910–1924 гг.)

ны скрывают в себе конкретную историческую реальность Киевской Руси. Во-первых, соперничество между киевскими князьями (пришельцами-варягами) и князьями древлян (исконных местных жителей) в X веке. Во-вторых, противостояние христианства и язычества (варяги — христиане, местные жители — язычники), кульминация которого пришлась на XI–XII века.

Например, все характерные места в данном сюжете, относящиеся к «языческой стороне» (свойства и качества главного отрицательного персонажа Соловья Разбойника, приметы быта и прочее), воспроизводят устойчивый комплекс представлений, связанный с темой языческих жрецов.

Таких мест в сюжете немного, зато они весьма специфичны. В первую очередь это дуб, на котором сидит Соловей Разбойник. Как известно, во времена язычества славяне (а также пруссы, ятвяги и жамойты) повсеместно почитали дубы. Дубы считались местом обитания мифологических персонажей. Например, на больших дубах якобы жили гигантские змеи. Знаменитый собиратель фольклора А.Н. Афанасьев еще в середине XIX века указал на типологическое сходство образов змея и Соловья Разбойника:

Илья Муромец (худ. Н.К. Рерих, 1909 г.)

> «Соловей-разбойник гнездится на двенадцати дубах; народная сказка то же самое говорит о змее, и подробность эта объясняется мифическим значением дуба — дерева, посвященного Перуну: загремел Зилант (змей), выходящий из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях»*.

Первоначальный (наиболее древний) смысл боя Ильи с Соловьем ученые объясняют в рамках мифа о поединке Бога-громовержца со Змеем. Правда, в былинных текстах нет прямого отождествления Соловья Разбойника с мифологическим Змеем. Но в них содержится указание на то, что природа этого чудища по-прежнему мыслится змеиной: «свистит по-змеиному», а не шипит. Афанасьев отмечал, что в рукописной повести XVII века можно прочесть: «начаша змий великий свистати; от змиева свистания падоша под ними кони».

Кто такой Змей? В энциклопедии мифов сказано (с. 468–470), что змей (или дракон) — символ, представленный почти во всех мифологиях мира. Он воплощает своей персоной водный, подземный или потусторонний мир. В мифах змей всегда находится возле водоема, чаще всего — на священном дереве, а ему в жертву приносят девушек. Соответственно, Бог-громовержец (у славян — Перун) побеждает Змея, благодаря чему начинают идти дожди, питающие землю.

* Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Том 1. М., 1994, с. 307.

Время

Современные исследователи, в отличие от ученых XIX и первой половины XX века, используют весьма изощренные методы лингвистического анализа. Это позволяет им различать в текстах былин три смысловых слоя («пласта»).

Первый относится к периоду складывания тех племен, которые получили названия восточно-славянских (время с IV по VIII век). Тогда у них еще не было государственных форм организации общественной жизни (княжеств). А в религиозном плане они оставались язычниками. Как у всех язычников, среди этих племен были распространены так называемые хтонические мифы (от греческого «хтониос» — подземный).

Например, о борьбе Перуна (Бога-громовержца) со Змеем, о путешествии героя в царство мертвых и т.п. Именно с такими мифами связаны упоминания в былинах о мировом дереве, о камне Алатырь — центре мира, о Соколе и Вороне, о кузнеце Свароге и т.п.

Из языческих времен проистекают сюжеты хронологически наиболее старых трех былин так называемого Киевского цикла: «Илья Муромец и Соловей-разбойник»», «Илья Муромец и Идолище Поганое»», «Бой Ильи Муромца с Жидовином».

Следующий по хронологии смысловой слой былин восходит к периоду борьбы варягов-христиан, утвердившихся в Киеве, с язычниками-древлянами, чьим центром был Искоростень. Это X век, время князей Игоря (погиб в 945 г.), Святослава Игоревича (погиб в 972 г.) и княгини Ольги (умерла в 969 г.).

Еще в XIX веке было высказано предположение, что реальный исторический прототип Ильи Муромца данного смыслового слоя — древлянский князь Малфред «Сильный», он же Мал.

Летописи ничего не говорят об Илье Муромце. Былины не упоминают Мала Древлянского. Видимо потому, что во времена летописцев Никона и Нестора (XI — начало XII века) все знали, кто скрывается под именем Ильи. Народ слушал былины об Илье, зная, что это Мал. Нестор не упоминал имени Ильи в «Повести временных лет», зная, что о нём и так всем всё известно.

Княгиня Ольга к концу жизни была толстой тёткой с одутловатым лицом (по фреске в Софийском соборе). Она умерла в 969 г. в возрасте 50–55 лет. Церковный же художник изобразил княгиню Ольгу красавицей. (Киевскую Софию начали строить в 1017 году, через 48 лет после ее смерти.)

Справка: Древляне – племенное объединение, занимавшее территорию Полесья и Правобережной Украины по течениям рек Роставица, Словечна, Ствига, Тетерев, Уборть, Уж. На западе земли древлян доходили до реки Случь (где начиналась территория волынян), на севере – до земель дреговичей. Наиболее известные грады – Вручий (ныне Овруч), Городск (возле Коростышева) и Малин (возле Малина). Центром княжества был Искоростень (Коростень) на реке Уж. В этих местах люди оседло жили уже в III веке до нашей эры.

Древляне долго сопротивлялись христианизации и попыткам включить их земли в состав Киевского княжества. В последний раз название «древляне» встречается в летописи под 1136 годом. На сами они не исчезли. Прямыми потомками древлян являются жители Коростеньского, Овручского, Олевского районов Житомирской области Украины.

Кроме того, официальные летописцы XI–XIII веков (Никон, Нестор, Сильвестр, Кирик, Воята и прочие) еще и сознательно молчали об этом в угоду варяжской династии, правившей в Киеве. Народ пусть говорит о Мале (Илье) сколько хочет! Пусть хоть обожествляет его! Пусть придаёт ему сказочные черты, пусть совмещает со старыми мифологическими образами и сюжетами. Чем больше мифологии, тем дальше от реальности.

Чубрик же относит героическую деятельность Ильи ко времени правления киевского князя Владимира Святославовича «Красное солнышко» (с 980 по 1015 год), якобы создавшего (по былинам) «заставы богатырские».

Третий слой сюжетных линий, персонажей и географических названий в былинах об Илье Муромце связан с эпохой после XIII века, когда христианство окончательно победило язычество. Вот что пишет об этом С.В. Горюнков:

> «Лишь к концу XIII столетия прекращается влияние на русскую культуру ее языческой составляющей, причиной чего считается обычно татаро-монгольское нашествие. /.../ Начало XIV века и нужно, видимо, считать нижней границей того временного «окна» (зазора), когда подразумевавшееся содержание былины о Соловье Будимировиче становилось уже несовместимым с общим умонастроением ее исполнителей и слушателей»*.

Именно в этот позднейший период народные сказители переосмыслили исходное (языческое и мифологическое) содержание былин в христианском духе, серьезно изменив их первоначальный смысл. В частности, Илья из аристократа превратился в крестьянского сына либо в казака, а местом его «рождения» была названа деревня Карачарово под Муромом.

Была переосмыслена и былина о бое Ильи с жидовином, отражавшая мотив борьбы язычников-славян с иудеями-хазарами. Набеги хазар на земли древлян и полян прекратились после того как князь Святослав Игоревич в 965 году разгромил Хазарию. А от 965 года до начала правления Владимира «Красное солнышко» было еще 15 лет. Но в новых версиях былины на первый план вместо борьбы оседлых жителей Киевщины с кочевниками-степняками вышло противостояние богатыря-христианина с богатырем-иудеем. Дескать, не землю Киевскую он защищал, а веру православную!

Такое переосмысление повлекло за собой соответствующее практическое действие. Образ Ильи Муромца в XVI или XVII веке сказители «привязали»

* Горюнков С.В. Незнакомая древняя Русь, или как изучать язык былин. СПб., 2010, с. 88.

к монаху Федосьевского монастыря (Киево-Печерской лавры) по прозвищу Чоботок (Сапожок), умершему в декабре 1188 года в возрасте примерно 55 лет. Якобы это некий Илья Гущин из села Карачарово возле Мурома. По одной версии, он был профессиональным воином (княжеским дружинником), а в монахи пошел после тяжелого ранения, но прожил недолго, год или два.

По другой версии, он погиб при взятии Киева князем Рюриком Ростиславичем в 1204 году, сопровождавшемся разгромом Печерской лавры союзными Рюрику половцами. В таком случае, Илья «Чоботок» (Гущин) должен был родиться между 1155 и 1165 гг.

Илья «Чоботок» — монах Киево-Печерского монастыря (реконструкция С.А. Никитина, 1988 г.)

Еще отметим, что вскоре после смерти в 1132 году киевского князя Мстислава, сына Владимира Мономаха, Киевская Русь распалась. Соответственно, времена «богатырских застав» навсегда ушли в прошлое.

Ничего этого Николай Чубрик или не знает, или не хочет знать. Он смешал все три слоя былинных текстов в одну кучу и «объясняет» их содержание буквально. Жил, мол, Илья в моей деревне, воевал не с киевлянами, а с предками летувисов, защищал от них Новогрудок, и так далее.

Если это принять всерьез, то выходит, что все былины об Илье не имеют никакого отношения ни к Русскому каганату, ни к сменившей его Киевской Руси. Действительно, полный переворот в славистике. А разные там Шахматовы, Иловайские, Миллеры и Прозоровские – поголовно дураки. Изучали древние летописи и не видели того, что находилось буквально на виду у всех! На самом деле никакого переворота нет, а есть крайне примитивный подход к сложному явлению духовной культуры.

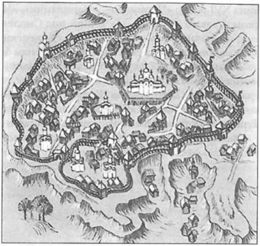
Место

Чубрик утверждает, что под былинным Черниговом следует понимать беларуский Новогородок (ныне Новогрудок). Но во времена Владимира «Красного солнышка» Новогородок только-только появился и еще не был центром самостоятельного княжества:

> «По археологическим данным, поселение на территории современного Новогрудка возникло в конце X века. /…/ Примерно через полстолетия обжита Замковая гора, на которой построен детинец» (Энцыклапедыя гісторыі Беларусі, том 5, Минск, 1999, с. 254).

Чернигов же впервые упоминается в киевских летописях почти на сто лет раньше, под 907 годом, как центр племени север (северян). Что касается Искоростеня, то постоянное укрепленное селение древлян на этом месте существовало уже в VI веке.

Кроме того, во многих поздних вариантах былин Илья Муромец приходит на помощь не Чернигову, а Себежу. Сейчас этот город находится в Псковской области. Он до сих пор окружен со всех сторон густыми лесами, здесь даже существует Себежский национальный парк. Но до 1919 года Себеж входил в состав Витебской губернии. То есть — город наш, беларуский, только на севере страны, а не на юго-западе, как Новогородок.

Киев во времена Владимира Святославича

В некоторых вариантах былины сказано, что «застава» Соловья-разбойника находилась у речки Смородинной, а сам Соловей сидел на девяти дубах. В этой связи академик Всеволод Миллер писал:

> «К окрестностям города /Карачева/ приурочивается местопребывание былинного Соловья Разбойника: в 25 верстах от Карачева протекает река Смородинная, и на берегу ее находится древнее село Девятидубье. Местные старожилы указывают то место, где будто бы было расположено гнездо Соловья Разбойника. И теперь на берегу Смородинной находится огромный пень, который, по преданию, сохранился от девяти дубов»*.

С.В. Горюнков обратил внимание на следующие обстоятельства:

> «Во-первых, практически нет ни одного более или менее сохранившегося текста былины «Илья Муромец и Соловей Разбойник», где местонахождение «заставы» Соловья не связывалось бы с «брынскими», то есть с брянскими лесами (про «брынские» леса говорят Илье даже черниговцы, показывая «прямоезжую дорожку» на Киев).
>
> А во-вторых, указание на Карачев способно раскрыть нам тот смысл, который отражен мотивом залегания пути. Если взглянуть на географическую карту этого региона, то легко убедиться, что урочище под Карачевом находится в центре той части Волго-Днепровского бассейна, где верховья Дона вплотную приближены к верховьям Оки. В этом смысле урочище под Карачевом должно было полностью контролировать самый доступ киевских князей к Волго-Окскому междуречью, экономически очень важному для Киева (именно здесь обитала третья часть перечисленных Нестором «иных языков», плативших дань Руси).
>
> В-третьих, нужно понимать, что под Карачевом располагалось «идеологическое руководство» антикиевского языческого движения, выполнявшее функцию «рупора» протестных настроений целого региона — того самого, чье лесное население традиционно противостояло полянской власти Киева» (с. 144–145).

* Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. Том 3, с. 89.

А.М. Астахова отметила (в 1958 г.), что в былинных текстах название Чернигов (Черногород, Чернягин) встречается значительно чаще, чем Себеж. Опять-таки, эта топонимическая привязка к конкретной местности утвердилась далеко не сразу.

В этой связи надо вспомнить до сих пор не локализованный «Черногород на Днепре» из перечня «городов русских» в Воскресенской летописи (первая половина XVI века); «Чернятин», «Чернятичи», «Чернево» и «Черневку» под Брянском, а также «Черное» и «Чернь» под Смоленском (они расположены как раз там, где начинались «черные грязи смоленские» (даже на современных картах этот район изображается сплошь покрытым болотами).

Астахова указала на разнообразие названий других населенных пунктов: Бежегов (Бенежов-град), Бекетовец (Быкетовец-град), Бекешовец (Бекешев-град, град Бекешовский), Кидош (Кидаш, Кидиш), Кинешма, Кряков (Караков, Коряков), Обалковщина, Себеж, Смолянец (Смолягин, Смоленский), Тиговский, Тургов, Чиженец (Малой Чиженец, Чижен) и т.д.

Рассмотрим несколько из них. Так, название Бежегов (он же Бекешев, Бекешевец, Бекетовец) соотносится с северными пригородами современного Брянска – Бежичи и Бежица. Здесь же вдоль Десны проходит длинная улица Бежицкая.

Древний Чернигов (реконструкция)

Борисоглебский собор в Чернигове (XI в.)

Название Смолягин (Смолянец) связано не со Смоленском, а со Смолигово и Смольянью опять-таки под Брянском.

Название Чиженец с его корневым «чиж» явно указывает на древний город Вщиж и одноименное княжество (по В.Н. Татищеву это «Счижское княжество, которому некогда принадлежали Брянск и Стародуб»). Известный географ П.П. Семенов указал в «Географическо-статистическом словаре Российской империи», что Вщиж – село в 40 верстах на северо-запад от Брянска; в древности оно называлось Вщиже или Щиж и было местом пребывания удельных князей Вщижских.

Город Себеж попал в былину после успешной войны Мо-

сковии с Великим Княжеством Литовским в 1534–1537 гг. Он заменил собой забытый к тому времени и поэтому ставший непонятным для сказителей город Севск на юге Брянщины (в XII веке Севск упоминался в Ипатьевской летописи наравне с Путивлем и Карачевом). И даже «сёла Кутузовские», о которых идет речь в нескольких вариантах «себежской» группы былин как о месте хранения «золотой казны» Соловья Разбойника, имеют реальный аналог. В.Ф. Миллер отмечал, что в 31 версте от Севска в старину находился хутор Кутузовский.

Центральный персонаж

Ученые давно пришли к мнению, что образ Ильи Муромца так же многослоен, как и тексты былин в целом. Хорошо изучены лишь самые поздние слои: «крестьянский слой» (появившийся в былинах в период XVII–XIX вв.) и «казацкий слой» (восходящий к временам Смуты начала XVII века). Именно с ними связаны представления об Илье – «крестьянском сыне из города Мурома села Карачарова» и «старом казаке».

Но оставался невыясненным вопрос, какие исторические реалии скрываются за киевско-брянско-черниговской локализацией этого образа и за письменными сведениями об Илье Муравленине (Моровлине, Муровце).

Сопоставление текстов былин и летописей позволило соотнести образ Ильи Муромца с реалиями X века. С одной стороны, в былинах существует мотив запрета на имя Ильи:

«А кто помянет у нас да Илью Муромца,
А да таковогo у нас да нонь судом судить,
А судом-де судить да живому не быть;
Очи ясные вымать его косицами,
Да язык бы тянуть да его теменем»...

С другой стороны, в летописях мотив «запрещенного имени» связан с фигурой Малка Любечанина – отца Добрыни и Малуши, деда князя Владимира I Святославича – «крестителя Руси».

Посредством такого рода сопоставлений Д. Прозоровский еще в 1864 году отождествил Малко Любечанина с древлянским князем Малом (Малфредом «Сильным»). Это тот самый летописный Мал, который в 945 году убил князя Игоря «Старого» под стенами города Искоростеня, а затем был побежден княгиней Ольгой, после чего в «Повести временных лет» более не упоминался.

У Прозоровского получилась следующая картина. Мал (сокращение родового имени Малфред, тогда как личное имя князя – Нискиня) после разгрома древлян попал в плен и был сослан в Любеч вместе со своей женой Амельфой (чешской принцессой!), детьми Добрыней и Малушей. Заточенного в Любече Мала народная молва превратила в Малко Любечанина*.

Но у детей древлянского князя Мала-Нискини, потомков древнейшего знатного рода (по линии отца от готской династии Амалафридов, по линии матери от чешских королей Пржемысловичей) оставалась возможность для «социаль-

* См. Записки Императорской Академии наук. Том V. СПб., 1864, с. 18–26.

ной реабилитации». Это и произошло в действительности. Малуша стала женой князя Святослава Игоревича (сына Ольги), а Добрыня Нискинич (Никитич) — посадником в Новгороде. От него и его жены Настасьи Микуличны пошла целая династия Добрыничей*.

А былины запечатлели образ Мала — Малфреда под именем Ильи Муравленина (Муровца, Муровича). И только значительно позже сказители трансформировали прозвище Муровец в Муромец, «привязав» Илью к городу Мурому («города Мурома село Карачарово»).

В наше время концепцию Прозоровского развил и детализировал С.В. Горюнков. Совершенно справедливо М. Устинов заявляет в предисловии к книге Горюнкова, что в ней рассматривается «замалчиваемая летописями ключевая фигура древнерусской истории X века, послужившая историческим прототипом эпических образов Ильи Муромца русских былин».

Далеко не случайно то, что некий Илья Муравленин, по сообщениям документов XVI века, был захоронен в родовой усыпальнице киевских князей в приделе Софийского собора, там же, где находились гробницы княгини Ольги и князя Ярослава. А в скандинавской «Саге о Тидреке Бернском» богатырь Илья Русский (т.е. Муромец) прямо назван родственником «конунга Вальдемара» (Владимира Святославича).

Скажем в заключение еще несколько слов о прозвище «Муравленин». Надо вспомнить, что в былинах постоянно упоминается «богатырская застава», возглавляемая Ильей Муромцем. Между тем известно, что в историческом противостоянии между Киевом и Черниговым роль естественного пограничного рубежа играл город Моровск, расположенный по левую сторону Днепра, на полпути между Киевом и Черниговым. Вот почему древнейшие формы прозвища Ильи звучат как «Муравленин», «Моровлин», «Муровец», «Мурович».

Кстати, поселок Любечанинов (бывший Любеч, куда был сослан князь Мал) находится совсем недалеко от современного Моровска.

Резюме

Итак, исследователи былинного образа Ильи Муромца уже давно расставили все точки над «і». Николай Чубрик «ломится в открытую дверь». С его гипотезой можно согласиться только при одном условии: если отказаться от научных методов изучения древних текстов. Смею думать, что ничего подобного не произойдет.

Выдумка об Илье-беларусе, освобождавшем Новогрудок и воевавшем с жамойтами, а также составленная Чубриком мифологическая карта топонимов и гидронимов Беларуси так и останутся в ряду курьезов.

---

* У Малуши и Святослава было трое сыновей: старший — Ярополк (ок. 959–980), средний — Олег (ок. 961–977), младший — Владимир (ок. 964–1015).

Рогволод, который «пришелъ и-заморья»

Георгий Новициан

Рогволод, первый полоцкий князь, названный по имени в исторических источниках, до сих пор остается почти мистической фигурой, привлекающей внимание всех людей, неравнодушных к беларуской истории.

Интерес к его личности объясняется не только научными соображениями. Причины и результаты общественно значимых процессов, происходивших на беларуских землях в IX–X веках можно достаточно детально установить на основании имеющихся исторических, археологических, нумизматических и других материалов. В этом контексте точное определение личности Рогволода вовсе не обязательно для понимания событий тех времен. И все же не прекращаются попытки выяснить его происхождение и биографию в большем объеме, чем предельно краткое сообщение «Повести временных лет» (ПВЛ). Новые версии регулярно выходят из-под пера историков-профессионалов и любителей.

Причина – в самой функции истории. Она находится в тени, подобно обратной стороне Луны, но своим значением не уступает пространству, видимому глазом. Поглотив мифологию, история переняла ее функцию объяснения места человека в пространстве и времени. Письменно зафиксированные сообщения о событиях прошлого пришли на смену устным преданиям. Вместо мифического «сотворения мира» и отделения порядка от хаоса история рассказывает о событиях, связанных с появлением отдельных народов и государств. Место легендарных «культурных героев» заняли исторические личности.

Знатоки беларуской старины не обращают внимания на безымянного ярла, направленного Рюриком в Полоцк в 862 году, и на загадочного полоцкого «светлого» князя, ходившего с киевским Олегом под Константинополь в 907 году*. Они неинтересны именно вследствие анонимности. В поисках своего «первогероя» беларусы неизменно обращают взгляды к летописному Рогволоду.

Как утверждает ПВЛ, в 980 году новгородский князь Владимир (Вальдемар) Святославич послал сватов к Рогволоду, княжившему в Полоцке, по его дочь Рогнеду. Получив отказ, Владимир (которому было тогда 16 лет) пошел походом на Полоцк, захватил город, убил Рогволода и силой взял Рогнеду*.

Летописец подчеркивает мифологический оттенок этого эпизода как первоосновы дальнейших исторических событий, отмечая, что с той поры существует враждебность между внуками Рогволода и потомками Ярослава, сына Влади-

Г. Новициан – магистр университета Центральной Европы в Будапеште (Венгрия). Статья была опубликована в журнале «Arche», № 9/2006. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Ярлы – родовая знать у скандинавов в эпоху Средних веков. Иногда правили целыми областями. – *Прим. ред.*

мира. Сам сюжет о Рогволоде, Владимире и Рогнеде вставлен в летопись около 1128 года (т.е. примерно через 150 лет – *Ред.*) при описании очередного конфликта между полоцкими и киевскими князьями.

Упоминание о заморском происхождении Рогволода большинство исследователей считает свидетельством его принадлежности к вездесущим скандинавам, которые в то время развернули бурную военную и торговую деятельность на путях между Балтийским, Черным и Каспийским морями. Имена Рогволода и Рогнеды весьма похожи на старославянскую транслитерацию скандинавских имен «Рогнвальд» (Rognvaldr) и «Рагнхильд» (Ragnhild).

Разбирая легендарную скандинавскую генеалогию, российский исследователь Ю. Коновалов пытается отождествить Рогволода Полоцкого и Рагнвальда Знаменитого, сына (или двоюродного брата) норвежского короля начала X века Харальда Хорфагера (Прекрасноволосого). Беларуские исследователи Алесь Белый и Олег Латышонок допускают возможность отождествления Рогволода с другим Рагнвальдом, сыном Эйрика Кровавого Топора.

Окинем взглядом события скандинавской истории X века и мы. Харальд Прекрасноволосый объединил Норвегию под своей властью около 900 года, разбив противников объединения в битве у Хаврс-фьорда в юго-западной части страны. К старости он отошел от государственных дел и около 930 года передал власть своему сыну Эйрику. После смерти Харальда около 933 года Эйрик начал свое единоличное правление с убийств родственников и потенциальных претендентов на власть, полностью оправдав прозвище «Кровавый Топор».

Эйрик Кровавый Топор

Вскоре в Норвегии высадился Хокон, другой сын Харальда, который воспитывался при дворе английского короля. Дипломатичный и обаятельный Хокон был полной противоположностью Эйрику, за что и получил прозвище «Добрый». Он понравился норвежцам, большинство жителей страны приняло сторону Хокона. Эйрик не стал тратить силы на бессмысленную войну, вместе с женой Гунхильд и сыновьями он отплыл из Норвегии. Далее Эйрик прославился своими разбойничьими набегами, правил в Дублине и Йорке, в борьбе за который и погиб в битве с англосаксами при Стейнмаре в 954 году.

Его сыновья вновь начали борьбу за норвежскую корону, заручившись поддержкой данов. Их нападения на Норвегию приносили мало толку, пока в одном из сражений (около 960 года) не получил смертельную рану Хокон Добрый. Королем стал сын Эйрика – Харальд Серая Шкура. Но ему пришлось делить страну с другими родственниками, а также с ярлами Хладира. В борьбе за власть он и его братья предпочитали жестокие методы отца. Так, Гудрад Эйриксон убил двоюродного брата Трюгви Олафсона. Младший сын Трюгви Олаф спасся бегством, попал в рабство к эстам, а позже нашел при-

* Расстояние от Новгорода до Полоцка по прямой линии составляет 380 км. От Полоцка до Киева – примерно 600 км. Дружины русов передвигались в основном по рекам. – *Прим. ред.*

ют у князя Владимира Святославича в Новгороде. Тем временем Харальд Серая Шкура утратил доверие данов, около 970 года по наговору хладирского ярла Хокона они заманили его в ловушку и убили. Хокон формально подчинился датскому королю, но остался наиболее влиятельным человеком в Норвегии.

Около 971–972 годов Рагнфрод (Ragnfrod), еще один сын Эйрика Кровавого Топора, сделал неудачную попытку отвоевать Норвегию. В 995 году, вернувшись из длительных странствий по Руси и Западной Европе, королем стал Олаф Трюгвисон. Вырвать власть из его рук попытался Гудрад, убийца отца Олафа, но это стоило ему жизни.

Драккар норманнов

* * *

Теперь рассмотрим известные нам факты. Гипотезы скандинавского происхождения Рогволода строятся на отождествлении его имени с именем «Рагнвальд» и поисках соответствующего Рагнвальда в скандинавских источниках. Между тем фонетическая передача скандинавских имен в старославянском языке была неточной. Искажение могло еще больше усилиться за большой промежуток между временем Рогволода (X век) и первой половиной XII века, когда сюжет о нем вошел в «Повесть временных лет».

Дополнение и редактирование летописных сводов в XII веке в Киеве сопровождалось всплеском интереса к норманнским истокам Руси и возрождением ретро-моды. Мода эта проявилась, в частности, в княжеском именовании. Так, смоленский князь Ростислав Мстиславич (ум. 1167) имел сына Рюрика и дочь Рогнеду. У туровского князя Юрия Ярославича была дочь Малфрид. В XII веке известен полоцкий князь Рогволод Борисович. Киевский и Луцкий князь Ярослав Изяславич имел сына Ингвара. Обилие норманнских имен в княжеских семьях особенно бросается в глаза на фоне почти полного их отсутствия в XI веке. Однако перерыв в традиции привел к появлению разных вариантов одних и тех же заимствованных имен. Например, имя «Ingvarr», воспринятое в IX–X вв. как «Игорь», в XII веке заимствовалось еще раз как «Ингварь».

Умножение вариантов скандинавских имен приводит к мысли о возможности и обратного процесса совмещения их в единый старославянский вариант. Этому способствовали спад в связях Руси и Скандинавии в XI веке и туманность тех сведений о прошлом, которыми располагали люди XII века. Допущение, что Рогволода не обязательно отождествлять с одним из современных ему Рагнвальдов, поможет нам расширить поиск в водовороте событий X века.

Проведем хронологические параллели между полоцкой и норвежской историей того времени. В начале X века Полоцкое княжество входило в состав Ки-

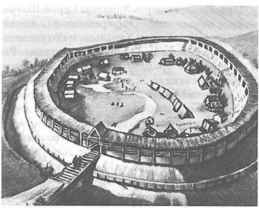
евского государства. Основным занятием господствовавших в нем конунгов с дружинами профессиональных воинов были торговля и военные набеги на пространствах между Балтикой, Черным морем и Каспием. Это привлекало туда новых искателей счастья и приключений из Скандинавии. Среди них оказался и Эйрик Кровавый Топор. При жизни отца, но до своего прихода к власти (то есть между 900 и 930 гг.) он ходил в походы в «Восточные Страны», под которыми норманны понимали прибалтийские народы, а также земли Новгорода, Полоцка и Киева. Первый раз Эйрик с пятью кораблями отправился на восток, когда ему было всего лишь 12 лет. Позже он совершил еще один поход, из которого вернулся «с боевыми кораблями и большим войском». Пройдя такую стажировку и наточив клыки, он, кроме того, установил в Восточной Европе прочные связи с какими-то местными вождями.

После смерти Олега (Хельги) «Вещего» около 912 года киевским князем стал Игорь (Ингвар), который за время своего правления испытал ряд крупных неудач. Киевляне потерпели поражение от хазар в Крыму в 940 году и под хазарским давлением предприняли неудачный поход на Константинополь в 941 году. Влияние Хазарского каганата на киевскую политику значительно усилилось. Вдобавок Игорю пришлось уступить сбор дани с уличей и древлян своему соратнику, влиятельному воеводе Свенельду*. Результатом этих событий стали ослаб-

Эпизод одной из многочисленных усобиц между князьями-варягами

* Уличи жили в районе между нижним течением Днепра, Бугом и Черным морем. Свенельд в течение трех лет (около 940–943 гг.) осаждал их главный город Пересечень. Во второй половине X века уличи под натиском кочевников отошли на север. — *Прим. ред.*

Полоцк в VIII–IX вв.

ление власти киевского князя и его гибель в 945 году в походе на древлян.

Ослаблением Киева могла воспользоваться местная полоцкая верхушка. Полоцк господствовал над двинским ответвлением водных торговых путей и потому был естественным конкурентом Новгороду, а также претендентом на обособление от Киевского государства, где Новгород играл роль второго по значению центра. Видимо, такое обособление и произошло после поражений Игоря, так как источники не упоминают полочан при описании повторного похода Игоря на Константинополь в 944 году. В своем произведении «Об управлении империей», написанном около 950 года, византийский император Константин Багрянородный в числе подвластных Киеву городов назвал Чернигов, Любеч, Вышгород, Новгород, Смоленск, но промолчал о Полоцке.

Как раз в это время Эйрик суетился между Дублином и Йорком, не сумев прочно закрепиться ни здесь, ни там. Возможно, поглядывал он и на восток Европы, ибо его «подвиги» на восточном берегу упоминает старый враг Эгиль Сколагримсон в знаменитой песне «Выкуп головы», написанной между 947 и 954 гг. Сыновья Эйрика, бесспорно, принимали участие в некоторых его походах, хотя об их собственных деяниях ничего не известно. В то же время конкуренция между норманнскими конунгами на западе Европы была очень острой, а их позиции там подвергались все большему давлению кельтов и англосаксов.

На востоке наблюдалась обратная ситуация. Опытные и умелые вожди с дружинами требовались как для войны и грабежа, так и для защиты от других завоевателей и разбойников. Под стягами киевских и новгородских князей открывались широкие возможности для военной карьеры. А вновь возникшее государство типа Полоцкого княжества вообще могло предложить высшие должности в своей иерархии.

Мужчины семьи Эйрика имели для этого все необходимые качества. От Харальда Прекрасноволосого они унаследовали королевское происхождение, формальные основания для верховной власти в отдельном государстве, смелость, решительность, предприимчивость, воинское мастерство. Представляется вполне вероятным, что кто-то из них в 940-е или 950-е годы мог возглавить самостоятельное Полоцкое княжество.

Во всяком случае, вынужденные жить в изгнании, сыновья Эйрика испытывали сильную нужду в ресурсах и искали их, где могли. В «Круге Земном» Снорри Стурлусон говорит, что сыновья Эйрика «богато ходили в походы в Восточные Страны». Походы эти можно приблизительно датировать второй половиной 950-х гг.

Правление и смерть Харальда Серой Шкуры в Норвегии около 960–970 гг. отмечают начало самого интересного для нашей темы эпизода норвежской истории. Гунхильд, матери Харальда, и его уцелевшим братьям Рагнфроду и Гудраду пришлось бежать на Оркнейские острова. Рагнфрод вернулся около 971 года и на короткое время отвоевал у хладирского ярла Хокона часть Норвегии. Но уже через год он потерпел от Хокона поражение у Тинганеса между Согном и Хёрдаландом и должен был покинуть страну. Событие это точно произошло до 974 года, когда хладирский ярл помогал датскому королю Харальду Синезубому отражать наступление германского императора Оттона II.

Рагнфрод исчез из Норвегии как раз перед тем, как летопись показывает Рогволода на полоцком княжении. А современные исследователи, корректируя дату похода Владимира на Полоцк, утверждают, что сватовство Владимира к Рогнеде и захват им Полоцка произошли после 972 года и несомненно до 11 июня 978 года, когда он вступил в Киев, но не в легендарном 980.

Князь Рогволод
(худ. А. Кривенко)

Одновременность этих событий с норвежскими перипетиями, связи семьи Эйрика Кровавого Топора с Восточной Европой и фонетическое сходство имени «Рагнфрод» с летописным вариантом «Рогволод» позволяют рассматривать Рагнфрода как возможного кандидата для отождествления с полоцким князем. Косвенным аргументом в пользу этой версии служит и то, что после поражения от ярла Хокона Рагнфрод уже никогда не вернулся в Норвегию. Наконец, сама смерть настигла его не позже 999 года, когда погиб Гудрад, ибо после этого среди живых не осталось ни одного сына Эйрика Кровавого Топора и Гунхильд.

Отождествление Рагнфрода и Рогволода позволяет по-новому посмотреть и на обстоятельства нападения Владимира на Полоцк. Новгородский князь имел для того достаточно весомые причины: а) естественное соперничество Новгорода с Полоцком; б) стремление не допустить союза между полоцким князем и своим братом Ярополком Киевским, с которым он враждовал; в) наконец, желание исполнить свои брачные планы (ведь получается, что Рогнеда была королевской крови).

Могла существовать еще одна существенная причина. В это же время в Новгороде у Владимира скрывался Олаф Трюгвисон, отца которого лишил жизни Гудрад, сын Эйриксона. Олаф командовал какими-то отрядами Владимира и участвовал в его военных походах. Зная, что в Полоцке княжит брат убийцы его отца (если это действительно был Рагнфрод), он вполне мог подстрекать Владимира к походу на Полоцк.

Подведем черту. Если мы правы в наших суждениях, то жизненный путь Рагнфрода-Рогволода выглядит следующим образом. Он провел детство в Нор-

вегии при своем отце короле Эйрике Кровавом Топоре. Около 934 года Рагнфрод вместе с отцом покинул страну и вел жизнь странствующего викинга на Британских островах и в Восточной Европе. Семья Эйрика сумела закрепиться на княжеском престоле в Полоцке, который в 940-е гг. обособился от Киевского государства.

После возвращения в Норвегию в 960-е гг. сыновья Эйрика поддерживали связь со своими восточными владениями. Это оказалось очень кстати после очередного изгнания из Норвегии в начале 970 годов. Сделав неудачную попытку отвоевать страну у ярла Хокона, Рагнфрод-Рогволод окончательно вернулся в Полоцк. В споре между братьями Ярополком Святославичем Киевским и Владимиром Святославичем Новгородским он стал на сторону первого и отказал последнему в сватовстве к своей дочери Рагнхильд-Рогнеде. В ответ Владимир устроил поход на Полоцк с участием Олафа Трюгвасона, кровного врага сыновей Эйрика Кровавого Топора. Поход закончился захватом Полоцка и гибелью полоцкого князя.

Княжна Рогнеда (худ. Кемаковский)

Хотя Эйрик Кровавый Топор был сомнительным христианином, а его жена Гунхильд и вовсе обучалась колдовству в Финмарке, Рагнфрод и его братья крестились в Англии и пытались насаждать христианство в Норвегии. В таком случае отождествление Рагнфрода и Рогволода приводит нас к выводу, что христанство в Полоцкую землю впервые принес не Владимир, а именно Рогволод. Это же предположение добавляет еще одну причину выступления Владимира против Полоцка. Как известно, до своего крещения в 988 году он был язычником и повсюду преследовал христиан.

* * *

Теперь испытаем нашу гипотезу на прочность... и увидим, как она начнет расползаться. Отождествление имен «Рагнфрод» и «Рогволод» на основании фонетического сходства – произвольное допущение. Эйрик и его сыновья проводили намного больше времени на западе Европы, чем на востоке. Даже если они заплывали в «Восточные Страны», нет сведений об их пребывании в Полоцке. Они вполне могли ограничиться грабежом эстов, земгалов и куршей на приморских землях и не двигаться далее. Хронология событий X века довольно условна – она не подтверждает напрямую вероятность высказанных суждений. Более того, некоторые генеалогии относят смерть Рагнфрода к 982 году, что ставит под сомнение его тождество с Рогволодом.

Что же остается?

Остаются факты. Остается ключевая роль скандинавов в формировании державности Древней Руси. Остается обособление Полоцка от Киевского государ-

Медаль в память
о Рогволоде и Рогнеде

ства в X веке. Остается скандинавское происхождение Рогволода. Остается деятельность многочисленных беспокойных потомков норвежского короля Харальда Прекрасноволосого, хватавшихся за любую возможность возглавить отдельное государство. Остаются походы Эйрика Кровавого Топора и его сыновей в Восточную Европу. Остаются хронологические параллели.

Быть может, наши суждения и не дают точного ответа на вопрос о происхождении полоцкого Рогволода, но приближение к нему и сужение круга поиска тоже неплохой результат.

ИСТОЧНИКИ

1. Ипатьевская летопись. М., 1998.
2. Лаврентьевская летопись. М., 2001.
3. Стурлусон Снорри. Круг Земной. М., 1980.
4. Эгиль, сын Грима Лысого. Выкуп головы // Поэзия скальдов. СПб., 2004, с. 11–15.

ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Джонс Г. Викинги: Потомки Тора и Одина. М., 2003.
2. Коновалов Ю.В. Русско-скандинавские связи середины IX – середины XI вв. // Историческая генеалогия. Вып. 5. Екатеринбург – Париж, 1995, с. 42–59.
3. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII вв. М., 1988.
4. Latyszonek O., Bely A. On the Scandinavian Origin of Rahvalod // Annus Albaruthenicus 2005. Krynki, 2005, p. 49–64.

Всеслав Брачиславич, князь Полоцкий

Геннадий Семенчук

«В лето 6609. Преставися Всеславъ, полоцкий князь, месяца априля въ 14 день, въ 9 времяъ дне, въ среду»*. Более девятисот лет назад, 14 апреля 1101 года, киевский летописец, автор «Повести временных лет» (ПВЛ), точно зафиксировал смерть необычной и уникальной личности средневековой истории Восточной Европы – полоцкого князя Всеслава Брачиславича.

За 185 лет, прошедших от смерти Ярослава Владимировича в 1054 году до монгольского нашествия в 1240 году, он был единственным князем, который занимал киевский престол, не будучи Ярославичем. Именно полоцкий князь своими активными действиями нарушил равновесие власти между Ярославичами. Всеслав был самым активным и успешным противником создания единого феодального государства на территории Восточной Европы в раннем средневековье, направлявшим все свои силы на защиту независимости Полоцкого княжества. Еще большее значение эта фигура имеет для беларуской истории. Во времена Всеслава была создана территориальная, политическая и этнокультурная основа будущей Беларуси.

После смерти Всеслава, а возможно, еще при его жизни, феномен полоцкого князя требовал объяснения в среде тогдашних политиков и мыслителей. История Всеслава, также как убийство Бориса и Глеба, очень быстро приобрела характер хрестоматийного примера отклонения от принятых норм в тогдашней политике. Правда, историю его жизни сразу начали трктовать диаметрально противоположным образом. Не удивительно, что образ Всеслава Брачиславича приобрел совершенно разные интерпретации.

С одной стороны, для автора ПВЛ, описавшего события 1067–69 гг., полоцкий князь был воплощением оскорбленной набожности и морали того времени. В изображении киевского летописца Всеслав – язычник от рождения, который со временем становится образцовым христианином. Он – жертва, ибо поверил в охранную силу креста, который целовали Ярославичи в знак примирения, но, вероломно нарушив клятву, схватили его и посадили в Киеве в поруб.

Сидя в узилище, он искренне обращается к Божьей силе: *«О кресте честный! Понеже в тобе веровах, избави мя от рва сего»*. Актом освобождения полоцкого князя *«Богъ же показа силу крестную на показанье земле Русьстей, да не преступаютъ честнаго креста, целовавше его; аще ли преступить кто, то и зде приметь казнь и на придущемъ веце казнь вечную»*.

Одновременно распространился противоположный взгляд на Всеслава Брачиславича. Для новгородских летописцев он завзятый язычник – и своим рождением, и нехристианскими поступками, представитель полуязыческих, полудемонических сил зла. Именно с ним они связывали первопричину всех бед дина-

Г. Семенчук – доцент кафедры археологии и этнологии Гродненского университета им. Янки Купалы.

стии Ярославичей во второй половине XI века. Отсюда провокационные слухи о необычных обстоятельствах рождения Всеслава: будто бы он явился в мир Божий *«от вълховованья»*, с отметиной на голове, после чего *«Рекоша бо волсви матери его: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего», «еже носить Всеславъ и до сего дне на собе; сего ради немилостивъ есть на кровъпролитье»*.

Загадочность личности Всеслава для тогдашнего населения Киева, Новгорода, Чернигова способствовала тому, что он сделался центральным персонажем эпических сказаний, народных былин и сказок, в образе Волха (или Волка) Всеславича или Всеслава-Оборотня.

На формирование негативного образа полоцкого князя Всеслава в большой мере повлияло отношение к нему и его державе соседей-конкурентов. 20 февраля 1054 года умер киевский князь Ярослав Владимирович, значительно позже названный «Мудрым». В своем завещании он полюбовно разделил Русскую землю (т.е. Великое княжество Киевское) между сыновьями. Наступил долгий период мира между наследниками Владимира и Ярослава.

Всех, кто выступал против Киева и трех старших сыновей Ярослава, уже современники (летописцы и политические идеологи) причисляли к «врагам». Подобную тенденцию поддерживали и развивали большинство историков на протяжении нескольких столетий. Киевоцентризм и «имперскость» — характерные черты преобладающего большинства исторических исследований, посвященных прошлому Восточной Европы с X до середины XIII века. Вот что пишут в этой связи английские историки Саймон Франклин и Джонатан Шепард:

Киевский князь Ярослав «Мудрый» (ок. 978–1054) /реконструкция М.М. Герасимова/

«Распространенной ошибкой является представление о том, что на Руси существовала определенная политическая «система», от которой некоторые беспринципные князья временно или навсегда стремились отклониться. Политической культуры, которая была бы применена к разветвленной, прочно укоренившейся династии, во времена Ярослава и его предшествнников не существовало. Поэтому потомкам Ярослава приходилось импровизировать, приспосабливать обычаи, прецеденты и устоявшиеся представления к непредвиденным ситуациям. Так появлялись договоры, вызванные текущей необходимостью, неудачные начинания, компромиссы и соглашения, хитрости, при помощи которых новации выдавались за традиции».

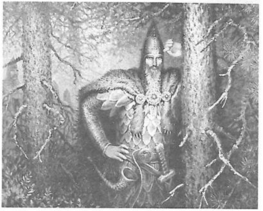
Все это относится и к нашей истории.

Многие аспекты, связанные с жизнью и деятельностью Всеслава Брачиславича, неоднократно рассматривались в научной и научно-популярной литературе. Однако новые методики анализа и интерпретации известных исторических ис-

точников, использование данных смежных наук (археологии, исторической географии, хронологии, ономастики) позволяют расширить наши знания о нем и его эпохе, избавиться от научных стереотипов и политических комплексов.

Кроме «компрометирующей» информации о рождении Всеслава летописцы не приводят больше никаких конкретных сведений о начальном периоде его жизни. Но Сергей Тарасов в результате оригинальных расчетов пришел к выводу, что полоцкий князь родился зимой 1028–1029 гг.

Его отец Брачислав, благодаря мудрой политике, значительно укрепил свое княжество и экономически, и политически. В результате военных действий и политических переговоров в 1021 году к Полоцку были присоединены Витебск и Усвяты, важные пункты на волоках торгового пути «из варяг в греки». Более того, какое-то время (в 1021–1026 гг.) Брачислав был соправителем Ярослава в Киеве. Как союзник киевского князя, он участвовал в совместных походах на литовские племена в 1038 и 1040 гг., после чего Полоцк закрепил за собой северо-западные территории современной Беларуси, где были возведены пограничные крепости Дрисвяты и Браслав.

Князь Всеслав — чародей и волколак (худ. Ольшанский)

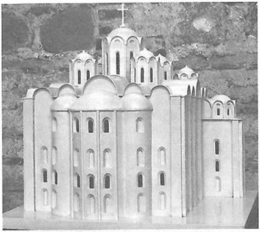
Возможно, что полоцкий князь со своей дружиной в качестве союзника участвовал в военном походе Ярослава Владимировича против мазовецкого князя Мецлава в 1041 году. Благодаря помощи киевских и полоцких дружин новый польский князь Казимир Обновитель смог сломить сепаратизм мазовшан.

Всеслав Брячиславич *«седе на стол»* своего отца в 1044 году, в возрасте 15–16 лет. Источники ничего не сообщают о первых 16 годах его правления. Видимо, это объясняется тем, что деятельность Всеслава не выходила за границы Полоцкой земли, а Ярославичи были заняты своими собственными делами. Между тем, летописи соседних государств обычно упоминали Полоцк только тогда, когда он своими действиями затрагивал интересы Киева, Новгорода либо подчиненных им земель. Следовательно, Всеслав в эти «немые» годы занимался внутренним обустройством своего государства. А проблем было немало.

Археологические исследования С. Тарасова в Полоцке убедительно свидетельствуют, что именно при Всеславе в середине XI века завершился процесс переноса административного центра Полоцка с «городища Рогволода» в Верхний замок. Здесь, на территории Верхнего замка, Всеслав Брачиславич построил величественный Софийский собор (третий после киевского и новгородского), который стал не только духовным символом, но также центром политической

власти Полоцка и Полоцкой земли. Время строительства Софийского собора большинство исследователей относят к середине XI века.

Во время своего непривычно долгого княжения (57 лет!) Всеслав Брячиславич активно укреплял внешние границы Полоцкого княжества и расширял его территорию. Полоцкая земля в то время охватывала площадь около 100 тыс. кв. км. Она граничила на юге с Туровским княжеством; на севере и северо-востоке — с Новгородской землей; на востоке — со Смоленским княжеством; на западе и северо-западе — с жамойтскими и латышскими племенами.

Храм Св. Софии в Полоцке, первоначальный вид в XI веке (реконструкция Г. Штендера)

Надо учитывать, что подчинение соседних народов и освоение территорий могло происходить только тогда, когда силы государства не отвлекались на борьбу с сильными соперниками — Киевом, Новгородом, Черниговом и Смоленском. Спокойных периодов для Полоцкого княжества во второй половине XI века было три: с 1044 по 1065, с 1071 по 1077 и с 1085 по 1101 год.

Наиболее успешно князь Всеслав Брячиславич продвигался на территории, населенные балтскими и балтско-финскими народами, — на запад, северо-запад и юго-запад от Полоцка, вдоль Двины — главной жизненной артерии его державы. Он стремился контролировать реку от истоков до устья. При Брячиславе, с присоединением в 1021 году Витебска и Усвят, власть Полоцка распространилась на Верхнее Подвинье. Первоочередной задачей для Всеслава стало овладение Нижним Подвиньем, что он успешно и выполнил. Ливы, жившие на Балтийском побережье, и соседние с ними народы — земгалы и курши — были подчинены Полоцкому княжеству в качестве данников и военных союзников.

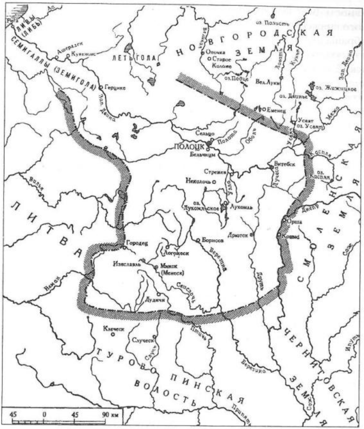
Относительно ближайших соседей Полоцка — латгалов и селов, которые не упоминаются в ПВЛ как его данники, можно сказать, что их земли во второй половине XI века непосредственно вошли в состав Полоцкого княжества. Именно здесь были построены полоцкие города-форпосты Герцике и Кукенойс*.

Активность Всеслава в Нижнем Подвинье имела еще одно следствие — Полоцк и его князь стали активными участниками торговой и политической жизни в Балтийском регионе**.

---

* Герцике находился на правом берегу Двины, в 180 км от Полоцка, в 2 км от современного поселка Ерсика в Латвии. Он существовал до XIV века. Кукенойс находился еще ниже по течению Двины (тоже на правом берегу), в 246 км от Полоцка. Ныне это поселок Кокнесе в Латвии. — *Прим. ред.*

** Главным центром торговли между странами Балтийского региона в XI веке был остров Готланд (Буян в русских былинах и сказках). — *Прим. ред.*

Полоцкая земля в XI веке по Л.А. Алексееву

По мнению польского историка Яна Поверского, деятельность князя Всеслава явилась одним из факторов политической дестабилизации на берегах Балтики в 60-е годы XI века. Языческие движения в землях ободритов (1066 г.) и в Швеции (1067 г.) были каким-то образом связаны с тогдашней войной Всеслава против Ярославичей. Более того, полоцкий князь считался потенциальным союзником языческого движения в Швеции, а возможно, и у ободритов. В его интересах было изолировать Ярославичей от помощи из Скандинавии, которой широко пользовался их отец. Борьба с повстанцами отвлекала силы возможных союзников Ярославичей – скандинавских династий Гарольда Гордраде норвежского, Свена Естридсена датского и потомков шведского короля Стенкила, а также маркграфа Северной марки Удона II. В любом случае, Всеслав в самом деле использовал в своих интересах языческие движения в Балтийском регионе во время войны против Ярославичей.

Активность Всеслава на Балтике позволяет нам также утверждать о статусе Полоцкого княжества как морской державы и наличии у него флота. Раньше на это не обращали внимания и традиционно Полоцкую землю представляли примитивной сухопутной страной, периферией Киева. А ведь уже прадед Всеслава, норвежский конунг Рогволод, приплыл на кораблях *«бе бо Рогволодъ пришёл из-заморья, имяше власть свою в Полотьске»*.

Понятно, что наиболее быстрая и удобная связь между Полоцком и ближайшими его городами на Двине – Витебском на востоке, Герцике и Кукенойсом на севере – осуществлялась водным путем. И уж наверняка полоцкие купцы отправлялись «по заморские вещи и блюда» в Киев и Константинополь либо Готланд и Поморье на ладьях с парусами и веслами.

В 1060 году Изяслав, Святослав и Всеволод Ярославичи вместе с Всеславом Полоцким *«совокупиша вои бещислены и поидоша на конихъ и в лодьяхъ, бещислены множьство, на торки»*. Поход в степь был удачным для союзников, торков победили. За участие в походе на торков полоцкий князь получил территории на правом берегу Днепра в районе Орши и Копыси. Повторилась ситуация 1021 года, когда его отцу Брачиславу князь Ярослав отдал Витебск и Усвяты в обмен на союзничество.

Союзнические отношения между Полоцком и Киевом продолжались до середины 60-х годов, когда Всеслав Брачиславич вступил в 20-летнюю конфронтацию с сыновьями и внуками Ярослава. Сохранившаяся в летописях информация не объясняет причины столь длительного конфликта. Летописные сообщения вроде *«В се же лето Всеславъ рать почалъ»* или *«Заратися Всеславъ сынъ Брячиславль, Полочьске, и зая Новъгородъ»* большинство исследователей трактует в том духе, что именно полоцкий князь нарушил установленные нормы и развязал на Руси междоусобные войны второй половины XI века.

Обычно называют две причины – династическую (якобы Всеслав желал править в Киеве) и государственную (желание Полоцка усилить свое влияние на Новгород и взять под контроль торговую коммуникацию в Среднем Поднепровье). Однако более основательный анализ внутренней политики сыновей Ярослава позволяет сделать другие наблюдения и выводы.

После смерти в 1054 году киевского князя Ярослава Владимировича ведущей политической силой на Руси стал союз трех его старших сыновей – Изяслава, Святослава и Всеволода. По завету отца, первый получил Киев, что формально делало его главной персоной в этом союзе. Святославу достался Чернигов, а Всеволоду – Переяславль. Два младших сына получили от Ярослава во владение Владимир-Волынский (Игорь) и Смоленск (Вячеслав).

Как видим, Полоцк не был частью «империи» Ярослава Владимировича. В 1044 году, после смерти Брачислава Изяславича, Полоцкое княжество не было поглощено владениями Ярослава, а перешло в наследство сыну Всеславу. Поэтому Полоцк не упоминается в завещании Ярослава и не входит в число территорий, которыми владели либо на которые претендовали Ярославичи.

Главной целью внутренней политики триумвирата старших сыновей Ярослава являлось всемерное укрепление и расширение киевской власти. Их политика была сродни той, которую проводили их дед Владимир и отец Ярослав. Когда в 1057 году умер смоленский князь Вячеслав, то братья своей волей, в нарушение

лестничного принципа власти, *«посадиша Игоря Смолиньске, изъ Володимеря выведше»*. При этом Волынь никому не передавалась, а осталась под управлением триумвирата старших Ярославичей.

Наше мнение подтверждают события, произошедшие после смерти Игоря в 1060 году. Ни Смоленск, ни какой-либо другой город не достались Давыду — сыну последнего, а *«разделиша Смоленскъ собе на три части»*. В середине 60-х годов происходила борьба за Тьмутаракань между Ростиславом Владимировичем, внуком Ярослава, и Святославом Черниговским, представителем триумвирата. В 1066 году Ростислав умер, отравленный греками. Под властью Киева в то время находилась Галицкая земля, непосредственно Киеву подчинялся Новгород, где более ста лет сидели либо сами киевские князья, либо их дети. Новгород не упоминается в завещании Ярослава, что свидетельствует об автоматическом включении его во владение Изяслава Киевского, там княжил его сын Мстислав.

Понятно, что при таком раскладе Ярославичи рано или поздно должны были обратить внимание на Полоцкое княжество. Существование независимого и довольно богатого Полоцка само по себе являлось вызовом идеологии киевоцентризма, которую на юге активно проводили в жизнь Ярославичи. Более того, полоцкий князь Всеслав Брачиславич был для них чужаком. Да, он принадлежал к числу родственников, однако не являлся потомком Ярослава. Поэтому Всеслав не вписывался в схему «свойских» отношений, выработанную южнорусскими князьями и пропагандистами их имперской идеологии.

Всеслав Брячиславич, князь Полоцкий (предполагаемый вид)

Уже после совместного похода старших Ярославичей с Всеславом в 1060 году на торков киевский князь Изяслав вместе с новгородцами пошел войной на сасолов — народ, проживавший в юго-западной Эстонии, — и обложил их данью. Сасолы были ближайшими соседями ливов, данников Полоцка. Распространение киевско-новгородской власти на этот народ восприняли в Полоцке как угрозу его контролю над двинским торговым путем и над подчиненными Полоцку землями ливов, куронов, земгалов. В то же время Ярославичи укрепили свои позиции на пути «из варяг в греки», установив кондоминиум в Смоленской земле*. А это создавало опасность еще и восточным границам Полоцкого княжества.

Именно желание помешать усилению позиций Ярославичей в районе северных и восточных границ Полоцкого княжества, а также в Нижнем Подвинье — в районе двинского торгового пути, — явилось главной причиной конфронтации Всеслава с кланом Ярославичей.

---

* Кондоминиум — совместное управление какой-либо территорией несколькими правителями. — *Прим. ред.*

Его борьба с Ярославичами разделяется на два этапа: первый – в 1065–1071 гг. и второй – в 1077–1085 гг. На первом активнее был Всеслав Брачиславич. В 1065 году он напал на Псков: «Всеслав рать почал», а зимой 1066–67 гг. – на Новгород: «Приде Всеславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ детми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше беда въ час тыи; и понекадила съима».

Полоцк контролировал только западный маршрут пути «из варяг в греки». Поэтому князь Всеслав стремился взять в свои руки Новгород и Смоленск

Как видим, Всеслав прошел огнем и мечом по городу и даже ограбил его святыню – Софийский собор. Этот поступок свидетельствует, что он решился вступить в серьезный конфликт с Ярославичами. По мнению С. Франклина и Дж. Шепарда, в действиях Всеслава заметна попытка нейтрализации Новгорода, его подчинения Полоцку, что позволяло усилить контроль над Балтийским побережьем. Более того, новгородский поход Всеслава положил начало цепи событий, завершившихся крупнейшим за полстолетия политическим кризисом на Руси. Перипетии этой борьбы достойны отдельного исследования. Отметим только, что Всеславу противостояли объединенные силы большинства Ярославичей, тогда как он использовал свои полоцкие возможности, а также соседние балтские и прибалтийско-финские народы.

Ответ Ярославичей был быстрым и жестоким. Братья, объединив свои войска, выступили в направлении юго-западных границ Полоцкой земли. *«И придоша ко Меньску, и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Менескъ, и исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты, и поидоша к Немизе, и Всеславъ поиде противу. И совокупишася обои на Немизе, месяца марта въ 3 день; и бяше снегъ великъ, и поидоша противу собе. И бысть сеча зля, и мнози падоша, и одолеша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бежа».*

Итак, битва на Немиге закончилась победой южнорусских князей, однако угроза со стороны Всеслава не была ликвидирована. Через четыре месяца, 10 июля 1067 года, Ярославичи пригласили полоцкого князя на переговоры с целью заключить перемирие, при этом *«целовавше крестъ честный къ Всеславу, рекше ему: «Приди к намъ, яко не сотворимъ ти зла». Он же надеявъся целованью креста, перееха в лодьи чересъ Днепръ. Изяславу же в шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крестъ. Изяславъ же приведе Всеслава Кыеву, всади и в порубъ съ двема сынома».*

Под следующим, 1068 годом, ПВЛ сообщает о нападении на Русскую землю половцев. Трое Ярославичей встретили их на реке Альта, в Переяславльской земле Всеволода. Но проиграли и отступили: Изяслав с Всеволодом – в Киев, а Святослав – в Чернигов. Тогда киевляне потребовали от князей и воеводы Коснячки оружия и лошадей, чтобы выступить против половцев. Получив отказ, киевляне (вероятно, по наущению купцов с полоцкого двора в Киеве) освободили из заключения Всеслава и объявили его своим князем. Изяслав бежал из Киева в Польшу за помощью. Летописец прокомментировал все это как «божью кару» за клятвопреступление Ярославичей, и добавил, что Всеслав сидел на киевском престоле семь месяцев. Как видим, киевский период его жизни был коротким и не отражен в летописях.

Но так ли безнадежны наши знания о деятельности полоцкого князя в Киеве? Скорее всего, киевский летописец сознательно молчал о ней. Ведь трудно себе представить, чтобы столь активная личность, как Всеслав, целых семь месяцев бездействовал. А он, как можно предполагать на основании «молчания» летописи, выглядит скорее покорным новоокрещенным язычником, весьма занятым поисками глубин христианской духовности.

На самом деле Всеслав, будучи киевским князем, эффективно проводил свою политику, мешавшую Ярославичам создать централизованную империю. Несомненно, что вторжение половцев было успешно отражено. Далее Всеславу уда-

лось заинтересовать Святослава и, возможно, Всеволода. Между Всеславом и остальными Ярославичами был заключен выгодный для обеих сторон договор за счет интересов бежавшего Изяслава. Себе Всеслав оставил Киев, естественно, Полоцк и добавил Смоленск. Черниговскому князю Святославу отошел Новгород, ибо видим там его сына Глеба, а переяславльскому князю Всеволоду досталась Волынь, где встречаем его сына Владимира, будущего Мономаха. Такой подход позволяет по-иному посмотреть на многочисленные события конца 60-х – начала 70-х годов XI века, связанные с Всеславом, которые очень фрагментарно зафиксированы на страницах летописей.

Штурм города (эпизод княжеских усобиц)

Последующие события показали, что киевский княжеский престол достался Всеславу исключительно силой обстоятельств, которые он максимально использовал. Всеслав не планировал княжить в Киеве. Потому он не очень стремился защищать город в 1068 году от польско-русского войска во главе с Изяславом и Болеславом II Храбрым. Ночью полоцкий князь покинул киевское войско и вернулся на Полотчину. Летописец никак не комментирует поступок Всеслава, не говорит и о мотивах бегства. Однако их нетрудно представить, зная его характер и цели его новой политики.

Между тем, буквальное понимание летописного сообщения о противостоянии Всеслава и Изяслава под Белгородом в 1068 году сделало полоцкого князя трусом на страницах научных работ большинства историков. Но так ли это? Всеслав не желал ввязываться в войну за киевский княжеский престол. Целью его политики было не это, а противостояние объединительной политике Ярославичей. Убегая в родной Полоцк, он знал, что за время своего пребывания в Киеве сделал все, что ему нужно: поссорил Ярославичей, ослабил их и тем самым укрепил себя и свое княжество. Отдавая киевский престол Изяславу, Всеслав надеялся, что тот, получив опять власть, пожелает позже вернуть себе и своим сыновьям принадлежащее им по старшинству – свои земли, полученные Святославом и Всеволодом от Всеслава. Дальнейшие события подтвердили расчеты Всеслава.

В 1069 году Изяслав Ярославич, с помощью польских войск, изгнал Всеслава из Полоцка, и на его землях установилась оккупационная власть сыновей Изяслава Ярославича и польской княжны Гертруды – дочери короля Мешко II, тёти Болеслава II Храброго.

«В лето 6577 (1069 г.)....и седе Изяславъ на столе своемъ, месяца мая въ 2 день. И распуща ляхы на покормъ, и избиваху ляхы отай; и възвратися в ляхы Болеславъ, в землю свою. Изяславъ же... прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мьстислава Полотеске; он же вскоре умре ту. И посади в него место брата его Святополка, Всеславу же бежавшю».

Но с Изяславом мы не видим его родных братьев Святослава и Всеволода. Они явно избрали тактику выжидания, полученных от Всеслава земель они старшему брату не возвращали, своих войск на помощь ему не посылали.

Полоцкий князь не имел достаточно сил, чтобы бороться за родной город, и был вынужден податься в эмиграцию, к прибалтийским народам. Уже осенью 1069 года Всеслав Брачиславич оказался под стенами Новгорода во главе финского племени водь. Об этом сообщает Новгородская летопись старшего и младшего извода:

«Въ то же лето, осень, месяця октября въ 23, на святого Якова брата господня, въ пятничи, въ чяс 6 дни, опять приде Всеслав къ Новугороду; новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ, у Зверинця на Къземли; и пособи богъ Глебу князю съ новгородци. О, велика бяше сеця Вожиномъ и паде ихъ бещисленое число; а самого князя отпустиша бога деля».

Плохо вооруженное и слабо обученное войско води потерпело поражение, а князь Всеслав попал в плен. Летописное сообщение ставит перед исследователями ряд вопросов. Почему Всеслав оказался во главе войска языческого племени водь? Почему новгородцы отпустили полоцкого князя с Богом, а не отомстили ему за жестокое нападение 1066 года?

Польский король Болеслав II Храбрый (худ. Ян Матейко)

Видимо, изгнание из Полоцка совпало с противостоянием финно-угорских народов колонизаторской политике Новгорода. Всеслав, будучи энергичным человеком и достаточно опытным полководцем, не отказался от командования собранным войском води.

Труднее ответить на другой вопрос. Второй раз Всеслав попал в плен к своим врагам, однако новгородский князь Глеб, сын Святослава Ярославича, не отдал его в руки своего дяди Изяслава, киевского князя. Убедительной кажется версия А. Косорукова, что, освобождая Всеслава из плена, Глеб знал, что тот обязательно бросится в борьбу за свой Полоцк. Эту цель и преследовал новгородский князь, заинтересованный в ослаблении обоих соперников. Не исключено также, что был заключен договор между Новгородом Великим и князем Всеславом о ненападении последнего на Новгородскую землю. Ведь до 1078 года летописи больше не сообщают о походах полочан на северо-восточного соседа.

После победы над полоцким князем Ярославичи пытались укрепить власть Киева. Оккупированный Полоцк находился в руках сыновей Изяслава. В это время Изяслав Ярославич передал своему третьему сыну Ярополку Волынь, к которой были присоединены Туровская земля и полоцкий Менск. Почти одновременно с поражением и изгнанием Всеслава из Полоцка под власть Ярославичей вернулся Смоленск, который мог быть захвачен полоцким князем. Об этом свидетельствует второй поход Владимира Мономаха на этот город вместе с киевским боярином Ставком Гордятичем. С этого момента Смоленщина попала

под опеку Всеволода, младшего из братьев Ярославичей. Новгород был закреплен, с согласия киевского князя, за Глебом Святославичем, сыном среднего из братьев Ярославичей. Также Святослав получил Ростов вместе с Белоозером, информация о чем содержится в более поздних сообщениях летописи.

Красивым жестом единства и братской любви сыновей Ярослава стала канонизация «первых русских святых» Бориса и Глеба в мае 1072 года. Их культ должен был «освятить» власть Ярославичей и защитить ее от претензий других князей. Правда, уже через десять месяцев, в марте 1073 года, Изяслав был в очередной раз изгнан из Киева и не каким-то чужеземцем, а своими родными братьями:

«В лето 6582 (1073). Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ собе Святославъ со Всеволодамъ на Изяслава. Изиде Изяславъ ис Кыева, Святослав же и Всеволодъ внидоста в Кыевъ, месяца марта 22, и седоста на столе на Берестовомъ, преступивша заповедь отню».

Далее летописец попросту обвиняет в этом Святослава Черниговского, будто бы он *«бе начало выгнанью братню, желая большее власти»*, потому подговорил невинного Всеволода, запугав тайным союзом Изяслава с Всеславом Полоцким против них. Именно однозначная оценка и обвинение Святослава летописцем и вызывает сомнение в достоверности сообщения.

Беларуский исследователь Юрий Заяц обратил внимание на то, что противники Всеслава, Ярославичи, на страницах летописей выступали единым фронтом против полоцкого князя, однако чувство враждебности к нему у них разное. Не без оснований Ю. Заяц выделяет личность Всеволода на место «главного врага» Всеслава, метко подчеркивая, что «сквозь образ скромного, правдолюбивого и немного слабохарактерного Всеволода, созданного и отредактированного его наследниками, проступают черты коварного властолюбца, который стремится на великокняжеский престол, желая закрепить его только за своей семейной ветвью».

Это наблюдение наглядно подтверждается поведением Всеволода и дальнейшими событиями. Из его окружения вышел фальсификат «Завет Ярослава», в котором он один как возлюбленный сын получил право покоиться возле отца. Летопись сообщает, что Всеволод вместе со Святославом заняли киевский престол в 1073 году. Но в 1076 году Всеволод приказал похоронить Святослава в Чернигове, а не в Киеве, подчеркнув определенную незаконность занятия киевского престола последним. Кстати, он не спешил возвращать Киев своему старшему брату Изяславу, даже выступил против него с войском. Однако, в конце концов отступил, добыл для себя Чернигов, лишив сыновей Святослава отеческого удела.

На два года, с 1069 по 1071, Всеслав исчезает со страниц летописей. Где-то среди прибалтийских народов, относительно недалеко от родины, он собирал военные силы, чтобы вернуть родной Полоцк. Этот счастливый момент наступил в 1071 году. *«В се же лето выгна Всеславъ Святополка ис Полотьска»*. Первым деянием Всеслава после возвращения в Полоцк была попытка вернуть южные территории своего княжества с центром в Менске, восстановить и укрепить полоцко-киевскую границу. Это побудило Всеслава в 1071 году выступить против Ярополка. Правда, поход оказался неудачным. Под Галатишком (на юго-восток

от Менска) полоцкий князь был разбит Ярополком. После этого в Полоцкой земле на семь лет установилось спокойствие.

После устройства в Полоцке Всеслав Брачиславич и далее продолжал политику разобщения Ярославичей, чтобы не дать им очередной возможности усилиться. От открытой военной борьбы он перешел к дипломатическим средствам. Всеслав пытался наладить соответствующие контакты с киевским князем Изяславом Ярославичем. На это косвенно указывают слова, приписанные летописцем Святославу Ярославичу под 1073 годом.

«Святослав же бе начало выгнанью братню, желая болшее власти; Всеволода бо прельсти, глаголя, яко «Изяславъ сватится со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не вариве, имать на прогнати».

Полоцко-киевский союз закончился неудачно прежде всего для Изяслава. В том же 1073 году братья изгнали его из Киева, и великим князем стал Святослав Ярославич Черниговский. Не исключено, что союз Всеслава с Изяславом был звеном большой игры, ради овладения Святославом киевским престолом и мирного существования Всеслава в Полоцке. Святослав с целью бескровного отстранения старшего брата от власти обратился к Всеславу. Тогда полоцкий князь предложил договор Изяславу, о котором уведомил Святослава. Разоблачение «тайного» соглашения с «главным врагом» Ярославичей стало причиной смены власти в Киеве и очередной значительной стратегической победы Всеслава. И опять на четыре года Полоцкое княжество исчезает со страниц киевского и новгородского летописания. Это яркое свидетельство того, что в годы княжения Святослава не происходило военных конфликтов между Полоцком и Киевом, а он не имел претензий к Всеславу.

Киевский князь
Всеволод Ярославич
(умер в 1093 г.)

Ситуация кардинально изменилась на втором этапе (1077–85 гг.) противостояния Полоцкой земли и Киева. После смерти в 1076 году Святослава Ярославича на первый план вышел его младший брат Всеволод, который был великим киевским князем в 1077 и 1078–93 гг. Именно Всеволод и его сын Владимир (будущий «Мономах») стали инициаторами нового обострения отношений с Полоцком. Подчинить последний Киеву, за счет его расширить свои территории, а если нет, то раздавить и максимально ослабить Полоцкую землю и ее князя – вот цели их имперской политики. Бросается в глаза то, что военные походы южнорусских князей на Полоцкую землю отличались особой жестокостью на фоне обычных для того времени военных кампаний.

Летом 1077 года Всеволод вместе с сыном Владимиром совершил поход на Полоцк; зимой 1077–78 гг. последовал новый поход Владимира Всеволодовича вместе с новгородским князем Святополком Изяславичем на Полоцкую землю: *«Ожьгъше Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьск, воюя»*. В этот раз Ярославичи впервые использовали в междоусобной борьбе общеславянских врагов – половцев. В 1078 году Всеслав напал на Смоленск и последовал ответ Киева, во время которого были уничтожены города Полотчины от Лукомля до

Логойска и от Логойска до Друцка: *«Пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска. Та на Дрьютьскъ воюя»*. Наконец, в 1085 году Владимир Всеволодович полностью уничтожил Минск:

«И на ту осень идохом с черниговцы, и с половцы, с чатеевичи к Менску; изъехахом город не оставихом у него ни челядина, ни скотины».

А что Всеслав? По возможности он защищал свою землю, временами атаковал соседние вражеские территории, как в 1078 году Смоленск или Новгород. Но больше внимания полоцкий князь уделял внутренней политике: восстановлению уничтоженных городов, укреплению власти над соседними балтскими и финскими народами и внешних границ своей державы. Много времени Всеслав тратил на воспитание своих сыновей, а было их шестеро: Давыд, Борис-Рогволод, Глеб, Роман, Ростислав и Святослав-Георгий.

Несмотря на великие старания Всеволода, подчинить Полоцкое княжество Киеву не удалось. Преградой стала внутридинастическая борьба среди потомков Ярославичей, в первую очередь между Всеволодом и племянниками — детьми Святослава Олегом и Романом и сыном Изяслава Ярополком. Не надо также сбрасывать со счетов военно-экономический потенциал самого Полоцкого княжества. И вот после минского похода 1085 года информация о Полоцком княжестве и его князе опять на долгие годы исчезает из летописей.

Смерть Всеволода Ярославича 13 апреля 1093 года означала смену поколений в правящем клане Руси. На первый план вышли внуки Ярослава: Святополк Изяславич, трое Святославичей (Давыд, Олег и Ярослав), а также Владимир Всеволодович («Мономах»). И опять нет спокойствия. Несмотря на то, что Владимир Всеволодович сознательно уступил Киев после смерти своего отца Святополку Изяславичу, между внуками Ярослава началась война. Особенно острыми были стычки Олега Святославича с Владимиром Всеволодовичем и его сыновьями: сначала за Чернигов, а позже за Ростов, Суздаль и Муром. Именно этот конфликт послужил главной причиной съезда князей в Любече в 1097 году.

Прежняя историография, исходившая из концепции единого древнерусского государства и киевоцентризма, рассматривала данный съезд как событие, которое юридически закрепило раздел Киевской Руси на вотчины между тремя ветвями Ярославичей, заменило предыдущую систему родового сюзеренитета на вассально-бенефициальную, положило начало снижению политической роли Киева как столицы формально единого государства.

Но, по мнению С. Франклина и Дж. Шепарда, Любечское соглашение, как и «Завет Ярослава», было скорее документом, рассчитанным на свое время, чем генеральным решением. Оно представляло собой простой договор, а не политический трактат. Более того, Любечский съезд явился реакцией на кровавое столкновение интересов и претензий внутри клана, а не ратификацией стандартных правил перехода престола в наследие. И еще. Решения Любечского съезда распространялись на земли, подвластные потомкам Ярослава Владимировича, и не касались только одного княжества — Полоцкого.

Всеслав Брачиславич не пожелал участвовать в Любечском съезде Ярославичей. Во-первых, Полоцкому князю, в отличие от них, не было нужды что-нибудь делить или с кем-нибудь делиться. Во-вторых, Всеслав не имел династических

либо политических претензий на киевский престол. В-третьих, Полоцкое княжество было суверенным государством, независимым от Киева.

Закрепленный в Любече принцип владычества «каждо да держить отчину свою» стал новацией только для потомков Ярослава Владимировича. Ибо традиция передачи княжеского престола от отца сыну в Полоцком княжестве существовала уже с 1001 года – почти сто лет. И это был главный результат многолетней и трудной борьбы Полоцка против Днепровской Руси с центром в Киеве, которая на страницах летописей персонифицировалась в войну между Всеславом Брачиславичем, с одной стороны, сыновьями и внуками Ярослава Владимировича – с другой.

Смерть Всеслава Брачиславича в 1101 году принесла облегчение враждебным Полоцку силам – потомкам Ярослава, правившим в соседних с ним княжествах и в Новгороде. Полоцкая земля, разделенная между сыновьями Всеслава на уделы, представляла уже меньшую угрозу для Киева и Новгорода. А окончательно полоцкая угроза для Киева исчезла в период между захватом Владимиром Всеволодовичем в плен Глеба Всеславича Минского в 1118 году (и его смертью в 1119) до высылки части полоцких князей в 1129 году в Византию Мстиславом Владимировичем.

***

Ликвидировав Полоцк как конкурента на политической карте, наследники Ярослава не смогли уничтожить образ Всеслава Брачиславича в памяти киевлян и новгородцев. Так, в 1147 году во время бунта в Киеве против князя Всеволода Олеговича Черниговского *«кияне же рекоша рад оже ны Богъ тебе избавилъ от великия льсти братю нашю идемъ по тобе и с детми акоже хощеши. И реч единъ человекъ по князи своемъ: рад идемъ, но первое о семъ промыслимы акоже и преж створиша при Изяславе Ярославличе высекше Всеслава ис пороуба злии они и поставили князя собе и много зла быс про то градоу нашему»*.

В 1178 году летописец объяснял поход Мстислава Ростиславича с новгородцами на Полоцкого князя Всеслава тем, что *«ходилъ бо бяше дедъ его на Новъгородъ и взялъ ерусалимъ церковныи и сосоуды слоужебные и погостъ одинъ завелъ»*.

Отмеченная нами в начале статьи противоречивость оценок деятельности полоцкого князя Всеслава среди современников, зафиксированная в источниках, сохранилась и даже закрепилась в современной историографии. В рамках концепции единой «Древней

Памятник князю Всеславу в Полоцке

Руси» или «восточнославянского братства», Всеслав — сепаратист, стремившийся сломать социально-политическую и хозяйственную систему этого государства и расширить свои территории за счет захвата новых земель у соседей. Но точно такими же сепаратистами во 2-й половине XI века выглядят Ростислав Владимирович, внук Ярослава Мудрого, новгородский, а позже тьмутараканский князь; после смерти киевского князя Святослава Ярославича в 1076 году — его дети Роман и Олег; смоленский князь Борис, сын Вячеслава Ярославича; волынский князь Ярополк, сын Изяслава; Ростиславичи — Василько и Володарь.

А вот с позиции жителей Полоцкой земли, Всеслав Брачиславич был единственным гарантом их независимости и защитником от врагов — как позже, в XII веке, были Святославичи для черниговцев, Юрий Долгорукий и его наследники — для владимирцев и суздальцев, а Ростислав Мстиславич — для Смоленского княжества.

При Всеславе Брачиславиче Полоцкая земля окончательно превратилась в самостоятельное раннесредневековое государство, имевшее все необходимые атрибуты и политические инструменты: стабильную территорию, высшую власть в лице князя, собственную династию, аппараты принуждения и идеологии, религиозную организацию, вооруженные силы. Все это позволяло князю Полоцка проводить независимую от какого-либо центра внешнюю и внутреннюю политику. Частые и упорные военные столкновения с соседями свидетельствовали о мощном экономическом и военном потенциале этого государства.

Видимо, были правы те, кто писал, что главной целью жизни Всеслава являлось объединение вокруг Полоцка всех кривичей, которые позже частично попали под власть Новгорода (Псковская земля) и Смоленска. Именно на создание кривичской державы были направлены талант, энергия и жизненное назначение князя Всеслава Брачиславича.

Тайна Нанадая, Теляведя и Дивирикса

Алексей Дайлидов,
Кирилл Костян

Анализ сообщения Ипатьевской летописи* под 1253 годом показывает, что в ее тексте содержатся свидетельства о том, что великий князь литовский Миндовг: 1) говорил на ятвяжском языке; 2) приведенная в летописи фразеология Миндовга была христианского характера.

Исследователи уже отмечали вероятность ятвяжского (т.е. западнобалтского, а не восточнобалтского) происхождения великокняжеской династии ВКЛ – династии Миндовга. Еще летувисский языковед Казимир Буга (1879–1924) указал на то, что имена великих князей литовских XIII–XIV вв. – западнобалтские. О наличии западнобалтских (ятвяжских) лексем в именах великих князей литовских, которые не объясняются из восточнобалтских языков, писал также и польский лингвист Ян Отрембский (1). Современная Миндовгу Великопольская хроника XIII века отмечает западнобалтское происхождение Миндовга, именуя его «королем пруссов», а его окружение «пруссами» (2).

Князь Миндовг
(худ. Я. Пависляк; XIX в.)

Таким образом, есть основания считать династию Миндовга по происхождению западнобалтской (прусской или ятвяжской), а не восточнобалтской (жамойтской).

Имеются сведения о том, что князь Миндовг был христианином задолго до своего католического крещения 1253 года. Галицко-волынские записи (в Ипатьевской летописи) и позже «Хроника Быховца» (1446 г.) приводят непонятные на первый взгляд имена «божеств», которых якобы почитал Миндовг, уже крещенный в латинство (после 1253 г.):

> «Крещение же его было обманным. Чтил богов своих потаенно. Первого Нанадая, и Теляведя, и Диверикза». («...Кр(еще)ние же его льстиво бы(сть). Жряше бо(го)мъ своимъ, в таине. Первомоу, Нънадъеви, и Телявели и Диверикъзоу») (3).

---

* Ипатьевская летопись – древнейший памятник киевского летописания. Имеет три части: а) Повесть временных лет (до 1117 г.); б) Киевский свод (1118–1199 гг.); в) галицко-волынские записи (до 1292 г.). Название получила по месту нахождения ее копии в Ипатьевском монастыре Костромы. – *Прим. ред.*

Вследствие недостатка сведений о прусско-ятвяжском языке эти упомянутые в летописи слова стали рассматривать как имена каких-то «языческих божеств», которых якобы почитал Миндовг (о сути их исследователи выдвигали самые фантастические гипотезы). Между тем, они – явно из прусского языка. Нанадай – это «numons dajs», Телявель – это «tawo walle», а Дивирикс – «Deiwe riks». Все вместе они образуют прусскую (ятвяжскую) фразу «numons dajs tawo walle, Deiwe riks» – «пусть будет воля Твоя, Господи Боже».

Западная часть Пруссии, где Рингольд, отец Миндовга, правил Погезанией

Выражение «numons dajs tawo walle» представляет собой отрывок из молитвы «Отче наш» на прусском языке (строка «...пусть будет воля Твоя»). Это хорошо видно по текстам данной молитвы на различных прусских диалектах, собранных К. Гарткнахом и К. Богушем (4). «Numons dajs» дословно – «нам дай», «tawo walle» – «Твою волю».

Вероятно, основой для сообщения летописи о том, что Миндовг «чтил богов своих» послужила запись текста молитвы «Отче наш» (или отрывка из нее) на ятвяжском языке, имевшаяся у галицкого летописца в Холме. Оборот «Deiwe riks» («Господи Боже») употреблялся в начале или в конце молитвы (5).

Возможно также, что эта фраза была не частью молитвы, а единым выражением: «Numons dajs tawo walle, Deiwe riks!» («Пусть будет воля Твоя, Господи Боже!»).

Итак, можно полагать, что Миндовг еще до 1253 года был научен христианским молитвам на своем родном языке (прусско-ятвяжском). Но образец ятвяжского текста христианской молитвы, попавший к галицкому летописцу, позже был расценен как свидетельство «язычества» Миндовга (6). Например, это могло произойти во время переписывания изначального текста летописи писцами, незнакомыми с прусско-ятвяжским языком.

Кто научил Миндовга христианской молитве на родном языке – трудно сказать. Однозначно это были не католические священники, ибо католики не допускали в богослужение народные языки. Они использовали только «латину». Но деятельность католических миссионеров в летописной Литве (и в Новогрудке) в период 1210–40-х гг. не отмечена. Невозможно также представить, чтобы Миндовг молился по католическому обряду «потаенно» (как об этом говорит летопись), и чтобы эти молитвы летописец именовал «язычеством», так как Миндовг

в то время официально был католиком. С другой стороны, известно, что православные миссионеры охотно употребляли местные языки во время обращения неофитов.

Но возможен и третий вариант – деятельность неканонических (не православных и не католических) христианских священников при дворе Миндовга.

В. Пануцевич, на основе сведений, собранных Т. Нарбутом, писал о распространенности при дворах литовских князей и при великокняжеском дворе ВКЛ в XIII–XIV веках так называемого богомильства*. В сведениях, на которые опирался Теодор Нарбут (записи кардинала Петра д'Элли от 1418 г.) сообщается, что литовские вельможи и великие князья исповедовали богомильство «от тринадцатого столетия» (7). Таким образом, богомильское происхождение фразеологии Миндовга вполне вероятно.

Согласно монографии авторитетного исследователя богомильства, болгарского академика Д. Ангелова, духовная практика богомилов заключалась в многократном повторении молитв, особенно «Отче наш» (8). Слова «пусть будет воля Твоя» («numons dajs tawo walle») как раз представляют строку из молитвы «Отче наш». Фактически богомилы занимались медитацией с помощью этих слов, всецело отдавая себя Божьей воле.

Кроме многократного повторения молитвы «Отче наш» несколько раз днем и ночью, требовалось еще двукратно повторять молитву перед посадкой на коня, или на лодку (корабль), перед входом в город, перед входом на мост, а также перед питьем, едой и сном. Следовательно, молитвенная практика Миндовга, отмеченная галицким летописцем (многократное повторение «Отче наш» и особенно строки «пусть будет воля Твоя») соответствовала практике богомилов.

Итак, можно достаточно уверенно говорить о том, что христианской фразеологии Миндовга научили священники неканонической, скорее всего богомильской ориентации, которые служили при дворе его отца Рингольда в Пруссии и, возможно, в летописной Литве при дворе самого Миндовга. Такое обучение скорее всего произошло в детские годы, ибо Миндовг остался верным прежним молитвам, даже приняв католичество.

Вряд ли это могли быть священники канонического православного обряда, так как составитель галицко-волынской летописи именовал молитвы Миндовга «язычеством». Значительно более вероятна деятельность независимых от Киева христианских священников, учивших Миндовга молитвам на его родном (прусско-ятвяжском) языке. Скорее всего, ими были богомилы.

Печать Миндовга

Такие же выводы можно сделать при анализе документов папской курии касательно Миндовга. Рассмо-

* Богомильство – общественно-религиозное движение в Болгарии, Сербии и соседних с ними странах в X–XIV вв. Богомилы полностью отвергали почитание икон и креста, святых и мощей, официальную церковную иерархию. Они признавали лишь молитвы, Евангелие и немногие другие книги Нового Завета. Богомилы разделялись на «совершенных» (проповедников), «верующих» (исполнявших все наставления проповедников) и «слушателей» (сочувствующих учению, но строго ему не следовавших). Папы римские считали богомилов еретиками и всячески преследовали их. – *Прим. ред.*

трение первых папских булл, упоминающих Миндовга (1251 г.) позволяет полагать, что до своего обращения в латинство великий князь исповедовал не «язычество», а какой-то вариант христианства, который папская курия считала еретическим. Так, в ряде булл 1251 года к литовскому великому князю, к ливонским и прусским епископам, и к властям Тевтонского ордена папа Иннокентий IV высказал радость в связи с тем, что Миндовг объявил о своей готовности принять латинство, оставив былые «заблуждения». Его прежняя вера в буллах нигде не называется прямо, относительно ее папа употреблял такие туманные определения, как «ошибки» или «заблуждения» (erroris) и «тьма» (tenebris), в которой пребывают «неверные» (infidelium).

Коронация Миндовга
(гравюра из книги Л. Ходько «Полония», 1824 г.)

Булла от 26 июля 1251 года к епископам Риги, Дерпта, Эзеля и к магистру Тевтонского ордена уточняет, что это за «тьма». Это тьма «вероотступничества», в котором «пребывает преогромное число неверных», то есть подданных Миндовга (Mindowe, rex Lithowie, olim cum grandiosa infidelium multitudine existens in perfidie tenebris).

В булле от 7 марта 1255 года папа Александр IV опять отмечал, что Миндовг принял латинство, оставив «вероотступничество» (ad fidei katholice pervenisti titulum, relicta perfidia) (9). Понятно, что «вероотступничество» — это прямое указание на христианскую ересь, а не язычество. Заметим еще, что по сообщению литовского летописного свода, ливонский магистр Андрих Стирланд в 1249 году посылал Миндовгу письмо с требованием принять «общую» христианскую веру (10). Это опять указывает на то, что вера Миндовга до его обращения в латинство была христианской, но другого обряда, который курия считала еретическим.

Можно также заключить, что знать ВКЛ ятвяжского и (или) прусского происхождения, которая понемногу славянизировалась, была двуязычной. Не вызывает сомнения, что Миндовг, его родственники и другие князья балтского происхождения хорошо знали язык Киевской Руси — так называемый «рюський». Помимо княжения их в славянских городах ВКЛ — Новогрудке, Полоцке, Витебске, Друцке — это подтверждает сохранившаяся грамота двоюродного брата Миндовга князя Герденя от 1264 года на «рюськом языке» (текст той же грамоты свидетельствует, что сам Гердень был христианином) (11).

Все многочисленные примеры языка литовских вельмож и великих князей XIII–XIV вв., содержащиеся в литовских летописях — это примеры «рюського» языка (он же — «старобеларуский»). Как раз в XIII–XIV веках он оформился в ВКЛ в официальный правительственный язык, и уже с середины XIV века

был известен под названием «литовского». Например, в 1351 году, как сообщает венгерская хроника, князь Кейстут произносил славянскую фразу на «литовском» (lithwanice) языке (12). В конце XIV века разговорный старобеларуский язык был повсюду известен как «литовский», начиная от великокняжеского двора ВКЛ и до зарубежья — на это указывают примеры именования старобеларуского языка «литовским» великим князем Ягайло (1387 г.), виленским епископом Андреем Василом (1398 г.), Энеем Сильвием в 1430-е гг. (13).

А во времена Миндовга, то есть в середине XIII века, среди балтской по происхождению знати ВКЛ сохранялось двуязычие, притом ятвяжский (или прусский) язык был еще и языком молитв (христианских!). По крайней мере, как следует из Ипатьевской летописи, молиться Миндовг предпочитал на ятвяжском языке. Видимо, этому обстоятельству он придавал какой-то священный смысл.

Сделанные нами выводы о христианской фразеологии Миндовга надо перенести на всех литвинов того времени, кто еще употреблял ятвяжский язык, а не перешел полностью на славянский. Те же самые слова мы встречаем под 1258 годом, во время прибытия войска литвинов в Вазвягль (на Волыни): «...хвалили богов своих, Андая и Дивирикса, и всех богов своих вспоминали, что есть бесы» («взывающе б(о)гы свое, Андая и Дивирикса, и вся б(о)гы свое поминающе рекомые беси» (14). «Андай» здесь — тот же «numons dajs», а «Дивирикс» является все тем же «Deiwe riks» («Господи Боже»).

Мы видим то же самое, или очень похожее изречение, но неточно записанное. В любом случае, его христианский смысл и сакральное употребление не вызывают сомнения. Отмеченная галицким летописцем связь этих изречений конкретно с литвинами («говорили по-своему» — «по своиcкы рекоуще») указывает на то, что данная фразеология была присуща литвинам, и летописец это знал. Но он, во-первых, не понимал (или делал вид, что не понимает) точного смысла этих слов, а во-вторых, старался преподнести данное выражение как «языческое».

Миндовг в бою
(«православно озабоченный» художник сделал князя похожим на древнего русича и, вдобавок, снабдил его православной хоругвью)

Можно допустить следующую последовательность событий:

До католического крещения и коронации в 1253 году Миндовг уже был христиани-

ном, притом исповедовал христианство по неканоническому (скорее всего богомильскому) обряду. Текст главной христианской молитвы «Отче наш» был давно переведен местными проповедниками на ятвяжский язык. Эту молитву на своем языке Миндовг знал если не с малолетства, то с молодости, и воспринимал ее как традицию. Отметим попутно, что родным языком Миндовга и его окружения (отмеченных в летописи литвинов) надо признать ятвяжско-прусский (западнобалтский), а не восточнобалтский (жамойтский), на котором указанное выражение звучит совершено иначе.

Курган Миндовга в Новогрудке (с картины XIX века)

После упорных попыток папской курии обратить Миндовга в латинство, он в 1253 году временно принял римскую веру. Однако его крещение, как отмечает летопись, «было обманным» («льстиво бысть»). Формально Миндовг стал католиком, а на самом деле продолжал исповедовать прежнюю веру – скорее всего, богомильство. Миндовг «чтил потаенно» («жряше в таине»), то есть тайно молился на своем родном языке: «numons dajs tawo walle, Deiwe riks».

То, что именно это выражение привел галицко-волынский летописец, говорит о том, что свидетелем молений Миндовга стал кто-то из Холма. Возможно, даже сам холмский епископ Иван, современник Миндовга, который был составителем этой части галицко-волынской летописи (Иван закончил ее в 1266 году в Холме), или кто-то из его ближайших соратников. Это вполне вероятно, учитывая оживленные связи между ВКЛ и Галицким княжеством в 1230–60-е годы (галицко-волынский князь Шварн в 1267–70 гг. занимал даже литовский великокняжеский престол).

Таким образом, либо эту молитву слышал кто-то из приближенных епископа Ивана, либо он сам, но так или иначе она попала в летопись. Обращает на себя внимание точный пересказ отрывка из молитвы Миндовга, пусть даже с полной потерей смысла. Видимо, информатор стал свидетелем частого повторения Миндовгом этих слов. Поэтому он их запомнил (или записал), а затем сообщил летописцу в Холме.

Трудно судить, знал ли информатор ятвяжский язык, и где произошла утрата смысла фразы. Но на каком-то этапе смысл был полностью утерян, ее стали воспринимать просто как набор фонем. Во всяком случае, редактор последней редакции текста летописи, дошедшей до нас, этого смысла не понимал. Если информатор точно передал слова моления Миндовга как «нумандай тавевалле дейверикс», то автор последней редакции летописи посчитал их именами каких-то «языческих божеств» («Нънадъеви, и Телявели и Диверикъзоу»). Это заблуждение сохраняется до сих пор.

ИСТОЧНИКИ:

1. Отрембский Я.С. Язык ятвягов // Вопросы славянского языкознания, 1961, вып. 5.

2. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. /Пер. В.Л. Янина, Л.М. Поповой, Н.И. Щавелевой/ М., 1987, гл. 132.

3. «Кр(еще)ние же его льстиво бы(сть). Жряше бо(го)мъ своимъ, в таине. Первомоу, Нънадъеви, и Телявели и Диверикъзоу»: ПСРЛ, том 2. М., 2001, стб. 817; ПСРЛ, том. 32. М., 1975, с. 133.

4. Narbutt T. Dzieje starozytne narodu litewskiego. T. I. Wilno, 1835, s. 465–468.

5. Топоров В.Н. Прусский язык. Словарь. A–D. М., 1975. с. 321–322.

6. «и погапьство свое яве творяше»: ПСРЛ, том 2, стб. 817.

7. Пануцэвіч В. Польская мова ў XIV–XVIII ст. і каталіцкі касьцёл у Вялікім княстве Літоўскім // «Наша вера», Минск, 1999, № 1 (7).

8. Ангелов Д. Богомильство в Болгарии. /Пер. с болг./ М., 1954.

9. Жлутка А. Міндаў, кароль Літовіі. Мн., 2005. с. 58–59, 77–78.

10. Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985, с. 91–100.

11. Русско-ливонские акты /Собр. К.Е. Напьерским/ СПб., 1868, № XXVa.

12. Латышонак А. Нацыянальнасьць – Беларус. Вільня, 2009, с. 86.

13. Прывілей 1387 г. /Пер. з лац. А. Ліцкевіч // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя. Том 3. Дадатак: А–Я. Мн., 2010. с. 426–427.

14. ПСРЛ, том 2, ст. 839.

Часть III
ПРОБЛЕМЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Нежеланная республика

Юрий Туронок

На протяжении столетий российский империализм стремился овладеть Беларусью и Украиной, без которых была невозможна его активная политика в Европе. После разделов Речи Посполитой, но особенно после восстаний 1831 и 1863 гг., началась планомерная русификация Беларуси, которая должна была увековечить господство России в этой стране. Официально не признавались беларуская нация и язык, что обусловило запрет печати – этой предпосылки национального сознания.

Однако в 1905–06 гг., в результате проигранной войны с Японией и революции, царизму пришлось либерализовать свою внутреннюю политику. И хотя беларуская нация и язык по-прежнему официально не признавались, все же были отменены ограничения на издательскую и культурную деятельность, что способствовало росту национального сознания.

Эти возможности успешно использовали деятели молодого беларуского национального движения, которое, несмотря на различные его недостатки, накануне Первой мировой войны стало заметным общественным фактором. Не случайно к тому времени основным направлением беларуской политической мысли была ориентация на автономию Беларуси в составе демократической России.

В результате военных событий в сентябре 1915 года Беларусь оказалась разделенной: примерно 25 % ее территории оккупировали немцы, а другая, значительно большая часть, осталась под властью России. На пространстве своей оккупации Германия быстро признала особенности беларуской нации и языка, что создало основу для развития беларуского школьничества, издательской деятельности, других ветвей общественной и культурной жизни.

В восточной части Беларуси такие возможности появились только в 1917 году, после Февральской революции. В марте этого года в Минске возник Беларуский Национальный Комитет, в июле его сменил более радикальный Совет беларуских партий и организаций, который в октябре реорганизовался в Великую Беларускую Раду (Совет), претендовавшую на верховное национальное представительство.

Однако, несмотря на декларированные Февральской революцией свободы, временное правительство в Петрограде игнорировало цели и деятельность Рады. Оно по-прежнему стояло на страже интересов «единой и неделимой» России. Премьер-министр Александр Керенский в ответ на выдвинутую Радой просьбу предоставить автономию Беларуси заявил: «Россия – не этнографический музей!»

Первый Всебеларуский съезд

Поэтому Великая Беларуская Рада надеялась, что в данной политической ситуации более реальным фактором решения вопроса беларуской государственности является национальная программа Ленина (самоопределение вплоть до отделения). Вскоре после Октябрьского переворота, в середине ноября 1917 года, Рада выдвинула предложение заключить мир с Германией, объединить оккупированные немцами западнобеларуские земли и создать Беларускую демократическую республику как составную часть советской России. Итак, Рада не осуществляла сепаратистских действий, в чем ее обвиняют беларуские советские историки.

Беларуская Народная Рада заседала в помещении городского театра

В этом плане особый интерес представляет Всебеларуский съезд, который был созван Великой Беларуской Радой и эсэровским «Белорусским Областным Комитетом» в декабре 1917 года в Минске. Съезд не завершил своей работы: председатель Совета Народных Комиссаров Западной области России Карл Ландер приказал распустить его. Это обстоятельство обусловило следующий, якобы логичный, тезис восточных и западных ученых: если съезд был разогнан большевиками, значит, он был антисоветским, антибольшевистским, а из этого делался элементарный вывод о буржуазных, сепаратистских и «незалежницких» устремлениях съезда.

Все же этот тезис приходилось иногда обосновывать, с чем «добросовестные» исследователи справлялись легко и достаточно успешно. Вот пример с западной стороны: в сборнике документов «За дзяржаўную незалежнасць Беларусі» (Лондон, 1960), отредактированном Радославом Островским (кстати, участником съезда), первый пункт резолюции, принятой делегатами съезда, приведен в следующем виде:

> «I. Замацоўваючы сваё права на самавызначэньне, абвешчанае расейскай рэвалюцыяй, і зацьвярджаючы рэспубліканскі дэмакратычны лад у межах Беларускай Зямлі, для ўратаваньня роднага краю і захаваньня яго ад падзелу, I Усебеларускі Кангрэс пастанаўляе безадкладна ўтварыць із сваго складу орган краёвае ўлады, які часова становіцца на чале кіраўніцтва краю, уваходзячы ў зносіны з цэнтральнай уладай».

В таком виде текст резолюции должен произвести впечатление, что съезд имел «незалежницкий» и сепаратистский характер. Следовательно, решение Ландера как противника независимой Беларуси, было вполне логичным и оправданным.

А теперь пример с восточной стороны. Вадим Круталевич в своей книжке «Рождение Белорусской Советской Республики» (Минск, 1975, с. 134) так представил цитированную резолюцию:

> «...съезд принял резолюцию о создании органа краевой власти «в лице Всебелорусского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» и «республиканского строя». Краевому совету должна была перейти власть в Белоруссии. Такое решение означало непризнание существующей Советской власти в Западной области. И не только непризнание, но и узурпацию власти. Этим решением съезд противопоставил себя Октябрьской революции» (с. 128).

По Круталевичу, иначе и быть не могло, поскольку «на съезде господствовали мелкобуржуазные партии, не признававшие новой власти».

Прежде чем высказать свои замечания, предложу терпеливому читателю полный текст принятого съездом первого пункта резолюции, выделив в нем те элементы, которые пропустили Островский и частично Круталевич:

> «I. Закрепляя свое право на самоопределение, провозглашенное Российской Революцией, и утверждая демократический республиканский строй в пределах Белорусской земли, для спасения родного края и ограждения его от раздела *и отторжения от Российской демократической федеративной Республики*, I Всебелорусский съезд постановляет: немедленно образовать из своего состава орган краевой власти *в лице Всебелорусского Совета Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов*, который временно становится во главе управления краем, вступая в деловые отношения с Центральной властью, *ответственной перед Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов*» («Белорусская Рада». 1917, № 12).

Как видим, съезд создал не буржуазный, а *советский* орган краевой власти и высказался он не за отделение, но *против отделения* Беларуси от РСФСР. А поскольку этот пункт резолюции был принят единогласно, то вывод Круталевича о том, что мелкобуржуазные партии, которые «господствовали» на съезде, не признавали советской власти, является необоснованным.

Соответствовали программе большевистской партии также проекты других пунктов резолюции съезда, в том числе: требование немедленной передачи земли трудовому крестьянству без выкупа, установление народного контроля над промышленностью и торговлей, вывод польских легионов (генерала Довбур-Мусьницкого) из Беларуси и т.д*. Особый интерес представляет проект резолюции о делегировании представителей Беларуси на мирные переговоры в Бресте, которые должны были бороться за ее территориальную целостность и против отделения от советской России. Но в связи с разгоном съезда, эти пункты резолюции не были поставлены на голосование.

---

* Довбур-Мусьницкий Юзеф (1867–1937) в 1917–18 гг. был организатором и командующим 1-го Польского корпуса в России. В начале 1918 г. после попытки большевистских властей разоружить корпус его командование не подчинилось их приказам, и на некоторое время поляки заняли ряд населенных пунктов в Восточной Беларуси.

О том, что Всебеларуский съезд не был антисоветским, сепаратистским и т.д., свидетельствуют также другие обстоятельства. Во-первых, разрешение и деньги на его проведение дал петроградский Народный Комиссариат Национальностей, которым руководил Сталин. Во-вторых, во время работы съезда председатель его президиума Савич обращался по прямому проводу к Сталину с вопросами и получал от него ответы, что свидетельствует о взаимных деловых отношениях (см.: «Белорусская Рада». 1917, № 10). И, наконец, третье важное свидетельство: уведомляя центральную власть в Петрограде о разгоне Всебеларуского съезда, Ландер не скрывал, что съезд высказался «в принципе за признание Советской власти» (см.: Турук Ф. Белорусское движение. Москва, 1921, с. 108).

Эти факты замалчивали и Островский, и Круталевич, чтобы доказать то, чего не было. Но при этом Островский стремился создать миф о «незалежницком» характере Всебеларуского съезда, а Круталевич подчинялся идеологическим требованиям «застойного» времени для оправдания русского шовинизма руководителей Западной области.

Большевик Карл Ландер (1883–1937), в ноябре 1917 — январе 1918 года председатель Совета народных комиссаров Западной области и Западного фронта РСФСР

В действительности съезд был разогнан за стремление создать в Беларуси свой, беларуский, орган советской власти, вместо претендующих на нее чужих комиссаров, которые и в дальнейшем не признавали беларускую нацию и, соответственно — ее право на самоопределение. Характерно, что такое стремление съезда Круталевич назвал «узурпацией».

Таким образом, среди беларуских политических деятелей, которые ориентировались на советскую власть, в декабре 1917 года возник первый кризис доверия к этой власти, поскольку ленинским декларациям не соответствовали практические действия, напоминавшие старую имперскую политику.

И ошибаются те историки и публицисты, которые считают, что разгон Всебеларуского съезда был результатом волюнтаризма или недисциплинированности большевистских деятелей Западной области. В Петрограде так не думали. Газета «Революционная ставка» писала 9 декабря 1917 года:

> «Наша партия никогда не стояла за разрушение создавшихся больших государственных организмов и создание мелких национальных республик. Наша партия в данном случае готова признать известные заслуги империализма (читай – российского. – *Авт.*), приведшего к созданию нового типа государства – наднационального государства»*.

Именно такую линию национальной политики большевиков вскоре подтвердили мирные переговоры в Бресте, во время которых беларуский вопрос делегаты Ленина вообще не обсуждали.

* «Революционная ставка» – большевистская газета, орган Военно-революционного комитета при Ставке верховного командования, с 19 декабря 1917 – Центрального комитета действующих армий и фронтов. Выходила ежедневно с конца ноября 1917 по конец февраля 1918 в Могилеве. Редактором газеты был С. Забков.

Отрицательное отношение большевиков к беларуской советской государственности в конце 1917 и начале 1918 года способствовало росту «незалежницкой» ориентации беларуских политических деятелей, хотя значительная, если не преимущественная их часть все еще ориентировалась на Ленина и Сталина.

Беларуская Народная Республика

18 февраля 1918 года немецкая армия перешла в наступление и за короткое время достигла Днепра, заняв более 85 % всей территории Беларуси. Немецкую политику в этом регионе определял подписанный 3 марта Брестский договор, по которому Беларусь рассматривалась как часть России и как своеобразный залог под контрибуцию, которую правительство РСФСР обязалось заплатить Германии (6 млрд. рублей золотом).

Однако, заняв 25 февраля Минск, немецкая X армия встретила там учрежденный Всебеларуским съездом орган краевой власти, который вышел из подполья и объявил себя временным правительством (Народным Секретариатом) Беларуси. Немцы отнеслись к нему так, как к правительству враждебного государства. Правда, Народный Секретариат не был разогнан, но была запрещена его деятельность, конфискована касса, а с его резиденции был снят бело-красно-белый флаг.

Вскоре после этого инцидента Народный Секретариат представил памятную записку командующему X армией, генералу Э. Фалькенхайну*. Требуя, между прочим, прояснить его отношение к делу беларуской государственности. Этот шаг имел важные последствия: хотя берлинское правительство и впредь официально не признавало БНР, командование оккупационных войск, возможно, по собственному почину, разрешило Народному Секретариату осуществлять государственную деятельность.

Генерал Эрих фон Фалькенхайн, командир X армии

Цели и направления этой деятельности отразила вторая уставная грамота Исполнительного Комитета Рады Всебеларуского съезда от 9 марта 1918 г. Грамота содержала основные принципы конституции Беларуси, в том числе ликвидацию частной собственности на землю и ее передачу без выкупа тем, кто на ней работает. Грамота впервые определила название государства как Беларуская Народная Республика, но обходила молчанием ее юридический статус, не меняя тем самым ее положения как составной части федеративной России. 18 марта Рада Всебеларуского съезда провозгласила себя Радой

* Фалькенхайн Эрих (1861–1922) – немецкий генерал, с 1918 командовал X армией, которая дислоцировалась на территории Беларуси.

БНР. Наконец, в ночь с 24 на 25 марта Рада БНР приняла третью уставную грамоту, которая провозглашала Беларусь независимым и свободным государством и сбрасывала «апошняе ярмо дзяржаўнай залежнасьці, якое гвалтам накінулі расейскія цары».

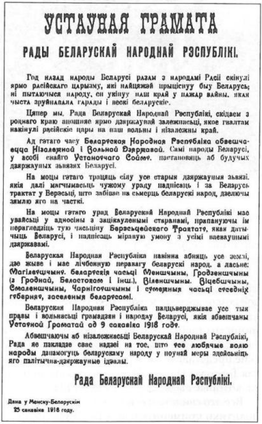
По Круталевичу, третья грамота была принята незначительным большинством голосов членов Рады БНР, что свидетельствует о все еще существовавшей значительной оппозиции по отношению к идее независимой Беларуси. Кстати, даже цитированное только что «ярмо» было царского происхождения, а это значит, что редакторы грамоты не решились ТАК сформулировать свое отношение к революционной России. Следовательно, симпатии членов Рады к новой России все еще оставались значительными.

Акт 25 марта отражал надежду Рады БНР на юридическое признание Беларуской Народной Республики правительством Германии и других государств. Однако и этот шаг не изменил позицию берлинских властей. В ответ на ноту Народного Секретариата канцлер Георг Гертлинг заявил, что Германия по-прежнему рассматривает Беларусь как часть России и, по Брестскому договору, не может без согласия правительства Ленина признать независимость Беларуси.

Безрезультатными были и другие попытки Рады БНР в этом направлении.

Ожидавшая изменений международной конъюнктуры и непризнанная Берлином Рада БНР пользовалась действенной поддержкой Фалькенхайна. С его ведома и согласия она начала организовывать свой аппарат местной власти.

Вскоре немцы передали в ведение правительственных органов БНР промышленность, торговлю, просвещение, гражданскую опеку и другие сферы. Ими руководил Народный Секретариат под контролем оккупационных властей. 27 мая Фалькенхайн принял представителей Рады и правительства БНР и заявил, что их деятельность «вскоре принесет Беларуси

УСТАЎНАЯ ГРАМАТА

РАДЫ БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАЙ РЭСПУБЛІКІ.

Год назад народы Беларусі разам з народамі Расіі скінулі ярмо расійскага царызму, які найцяжэй прыцісьнуў быў Беларусь; ні пытаючыся народу, ён укінуў наш край у пажар вайны, якая чыста зруйнавала гарады і вёскі беларускія.

Цяпер мы, Рада Беларускай Народнай Рэспублікі, скідаем з роднага краю апошняе ярмо дзяржаўнай залежнасьці, якое гвалтам накінулі расійскія цары на наш вольны і незалежны край.

Ад гэтага часу **Беларуская Народная Рэспубліка абвешчаецца Незалежнай і Вольнай Дзяржавай.** Самі народы Беларусі, у асобе свайго **Устаноўчага Сойму**, пастановяць аб будучых дзяржаўных зьвязях Беларусі.

На моцы гэтага траціць сілу усе старыя дзяржаўныя зьвязі, якія далі магчымасьць чужому ураду падпісаць і за Беларусь трактат у Берасьці, што забівае на сьмерць беларускі народ, дзелючы зямлю яго на часткі.

На моцы гэтага урад Беларускай Народнай Рэспублікі мае увайсьці у адносіны з зацікаўленымі старанамі, прапануючы ім перагледзіць тую часьціну **Берасьцейскага Трактату**, якая датычыць Беларусі, і падпісаць мiравую умову з усімі ваюючымі дзяржавамі.

Беларуская Народная Рэспубліка павінна абняць усе землі, дзе жыве і мае лічбенную перавагу беларускі народ, а ласьне: **Магілеўшчыну, беларускія часьці Меншчыны, Гродзеншчыны (з Гроднай, Белостокам і інш.), Віленшчыны, Віцебшчыны, Смаленшчыны, Чарніговшчыны і сумежныя часьці суседніх губерняў, заселеных беларусамі.**

Беларуская Народная Рэспубліка падцьверджывае усе тыя правы і вольнасьці грамадзян і народаў Беларусі, якія абвешчаны **Устаўной Граматай ад 9 сакавіка 1918 году.**

Абвяшчаючы аб незалежнасьці Беларускай Народнай Рэспублікі, Рада ўе пакладае свае надзеі на тое, што **усе любячые волю народы** дапамогуць беларускаму народу у поўнай меры здзейсьніць яго палітычна-дзяржаўные ідэалы.

Рада Беларускай Народнай Рэспублікі.

Дана у Менску-Беларускім
25 сакавіка 1918 году.

Третья уставная грамота Рады БНР

позитивные результаты», что эти деятели восприняли как намек на юридическое признание БНР.

Важнейшей сферой практической деятельности властей БНР были образование и культура. При Народном Секретариате Просвещения появились бюро для подготовки школьных учебников и общество «Прасьвета», занимавшееся их выпуском. Были организованы курсы для учителей и школьная инспекция, расширена сеть начальных и средних школ, в Минске создавался Педагогический институт, началась подготовка к открытию Беларуского университета, рабо-

Минск летом 1918 г. Торговые ряды

тали Беларуский театр, Товарищество драмы и комедии и другие учреждения культуры. Под контролем Народного Секретариата выходило рекордное для той поры количество беларуских газет и журналов. Беларуский язык впервые стал государственным.

Интересно заметить, что к компетенции Народного Секретариата относилась также сфера внешней политики. По его инициативе летом 1918 года немецкое командование начало переговоры с правительством РСФСР о присоединении к БНР заднепровских территорий, находившихся тогда под российской администрацией. По этому вопросу, а также с целью признания БНР в Москву ездила беларуская чрезвычайная комиссия. Были аккредитованы дипломатические представители БНР в нескольких странах, а в Киеве действовала Беларуская Торговая Палата. Граждане страны при выезде за границу получали паспорта, которые выдавались от имени БНР.

Все это свидетельствует, что в 1918 году существовали две тактики немецкой политики применительно к Беларуси: непризнание БНР в Берлине и одновременно ее создание под защитой X армии. Могло бы казаться, что это противо-

речивая политика, однако в действительности она отражала эволюцию немецких взглядов на беларуский вопрос. Занимая 25 февраля Минск, немцы были убеждены в неспособности беларусов к государственному строительству. Однако они обнаружили здесь динамичный беларуский центр, деятельность которого быстро пробуждала спавшие в народе национальные силы. Это повлияло на рост интереса к потенциальным возможностям беларуского движения. Более недоверчиво относился к нему официальный Берлин, зато настроения местной оккупационной администрации были более оптимистичными.

Характерно, что в справке о деятельности Народного Секретариата БНР за осень 1918 года, то есть за время последних месяцев немецкой оккупации, отмечалось:

«Установив власть, Германское Командование ограничило права Народного Секретариата, но в то же время Германское Командование считалось и считается до сих пор с Народным Секретариатом как с верховным органом Беларуси, неофициально признавая за ним все права, но официально, на основе Брестского Договора и права оккупации, держа все отрасли управления в военных руках. В последние месяцы длительные переговоры с Германским Командованием привели к тому, что торговля, промышленность (Торговая Палата), просвещение, почта, (внешние) сношения понемногу переходят в руки беларуских организаций. Мало того — Германское Командование потребовало, чтобы Народный Секретариат назначил своих советников (особые должности наблюдения) в Литовскую часть Беларуси (Волковыск и др.), а также и в Украинскую часть Беларуси (Брест-Литовск, Гомель и др.)*.

Антон Луцкевич (1884-1942), член Рады БНР, инициатор провозглашения независимости БНР 25 марта 1018 г. В октябре 1918 — феврале 1920 глава правительства БНР (председатель Рады народных министров)

Создание независимого беларуского государства отражало надежду Фалькенхайна на ликвидацию опасного российского клина, который, в соответствии с положениями Брестского мира, представляла Беларусь, и который разделял новые государства — с одной стороны Украину, с другой — Летуву, Латвию и Эстонию. В контексте этого политического стремления быстро уменьшалось значение тех факторов, которые раньше определяли равнодушие немцев к беларускому вопросу.

Профессор берлинского университета Фриц Куршман, который летом 1918 года посетил Беларусь и ознакомился с существующим положениям, не отрицал, что беларуский потенциал еще слаб, но одновременно видел быстрый его рост и созревание, а так-

* Архивы Беларуской Народной Республики. Т. 1. Кн. 1. Вильня и др., 1998, с. 268.

Обложка книги Вальтера Егера «Беларусь. Страна. Жители. История. Народное хозяйство. Культура. Поэзия» (Берлин. 1919 г.)

же восприятие населением. Видел он и недостатки Рады БНР, однако и в этом случае высказал убеждение, что «если беларусы уже сидят в седле, то научатся и ехать» (Deutsche Rundshau. B. 176. 1918, s. 274, 292). Кроме того, немцы сознавали пользу, которую давала БНР в их общей восточной политике.

Таким образом, поддержка Рады БНР и Народного Секретариата отражала стремление оккупационной администрации подготовить эти органы к тому, чтобы в подходящих условиях взять в свои руки реальную власть в Беларуси. По Куршману, Народный Секретариат «был резервным правительством, формальное признание которого зависело прежде всего от результата войны».

Дальнейшую судьбу БНР перечеркнуло поражение Германии на Западном фронте. Эта обстоятельство повлекло заключение 27 августа 1918 года соглашения с РСФСР, которое предусматривало досрочную эвакуацию немецких войск из районов между Днепром и Березиной.

Процесс эвакуации ускорила революция в Германии и ее капитуляция в ноябре 1918 года. В начале декабря немцы передали Минск советским властям, а Рада БНР и ее правительство эвакуировались в Гродно, где продолжали действовать до весны 1919 года, то есть до ухода немецких войск из этого региона.

Советское Великое Княжество Литовское

В то время, когда на оккупированной немцами Беларуси развивалось государственное строительство, советские власти не высказывали никакого интереса к созданию беларуского советского государства как противовеса для БНР.

Этой оценки не меняет деятельность созданного в начале 1918 года при Петроградском Народном Комиссариате его отдела – Комиссариата по делам беларусов (Белнацкома), который был предназначен главным образом для политической агитации среди населения заднепровских земель Беларуси и беларусов-беженцев в России.

Одним из важнейших направлений в агитационной деятельности Белнацкома было стремление дискредитировать молодое беларуское государство, которое возникало на территории, неподконтрольной властям РСФСР. В этой деятельности особенно отличился Дмитрий Жилунович (Цішка Гартны), который мог шельмовать БНР, убеждать беженцев в том, что «спасение Белоруссии – в единстве с русским народом», однако, кроме своих несомненно искренних

пожеланий не мог сказать ничего о том, как вопрос о беларуской государственности решает советская власть.

А она по-прежнему игнорировала этот вопрос на всех своих уровнях. Осенью 1918 года, когда Куршман с симпатией высказывался в берлинском журнале о национальном и государственном возрождении Беларуси, секретарь Северо-Западного областного комитета РКП(б) Вильгельм Кнорин заявил:

«Мы считаем, что белорусы не являются нацией, и что те этнографические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты» («Звезда». 1918. 6 октября).

С этих позиций эвакуированные в феврале в Смоленск руководители Западной области боролись с Белнацкомом, между прочим, ликвидировали его отделы в Смоленске и Витебске. Не лучше было и в столицах – Петрограде и Москве, где вопрос создания БССР не рассматривался центральными партийными и государственными органами почти до конца 1918 года. Факт, что в то время Беларусь находилась под немецкой оккупацией, не проясняет дело до конца, поскольку эта оккупация считалась временной.

Дмитрий Жилунович. С 1 января по 2 февраля 1919 г. — председатель Временного рабоче-крестьянского правительства советской Беларуси

Положение Жилуновича было достойно жалости. Ни его ссылки на декларации Ленина, ни верная служба советской власти, включая оплёвывание БНР, не смогли улучшить отношение верховных органов РСФСР к вопросу беларуской советской государственности. После V Всероссийского съезда Советов (июль 1918) и принятия конституции РСФСР Белнацком выступал с более скромным проектом. Если уж невозможно добиться признания БССР, то может быть создать «интернациональную» территориальную единицу путем переименования Западной области РСФСР в Беларуско-Литовскую область, что-то вроде советского Великого Княжества Литовского? Характерна и аргументация Белнацкома, которая исходила не из жизненных интересов беларуской нации, но из того, что таким образом легче будет парализовать действия «незалежников», когда Красная Армия вернется в Беларусь.

Однако в сентябре проект Белнацкома был отклонен III съездом Советов Западной области, после чего в октябре это его решение подтвердили и центральные власти РСФСР. Беларуская или Беларуско-Литовская Советская Республика по-прежнему была нежеланной.

Дело создания БССР внезапно оживилось только к концу декабря 1918 г., а предупредило это явление, о значении которого мы можем судить только приблизительно. В середине октября, когда завершился первый этап эвакуации немецкой армии из Беларуси, в Минске была сформирована новая Рада Министров БНР с социал-демократом Антоном Луцкевичем в качестве премьера. Поскольку готовился очередной этап отступления немцев, члены нового кабинета не могли не понимать, что дни Беларуской Народной Республики уже сочтены, а ее альтернативой может быть только Беларуская Советская Республика. Впол-

не логично Рада БНР и ее правительство считали возможными переговоры с правительством РСФСР, которое пока что не было связано признанием альтернативной (советской) беларуской государственности.

Как сообщил Вацлав Ивановский – тогдашний министр просвещения БНР, – в ноябре 1918 года Луцкевич выехал в Москву с целью изложения Ленину концепции создания коалиционного правительства советской Беларуси, в которое входили бы коммунисты (группа Жилуновича) и социал-демократы – представители Рады БНР («Запісы». Кн. I. 1962, с. 160–162). Можно не сомневаться, что авторы проекта, рассчитывая на его одобрение, надеялись обеспечить преемственность беларуской государственности, ускорить признание руководителями РСФСР Беларуской Советской Республики и ее правительства как легитимного преемника БНР и спасти от разрушения достижения БНР в области национального строительства (просвещения, культуры и т.п.).

Эта, казалось бы, неправдоподобная поездка Луцкевича в Москву пока что подтверждается только его интервью, опубликованным в петроградском «Чырвоным Шляху» (1918. 30 ноября), в котором, однако, не упоминалось о переговорах с властями РСФСР. Нам неизвестно, каковы были их результаты. Однако отрицательная оценка Луцкевича в «Чырвоным Шляху» и дальнейший ход событий убеждают, что отношение властей РСФСР к предложению правительства БНР было таким же, как и к предложению Белнацкома. Об этом, между прочим, свидетельствует телеграмма Ленина, посланная в конце ноября главнокомандующему И. Вацетису:

> «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет и ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать продвижение наших частей как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск».

Об отрицательном отношении руководителей РСФСР к вопросу создания Беларуской ССР свидетельствует также осуществление цитированного ленинского указания. 10 декабря немцы передали Минск советским властям, однако ни тогда, ни в следующие дни не была провозглашена БССР, не было создано ее правительство. Зато правительство советской Летувы было создано в Вильне уже 8 декабря, когда Красная Армия находилась еще далеко от ее столицы.

Одновременно, начиная с 12 декабря, советские органы в Минске организовали ряд резолюций, обращений и высказываний относительно объединения Беларуси и Летувы (см.: Круталевич В. Рождение Белорусской Советской Республики, с. 121–122). Вся эта акция была инспирирована сверху (такая же акция проводилась и в Летуве), а это дает основание полагать, что для властей РСФСР более привлекательной была идея советской Литвы, в состав которой вошла бы часть территории Беларуси. В таком «интернациональном котле» беларуский национальный вопрос не представлял бы неугодную проблему. Кроме того, восточные пространства Беларуси могли бы остаться в границах России.

В таких условиях принятое в конце декабря решение ЦК РКП(б) о провозглашении БССР было не только неожиданным, но и сенсационным. Что повлияло на столь внезапное и радикальное изменение политического курса в вопросе бе-

ларуской государственности? Ведь после отступления немцев в Минске осталась «левая» часть Рады БНР и ее правительства, которая все еще считала возможным создание коалиционного правительства советской Беларуси.

Однако эти надежды БНРовских политиков окончились их арестом. Тем самым советские власти отвергли последнюю попытку сотрудничества социал-демократов с коммунистами. В результате, вскоре после эвакуации в Гродно правительство БНР развернуло дипломатическую кампанию, протестуя против большевистской оккупации Беларуси, а поскольку не существовали ни БССР, ни ее правительство, эти протесты были обоснованными с точки зрения международного права.

Такой ситуации Ленин не желал и, возможно, не предугадал. Пришлось исправлять ошибку, что и выполнил Сталин свойственными ему методами. В течение буквально нескольких дней было сделано все необходимое: организована «воля народа», переубеждены руководители Западной области РСФСР, подготовлен манифест и определен личный состав правительства с Жилуновичем как премьером. Церемония произошла в Смоленске, и 1 января 1919 года был обнародован манифест, провозглашавший создание независимой Беларуской Советской Республики. Было принято постановление и об ее территории, которая охватывала Минскую, Гродненскую, Могилевскую, Витебскую и Смоленскую губернии. Теперь протесты БНР были уже безопасны – мир мог убедиться, что оккупация Беларуси московскими большевиками – это «злостный вымысел националистической контрреволюции».

Правительство ЛитБел ССР (1919 г.)

Однако как только Жилунович со своим правительством приехал в Минск, оказалось, что от этого независимого государства осталось одно красивое воспоминание. 16 января 1919 года ЦК РКП(б) с участием Ленина принял решение об отделении от БССР Витебской, Могилевской и Смоленской губерний и их присоединении к РСФСР. А две оставшиеся губернии – Минская и Гродненская – должны были объединиться с Литвой и создать новое административное формирование – Литовско-Беларускую Советскую Республику (Литбел). Это решение означало ликвидацию БССР.

В отличие от современных историков, тогдашний председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Яков Свердлов не скрывал, что мотивом этого объединения было «стремление ЦК обезопасить эти республики от возможности проявления в них национально-шовинистических устремлений» (Круталевич В., с. 188). А это значит, что не произошло никакого изменения курса ленинской партии в беларуском вопросе, который по-прежнему игнорировался.

Возникает вопрос, зачем руководителям РСФСР понадобилось создавать БССР, которая ликвидировалась едва ли не в день своего рождения? Видимо потому, что кроме упомянутых внешнеполитических обстоятельств, провозглашение этой независимой республики дало им и другие выгоды. Теперь, когда уже как бы «существовала» БССР, ленинский план ее ликвидации можно было провести руками «суверенных» органов самой республики от имени «свободного беларуского народа». Опять же именем этого народа прикрывались разгром достижений БНР в области национального просвещения, ликвидация всех беларускоязычных газет и журналов, изгнание беларуского языка из государственного употребления, словом, все тех «национально-шовинистических устремлений», о которых говорил Свердлов.

А что Жилунович, один из «отцов» БССР? Он, кажется, понял свою холуйскую роль. Старался спасти от погрома российских шовинистов долгожданную республику, не соглашался и протестовал против осуществления «ленинской национальной политики». Наконец этот трагический премьер якобы свободного государства был арестован — тоже «именем беларуского народа»*.

Осуществление решения ЦК РКП(б) от 16 января 1919 года о ликвидации только что провозглашенной БССР по сути не требовало никаких практических действий. Опубликованный 1 января 1919 г. «манифест» Жилуновича оказался бумажной декларацией, а не исходным пунктом реального строительства беларуской советской государственности. Требовалась только формальная процедура, которая «именем беларуского народа» одобрила бы решение ЦК о судьбе беларуской государственности. С этой целью был организован так называемый первый «Всебелорусский съезд Советов», который состоялся 2–3 февраля 1919 года в Минске.

Съезд как «верховная власть суверенного государства» принял конституцию БССР, какая законодательно закрепляла рождение беларуской советской государственности, и одновременно признал необходимым ликвидацию этой государственности! В частности, съезд высказался за передачу России Витебской, Могилевской и Смоленской губерний, то есть большей части территории республики, и слияние остатков ее территории с советской Летувой. Фактически, таким остатком была только одна Минщина, поскольку на Гродненщине еще находились немцы, а вся Виленщина еще раньше считалась территорией Летувы. Решение съезда предопределило жесткое подавление оппозиции беларуских коммунистов**, после чего армянин Мясников и ему подобные представители «беларуского народа» могли удовлетворить требования Ленина***.

Провозглашенное 28 февраля 1919 года новое административное образование — «Литовско-Белорусская Советская Республика» (Литбел) — ничем не напоминало беларуское государство. В его руководящие органы — Центральный Исполнительный комитет и Совет Народных Комиссаров — вошли русские, ев-

---

* Здесь автор неточен. Дмитрий Жилунович не арестовывался большевиками в 1919 г. Но 8–10 февраля 1919 года были арестованы другие три члена Временного рабоче-крестьянского правительства БССР — беларусы Язеп Дыла, Всеволод Фальский и Фабиан Шантырь. — *Прим. ред.*

** Имеется в виду арест Я. Дылы, В. Фальского и Ф. Шантыря.

*** Мясников (Мясникян) Александр (1886–1925) — советский партийный и государственный деятель, в 1918–19 гг. фактический руководитель советских властных структур на территории Беларуси.

рейские, польские и несколько летувисских коммунистов, но беларусов среди них не было*.

Несмотря на то, что в состав Литбел входила только небольшая часть беларуской территории, и далее продолжалась ее передача России. Так, в марте 1919 г. властями Литбел были переданы РСФСР Рогачевский и Дисненский уезды, входившие в Минскую губернию (Кругалевич, с. 54).

Свидетель тогдашних событий А. Григорьев писал об этой Литовско-Беларуской республике:

> «...началось преследование всего белорусского. Белорусское национальное движение было объявлено «буржуазным предрассудком», в белорусских школах был введен русский язык, все белорусское – книгоиздательство, курсы, театр, хор были национализированы и очень скоро сведены на нет» («Варшавское Слово», 1920, 2 мая).

Однако такое положение существовало недолго. Весной 1919 года началось наступление польских войск, которые 21 апреля захватили столицу Литбел – Вильню. Тогда же было оглашено воззвание Юзефа Пилсудского, в котором подчеркивалось, что польская армия является не оккупантом, но освободителем и гарантом свободного решения населением Летувы и Беларуси своей судьбы.

Юзеф Пилсудский в Минске 19 сентября 1919 г.

Никакой Беларуси!

Потеря Вильни и воззвание Пилсудского произвели значительное впечатление на Москву. В частности, воззвание, адресованное «К жителям Великого Княжества Литовского», восприняли там как стремление поляков воссоздать историческую федерацию Польши с Летувой и Беларусью. Ее успешное осуществление способствовало бы присоединению Украины и созданию под эгидой Польши крупной конфедерации восточноевропейских народов, способной противостоять российскому и немецкому империализму. Такая перспектива угрожала интересам России, тем более, что нельзя было исключить возможности ее поддержки беларускими политическими деятелями, разочарованными враждебным отношением властей РСФСР к беларуской государственности.

Поскольку силы Красной Армии были недостаточны для остановки наступления польских войск, пришлось использовать дипломатические возможности. С такой целью 17 июля 1919 года уполномоченный Ленина, Юлиан Мархлев-

* Среди всех членов правительства Литбел беларуское происхождение имел только комиссар путей сношений Иван Савицкий, который родился в 1887 г. в деревне Козино Слонимского уезда в крестьянской семье. Однако свое беларуское происхождение он никогда и нигде не демонстрировал, потому утверждение автора об отсутствии в руководстве Литбел беларусов можно считать верным. – *Прим. ред.*

ский, перешел линию советско-польского фронта. Быстро он был доставлен в Беловежье, а затем в Микашевичи, где происходили переговоры*.

Переходу Мархлевского через линию фронта предшествовало важное событие: 16 июля ЦК компартии Литвы и Беларуси принял решение о роспуске правительства Литбел, что соответствовало фактической ликвидации этой республики. Этого требовал Сталин, который в середине июля прибыл в Минск, где находились эвакуированные из Вильни власти Литбел.

Требование Сталина свидетельствует однозначно о том, что решение о ликвидации Литовско-Беларуской республики, как и об ее создании, принимала Москва, а не местные органы советской власти и, тем более, не народ. К тому же это важное решение было принято скорее всего в первые дни июля, когда значительная часть территории Литбел еще не была оккупирована польскими войсками — Минск они захватили только через месяц (8 августа), а до реки Березины, где фронт стабилизировался, дошли еще позже.

Дело выглядит так, что, не имея возможности помешать наступлению поляков, власти РСФСР заранее готовились отдать им те части беларуской и летувиской территории, что входили в состав Литбел, а ликвидация этой республики должно была облегчить переговоры. Теперь, когда Литовско-Белорусская советская республика исчезла с карты Европы, Мархлевский мог свободно договариваться с представителями Польши о судьбе Летувы и Беларуси не как «суверенных государств», но как территорий с неопределенным государственным статусом. В зависимости от конкретного военно-политического положения они могли быть переданы в сферу влияния Польши или России, или разделены между ними. Об этом свидетельствует следующее заявление Мархлевского, сделанное в конце июля в Беловежье:

> «Ленин ясно сказал: «Если бы поляки имели намерение провести плебисцит в Литве и Беларуси, то не разойдемся относительно того, как этот плебисцит будет проведен; также не разойдемся относительно судьбы Белоруссии» (Гарлицкий А. Пилсудский — Ленин // «Polityka», 1987, 27 июня).

Все же Ленин переоценивал намерения и возможности Пилсудского.

Вскоре выяснилось, что, захватив Вильню, он уважил суверенитет независимой республики Летувы, видимо, в надежде на добровольную поддержку ею федеративной идеи. Таким образом, идея плебисцита в Летуве становилась бессмысленной.

С другой стороны, это обстоятельство давало советской России возможность дифференцированного отношения к отдельным потенциальным членам проектируемой федерации. Первым шагом стала ставка на устранение Летувы из этой федерации, что требовало поддержки стремления литовской Тарибы к независимости, несмотря на ее «буржуазный» характер. 4 сентября 1919 года правительство РСФСР предложило правительству Летувы начать переговоры о взаимных отношениях, в результате чего 4 апреля 1920 года оно юридически призна-

* Переговоры, которые продолжались до 15 декабря 1919 г., не привели к заключению соглашения, которое бы каким-то образом обязывало стороны. Был подписан только документ о двустороннем обмене заложниками.

ло республику Летуву, тем самым отказавшись от концепции литовской советской государственности.

Однако же ликвидация Литбел означала формальный отказ Москвы и от беларуской советской государственности, что, кстати, соответствовало ее фактическому отношению к этому вопросу до и после Октябрьской революции. В отличие от Летувы, не признавалась также и «буржуазная» государственность Беларуси. Короче говоря, Россия не хотела никакой Беларуси — ни советской, ни «буржуазной».

Не случайно в повестке переговоров был в этом деле только один вопрос — удовлетворит ли поляков в обмен на мир та часть беларуской земли, что находилась в составе Литбел. Теперь нетрудно представить, что целью присоединения трех восточных беларуских губерний, утвержденного по требования Ленина первым «Всебелорусским съездом Советов», было их «обеспечение» от возможных польских претензий, как «истинно русских» территорий, что уже тогда отражало намерение Ленина о разделе Беларуси между Польшей и РСФСР.

Члены Тарибы (1918 г.).
Второй слева ее генсек Юргис Шаулис (в очках)

Такая концепция решения беларуского вопроса оставалась неизменной в течение многомесячных советско-польских переговоров. По свидетельству участников польской делегации, в октябре 1919 года Мархлевский от имени Ленина по-прежнему заявлял о незаинтересованности Беларусью и о том, что между Польшей и РСФСР нет никаких спорных территориальных проблем, а Польша получит все, что пожелает.

Наконец, с ноября 1919 до февраля 1920 года советское правительство России несколько раз предлагало Польше мир с вечной границей по рекам Двина — Ула — Березина — Птичь.

Провал федеративных планов

На этой линии польская армия стояла почти год, но Пилсудский не решался ни на мир, ни на дальнейший поход на Витебск, Могилев и Смоленск. Каковы же были причины такого положения? Польские историки утверждают, что, стабилизируя военные действия, Пилсудский стремился помочь большевикам в их борьбе с отечественными и зарубежными противниками советской власти, поскольку считал, что белая Россия опаснее для Польши, чем красная.

* Литовская Тариба (Совет) была создана в сентябре 1917 и играла роль верховного органа власти в Летуве. Существовала до мая 1920. 16 февраля 1918 она объявила независимость Летувы. Деятели Виленской Беларуской Рады сотрудничали с Тарибой и даже кооптировались в ее состав.

Казалось бы, что при таком отношении к большевикам Пилсудский мог согласиться с предложениями Ленина и заключить мир с очень выгодной для Польши восточной границей, которую бы не усложняла никакая Беларусь. По мнению историков, отказ Пилсудского отражал его стремление реализовать федеративный замысел, который включал не только литбеловские остатки беларуской земли, но всю Беларусь с Витебском, Могилевом, а может, и Смоленском. Летом 1919 года такую концепцию одобряли почти все беларуские партии и организации, которые, вследствие нигилистического отношения советской власти, считали ее единственной реальной альтернативой решения вопроса о беларуской государственности.

Непоследовательную позицию Пилсудского умело использовала Москва. Поскольку стабилизация польского фронта на Березине способствовала победам Красной Армии на других фронтах гражданской войны, можно было не волноваться и продолжать мирные переговоры. Зато требовалось всеми средствами бороться с федеративными планами Пилсудского, прежде всего используя польско-беларуские противоречия. Об этом убедительно свидетельствует поддержка, оказанная республике Летуве, что в значительной мере повлияло на ее отрицательное отношение к идее федерации с Польшей.

В Беларуси такую операцию можно было реализовать меньшей ценой. Этому способствовали три фактора: контрибуции и грабежи польских войск, реставрация конфискованной помещичьей собственности и эгоистичные, недальновидные действия польской администрации в области национальной политики. Все это дискредитировало официальные заявления Пилсудского, вызвало обоснованное недовольство беларуского населения и политических деятелей, которых легко было склонить к активным антипольским выступлениям.

Здесь важную роль сыграла Партия беларуских социалистов-революционеров (эсеров)*, программные требования которой были близки большевистским лозунгам, хотя и сочетались с идеей независимой Беларуси. Эсеры, которые еще в августе приветствовали Пилсудского в Минске, быстро договорились с советскими властями и осенью 1919 года заключили с ними в Смоленске договор о сотрудничестве. По договору, эсеры получили советскую материальную поддержку и развернули агитацию и партизанскую борьбу против польских оккупантов. Преимущественной была роль эсеров в беларуских общественных и культурных организациях и, в частности, в восстановленной Раде БНР, что в декабре 1919 года привело ее к расколу**.

---

* Партия беларуских социалистов-революционеров (БПСР) образовалась в результате раскола Беларуской Социалистической Громады в 1918, действовала до 1924.

** Имеется в виду раскол Рады БНР 13 декабря 1919 на Народную Раду во главе с Петром Крачевским и Наивысшую Раду во главе с Антоном Луцкевичем. Сторонники первой заняли антипольскую позицию, а деятели второй не решились в тех условиях на разрыв с Польшей. Луцкевич сказал:

«Пасьледзтвы паўстаньня проці польскай акупацыі пры гэткай непадгатоўленасьці і без заручкі са стараны бальшавікоў і літвіноў маглі бы быць катастрафальнымі, бо вызвалі бы б пагалоўныя рэпрэсіі са стараны палякаў проці ўсяго беларускага, як «бальшавіцкага», зьнішчылі і так слабую нашу нацыянальную работу и той адпор, каторы мы сяк так даем ладжанаму плебісцыту і панаваньню польшчыны, а ўрэшці аканчацельна пахаранілі бы наше дело в глазах Антанты и помогли б паляком получить от ее мандат на «ўпарадкаваньне» Ўсходніх Зямель, чаго палякі цяпер асабліва дабіваюцца». (Архівы Беларускай Народной Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1. 1998, с. 599–600).

Если беларуские эсеры считали большевиков своими союзниками, то большевики трактовали их чисто инструментально – как помощников в осуществлении своих планов. Оппозиционная деятельность эсеров быстро вызвала жестокие репрессии польской администрации, что способствовало не только активизации антипольского подполья, но и политической дискредитации тех беларуских групп, которые все еще ориентировались на Польшу. В результате, в условиях возрастающей взаимной враждебности, в начале 1920 года не было уже реальных факторов для реализации федералистского замысла, который сам Пилсудский позже оценил как «беларускую фикцию»*.

Провал федеративных планов явился важным достижением Москвы, которая умело разыграла карту польско-беларуских противоречий.

Рижский договор

4 июля 1920 года началось наступление Красной Армии на Западном фронте, и уже 11 июля полякам пришлось оставить Минск. Опять возвращалась в Беларусь советская власть, однако о беларуской советской государственности пока что речи не было. Зато через день – 12 июля – был подписан советско-летувиский договор, по которому Летуве передавалась значительная часть западной Беларуси**. Как видим, Москва по-прежнему удовлетворяла территориальные претензии соседей за счет Беларуси.

На этот раз использовалась концепция «Литбел наизнанку», которая могла способствовать антагонизации беларуско-литовских отношений и, таким образом, предотвратить возможный беларуско-литовский союз. А такая возможность не исключалась, поскольку в Ковно (Каунасе) оказался председатель Рады БНР Вацлав Ластовский и другие эсеровские деятели, которые преследовались польской администрацией в Минске.

Новым положением в Беларуси больше всех были разочарованы эсеры, которые, согласно со Смоленским договором, рассчитывали на продолжение конструктивного сотрудничества с большевиками и на участие в правительстве БССР. Вскоре отправился в Москву заместитель председателя Рады БНР Василий Захарко, который 17 июля 1920 года подал народному комиссару иностранных дел РСФСР Георгию Чичерину ноту***. Поскольку этот интересный документ опубликовали Витовт и Зора Кипели в сборнике «Беларуская дзяржаўнасць» (Нью-Йорк, 1988, с. 94), процитируем только его фрагменты, наиболее характерные для эсеровской точки зрения:

---

* Имеется суждение, что Пилсудский с самого начала придерживался федералистской концепции только из тактических соображений. Об этом, помимо прочего, свидетельствует его высказывание в письме, отправленном Леону Василевскому 9 апреля 1919: «Не хочу быть ни империалистом, ни федералистом, пока нет возможности говорить об этих делах более-менее серьезно... Из-за того, что на Божьем свете начинает, кажется, побеждать болтовня о братстве людей и народов, и американские доктринки, охотно склоняюсь на сторону федералистов». Pilsudski J. Pisma zbiorowe. T. V Warszawa, 1937, s. 73.

** По этому договору, советско-литовская граница должна была проходить в непосредственной близости от таких беларуских городов, как Гродно и Молодечно.

*** Чичерин Георгий (1872–1936) – нарком иностранных дел РСФСР (с 1922 – СССР) в 1918–30 гг.

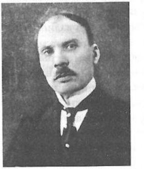
«Ради достижения национально-политического возрождения, веками угнетенный белорусский народ пошел на открытую борьбу со всеми насильниками трудового народа. Он глубоко верил, что в этой борьбе за уничтожение ненавистного угнетения поработителей и эксплуататоров и (за) свое законное возрождение, он найдет мощную поддержку во всем российском пролетариате и прежде всего в Коммунистической партии.

К сожалению приходится констатировать, что эти надежды совсем не осуществились. Если тщательно проанализировать отношение России к Белоруссии, то невольно приходится прийти к достаточно печальным результатам. Все они были такого содержания, что в конце концов только отталкивали, а не приближали к себе белорусский народ. <...>

Приближаясь к третьему приходу советской власти в г. Минск и активно помогая ей в борьбе с Польшей, руководящая трудовым белорусским народом большая часть социалистических партий имела глубокое убеждение в том, что на этот раз советская власть не допустит предыдущих ошибок и встанет на новый путь братского отношения к трудовому белорусскому народу. При таком отношении советской власти трудовой белорусский народ с готовностью пошел бы на верную и честную связь с ней.

Удовлетворение законных стремлений белорусского народа дало бы советской власти также поддержку и со стороны политических группировок, стоящих за политическую независимость Белоруссии и национально-культурное возрождение ее.

Этой новой эры ждал с нетерпением весь беларуский народ, который даже не допускал мысли, что советская власть освободив Белоруссию из-под угнетения Польши может отдать хотя бы часть ее в пользование другому соседу. Однако подписанное мирное соглашение с Литвою вышеупомянутые надежды еще раз разбила и белорусский народ имеет несчастье быть свидетелем того акта, который ему казался совсем недопустимым и невозможным. <...>

Василий Захарко

Настолько несправедливое и незаслуженное отношение к белорусскому народу нанесло новый удар третьему моменту сближения Белоруссии с Советской Россией и вместе с тем, оно кладет начало новому разделу Белоруссии и отдает беларускую революционную демократию на ослабление ее сил, вредное интересам социальной революции.

Являясь полномочным представителем Белорусской Народной Республики я, от имени моего народа, состоящего в большинстве из левых белорусских социалистов, вступивших в революционную борьбу за освобождение Белоруссии от всех оккупантов, считаю своей обязанностью заявить перед правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики решительный протест против уступки клерикально-буржуазной Литве белорусской территории.

Хочу верить, что такой несправедливый по отношению к белорусскому народу акт не получит окончательного утверждения и что с окончательной победой Красной Армии Советской России над панской Польшей освобожденному трудовомму белорусскому народу будет дана независимость ради реальной возможности осуществления национально-политического и социального возрождения.

Председатель Чрезвычайной Дипломатической Миссии
Заместитель председателя Рады БНР
В. Захарко»

Эта нота протеста не изменила решения Москвы относительно подаренных Летуве беларуских земель, но, возможно, не была совсем безрезультатной. В частности, Захарко считал, что его нажим на Чичерина, помимо «внешних обстоятельств», повлиял на решение советских властей о повторном провозглашении БССР. Все же следует заметить (если Захарко не ошибался), что такое решение Москвы мало чего стоило, поскольку не изменило ее прежнего отношения к этому вопросу.

Об этом свидетельствует сама процедура создания якобы «независимого государства». Прежде всего рассмотрим вопрос, кто и как его образовал? По Круталевичу, 31 июля 1920 года в Минске собрались представители четырех организаций – компартии Литвы и Беларуси, профсоюзов, Беларуской коммунистической организации* и Бунда** и подписали «Декларацию о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии», которая объявила о возобновлении беларуской советской государственности (Круталевич, с. 108).

Как видим, юридическое обоснование этого акта была несравнимо с провозглашением независимости БНР, которое советские историки оценивают как «неправомочное». Чем же тогда, если не насмешкой, стало второе объявление БССР, которое в случае нужды легко было признать неправомочным или каким-то банальным недоразумением?!

Фиктивность юридического статуса БССР подчеркивал другой факт: летом 1920 года не было создано правительство республики, вместо него в Минске появился Военно-революционный комитет с компетенцией губернского органа власти. Все это свидетельствует о колебаниях и неуверенности руководящих органов РСФСР относительно судьбы Беларуси. Однако на всякий случай была очерчена ее территория в составе 18 уездов Минской и Гродненской губерний. Большая часть восточной Беларуси по-прежнему оставалась в России, а беларуские районы Виленщины – в Летуве.

Карикатура в связи с Рижским договором

После поражения Красной Армии под Варшавой во второй половине августа началось контрнаступление польских войск, которое продолжалось до 18 октября. В результате его 12 уездов новой Беларуской ССР попали на польскую сторону, и только 6 – на советскую (Минщина).

* Беларуская коммунистическая организация (БКА) – беларуская политическая организация коммунистического направления, существовавшая в январе – августе 1920. Добивалась восстановления БССР, которая строила бы свои отношения с РСФСР на федеративных основах. Председателем БКА был Всеволод Игнатовский. 20 августа она вошла в состав КП(б)Б.

** Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз) – социал-демократическая еврейская организация, действовавшая с 1897. В Восточной Беларуси существовала до второй половины 1920-х, в Западной – до 1939.

В такой ситуации произошел случай, о котором молчит советская историография, но который красноречиво отражал отношение советской России к беларускому вопросу. В начале мирных переговоров в Риге председатель советской делегации Адольф Иоффе склонялся отдать под власть Польши ВСЮ Беларусь в обмен на признание поляками советской Украины (Dabski J. Pokoj Ryski. Warszawa, 1931, s. 78). Поскольку «вся Беларусь» состояла на тот момент из 18 уездов, это предложение означало возможность передачи Польше оставшихся незанятыми польскими войсками 6 уездов Минщины и готовность РСФСР избавиться от «беларуского вопроса».

Возможно, это был один из парадоксов истории: большинство делегации Польши, не одобрявшее федеративной концепции пилсудчиков, отказалось от предложения Иоффе. Это решение повлияло на судьбу БССР, а возможно, даже определило ее существование. Только отсюда начался реальный процесс создания республики – надо же было что-то делать с шестиуездной Минщиной, которая, благодаря полякам, осталась на советской стороне линии фронта.

По этой причине БССР не стала участником позорного Рижского договора, поскольку была не субъектом, но предназначенным к ликвидации предметом торга на мирной конференции. Позднейший советский интерес к юридическому признанию БССР Польской Республикой был всего лишь последствием решения ее будущего в Риге.

(1989 г.)

25 марта: истоки национального праздника

Андрей Вашкевич, Андрей Чернякевич

Как известно, утром 25 марта 1918 года «после долгих и бурных споров» на пленарном заседании Рады Беларуской Народной Республики большинством голосов, которое составили в основном члены Беларуской Социалистической Громады, была принята декларация («Третья Уставная грамота») о «Нізалежнай і Вольнай Дзяржаве».

Вот как вспоминал это историческое событие один из непосредственных участников заседания Рады БНР Антон Луцкевич:

> «И вот началась настоящая баталия! 12 часов продолжалась она. Первую атаку начали земцы. Неискренними, фальшивыми выглядели и речи бундовцев, которые стояли за единство с Россией «во имя интересов крестьянства». Атмосфера становилась все более тяжелой. Возрастала нервность ораторов, и часто падали резкие слова то с одной, то с другой стороны.
>
> Наконец наступил положительный момент: голосование. Новые попытки сорвать дело, новые «отводы» со стороны врагов независимости: напрасно!
>
> Около шести часов утра председатель ставит на голосование формулу: «Рада Республики провозглашает Беларусь независимым и суверенным государством и издает об этом Уставную грамоту».
>
> Хотя ясно для всех, что победа обеспечена, все же глубокая тишина царит в зале, пока считают голоса. Каждый чувствует, что вот сейчас должно что-то произойти — нечто важное, исключительное, такое, что дважды не повторяется. Каждый понимает, что призыв, который сейчас примет или отвергнет Рада, — это призыв к новой, свободной жизни, это заповедь ясной судьбы для всего многострадального беларуского народа...
>
> И оно произошло: новая идея родилась. Огромным перевесом голосов формула принята! Радостными кликами нарушается тишина. Начинаются горячие овации.
>
> «Новый свет родился на Беларуси! — восклицает кто-то в экстазе» (1).

Как видим, было столкновение взглядов, мыслей, даже общественной позиции (по воспоминаниям А. Луцкевича, Доминик Семашко, приехавший вместе с ним из Вильни, на заседание Рады не явился, ибо опасался отрицательной реакции немецких властей); происходил эмоциональный подъем, ломались стереотипы. Вот что писал по этому поводу Митрофан Довнар-Запольский:

> «Жребий брошен! Великий акт в жизни нашего народа осуществился: Беларусь провозглашена своим временным правительствам независимой республикой. У каждого беларуса при этой вести радостно забьется сердце. Бездна тревожных и светлых вопросов промелькнет в голове каждого из нас: имеем ли мы право на такой шаг, вовремя ли этот шаг сделан и — главное — что ждет наше Отечество впереди?» (2).

А. Вашкевич — историк, краевед. А. Чернякевич — историк, автор монографии «Беларуское национальное движение в Гродно (1918–1920 гг.)».

Из журнала «Arche», 2007, № 11. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

3 апреля 1918 года Язеп Мелешко (один из псевдонимов А. Луцкевича) поместил в газете «Гомон» статью «Строительство государственной жизни» в которой обратил внимание читателей на важную проблему:

«Объявление независимости Беларуси актом 25 марта ставит на очередь вопрос: имеют ли беларусы достаточно сил, нужных для организации своей отдельной государственности» (3).

Что же касается конкретных политических результатов, то почти ни одна из поставленных 25 марта целей в тот момент не была достигнута. В конце октября 1918 года газета «Минский голос» издевательски констатировала:

«Имеет ли право на существование, должна ли и может ли быть основана «Белорусская республика»? Покажется легкомысленным — даже неуместной шуткой — ответ, выраженный в форме вопроса: а почему нет? Но это вовсе не хлестаковское благодушие («пусть называется»!). И совсем не пустое балагурство. Совершенно серьезно! А почему нет? Если есть самостоятельная Украина, вольный Дон, Грузия, Крымская республика, Кубань, Закавказская и Азербайджанская республики, если будут Литва и Латвия — то почему не быть Белоруссии?

Совсем не нужно для утверждения права на существование автономной Белоруссии всего того, что дает развертывающееся перед нами так называемое «национальное движение» белорусов... Определенно бездарна и смешна вся книжно-водевильная «государственность» современных белорусских деятелей. Вся «Рада» производит впечатление захудалой любительской труппы, и все «государственное строительство» нынешних белорусских вождей напоминает растерянность, беспомощность, переплетенную личными обидами и интригами, суетливость провинциального спектакля...

Это будет здание из карт, из бумажных карт, которые разлетятся во все стороны при первом дуновении ветра» (4).

Последние слова автора статьи в «Минском голосе» почти пророчески подтвердились, когда весной 1919 года министры БНР выехали из Гродно за пределы Беларуси.

* * *

Незадолго до 25 марта 1919 года в гродненском клубе «Беларуская хатка» состоялся торжественный вечер в честь беларуского правительства. В назначенное время все комнаты клуба заполнили представители разных слоев населения Гродно. Первым выступил Антон Луцкевич с призывом не прекращать работу на национальной ниве до того времени, пока Беларусь не станет независимой.

Потом слово взял представитель ППС, извинившись за то, что не знает беларуского языка: «Для меня Беларусь, — это вторая Родина, ибо здесь я появился на свет». Он пообещал, что польские социалисты сделают все, чтобы Беларусь стала независимым государством, однако добавил: «Мы приведём Беларусь к независимой жизни как республику, братскую Польше». После этого один из присутствующих беларуских деятелей — Антон Борик поднял тост: «Да здравствуют Беларусь и Польша!»

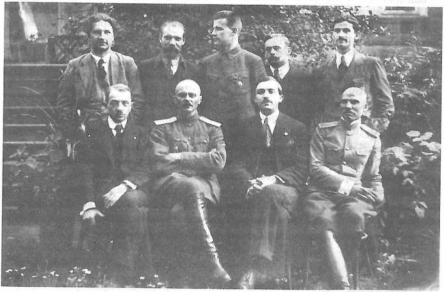
Это не понравилось членам Гродненской беларуской управы Я. Курлову, К. Езовитову и представителю еврейской общины, «какому-то еврейскому профессору». Профессор заявил, что Беларусь до сего времени никогда не была независимой, потому беларусы сделают великое дело, если сумеют добиться от других народов признания собственной государственности. Его слова оспорил

Б. Кветинский, бывший преподаватель беларуской учительской семинарии в Свислочи, назначенный Министерством беларуских дел Республики Летувы школьным инспектором в Гродно. Кветинский доказывал, что Беларусь не только была независимой, но даже заботилась о других государствах, таких, как Летува, однако поддалась влиянию польской культуры.

Ужин получился веселым. А уже 23 марта Антон Луцкевич, Аркадий Смолич, Александр Цвикевич, Леонард Заяц и Александр Головинский покинули Гродно.

Саму годовщину провозглашения БНР местные беларусы отметили 25 марта более скромно, пригласив «на чай» в помещение беларуского комитета делегатов учительского съезда и других гостей. В качестве председателя Беларуской Центральной Рады Гродненщины ужин начал Павел Алексюк, зачитавший Первую уставную грамоту Рады БНР. После этого присутствующие спели беларуский гимн. С речами выступили Б. Кветинский, Я. Натусевич и другие. Кветинский в частности сказал:

> «Приветствуя сегодня возрождение нашего дорогого, измученного долгой неволей Отечества, бьется мое сердце от радости. Понимаю, что то же самое и с вами. Дорогие товарищи, учителя и учительницы, на ваших плечах лежит дальнейшая работа в направлении возрождения. Мы не имеем оружия, да и что оружие без духа, без национального сознания – это тело без души. Вы творцы этого духа, духа национального сознания, поселите его в храмах – в сердцах ангелов, малых деток, и вы создадите тот дух, которого не одолеют наши враги» (5).

Первое правительство БНР (народный секретариат).
Стоят слева (направо): А. Смолич, П. Крачевский, К. Езовитов, А. Овсяник, Л. Заяц.
Сидят: А. Бурбис, И. Середа, Я. Воронко, В. Захарко

Вторая годовщина провозглашения независимости пришлась на время польской оккупации и длительного политического кризиса, который привел Раду БНР к расколу. На заседании Минского Беларуского Национального Комитета 22 марта 1920 года первым рассматривался вопрос о праздновании Национального праздника 25 марта – провозглашения Радой БНР независимости Беларуси в ее этнографических границах...

> «В связи с тем, что по независимым от Комитета условиям в данный момент невозможно праздновать так, как надо было бы, празднование откладывается на неопределенный срок до того времени, когда это будет возможно. А 25 марта, вследствие важности момента, ограничиться следующим:
>
> а) во всех беларуских школах и приютах в 11 часов утра собрать учеников этих школ и их родителей, а детей приютов в приютах, где должны быть сделаны речи руководителями о значении этого праздника (уставная грамота от 25 марта 1918 года), затем ученики всех школ и дети приютов, а по возможности и их родители, посылаются под руководством учителей на богослужение – католики к 12-и часам в костёл, а православные – к 1-у часу в церковь, а после богослужения они отпускаются домой.
>
> Затем в 4 часа пополудни в «Беларуской Хатке» устраивается для детей детский спектакль, куда также должны быть приведены дети. Все дети должны быть расцвечены бумажными национальными значками. О выполнении всего этого просить Беларускую Школьную Раду и Учительский Союз.
>
> б) В 5 часов вечера в помещении Беларуского Национального Комитета (б. Юбил. Дом) произойдет Торжественное собрание Национального Комитета. В связи с этим на это собрание пригласить все организации, а также и военную Комиссию, чтобы они прислали своих представителей с мандатами числом до 5-и лиц от каждой.
>
> в) В 7 часов вечера будут поставлены беларуские пьесы: в местном театре будет поставлена пьеса с выступлением хора, причем партер и первый ярус будут платными, 2-й ярус бесплатным для беларуских организаций и 3-й наполовину платный, наполовину бесплатный, для сознательных беларусов, а в «Беларуской Хатке» Товариществом Работников Беларуского Искусства будет поставлена пьеса и др. Вход бесплатный, но по билетам. На расходы по устройству спектакля в «Хатке» Товариществу Искусства Комитет выдает 750 марок.
>
> г) Просить редакцию газеты «Беларусь» по возможности, но не очень заметно, помещать в газете статьи о значении праздника, а в день праздника выпустить юбилейный номер» (6).

В Гродно 27 марта 1920 года в клубе «Беларуская хатка» тоже состоялось празднование второй годовщины провозглашения независимости БНР. После исполнения беларуского гимна выступил председатель Гродненского Беларуского Национального Комитета Я. Натусевич. Затем слово взяли Л. Дзекуть-Малей и тогдашний председатель Громады беларуской молодежи С. Баран. Хор спел несколько национальных песен. Газета «Беларусь» отметила:

> «Вообще вечер прошел очень хорошо и произвел на присутствующих приятное впечатление» (7).

* * *

Только в следующие годы празднование 25 марта стало приобретать национальный масштаб. По поводу 3-й годовщины провозглашения независимости Беларуси Рада БНР в Ковно составила ряд воззваний. В обращении к жителям Беларуси Рада призвала:

«Народ беларуский! Долго и трудно боролся ты за свою землю и свободу. Жгли твои деревни, грабили добро, гноили в тюрьмах, пытали и расстреливали твоих лучших сынов польские паны-помещики и московские захватчики-коммунисты. Земли тебе не дали и сами ею не воспользовались, а ты один только на нее имеешь право.

Мучили и пытали тебя только за то, что ты берег свой хлеб для себя и своих голодных детей, а не отдавал его польским и московским захватчикам. Седьмой год на твоей земле идет беспрерывная борьба, уже наверное нет ни единой пяди земли, не политой кровью. Ты сильно встал и стоишь за свою независимость и свою беларускую власть... Жди распоряжения своего Правительства, которое быстро должно вывести из неволи – собирайтесь и ждите. Плотными братскими рядами пойдем освобождать свое Отечество, когда это будет надо. Правда за нами, свою землю не отдадим никому. Лучше погибнуть, чем быть батраком у иноземцев» (8).

В декларации правительства БНР по тому же поводу акцент тоже был поставлен на достижение реальной государственной независимости страны:

«Три года минули уже в беспрерывной борьбе. За это время на нашей земле хозяйничали и хозяйничают вражеские силы. Проходя из края в край через нашу Мать – Беларусь чужеземные войска жгли деревни, разрушали города, оставляя за собой голод и смерть...

Но крепко держит Революционное Беларуское Правительство в своих руках стяг независимости и нераздельности родного края. Под этим стягом объединились лучшие сыновья Беларуси, за этот стяг отдавали они жизнь, за свободу народа гноятся они в концентрационных лагерях и тюрьмах большевистских и польских. С этим стягом представители Правительства шли за границу и громко протестовали перед Правительствами мира и перед миллионным народом Европы против издевательства и насилия чужеземцев в родном краю. Везде, где только билось сердце сыновей Беларуси, во все уголки Беларуси Правительство посылало слова надежды, приказы бороться за свою правду...

Под стягом БНР, по приказу своего правительства бейся за свободную и независимую Беларусь, за ее нераздельность, за свою землю и свободу. Хорошо знай, что в борьбе твоей разорвется ярмо, которое набросили чужеземцы на твою голову, сгинут границы, которыми хотят отделить отцов от сыновей, детей от матери. Недалёк уже тот день, когда ты свободно захозяйничаешь в своем свободном государстве» (9).

С 1921 года центром празднования Дня Независимости стала Вильня. В течение следующих четырех лет праздник 25 марта все виленские беларуские организации отмечали вместе, что подчеркивало единство беларусов разных политических ориентаций в стремлении к независимости.

25 марта 1921 года в Вильне состоялось торжественное заседание Беларуского Национального Комитета, на котором выступили Антон Луцкевич, Аркадий Смолич, Адам Станкевич, Максим Горецкий. Через несколько дней, 29 марта, вопреки рекомендациям католических иерархов, в маленьком виленском Бонифратском костёле ксёндз Адам Станкевич отслужил торжественную мессу, которую завершил проповедью на беларуском языке.

«Это великий и исторический день. В этот день во время богослужения в костёле, первый раз в Вильне (не говоря о стародавних временах) пелись беларуские песни, а после говорилась беларуская проповедь. Бонифратский костёльчик был переполнен. Настроение у всех торжественное и радостное. Ко всему хор беларуских детей спел «Боже, что когда-то народы...» – так описал это событие один из свидетелей (10).

Дэкларацыя.

Ураду Беларускай Народнай Рэспублікі з прычыны трэцьцяй гадаўшчыны абвешчаньня дзяржаўнай незалежнасьці Беларусі.

Дзень 25 сакавіка—нацыянальнае сьвята Беларусі.

Тры гады таму назад у сталіцы Беларусі Менску, Беларуская Дзяржаўная Рада, выпаўняючы пастановы Ўсебеларускага Зьезду і баронючы Беларусь ад падзелу, абвесьціла наш край Дзяржавай вольнай і ад нікога незалежнай.

Гэтай граматай былі паложаны галоўныя падваліны Дзяржаўнага бытаваньня Беларусі:

а) што яна зьяўляецца Дзяржавай працоўных мас Беларускай Народнай Рэспублікі і што граніцы яе абхопліваюць усе тыя землі дзе ёсьць лічэбная перавага беларускага народу.

в) што ў гэтай народнай дзяржаве ўся зямля павінна належыць працоўнаму селянству як стану, на які дзяржава апіраецца.

с) што ўсім нацыянальным меншасьцям Беларуская Народная Рэспубліка забяспечае ўсе грамадзянскія свабоды, поўнае роўнапраў'е перад законам і культурна-нацыянальную аўтаномію.

д) што моцны парадак дзяржаўнага жыцьця Беларусі ва ўсіх галінах зацьвердзіць яе галоўны гаспадар—Установчы Збор.

З таго дня і дагэтуль Ўрад Б. Н. Р., разам з старшынамі Дзяржаўнай Рады, як адзінная нацыянальная ўлада Беларусі, не пакідаў змагацца за правы свайго народу, выложэныя ў гэтых пастановах.

Тры гады мінуло ўжо ў безупыннай барацьбе. За гэты час на нашай зямлі гаспадарылі і гаспадараць варожыя сілы. Пераходзячы з краю ў край нашу Маці-Беларусь чужацкія войскі палілі вёскі, руйнавалі гарады, пакідаючы за сабой голад і сьмерць.

С 1915 году мы ня можам адпачыць ад страшных жахаў вайны, ня можам пачаць спакойную творчую працу. Зямля наша зруйнавана і дыміцца ад пралітай на ей крыві. Ва ўсім жыцьці цяжкі занепад.

Але моцна трымае Рэвалюцыйны Беларускі Урад у сваіх руках сьцяг незалежнасьці і непадзельнасьці роднага краю.

Пад гэтым сьцягам абьедналіся лепшыя сыны Беларусі, за гэты сьцяг аддалі яны сваё жыцьцё за волю народу гнояцца яны ў концэнтрацыйных лагерох і турмах бальшавіцкіх і польскіх.

З гэтым сьцягам прэдстаўнікі Ураду ішлі заграніцу і голасна пратэствалі перад Урадамі сьвету і перад мільённым працоўным народам Эўропы супроць зьдзеку і гвалтаў чужакоў у родным краю.

Воззвание правительства БНР по случаю 3-й годовщины

Торжественное богослужение, посвященное празднику 25 марта, стало едва ли не самой прочной традицией празднования Дня Независимости в межвоенное 20-летие. Только происходило оно в последующие годы в виленском костёле св. Николая, который принадлежал литовской общине, но где беларусы каждое воскресенье молились на родном языке. Как правило, мессу служил ксёндз А. Станкевич, а иногда С. Гляковский или другие священники.

* * *

К 4-й годовщине Независимости (1923 г.) правительство БНР подготовило памятную записку, в которой сказано:

«Избранное Радой Беларуской Народной Республики Правительство все время крепко держало в своих руках стяг борьбы за независимость и нераздельность Беларуси. Но наиболее ярко проявилось стремление беларуского народа к свободе и независимости во время восстания на Случчине в ноябре и декабре 1920 года. Несмотря на то, что Слуцкое восстание было подавлено с двух сторон, то есть московскими и варшавскими империалистами – оно остается путеводной звездой в истории беларуского освободительно-возрожденческого и государственно-незалежницкого движения.

Твоя судьба в твоих собственных руках. Дело освобождения и возрождения твоего Отечества – это есть дело твоих мозолистых рук. Тесней смыкай свои ряды под стягом борьбы за свободу и независимость твоего Отечества. Единой организованной громадой дай мощный отпор твоим обидчикам. Только в единстве и организованности наша мощь и сила. Неорганизованные выступления должны быть прекращены. Больше веры в себя, в свои силы!

Празднуя четвёртую годовщину провозглашения независимости Беларуси, Правительство Беларуской Народной Республики крепко верит в творческий ум беларуского народа и призывает стать в ряды активных борцов всех тех, кто не хочет быть рабом, кто готов отдать свою жизнь за свободу и независимость Отечества» (11).

После выборов 1922 года и появления беларуского представительства в польском парламенте вопрос о независимости получил совершенно неожиданное звучание. Выступая в польском Сейме в январе 1923 года, Бронислав Тарашкевич заявил:

«Народ Беларуский имеет отчетливые тенденции к независимости, независимость эту храним и пестуем глубоко в сердце, но являемся лояльными гражданами Польского государства, иначе говоря, понимаем это дело эволюционно, а не револю-

ционно, – и людей – настоящих патриотов, людей честных, это должно удовлетворить» (12).

Эти слова были, пожалуй, наиболее удачным применением идеала независимости к новой политической ситуации в Европе, когда политическая и экономическая стабилизация отодвинули новый территориальный передел континента (а только так могла появиться независимая Беларусь) на отдаленную перспективу. Это ощущали и польские власти, и население Западной Беларуси. В докладе 2-го отдела (контрразведка) генштаба Войска Польского от 18 июля 1922 года сказано:

> «Местное оседлое население уже имеет достаточно всякой неопределенности, тогда как перспектива новой войны или каких-то волнений на этой почве угрожают окончательным разрушением того, что ему после всех войн осталось, или что успели восстановить...
>
> Анализ общей ситуации показывает беларусам отсутствие реальных основ для их работы и перспективу сохранения такого состояния вероятно на несколько лет. Это подталкивает беларуских деятелей к «организационной работе» с национальным самосознанием беларуских масс и увеличением беларуских культурных достижений. Мечта о Независимости, о Независимости Беларуси, уходит из повестки дня, теряя соответствие текущему моменту» (13).

Одновременно рос интерес западнобеларуского населения к БССР. Последнее отразилось и на отношении к празднованию дня 25 марта. Отмечая 6-ю годовщину Независимости, Адам Станкевич писал:

> «Идеал независимости Беларуси, пусть не во всей полноте, но уже исполняется в жизни. За последние несколько месяцев этого года большинство беларуских земель на восток от границ нынешней Польши уже объединены в Беларускую Советскую Республику в федерации с Россией. Беларусь – уже государство. Это факт, который нельзя отрицать и который уже никакая сила со страниц истории не вычеркнет. За шесть лет со времени 25 марта 1918 года идеал независимой Беларуси по крайней мере в основах своих сбылся в жизни. Одна из важнейших глав живой книги Независимой Беларуси уже написана» (14).

* * *

Последний раз виленские беларусы все вместе отметили день 25 марта в 1925 году. В тот год празднование решили объединить с юбилеем издательской деятельности Франтишека Скорины в Вильне*. В организации торжеств особое участие приняло Беларуское научное общество во главе с Антоном Луцкевичем. В 8 часов вечера 25 марта в зале Виленской беларуской гимназии началось торжественное заседание общества, во время которого прозвучали два доклада: «Век Скорины» Б. Тарашкевича и «Жизнь и труд Фр. Скорины» А. Станкевича.

В праздновании всегда активно участвовали патриотически настроенные ученики Виленской беларуской гимназии и студенты университета имени Стефана Батория. Ученица Виленской беларуской гимназии Анеля Каткович вспоминала:

---

* 400-летие беларуского книгопечатания широко отмечалось в Беларуси и за ее пределами в 1925 году. Только через несколько десятилетий стало известно, что Скорина издал свою первую книгу в Вильне еще до 1522 года.

> «День этот был для нас большим праздником. Перед обедом шли на молебен в костёл и церковь, а потом в гимназию, где учеников угощали кофе и пончиками. Каждый из нас имел приколотую бело-красно-белую ленточку. Вечером происходило торжественное заседание, на котором выступало много лиц и зачитывались телеграммы от организаций разных народов. Во второй части заседания был концерт» (15).

Однако уже тогда со своей собственной интерпретацией праздника выступили беларуские полонофилы. Газета Арсения Павлюкевича «Грамадзкі голас» в статье «Семь лет идеала» писала:

> «Современная судьба беларуского народа всем известна... Выйдя из вековой московской неволи, из тюрьмы народов, которой была покойница Российская империя, беларуский народ не мог сразу подняться выше своих возможностей. Захирев в своей национальной культуре на протяжении веков, беларус не мог достичь высшего своего идеала – полного национального самоопределения.
>
> Вот почему акт провозглашения Беларуси независимой народной республикой 25 марта 1918 года не имел в своей логичной последовательности полного практического значения, а явился через 9 с лишним месяцев для большевиков основанием их дипломатических экспериментов.
>
> Независимой государственной жизнью каждый народ начинает жить только с того момента, когда среди него созрели все нужные для этой жизни предпосылки, или если народ получит могучий толчок извне к самостоятельной жизни...
>
> Решающий акт 25 марта 1918 года всегда будет историческим моментом в жизни беларусов, как бы ни складывался их жизненный путь. В современный момент его содержание является идеалом, который достигнут только на основании большевистских декретов в форме так называемой «Социалистической Советской Республики Белоруссия», созданной хозяевами московского Кремля ради чисто политических целей большевистско-российской дипломатии.
>
> Большевики хитро воспользовались фактом независимости Беларуси, хотя честь этого прокламирования принадлежит не им, а демократической беларуской интеллигенции... Никакого национального содержания большевистская «белорусская» республика 1919 года не имела... Таким образом беларуский национальный идеал, провозглашенный семь лет назад, остается в сущности только идеалом».

Кончалась статья недвусмысленным выводом:

> «Ради достижения своего национального идеала в неизвестный момент будущего, беларускому народу надо пройти тернистый путь культурно-национального творчества и, при нормальных условиях польских конституционных гарантий, вечно прочные беларуские культурные ценности могут быть выкованы в границах Польской Республики не в пример большевистскому экспериментаторству на Востоке» (16).

***

Передача в октябре 1925 года на конференции в Берлине значительной частью министров БНР своих министерских мандатов правительству БССР, а также активное национальное строительство в советской Беларуси, привели к тому, что среди западнобеларуской интеллигенции стала распространяться мысль, что идея БНР исчерпала себя, и что Западная Беларусь в перспективе должна стать частью БССР. К этой мысли особенно склонялись вожди Беларуской крестьянско-рабочей громады (БСРГ). Поэтому на заседании Виленского БНК, которое произошло в начале марта 1926 года, было решено отказаться от широкого празднования годовщины независимости Беларуси.

Антон Луцкевич фактически присоединился к группировке громадовцев, решивших не отмечать 25 марта шумно. В газете-однодневке «На Прадвесьні» он поместил статью под названием «В восьмую годовщину», в которой писал:

«Многим казалось, что вот-вот надо только, чтобы беларусы подали о себе голос на мировой конференции в Париже, и будет им и свобода, и независимость... Но быстро их встретило тяжкое разочарование. Оказалось, что «демократии» Запада, так много говорившие о праве народов на самоопределение, на деле признали это право только за теми, за кем им это было выгодно. Признали независимость Польши, Летувы, Латвии, Эстонии, Финляндии. Дали им всякую помощь, чтобы укрепить их государственный быт, да наделили хорошими кусками Беларуской и Украинской земли, чтобы эти вассалы великих западных государств за такие подарки искренне служили им в их борьбе с великой угрозой буржуазному миру, которая поднялась с Востока. Так право беларуского и украинского народов на самоопределение оказалось растоптанным западными демократиями...

А тем временем на Востоке происходили глубокие перемены... На Востоке началась новая эра в национальном вопросе. Идея беларуского государственного строительства, которую растоптал «демократический» Запад, начала реализоваться на Востоке.

Прошедший год, когда так называемое правительство Беларуской Народной Республики ликвидировалось, окончив свое трагическое блуждание по чужбине, — показал наилучшим образом, как активные беларуские возрожденцы отнеслись к этой новой эре.

Нет никакого сомнения, что в новом курсе советской политики относительно к беларусам сыграл большую роль акт 25 марта 1918 года. Но этот акт сыграл еще большую роль в пробуждении массовой самодеятельности, в так называемой активизации беларуского народа».

Ксёндз Адам Станкевич (1892–1949), лидер Беларуской Христианской Демократии

Призывая «направлять творческую национальную работу» к «социальному освобождению», газета констатировала:

«Этот социальный идеал уже нераздельно воцарился на Востоке. Только там через социальное освобождение перед беларусами открылась возможность государственного строительства. Там — и только там — беларуская государственность стала осуществленным фактом» (17).

Совершенно иную позицию занял А. Станкевич:

«В условиях общей стабилизации политической ситуации в Европе существование беларуского правительства в эмиграции в полном составе не имеет практического смысла, однако олицетворение идеи независимости Беларуси в виде эмигрантского правительства БНР под руководством Петра Крачевского просто необходимо» (18).

Именно потому беларуские христианские демократы продолжали неизменно праздновать 25 марта на протяжении 1920-х и 1930-х годов.

25 марта 1926 года произошли праздничные богослужения в костёле св. Николая и в Пятничной церкви. Во время проповеди ксёндз Адам Станкевич в частности сказал:

«Так, как Евреи громко плакали и страдали после утраты Сиона, так и Беларусы, которые восемь лет назад объявили независимую Беларускую Народную Республику, однако не сумели осуществить этой идеи, — плач и печаль носят в сердцах... Пришли они сюда, к Божьему дому, чтобы просить Бога о силе для воплощения своего идеала».

В статье «Двойной праздник беларуского народа» газета беларуских христианских демократов «Крыніца» писала:

«Рада Беларуской Республики, составленная из наиболее выдающихся, интеллигентных и заслуженных перед беларуским народом деятелей, 25 марта 1918 года объявила Беларусь Свободной и Независимой, ведь только такой, говоря по-человечески, может быть она счастливой и только такой может она защитить себя от вековой обиды, от векового издевательства.

Но, чтобы свободу и независимость добыть, а добыв удержать, надо быть к этому соответственно подготовленным, или проще говоря, надо, чтобы Народ Беларуский, как таковой, понимал это и чтобы имел свою беларускую культуру» (19).

Свой взгляд на идею национальной независимости высказал и Беларуский крестьянский союз, во главе которого стояли Ф. Яремич и В. Рогуля*. Партийная газета «Сялянская ніва» откликнулась на 8-ю годовщину провозглашения независимости БНР передовой статьей «Ставка на кайзера, Пилсудского, Ленина». Утверждая, что «беларуское движение в своей жизни, особенно поначалу, было очень слабым», газета одновременно добавляла:

«Все это время от начала революции вплоть до разгона беларуского конгресса надо причислить к светлейшим дням беларуского движения. Тогда все беларуские деятели ориентировались сами на себя, или иначе говоря, на силы самого Беларуского Народа.

Теперь, вглядываясь в прошлое, надо признать, что тот разгон съезда завершил первую фазу и дал начало второй фазе беларуского движения, фазе ориентаций на чужие силы, так как свои были слабые. Беларуское движение, встретив на своем пути такую серьезную преграду, как коммунистическая партия, стало искать союзников. Всякий враг большевиков считался тогда союзником беларуского движения...

Мы приходим к убеждению, что наихудшим злом для Беларуси будет ориентация на чужеземца, который хочет нас проглотить. Самая отвратительная сделка будет тогда, когда угождаешь тем, кто тебя давит. Став на свои ноги, и отбросив подневольные, губящие нас ориентации, мы будем идти дальше по тому пути, которым шел народ в 1917 году — по пути ориентации на самих себя, или иначе говоря — на силы Беларуского Народа. И только этим путем, отказавшись от службы всем нашим богатым и сильным дядькам, мы войдем в союз и семью независимых и свободных народов. Так после ставки на кайзера, Пилсудского и Ленина должна прийти последняя ставка: на самих себя!» (20)

---

* Василий Рогуля (1879–1955) — один из лидеров крестьянского движения в Западной Беларуси. В 1922–27 депутат Сейма, в 1928 — сенатор. В 1928–30 отбывал тюремное заключение в польской тюрьме за свою политическую деятельность. С 1930 занимался своим хозяйством. В июне 1941 арестован НКВД, но сумел бежать из-под ареста. В 1941–44 бургомистр Дятловского района. С 1944 в эмиграции в Германии, с 1950 в США. — *Прим. ред.*

Фабиан Яремич (1891–1958) — общественно-политический деятель и публицист. В 1922–27, 1928–30 депутат Сейма Польши. Вместе с В. Рогулей создал в 1925 году Беларуский крестьянский союз, издавал газету «Сялянская ніва». В 1941–44 бургомистр в Борисове. В 1945 арестован органами НКВД, до 1956 находился в концлагере. Остаток жизни провел в Вильне.

В 1927 году беларуское общество, втянутое в водоворот событий, связанных с разгромом БСРГ, на очередную годовщину 25 марта внимания почти не обратило. Многим тогда казалось, что история делается здесь и сейчас, что именно фантастический рост и последующий разгром БСРГ, аресты ее вождей являются куда более реальным воплощением национального движения, чем мифическая независимость, объявленная девять лет назад в оккупированном немцами Минске. Поэтому девятую годовщину скромно, в духе закрытого мероприятия, совместно отметили только деятели Крестьянского Союза и БХД.

Почти сразу юмористический журнал БСРГ «Маланка» (Молния) поместил красноречивые рисунки с характерными комментариями. Первый — «Празднование «независимости» Беларуси» — сопровождала выдержка из местной газеты о том, что «в 7 часов вечера в зале «Жорж» состоялось торжественное заседание. С речами выступали послы Яремич, Рогуля и др.» Под этой цитатой на рисунке был изображен крестьянин, который с улицы смотрит через окно на веселящихся в ресторане беларуских деятелей и рассуждает: «Ничто себе, хороша независимость! Видать, паны от нас селян совсем отнезалежились, ведь ни одного из нас там нет».

Уголок Вильни

На другом рисунке – «Как отмечали день 25-го марта», были две картинки: «сынки» (в Вильне) – деятели БХД и БКС поднимают тосты за столом, а лидеры БСРГ – «пасынки» (в тюрьме) выглядывают из-за решетки (21).

Празднование юбилея – десятилетия провозглашения Независимости БНР – совпало сразу с несколькими судебными процессами над беларускими деятелями в Польше. Поэтому символично то, что, выступая в конце февраля 1928 года на процессе по делу Василия Рогули в Новогрудском суде в качества адвоката, известный беларуский полонофил Павел Алексюк отметил:

> «Стремление к независимости, даже разговор о ней и призыв к ней, как к последнему наивысшему идеалу политического существования любого народа, не есть преступление против лояльности. Поэтому и крик Рогули, если бы он даже вправду закричал: «Да здравствует независимая Беларусь!», не содержит в себе признаков преступления» (22).

Тем не менее, Рогуля получил два года тюрьмы.

Как и прежде, «Беларуская Крыніца» поместила в связи с днем Независимости на первой странице праздничную статью «К 10-й годовщине» с кратким изложением истории провозглашения акта 25 марта:

> «День этот есть одна из наисветлейших страниц истории Беларуси. 25 марта нынешнего года наступает десять лет от совершения этого великого исторического акта, исполнения которого нам до сих пор не было дано».

Далее газета сравнила национальный праздник с религиозным:

> «Но день 25 марта приходится на день христианского праздника – Благовещения. 25 марта 1928 лет тому назад пало слово, которое стало телом. В тот день разошлась добрая весть, возвестившая новую эру, новые времена для всего человечества, времена нового света – справедливости и истины.
>
> 25 марта 10 лет тому назад тоже пало слово, слово благой вести, обещавшей беларускому народу новые, светлые, благополучные времена в его истории... И хотя слово это еще не стало телом, празднуем день нашего народного Благовещения!
>
> Ведь чем является празднование?
>
> Празднуя, мы посвящаем некий день чему-то такому, что нам дорого, что мы высоко славим, к чему имеем в сердце нашем особое уважение.
>
> Празднуя день 25 марта, мы посвящаем его нашему идеалу независимости, поддерживаем достоинство этого идеала, исполнения которого ждем» (23).

В следующем номере на первой странице газета поместила подробное описание прошедшего празднования:

> «Точно в указанное время началось торжественное богослужение. Присутствующих чуть ли не полный костёл. Среди них видны представители всех беларуских учреждений и политических направлений, духовенство, студенчество, школьная и внешкольная молодежь, а также уважаемые гости от других народов... Настроение торжественное, приподнятое! Хор под руководством А. Степовича удачным исполнением литургических песнопений и религиозных беларуских композиций еще больше усиливает радостное настроение и успокаивает душу, взволнованную предвыборной горячкой»...

Далее шло описание службы, происходившей в Свято-Троицкой церкви:

> «Не менее торжественное богослужение с похожим обликом и составом присутствующих при таком же торжественном настроении и духовном подъеме. Особое

внимание присутствующих привлекла речь законного старца Иоанна, отправляющего богослужение. В простых, теплых, отеческих словах... уважаемый оратор связывает все наши неудачи с упадком у нас веры и нравственности и двусмысленной (может быть даже и горячей) симпатией многих наших деятелей к коммунизму».

В шесть часов вечера празднование переместилось в зал Беларуского института хозяйства и культуры, где собрались как беларуские деятели, так и приглашенные представители других национальностей. «С душой обогретой и укрепленной, — кончала свою статью газета, — расстались мы с этим святым, великим днем» (24).

* * *

24 марта 1929 года заседание по поводу 11-й годовщины провозглашения независимости Беларуси провел Виленский Беларуский Национальный Комитет. Торжество открыл сенатор Вячеслав Богданович. После его выступления посол Сейма Альбин Степович прочел доклад «Политическое положение беларуского народа в современный момент». Поздравили беларусов с праздником литовские и украинские студенты. Заседание завершилось концертом, на котором присутствовало около 150 человек.

Отдельное заседание было устроено на следующий день в здании Виленской беларуской гимназии. В присутствии примерно 100 человек, преимущественно гимназистов, с докладом выступил Антон Луцкевич, который к тому времени уже отказался от своих прежних симпатий к БССР

В марте 1930 года газета «На страже», выходившая в БССР, в статье «Национальный балаган» так прокомментировала очередную годовщину:

> «25.III. т.г. беларуские буржуазные паны Луцкевичи-Островские с большой помпой устроят сборище, названное ими 12-й годовщиной провозглашения «Незалежнасьці Беларускай Рэспублікі». Паны фашисты отправляют аж три богослужения в трех разных церквах и «заседание» (25).

Но, несмотря на попытки коммунистов скомпрометировать идею празднования 25 марта, праздник продолжали отмечать в Вильне. Например, на праздновании в марте 1930 года, которое происходило в Купеческом зале по улице Мицкевича, присутствовало около 600 человек, среди которых было немало летувисов и поляков.

Газета «Беларуская Крыніца» обращалась к читателям весной 1932 года:

> «Беларусы, приближается день 25-го марта — 14-я годовщина Провозглашения Независимости Беларуской Народной Республики.
>
> В этот день каждый Беларус(ка) в мыслях своих должен остановиться на том, что значит для человека, для Народа его культурная, хозяйственная и политическая независимость, в которой человечество видело и видит свой высший на земле идеал. История борьбы за эту независимость свидетельствует, как клали за нее и кладут на алтарь драгоценнейшие жертвы до того, пока она не будет добыта».

Обращение, помещенное на первой странице, занимало всего лишь скромный уголок, и кончалось призывом: «Правда должна победить!» (26).

Но уже в следующем номере газета отвела всю первую полосу празднику 25 марта. В очередной раз пересказав историю становления национальной государственности в течение последних лет, а также напомнив о смерти председа-

теля Рады БНР Петра Крачевского (8 марта 1928 года) и о деятельности его преемника Василия Захарко, «Беларуская Крыніца» делала вывод:

«...как видим, акту 25.III.1918 года не только не было суждено осуществиться, но даже было ему суждено не иметь надлежащей защиты со стороны беларуских министров, среди которых одни, вместо того, чтобы стойко держаться под знаменем независимости и самостоятельности, пошли на сотрудничество с поляками, а другие – с большевиками.

Однако не все и не всегда сыновья Беларуси ломаются под тяжестью политических условий. Были и есть несгибаемые борцы за высший народный идеал. Благодаря им, как здесь под Польшей, так даже и там, в Беларуси Советской, идеал Независимости Беларуси, идеал полной самостоятельности и счастья Беларуского Народа, идеал торжественно провозглашенный 14 лет тому назад, 25.III.1918 года, остается по-прежнему живым и по-прежнему сияет яркими красками. А если Идеал этот наш великий живет в народе и углубляется в народной душе, это знак, что в свое время он осуществится» (27).

В связи с совпадением 14-й годовщины дня Независимости и католической Пасхи, общее собрание Виленского БНК решило ограничиться праздничным заседанием комитета. После короткой «соответствующей торжеству» речи Янки Позняка, была принята резолюция с призывом «стоять и дальше в твёрдой вере и убеждении, что право на жизнь для живого Народа должно быть услышано и признано».

«Беларуская Крыніца» напечатала короткие заметки о праздновании дня независимости разными беларускими центрами, в том числе – и идейными противником хадеков. В частности, газета писала:

«Праздновала этот великий народный праздник, – праздник независимости Беларуского Народа и мещанская группка виленских беларуских угодников, которая называет свой кагалик «Центросоюзом»*. Эта группка, имеющая за свое угодничество поддержку у сильных нынешних дней, но не имея зато никакого влияния на беларуские массы и никакой от них поддержки, имеет «возможность» вступить и в Виленскую беларускую гимназию.

Вот и в этот Великий для беларусов день «наши» угодники воспользовались этой «возможностью» и устроили заседание «Центросоюза» в гимназическом зале, где перед согнанными учениками прочел свой политический доклад «Идеолог» новейшей санационной беларуско-польской сделки – «Бялорусин-поляк» Антоний Луцкевич» (28).

Особенно активно беларуская община Вильни отмечала 15-ю годовщину провозглашения независимости БНР, тем более, что в тот год она совпала с юбилеями восстания 1863 года и Константина Калиновского. Утром 25 марта состоялась традиционная месса в костёле св. Николая, которую, как обычно, служил

* Центральный союз культурных и хозяйственных организаций – общественно-политическая организация правоцентристского направления. Центральный орган – газета «Беларускі звон» (Беларуский колокол). Наиболее видные деятели – Радослав Островский, Антон Луцкевич, Фабиан Акинчиц, Янка Станкевич, Николай Ильяшевич, В. Гришкевич, К. Крук.

Центросоюз действовал с июля 1930 по сентябрь 1934 года. Он объединял Товарищество беларуского просвещения, Беларуское научное товарищество, Беларуский студенческий союз, Беларуское благотворительное товарищество, ряд других обществ и объединений. – *Прим. ред.*

ксёндз Адам Станкевич. Православные собрались на молитву в Пречистенском соборе.

А в 8 часов вечера началось торжественное заседание. Зал Виленской литовской гимназии, где собрались его участники, был украшен портретом Константина Калиновского и изображением Погони, созданными кистью художника Петра Сергиевича. Основную часть заседания составили два доклада. Первый, под названием «Независимость Беларуси как идеал – залог независимости фактической», прочел студент С. Сорока. Со вторым, посвященным Константину Калиновскому, в течение двух часов выступал ксёндз Адам Станкевич.

Территория Западной Беларуси, входившая в состав Польши в 1921–39 гг.

«Всё то, чего своей работой вообще, а прежде всего «Мужицкой Правдой», а также и смертью своей достиг К. Калиновский для беларуского народа семьдесят лет назад, борясь за свободу и судьбу этого народа, – акт провозглашения независимости Беларуси 25.III.1918 вобрал в себя, сделал единым целым, украсил, дополнил и выразил как явную – уже современную – волю беларуского народа к свободной и самостоятельной жизни. Словом, то зерно, которое посеял Калиновский на беларуской общественно-политической ниве, акт 25.III. сжал, пользуясь плодом этого зерна для дальнейшего сева» (29).

Вместе со своеобразной мифологизацией события 25 марта делались попытки критического анализа причин того, почему беларуская независимость не стала фактом. Газета «Родны Край» писала:

«Сегодня – 25 марта – исполняется 15 лет с того исторического момента, когда Рада Беларуской Народной Республики в Минске объявила разорванными все старые государственные связи Беларуси, которые дали возможность московским царям бросить наш народ в пламя ужасной войны, в результате которой новая – большевистская – власть России при подписании Брестского мира с Германией позорно торговала Беларуской землей и резала живое тело нашего народа на части. 25 марта 1918 года правомочные представители всей Беларуси – единой и неделимой – объявили свое Отечество свободной и независимой Республикой.

Дальнейший ход событий не дал окрепнуть молодому Беларускому государству. Рана, сделанная Брестским миром, не зажила. Наоборот: польско-российская сделка в Риге углубила эту рану, и она кровоточит и сегодня, а сыновья нашего народа не могут подать друг другу руки через проведенный на нашей земле пограничный кордон. Но акт 25 марта 1918 года, хотя не реализованный политически, остался бессмертным в сознании Беларуского народа, который в этом акте выразил свое национальное единство и крепкую волю быть хозяином на своей земле.

Но, обращаясь мыслью к великому дню 25 марта 1918 года, мы должны сегодня подтвердить, что не только внешние причины помешали 15 лет назад реализовать наш национальный идеал. Была еще и одна причина внутреннего характера: слабость нашей национальной культуры. Наша интеллигенция тогда только-только начала выбиваться из культурной неволи у соседних народов, которая лишала нас того, что является первым основанием для государственного существования любого народа – самодостаточности. Мы оглядывались по сторонам на соседей, ждали какой-то помощи от других и не имели отваги начать жить своим собственным умом.

Такую самодостаточность, без которой наш народ не станет действительно независимым, а вечно им будут помыкать иноземцы, может дать нам только высокая национальная культура. Беларуское политическое движение, которое начало развиваться с 1918 года необычайно быстрым ходом, оставило далеко за собой движение культурное – по крайней мере в нашей Западной Беларуси. И перед нами стоит сегодня огромная задача: строить свою национальную культуру, довести наше культурное движение до такого же крупного роста и разгона, которые мы видели в политическом движении.

Понятно, что эта задача намного тяжелее, чем та или другая политическая акция. И этим только и можно объяснить факт ужасного отставания культурного движения в Западной Беларуси от движения политического. Но мы должны сравнять темпы здесь и там любой ценой. Мы должны напрячь нашу волю и нашу энергию, чтобы стать сильными на культурном фронте. И сегодня, в пятнадцатую годовщину провозглашения независимости Беларуской Народной Республики, мы должны хорошо осознать, что строительство нашей национальной культуры является одновременно

закладыванием самого прочного фундамента под тот Беларуский Дом, в котором наш народ – раньше или позже – будет жить свободной и независимой жизнью. Строя свою культуру, мы построим свое государство!» (30).

Газета «Беларуская Крыніца» поместила краткий обзор того, как отмечали 16-ю годовщину провозглашения БНР виленские беларусы. В костёле св. Николая отслужил праздничную мессу ксёндз А. Станкевич. Потом выступил ксёндз Гляковский с проповедью, которая «своим глубоким содержанием тронула слушателей». Немного позже, в двенадцать часов, состоялся праздничный молебен в Святодуховом соборе, проведенный архимандритом Ф. Морозовым.

На праздничном заседании в зале Беларуского института хозяйства и культуры ксендз Винцент Годлевский прочитал доклад «Из беларуской политической жизни в Минске в 1917–1918 годах», прозвучали многочисленные поздравления от представителей других национальных общин. После устных приветствий А. Климович зачитал ряд праздничных поздравлений.

Диаметрально противоположными были публикации в прокоммунистической юмористической газете «Асва» (Оса). В том же марте 1934 года она напечатала стихотворный пасквиль «Б.Н.Р.» и иллюстрированный материал «Эпопея про Б.Н.Р.» Вот три выдержки:

БНР – як сімвал улады
Цешыць душы ўсіх паноў,
Беларускай панскай РАДЫ,
Што смактала з люду кроў...

...БНР – узрос над касьцямі
І пад людзкі плач і стогн,
Генэральскімі штыкамі...
Нёс кайданаў гулкі звон...

Разам з сотнямі Вільгельма
Пруць разогнаныя шэльмы.
У Менску гоман, у Менску шмэр
Абвясцілі незалежнасьць – Б.Н.Р. (31)

Следующий номер «Асвы» открывала статья под красноречивым заголовком: «Стоите вы голые, как турецкие святые» о праздновании дня Независимости. Автор, укрывшийся за псевдонимом Зьмітрук Быліна, писал:

«Так трудящиеся Западной Беларуси вместе со своими братьями показали вас, паночки, содрав многолетнюю маску, и стоите вы сегодня голые, как турецкие святые, со всей своей беларускобуржуазной чудесностью. От брани друг на друга начинаете переходить к теплым беседам:

– Нас толькі двое,
– Абое мы рабое, –
Хоць розным быў наш шлях;
Адзін будуем гмах:
На ім дэвіз пагоні
І жыцьця нашы гоні
Вядуць у тую дзьвер,
Дзе зорка – Б.Н.Р.

Работнік і працоўны селянін з вашага праздника робіць свой вывад:

– Яны кажуць, што на сьвята,
Хапіла нашага ім брата,
Што салі поўныя былі
Незалежнасьцю цьвілі
У вас ня была люду працы,
Пір вялі «дварцы», палацы
Там Астроўскі і Луцкевіч
Кс. Гадлеўскі і Станкевіч
Праглядалі здрады шлях,
«Дзе з аружжам у руках
Мужна білісь за ідэі».
Тут сабралісь ліхадзеі,
Чорнай зграі груганы
Беларускія паны (32).

Кризис беларуского национализма в Западной Беларуси можно заметить уже по заголовкам статей. Передовица юбилейной статьи 1936 года в «Беларускай Крыніце», например, называлась – «Движется ли идеал акта 25.III.1918 к своей цели?» (33).

И все же газета обязательно возвращалась к обсуждению этого события. Уже в следующем ее номере появилась статья под названием «25 марта 1918–1936»:

«Если это 25 марта не сумело тогда охватить широкие массы беларуской гущи так, чтобы беларусы сами защитили свою самостоятельность, то факт остался фактом, что 25 марта, загоревшись, не угасло / ... / Это 25 марта, – новейшее торение беларуского духа, всего беларуского народа. За 18 лет мы уже успели хорошо понять его, всесторонне рассмотреть и оценить мощь беларуского народа, который всегда рвался к самостоятельной жизни. Мы не оставим никогда это 25 марта. Оно будет нашей звездой как на темном, так и на светлом горизонте нашей жизни» (34).

18-я годовщина отличалась от предыдущих празднований в худшую сторону: если богослужение в костёле и церкви произошли, состоялась даже праздничная вечеринка в бывшей беларуской гимназии (а ныне филиале польской государственной гимназии им. Юлиуша Словацкого), то заседание Виленского БНК было запрещено.

Зато это празднование было отмечено интересной инновацией. В 20.30 началась радиопередача из Ковно (Каунаса) тогдашней столицы Летувы, во время которой с речами выступили лидеры беларуской общины Летувы, а после прозвучало выступление беларуского хора.

В середине 1930-х годов традиция празднования годовщины провозглашения независимости БНР вышла за границы Вильни, прежде всего в центры, находившиеся под влиянием БХД. Так, в начале марта 1935 года председатель кружка БИХиК в местечке Жодишки Андрей Тикота писал ксендзу В. Годлевскому:

«Приближается Беларуский народный праздник, годовщина провозглашения независимости Беларуси в Минске в день 25 марта. Хочу, чтобы и наш кружок отметил как следует этот великий праздник. / ... / В связи с этим прошу выслать мне доклад из

истории провозглашения независимости Беларуси. Постараюсь в день 25 марта в кружке его прочесть» (35).

25 марта постепенно приходило в хаты-читальни и деревенские библиотеки. Например, день 25 марта 1934 года отметили в Ошмянах, Сморгони и деревне Шутовичи. Активисты шутовичского кружка Беларуского института хозяйства и культуры (БИХиК) 25 марта 1934 года вывесили посреди деревни бело-красно-белый флаг, который польские полицейские сняли через несколько часов. Тогда кружковцы обратились к ошмянскому старосте с требованием вернуть им флаг, поскольку он «является собственностью кружка», а действия полиции противоречат патриотическим чувствам беларусов (36).

Польская администрация воспринимала празднование 25 марта как акцию антигосударственного характера и старалась разными способами препятствовать распространению этой традиции. Так, уездный комендант полиции в Ошмянах Леонович накануне празднования дня независимости в 1936 году сообщил во все местные участки:

> «На 25 марта приходится годовщина объявления Независимости Беларуси в 1918 г. Надо считаться с тем, что деятели этого направления (беларуские христианские демократы – *Авт.*) будут стараться использовать эту годовщину для манифестации своих стремлений к независимости».

Комендант приказал запрещать публичные собрания, как под открытым небом, так и в помещениях. Если же отдельные беларуские организации (например, кружок Беларуского Института Хозяйства и Культуры в Шутовичах) намереваются устроить собрание своих членов, то не надо чинить им особых помех. Следует, однако, широко использовать право, предоставленное пунктами 2 и 3 статьи 20-й закона о собраниях: при подозрении, что собрание выходит за рамки, очерченные в ст. 18, или что в собрании принимают участие кроме членов этого общества еще и посторонние лица, органы общественной безопасности могут для проверки этого обстоятельства войти в помещение, где происходит собрание, и в случае подтверждения такого нарушения распустить собрание.

Усиление полицейского режима в довоенной Польше привело к концу 1930-х годов к почти полной юридической ликвидации всех беларуских национальных структур в Западной Беларуси.

Даже простое упоминание о событиях 25 марта польская администрация использовала как повод для репрессий. Так, в январе 1938 года за упоминание в своем Уставе об Акте 25 марта польские власти закрыли Беларуский Национальный Комитет в Вильне – организацию, которая почти 20 лет объединяла виленских беларусов, редакции газет, различные общества. Попытки рассказа в газете о дне провозглашения независимости Беларуси польские цензоры трактовали как попытку нарушения территориальной целостности страны! Адам Станкевич записал в своем дневнике в январе 1938 года:

> «Конфискован № 1 «Шляху Моладзі» за статью, в которой упоминается, что беларуская молодежь и далее будет помнить /дословно/ о 25.III.18. Вот за эту статью и конфискован. Редактору Я. Найдюку сказали в воеводстве, что об этом писать нельзя: раньше можно было, а теперь – нет, так как времена изменились, ведь акт 25.III. напоминает как о беларуских этнографических землях о Гродненщине и о Виленщине. Бедный акт 25.III.1918»!

Итак, праздник 25 марта, несмотря на попытки и польской администрации, и коммунистической пропаганды запретить или всячески очернить его, постепенно превратился в день общенациональной солидарности беларусов. Празднование этого дня стало реальным воплощением беларуской национальной идеи, и, одновременно – объективным фактором ее дальнейшего развития.

ИСТОЧНИКИ

1. Луцкевич А. Да гісторыі беларускага руху: Выбраныя творы. Мн., 2003, с. 104–105
2. «Вольная Беларусь». 1918, 28 апреля.
3. Mieleška I. Budawańnie dzieržaunaha žyćcia // «Homan». 3.04.1918.
4. «Минский голос». 1918, 20 октября.
5. «Беларусь». 1919, 2 апреля; «Беларуская думка» (Вильня). 1919, №№ 2, 4, 5
6. В состав оргкомитета вошли: С. Рак-Михайловский, С. Булат, Ю. Фарботко, Козич, Ломако и Трепко / НАРБ. Ф. 368. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–10.
7. З гісторыі сьвяткаваньня 25 марта // «Спадчына». 1998, № 1, с. 38–39.
8. Беларуский государственный архив-музей литературы и искусства (далее – БГАМЛИИ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 243. Л. 153.
9. БГАМЛИИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 243. Л. 150.
10. «Крыніца». 1921, № 10.
11. «Беларускі сьцяг». 1922, № 1, с. 22–23.
12. Тарашкевіч Б. Выбранае: Крытыка, публіцыстыка, пераклады. Мн., 1991, с. 81.
13. Государственный архив Брестской области. Ф. 67. Оп. 1. Д. 22.
14. 1918 – 25.III – 1924. «Krynica». 1924, 29 марта.
15. Катковіч А., Катковіч-Клёнтак В. Успаміны. Беласток, 1999, с. 33–34.
16. «Грамадзкі голас». 1925, 25 марта.
17. «На прадвесьні». 1926, 20 марта, с. 1.
18. Кароткі нарыс беларускага пытаньня // Arche. 2007, № 11, с. 356.
19. «Krynica». 1926, 25 марта.
20. «Сялянская Ніва». 1926, 21 марта.
21. «Маланка». 1927, 5 апреля.
22. «Православная Беларусь». 1928, 24 марта.
23. «Bielaruskaja Krynica». 1928, 22 марта.
24. «Bielaruskaja Krynica». 1928, 30 марта.
25. «На варце». 1930, 28 марта.
26. «Беларуская Крыніца». 1932, 20 марта.
27. «Беларуская Крыніца». 1932, 27 марта.
28. «Беларуская Крыніца». 1932, 10 красавіка.
29. Stankievič Ad. Kastuś Kalinouski, «Mužyckaja Prauda» i ideja Niezaležnaści Biełarusi. Wilnia, 1933, s. 5–6.
30. «Родны край». 1933, 25 марта.
31. «Асва». 1934, 25 марта.
32. «Асва». 1934, 25 апреля.
33. «Беларуская Крыніца». 1936, 22 марта.
34. «Беларуская Крыніца». 1936, 29 марта, с. 2.
35. НАРБ. Ф. 880. Оп. 1. Д. 15. Л. 147.
36. НАРБ. Ф. 880. Оп. 1. Д. 21. Л. 3–4.

Возмущение на почве разрушения

Нина Стужинская

Репрессивная экономика

Отчего массовые восстания крестьянства стали фактом действительности в начале 20-х годов прошлого века? Какие социальные и политические обстоятельства привели беларускую деревню в разъяренное состояние?

В советской историографии имелся для этого набор простых объяснений. Политика первых лет советской власти, так называемого «военного коммунизма», была тяжела для крестьянства, но ее обусловила необходимость классовой борьбы, борьбы пролетариата за победу в гражданской войне, навязанной свергнутыми эксплуататорами. Эта победа была нужна самому крестьянству. Советская власть, большевики, несмотря на отдельные «нетипичные» отклонения, действовали на деревне правильно, своевременно и обоснованно, вот только эсеры и кулаки смогли подбить часть обманутого ими крестьянства на мятежи.

«Появление бандитизма и рост его активности... вызвано целым рядом причин и в первую очередь враждебным отношением к советской власти кулачества», — так объясняли беларуские авторы крестьянские восстания. Но на какой почве возникла враждебность? Кто такие кулаки и отчего они выступали против новой власти? Ярлыки, навешенные на целые группы населения, избавляли от необходимости объяснений, поисков причин и последствий явлений. Не в почете были цифры. Какой процент населения оказался в повстанческих формированиях? Вся деревня, большая часть крестьян, незначительное количество или так называемое «отребье»? Для объективной оценки событий такие вопросы очень важны.

Среди других причин историки отмечали дезертирство и пограничное положение Беларуси. Дезертирство констатировалось как факт без рассмотрения причин. Наличие дезертиров в рядах повстанцев объяснялось их отсталыми взглядами, аморальным и даже криминальным поведением. В качестве весомого аргумента преподносилась мысль известного большевика А. Мясникова (Мясникяна), который в 1920 году возглавлял политическое управление Западного фронта Красной армии РСФСР. Людей, уклонявшихся от мобилизации в Красную армию, главный ленинец в Беларуси зачислил всех скопом в «провокаторы, предатели, мародеры»*.

Безусловно, близость границы с Польшей определенным образом повлияла на развитие движения сопротивления, но выводы об «импортном» его характере, как это делало большинство тогдашних авторов, огульны. Это просто улов-

Из книги Н.И. Стужинской «Беларусь мяцежная» (Минск, 2011) с. 14–43.

Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Хохлов А.Г. Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии. 1917–1925 гг. Минск, 1981, с. 19.

ки, повторение объяснений советских карателей: дескать, все проблемы – из-за границы, центры «бандитизма» – Пинск, Лунинец, Молодечно, Несвиж вовсе не беларуские города, а польские*.

На самом деле в Беларуси для повстанчества имелись глубокие причины экономического, политического, социального и национального характера. Не пришлые из зарубежья, а местные жители составляли ряды антибольшевистского партизанского движения, из их среды появились вожди и атаманы. Сегодня до сознания тех, кто хоть немного знаком с историей послеоктябрьского десятилетия и желает дать ей объективную оценку, дошла другая, значительно более полная и правдивая последовательность и причинность тех событий. Стало ясно, что непосредственной и фактически единственной виновницей крестьянского вооруженного протеста была большевистская политика в деревне в целом.

Сами творцы Октябрьского переворота это хорошо понимали. Не случайно, чтобы как-то пособить малограмотным комиссарам (например, на Витебщине), власти из Петрограда посылали на места особые анкеты, в которых руководство ЧК требовало:

> «Указывать все причины экономического или политического характера, которыми была вызвана данная вспышка: действиями и распоряжениями существующей власти, поведением агентов местной власти, введением хлебной монополии, продовольственным кризисом, мобилизацией и чрезвычайным 10-миллиардным налогом и прочим недовольством, общей политикой Советской власти».

Как видим, анкета давала целый перечень причин, весьма далеких от влияния эмиссаров зарубежных центров, дезертиров, провокаторов и мародеров.

Экономический авантюризм, политическое насилие и национальный нигилизм новой власти не могли не вызвать сопротивление деревни.

Одна из главных побудительных причин – печально известная продразверстка. Продразверстку ввело еще царское правительство во время мировой войны. Тяжесть ее увеличивалась от года к году. Беларуская деревня была опустошена и обессилена многолетними военными действиями, оккупациями, поборами и грабежами многочисленных войск. Продразверстка в рассматриваемый период превратилась в непосильную тяжесть. Выполнить ее на 100 процентов, несмотря на огромное давление властей, почти никогда не удавалось. Собрать налог, например, в 546 голов скота для жителей Витебского уезда, только за один месяц – апрель 1919 года – было невозможно физически**.

Очень характерный документ того времени – обращение крестьян, в данном случае Увалковского сельского совета Старосельской волости в местный ревком:

> «Мы нашли возможным, идя навстречу советской власти, разверстать 1050 пудов хлеба (16,8 т – *Ред.*), который своими трудами выполнили добровольно, а больше ни в коем случае выполнить не можем,...ежели все выполним, то на весну поля останутся незасеянными и мы все погибнем... Через наш район переправлялись все войсковые части на фронт. У нас всё отобрали и съели, и к тому же получился большой не-

* См.: Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі. Мінск, 1927, с. 41.

** Бриль И. Политическая подготовка летней операции 16-й армии в 1920 г. // «Война и революция», 1926, № 11, с. 90; ДАМВ, ф. 294, оп. 1, д. 29, л. 6.

урожай по случаю засухи (1920 года – *Авт.*). И посему просим продовольственный комитет не разорять нас вконец, не оставлять нас без куска хлеба и без семян. Если наше воззвание не примите во внимание, то делайте сами, как знаете...»

Крик отчаяния – это обращение к власти и, главное, без особой надежды на взаимопонимание. Похожими жалобами были завалены волостные, уездные и высшие органы власти.

Несмотря на требования командования Западного фронта, контролировавшего выполнение общего плана заготовки продовольствия – проявить в продовольственной политике «революционную стойкость и изобретательность», продразверстка голодного 1920 года не была выполнена на 100 процентов.

Местная власть объясняла это тем, что «у большинства крестьян нет хлеба, некоторые отдают даже последние семена, доказательством чему служит частое поступление на ссыпные пункты отборного зерна».

Продразверстка: у крестьян отбирали зерно

В феврале 1921 года Наркомпродбел (народный комиссар по питанию Беларуси) Адамайтис согласился на выполнение хотя бы 75 процентов разверстки осеннего задания. Он констатировал, что «заготовки к объему задания ничтожны».

Главными методами выполнения разверстки служили угрозы, запугивание, репрессии. Так, приказ № 4 по продовольственному комитету (его подписали председатель ревкома Беларуси А. Червяков, комиссар по продовольствию И. Адамайтис, комиссар по земледелию В. Игнатовский) объявлял на всей территории Беларуси «Неделю продовольствия» (то есть кампанию по безвозмездному изъятию продовольствия у всего сельского населения) и обещал тем, кто попытается противостоять этому мероприятию, аресты и конфискацию имущества*.

Следующий приказ детализировал формы наказаний:

> «Всякие отказы от немедленного выполнения разверстки гражданами деревень будут считаться неподчинением советской власти и беспощадно караться. Председателям сельсоветов немедленно таковых арестовывать и направлять в Минск для заключения в Минскую тюрьму. В случаях уклонения деревни от выполнения разверстки немедленно арестовывать председателей сельсоветов, кулацкие контрреволюционные элементы... В случае дальнейшего упорного уклонения приступить к немедленной конфискации причитающихся по разверстке продуктов и скота, а также лишить их прав на получение продуктов городского производства...».

* Лелевич Г. Бандитизм в Гомельской губернии весной 1921 г. // Известия Гомельского комитета РКП. 1921, № 9-10, с. 4.

Надо отметить, что последняя угроза была пустым звуком, деревня давно ничего не получала от разрушенного войной города. Крестьяне жаловались, что обычный нож в кооперативе стоит 2000 рублей, тогда как корову отдавали за те же деньги.

Выполнить налоговые требования власти было реально невозможно. Впечатляет один только перечень продуктов и предметов первой необходимости, подлежавших сдаче государству по разверстке. Так называемый «чрезвычайно-революционный налог» включал в себя, помимо главного продукта – зерна (хлеба), еще и картофель, скотину (или мясо), яйца, масло, рыбу, мед, овощи, сушеные грибы и ягоды, лён, пеньку, овечью шерсть, шкуры животных, валенки и лапти. Причем цифры по всем пунктам доводились на места очень большие.

В рамках плана заготовок обуви только по Витебскому уезду, например, 95310 пар лаптей, на одну волость – примерно 4500–4700 пар. Разумеется, за «невыполнение плана», «за непринятие мер... все ответственные лица будут арестованы и препровождены в распоряжение Губчекавалап» (существовал и такой чрезвычайный орган по валенкам и лаптям). В Гомельской губернии надо было сдать 13 разных налогов с 18 видов продукции крестьянского хозяйства!

Несмотря на то, что вся живность до последней курицы была взята на учет и о мерах по выполнению сметанного и яичного налога требовалось докладывать Червякову и Адамайтису каждые пять дней, а продкомиссии формировались «из лучших элементов», налог на масла и яйца был провален. В этой связи В.И. Ленин прислал в наркомпрод телеграмму, в которой высказал свое возмущение.

Нарком продовольствия Беларуси отреагировал мгновенно, на места полетели угрожающие телеграммы с вопросами насчет принятых мер. «Прибегали ли вы к закрытию рынков, предавали ли суду революционного военного трибунала, как неплательщиков налогов, так и членов волостных сельских советов за халатное отношение к работе...» Но угрозы, закрытие ярмарок, напряженная карательная деятельность военревтрибуналов и заградотрядов не давали желаемых результатов.

> «Наряд на масло выполнить не можем, так как скот забран, т. е. уже мобилизован, сено тоже забрано и солома также, оставшийся скот кормить нечем»...

Примерно такие же письма, как это из Поташенского района, получали власти с мест. Крестьяне уже не обращали внимания на заклинания минского руководства:

> «Неисполнение сего равносильно уклонению от ударно-боевых заданий».

Продразвёрстка – это, как говорили в деревне, беда, но не вся. Крестьян пугало и возмущало отсутствие даже видимости порядка и законности в налоговой политике власти. Деревня страдала от так называемых самозаготовок (сверх плана), которыми грешили и агенты пищевой комиссии, и милиция, и военнослужащие, особенно последние. В комитет по продовольствию с мест потоком летели телеграммы и письма с жалобами на армейских грабителей. В жалобах перечислены «доблестные» части конно-кубанской 8-й, 10-й, 48-й дивизий. Незаконными реквизициями занимались воинские части XV армии, дислоцирован-

ной на Витебщине. В Борисовском уезде повсюду на крестьянских собраниях звучали слова обиды на наглые действия продотрядов 6-й дивизии:

> «...которые разъезжают по деревням, терроризируют население тем, что ищут дезертиров по сундукам и разным узелкам, разрывая и раскапывая содержимое... во многих случаях забирая самые лучшие вещи».

Временные хозяева в Беларуси, являвшейся ареной военных действий, все время менялись. И все грабили. Но есть возможность сравнить аппетиты оккупантов. Волостные земельные отделы, собирая данные о количестве лошадей накануне весеннего сева 1921 года, одновременно провели опрос, сколько взяли красноармейцы, поляки и «бандиты-контрреволюционеры». Беларучская волость, например, дала такие сведения:

> «Красная Армия реквизировала 157 коней, поляки и бандиты – 57».

На 10 случаев реквизиций красноармейцами приходились только два побора поляками и «бандитами» – подсчитали в Меркавичском сельсовете.

Изъятое зерно свозили в заготконторы

Справедливости ради отметим, что власти пытались бороться с пресловутыми самозаготовками. Командарм Западного фронта М.Н. Тухачевский требовал дела мародеров передавать ЧК и особым отделам для жесткого реагирования. Заместитель председателя СНК И. Адамович вынужден был требовать от командира 2-й дивизии наказания преступников судом военревтрибунала за своеволие и грабительство в деревнях Минского уезда. Чтобы умерить волну возмущения, на территории дислокации XVI армии был распространен приказ за подписью заместителя председателя Реввоенсовета РСФСР Эфраима Склянского, который обещал возвращение отобранного:

> «Смело требуйте законных вознаграждений в случае реквизиции, пусть никто не останется обиженным...».

Понятно, что при общей нищете голодной, скверно одетой и почти разутой армии, эти обещания остались на бумаге, эффектной, но пустой декларацией.

На все ходатайства крестьян о зачислении в счет налога взятых военнослужащими продуктов, одежды, обуви и другого имущества продовольственные комитеты отвечали отрицательно.

В результате конфискаций, реквизиций и мобилизаций деревня осталась почти без лошадей и семян.

Несмотря на столь горестное положение, крестьяне с большим недоверием отнеслись к так называемым «посевкомам», которые организовывали органы советской власти весной 1921 года чтобы помочь засеять наделы. Намерение со-

ветов провести подворный опрос, чтобы выяснить наличие семян и возможности хозяйств в посевную кампанию, окончательно оттолкнули деревню от вновь созданных комитетов. Имея горький опыт, крестьяне считали:

> «Теперь дадите нам семена, потом трижды возьмете... загнали нас под камень».

Такое настроение враждебности и недоверия господствовало весной 1921 года на Гомельщине, где волнами раскатилось партизанское движение, получившее в народе название «галаковщина» (по фамилии атамана Ивана Галака).

Вторым крепостным правом называли крестьяне принудительные работы по заготовке топлива, очистке лесов, ремонту дорог, мостов и т. п. Вскоре и местные власти сами пришли к выводу об опасности таких трудовых мобилизаций для крестьянского хозяйства. Частые отлучки хозяев из дома вели хозяйства к упадку, весьма негативно отражались на сельхозпроизводстве в целом. Пленум Минского уездного исполкома 19 мая 1921 года постановил освободить крестьян от трудповинностей и создать специальные рабочие дружины, тем более, что для выполнения большей части работ требовались специалисты.

Однако дельное предложение «снизу» не получило поддержки «наверху». Президиум ЦИК БССР в ответ высказал «свое изумление» (в тексте документа это слово даже подчеркнуто) по поводу совершенно недопустимого решения пленума». Советская власть, по мнению партийных руководителей, не может отказаться от принудительной работы граждан, поскольку это работа бесплатная, а рабочие дружины будут требовать обеспечения. Правда, чиновники высказали надежду, что новая экономическая политика принесет значительное облегчение в тяжком положении крестьянина.

То, что НЭП несет перемены в лучшую сторону, крестьянство увидело далеко не сразу. Поэтому 1921 год – год упорных мятежей. Это отметили и представители власти. Председатель Гомельской губчека констатировал:

> «В связи с введением натурального налога настроение крестьянства (в нашем примере Чаусского уезда – *Авт.*) несколько улучшается, но все же большинство относится к нему недоверчиво, говорят, что нас теперь подстрекают, чтобы мы засеяли всю посевную площадь, а наступит осень, придут отряды в деревню и все заберут».

Беларуская деревня долго не знала размера налога, но крестьяне вполне обоснованно подозревали, что он не меньше существующих поборов. Только 30 июля 1921 года было распространено постановление Центрального исполнительного комитета БССР за подписью А. Червякова. Оно предписывало в срок от 7 до 12 августа текущего года составить списки по сельсоветам, начислить продналоги и провести проверку в волостных исполкомах. С 17 по 20 августа власти должны были объявить каждому плательщику размер его налога. С 20 августа по 1 сентября все население было обязано сдать в заготовительные конторы ржи и пшеницы не менее 15 процентов от общего количества налога на хлеб и картофель. Таким образом, положение прояснилось только к новому урожаю.

А вот от размеров налога крестьянство буквально застонало. В Минск посыпались письма, их тысячи, почти во всех – жалобы на несправедливо насчитанный налог в сторону, конечно, общего увеличения. Крестьяне растерянно отмечали его непосильность. Даже было создано бюро по рассмотрению жалоб при Минском продовольственном комитете. Как правило, просьбы об уменьшении

налога не удовлетворялись. Реквизированное военнослужащими продовольствие в зачет не брали. «В ходатайстве отказать, предложить налог внести полностью», – обычная форма отказа.

Мало или много требовало советское государство? Делать выводы можно на примерах, которых немало сохранилось в архивах. Так, житель Воротовского сельсовета Верлинской волости Игуменского уезда Федор Антонов, 27 лет, имев земли пахотной 3,5 десятины и 0,5 десятины сенокоса, едоков 3 души, из них работоспособный – один, должен был сдать 18 пудов 30 фунтов зерна (302 кг – *Ред.*) в зачет налога 1922 года. Уплатил только 3 пуда 38 фунтов (65 кг – *Ред.*).

На вопрос суда, почему не заплатил: крестьянин ответил, что не имел возможности. Суду была представлена опись имущества. Этот перечень свидетельствовал, что действительно выполнение налога было за пределами возможности молодого хозяина, имущество которого составляли дом, сарай, корова, поросенок, овца, рожь 7, овса 5, ячменя 3 пуда (вместе – 15 пудов, т.е. меньше, чем налог – *Ред.*), семенного картофеля 25 пудов.

Отобранное зерно охраняли от производителей

83 пуда (1328 кг) налога 1922/23 года должен был выплатить крестьянин деревни Кленики (Игуменский уезд) Фелициан Арцимович. Он имел всего лишь 4,5 десятины земли и, как установила комиссия, приехавшая для конфискации имущества за неуплату, «разрушенный дом и сарай, одну корову белую и одну свинью и поросят 6 штук». Комиссия пришла к выводу, что постановление суда выполнить нет возможности «ввиду совершенно бедного положения...» хозяина и возбудила ходатайство перед уездной продкомиссиеяй «об изъятии всего участка земли в госфонд, т. к. ни отрабатывать, ни выполнять налог он не в состоянии». Вот таким образом хозяева лишались собственности и превращались в батраков.

Чтобы добиться снижения размеров налога крестьяне шли на разные уловки. Наиболее распространенный прием – сокрытие истинной площади обрабатываемой земли и увеличение числа едоков. Но власть пристально следила за налогоплательщиками, требовала «виновных немедленно предавать суду реввоентрибунала». Приговоры по таким делам для запугивания населения широко печатали в газетах.

Множество грозных приказов и инструкций, шумная кампания по изобличению неплательщиков в прессе свидетельствовали, что взыскание налогов было очень нелегким делом. Москва требовала нечто невозможное, абсолютно не желая учитывать возможности (точнее – невозможности) края, разрушенного многолетней войной. Правительство советской Беларуси неоднократно обраща-

лось в центр с просьбой уменьшить налог. Председатель Совнаркома БССР Александр Червяков пытался осторожно убеждать московских хозяев:

«Сельское хозяйство окончательно разорено. В истекшем году (1921-м – *Авт.*) мы в Белоруссии были представлены сами себе... Кулаков у нас уже нет, а есть лишь труженики».

В 1922 году положение улучшилось ненамного, официально констатировался тяжелый продовольственный кризис. Приказы советского руководства, разосланные по уездам, требовали «принять чрезвычайные репрессивные меры...». Уездное начальство в свою очередь направляло в волости детально расписанные угрозы. Следующий документ настолько типичен для тех времен, что есть смысл привести его целиком. Бумага направлялась Витуничскому председателю исполкома и продовольственному инспектору.

«Последние проценты выполнять трудно, но выполнять их нужно любой ценой, каких бы то ни было усилий и жертв... Все должны быть на ногах день и ночь и твердо без малейшей слабости держать руководство, никаким просьбам, ни слезам не придавать значения. Наоборот, всех просящих немедленно садить под арест, пусть будут жертвы, но этим покажете всей волости, что нужно выполнять, а то за бедначком стоит кулачок и тоже плачет».

Те, кто возмущались, получали пулю

Для более эффективной организации работы налоговой службы были созданы волостные продовольственные «тройки» и «ударные группы», которые посылали угрозы и требования милиционерам и председателям сельсоветов, заклиная непосредственных исполнителей «железной рукой и энергией взыскивать причитающийся продналог».

В марте 1924 года один только Самохваловичский волостной исполком постановил отдать под суд 155 селян. Напряженно работали сессии суда в Волосевичской, Березинской, Дмитровичской и Ухвальской волостях Борисовского уезда. На разные сроки заключения и другие наказания были осуждены председатели волостных исполкомов и сельсоветов «за бездеятельность и халатное отношение к выполнению продналога».

Наказания разваливали крестьянские хозяйства. Например, Иван Кожарский, крестьянин из Волосевичской волости, был осужден на 6 месяцев заключения, с конфискацией «рудого коня и рябой коровы» и с уплатой налога на имущество. Его соседу Тимофею Томашевскому присудили выплату налога в тройном размере. А крестьянин с хутора Марьялива Боровлянского сельсовета Мацей Арцишевский по приговору «народного» суда должен был распрощаться

с лошадью-каштанкой, кобылицей 3-х лет, коровой черной, быком, пятью годовалыми свиньями и четырьмя овцами, чтобы уплатить налог в размере 511 пудов 8 фунтов (8,178 т) зерна. Правда, милиционеры, прибывшие на хутор для выполнения решения суда, из перечисленной скотины нашли только две овцы и одну свинью. А хозяин убежал в лес, ибо его ждал новый суд за утаивание имущества. Таких примеров можно привести очень много. Крестьяне невесело шутили, сравнивая фиксированный налог с продразверсткой: «Раньше пень бил Ивана, а теперь Иван будет биться о пень».

Насилие и террор являлись основными средствами решения экономических задач, поставленных большевистской партией и советской властью. В 1924 году налоговая кампания прошла более или менее успешно. Но в докладах с мест отмечалось, что отношение населения к советской власти враждебное. Председатель Хотенчикского исполкома объяснял:

> «Причина одна, тяжесть налогового пресса по сравнению с мощностью хозяйств. Население поголовно нуждается»...

Документальные источники рисуют картину общего ухудшения положения беларуской деревни. Люди выживали из последних сил. О нищенском состоянии хозяйства и настроениях отчаяния среди крестьян свидетельствует тогдашняя переписка. Письма, которые люди посылали зарубежным родственникам, внимательно читали в ГПУ и делали «оргвыводы». Так, студент Беларуской сельскохозяйственной академии, происхождением из деревни Велешино Слуцкого округа Сергей Пилипчик был осужден в 1924 году на 3 года концлагеря лишь за то, что пожаловался братьям, уехавшим в Америку, на безнадежно тяжелую жизнь. Будущий агроном писал:

> «...положение крестьянина такое, что не то сидеть, не то в лес бежать. Продналога 6 червонцев, а пуд ржи 55–60 копеек*. Чтобы купить плуг и борону надо отдать весь урожай... Живые умирают с голода и холода...».

И в то же время добро, отобранное или привезенное добровольно в так называемые заготовительные конторы, портилось, а то и гибло без надлежащего присмотра. Бесхозяйственность новых господ удивляла и возмущала.

Крестьянин, дорожа время, приезжал в контору в 5–6

Мужа бросили в концлагерь, имущество и скотину отобрали, несчастная мать с ребенком отправляется батрачить

* Червонец – это 10 рублей с обеспечением золотом, 6 червонцев – 60 рублей. В червонце – 1000 копеек. Следовательно, при цене пуда ржи в 60 копеек, надо было сдать как налог 100 пудов, или 1600 кг. – *Прим. ред.*

часов утра. Ворота же открывали не раньше 12-и. Собирались очереди, возникали толпы. Часто пьяный заготовитель оскорблял собравшихся, ругал людей. А мог вообще уехать на обед, заставляя людей потратить целый день.

Учет сданных налогов осуществлялся плохо. Сено принималось «на глазок». Селян обманывали и обвешивали. Сердце хозяина обливалось кровью, когда он видел, что зерно и сено лежат под открытым небом, портятся под дождем или гибнут в огне. При перегонах и погрузке в вагоны скотина разбегалась, болела или погибала. Древесина, гвозди, мешки, которые крестьяне собирали с большим трудом, легко разворовывались.

Обобществление результатов труда — это было не только нечто новое и непривычное для крестьянина-хозяина. Главное то, что оно было абсолютно неприемлемо. Деревня приходила в упадок в условиях активной несвободы и агрессивных ограничений. Новый строй демонстрировал яркие примеры экономической бессмыслицы.

Репетиция коллективизации

Беларуская деревня была очень недовольна экономическими экспериментами новой власти. Опыт первых лет строительства социалистического сельского хозяйства принес печальные результаты. Только в Минском уезде было национализировано под совхозы 47 поместий, «где все было взято на учет...» Пытались образовать красноармейские хозяйства («красхозы»), но достаточно безуспешно. Новоделы быстро развалились. Поместья, выделенные под советскую форму хозяйствования, пребывали в упадке, имущество же депортированного «за бандитизм» населения конфисковывалось, новым хозяевам «на прокорм» оставляли мелочь. Тем не менее, состояние их было такое, что они напоминали «богадельни».

На местах пытались раскрыть причины неудач. А поскольку аграрными вопросами в Беларуси занимались в первую очередь военнослужащие, им принадлежала и первая попытка анализа. О том, что военное руководство искало виновных, свидетельствует приказ № 637 от 4 июня 1920 года, который подписали командующий войсками Западного фронта Тухачевский, член РВС Мулин, начальник одного из отделов политуправления армии Регингольд:

> «...Земельная политика проводится чрезвычайно неумело... особенно в деле организации коммунистических и советских хозяйств. Упомянутая форма землепользования есть одно из основных начал перехода к коммунистическому возделыванию земли и как таковая должна служить для окружающего населения, пользующегося раздробленной формой обработки, непреложным доказательством необходимости перехода к коммунальному производству во всех отраслях крестьянского хозяйства... Однако в ряде уездов постановка коммунальных хозяйств неудовлетворительна. В результате получается отвращение к коммунам всего окружающего населения...».

В приказе были перечислены и причины непривлекательности коммун.

Во-первых, виновны «неблагонадежные лица», «совершенно неудачный состав коммун, сплошь и рядом ничего не понимающих в земледельческом труде и занимающихся спекуляцией». Во-вторых, отсутствие со стороны революцион-

ных комитетов, «контроля, хозяйского глаза, любовного отношения к сельскому хозяйству».

Приказ предусматривал меры борьбы с бесхозяйственностью новых владельцев земли и имущества. Смысл рекомендаций был очень простым: «установить благонадежность личного состава..., провести чистку... в необходимых случаях ставить комиссаров». Ответ на главный вопрос, «что требуется для поднятия коммун на должную высоту», согласно с приказом должно было дать каждое хозяйство отдельно. Какие предложения сделали первые коммунары и совхозники нам неизвестно.

А вот другой документ — «Протокол заседания Минского уездного исполкома от 28 октября 1921 г.» — тоже свидетельствует, что (цитирую) «положение совхозов скверное». Оратор, заведующий земельным отделом товарищ Ткачевич пытался указать причины такого положения: «совхозы, чтобы быть производительными, должны иметь всё, а у нас как раз ничего нет. Были какие-то чесоточные лошади, да и то без хомутов».

Куда же подевалось добро бывших хозяев поместий? Из речи того же Ткачевича можно узнать, что совхозники, этот деревенский пролетариат, бывшие батраки, землю не засевали, безбожно воровали, показывали дурной пример крестьянам.

И еще одну причину, весьма красноречивую для всего советского периода выделил Ткачевич: «Печальное их (совхозов — *Авт.*) состояние зависит еще от того, что там слишком много начальников и мало работников». В конце заседания ему задал вопрос, как говорят, «на засыпку», член Минского исполкома товарищ Пульман: «Что нам в будущем дадут совхозы, ведь они ничего не дают нам, а только наоборот требуют от нас». Пульман, сам того не ведая, сформулировал исторический вопрос, на который за все время советской власти не удалось найти удовлетворительного ответа.

В 1921-м году в Минском уезде было создано 5 артелей, 3 коммуны и 34 совхоза. Анализуя результаты их производства, тот же оратор не сдержался: «...идейного в них ничего нет, а всё — фикция»!

Летом 1920 года волостные ревкомы вплотную взялись за дело организации коллективных хозяйств. На места были разосланы предложения «в самый кратчайший срок доставить... сведения о количестве лиц, желающих получить землю для обработки коммунально, артельно или коллективно».

Крестьяне, в основном, отказывались. Так, на целую кипу бумаг переписки между Беларучским волостным руководством и сельсоветами приходится только несколько положительных ответов из десятков: 6 семей деревни Паперня, не имеющих вообще земельного надела, согласились хозяйствовать коллективно. По 8 семей еще из трех деревень. Большинство отрицательных писем примерно такого содержания:

> «Граждане дер. Мочаны изъявляют желание обрабатывать землю по-прежнему определенный им кусок земли каждому в собственность»; «Деревня Ковшево не желает работать в артелях»; «Кто имеет чем обрабатывать, тот желает получить количество земли отдельно» (жители деревни Лусково)

Весной 1921 года восставшие крестьяне Гомельщины заявляли:

«Не суйте нам коллективов и совхозов, дайте нам реформу Западной Европы, разбейте на хутора и поселки» (из информационной справки Гомельской ГубЧК).

Идея коллективной работы на общей земле не находила сторонников среди крестьян. Власти тоже не тешили себя иллюзиями. В 1920-м году по волостным исполкомам разослали брошюру известного функционера компартии Н. Осинского*, которая подвела некоторые итоги социалистических экспериментов на селе:

Работники одного из первых совхозов. Видимо, они надеялись на чудо

«...деревня сама по себе оказалась к социализму весьма равнодушной. Она решительно отвергла коммунию».

Тем не менее, новая власть категорически отказалась от поддержки индивидуальных хозяйств, так как это не соответствовало ее политическим идеалам. Москва особенно беспокоилась о том, чтобы «середняк», то есть, основная масса крестьянства, ни в коем случае не стал «кулаком». Между тем граница между этими понятиями была крайне условной. В каждом уезде и в каждой волости «кулаков» определяли, что называется, «на глазок».

Немалые надежды власть связывала с «наглядной пропагандой социализма при помощи совхозов и добровольческих коммун и артелей». Но эти «маяки» сельского хозяйства быстро принесли сплошные разочарования. Товарной продукции от них так и не дождались. По-прежнему главным источником хлеба оставались единоличные хозяйства.

«А взгляд на них (совхозы и колхозы — *Авт.*), как на «зерновые фабрики», прибежище от продовольственного кризиса, или как на магниты, привлекающие крестьян в лоно социализма надо оставить».

По мнению Осинского, они должны играть роль «узла государственного регулирования», или проще говоря, принуждения. Эту главную мысль и довели до местного руководства. Не хлебное изобилие, не богатая деревня были целями новых реформаторов, а уничтожение самостоятельных хозяев и создание системы дармового труда.

Для выполнения планов и норм заготовок в коллективных советских хозяйствах рекомендовалось применять меры государственного принуждения: штрафы, конфискацию имущества и т. д. Предлагалось образовать особые сессии ревтрибуналов, по образцу специальных продовольственных сессий.

* Н. Осинский — псевдоним Валериана Оболенского (1887–1938), видного деятеля партии большевиков. В 1920 году он был председателем исполкома советов Тульской губернии и одновременно — членом коллегии Наркомата продовольствия РСФСР. Имеется в виду его брошюра «Государственное регулирование крестьянского хозяйства». — *Прим. ред.*

Но и при самых чрезвычайных мерах, даже под контролем военных комиссаров, советские хозяйства так и не стали образцами для подражания, они лишь наглядно демонстрировали развал. Урожай коллективных хозяйств оставался под снегом. Скотина в совхозах гибла от болезней и недосмотра. Совхозные поля пахали и засевали с помощью арестованных или добровольно явившихся дезертиров, а также окрестных крестьян, которых под угрозой оружием заставляли работать на земле совхозов. Возмущенные крестьяне спрашивали, чем же отличается большевистский социализм от крепостного права?

Временные чрезвычайные отношения между государством и крестьянством, городом и деревней можно было бы перетерпеть. Но беда в том, что именно «военный коммунизм» являлся сутью большевистской программы «загона рабочих и крестьян в коммунистическое царство». Представляя собой систему мер государственного неэкономического принуждения, он наилучшим образом способствовал развалу экономики. Первой жертвой «военного коммунизма» стал промышленный сектор. Промышленное производство и переработка сократились в сотни раз! Более устойчивое по своей природе крестьянское хозяйство держалось дольше, но в 1920 году и оно подошло к смертельной черте. Даже потери за три года мировой войны были несравнимы с тремя сезонами правления большевиков.

Резкое сокращение площадей посевов и многократное уменьшение поголовья скота происходило на фоне общей примитивизации землепользования. Сильно упала урожайность. Несмотря на постоянное увеличение плановых заданий по продразверстке и совершенствование механизмов отъема продуктов, объем государственных заготовок сокращался. Крестьянам повсюду приходилось использовать в пищу дикорастущие травы. Отсутствие свободной торговли и стимулов для развития сельского хозяйства, трудовые мобилизации и новые формы управления были лишены не только экономического, но и просто здравого смысла. А в сочетании с «человеческим качеством» тогдашних «строителей коммунизма» все это было основной причиной кризиса в экономике.

Крестьянин с горечью и отчаянием видел, что отобранный у него хлеб и картофель гниет на ссыпных пунктах, разворовывается на всем пути от заготконтор до мест назначения, калечится реквизированная скотина. Он видел бестолковую жизнь навязанных селу «образцовых» коммун и совхозов, которые даже партийные руководители называли «скандальными поместьями», бестолковую организацию работы трудмобилизованных...

На все эти перемены деревня ответила длительным и упорным сопротивлением.

Обличья власти

Одна из причин упорного сопротивления — недовольство местного населения «качеством» новой власти. Эту причину отмечали почти все современники, и в первую очередь красные командиры, представители спецслужб, занимавшиеся борьбой с повстанцами. Красноречивые выводы о главных виновниках «зеленого» восстания в Дисненском и Браславском уездах Виленской губернии в июне 1919 года сделал виленский губернский военный комиссар в своем докла-

де в совет обороны Литвы и Беларуси. Комиссар, видимо, не имел намерения скрывать правду о положении в мятежных уездах. Доклад дает ужасающую картину своеволия и многочисленных преступлений местной власти.

> «Бессистемные реквизиции, конфискации, грабежи под фирмой коммунистов (стиль и терминология в документах сохранены — *Авт.*), беспричинные расстрелы были главным занятием многих волостных исполкомов, проводивших это по указаниям Дисненского уездного исполкома. Все постановления проводились именем коммунистов, коммунистических ячеек. Особенно неистовствовала одна из таковых ячеек в местечке Шарковщина, ставшего одним из главных пунктов белогвардейского выступления. Председатель этой ячейки, он же председатель исполкома и военком Молявка со своими сподвижниками выписывался (так в тексте — *Авт.*) председателем уездного исполкома в Дисну для расстрелов, которые проводились здесь без суда, когда красноармейцы и милиция отказывались их проводить... Шарковской ячейки боялась вся округа».

Анализируя причины упорства и длительности зеленого движения в Гомельской губернии в марте — апреле 1921 года председатель губернской ЧК Розенберг отметил отсутствие доверия населения к коммунистическим ячейкам и то удивление, что господствовало среди крестьян, размерами краж и злоупотреблений советских служащих... «...они (крестьяне — *Авт.*) спрашивают, в чьих руках все это, что так воруют», — писал в своем докладе главный чекист губернии, одновременно жалуясь на отсутствие «честных и опытных партийных работников». Среди главных «недостатков» советской работы, которые вызвали справедливое возмущение местных жителей, Розенберг вынужден был перечислить «бездеятельность, расхлябанность, халатность, хищения, приписки».

Спекуляция и взяточничество имели характер повседневности среди многочисленной армии совслужащих, контролеров, заготовителей и т. д. Некоторые статистические данные, приведенные в докладе председателя ГубЧК, красноречиво свидетельствуют об аморальности представителей власти:

> «Дел по бандитизму — 15, контрреволюции — 22, ...преступлениям по должности — 29, превышению власти — 8, взяточничеству — 3, спекуляции — 8».

Надо подчеркнуть, что это лишь те преступления, которые ЧК раскрыла всего за две недели, с 1 по 15 апреля 1921 года.

> «Значительная часть вины за восстание (в Мглинском уезде — *Авт.*) ложится на местные органы в связи с их бездеятельностью и злоупотреблением...»

Этот вывод сделал представитель Реввоенсовета XVI армии, который прибыл в апреле 1920 года в Гомель для выяснения причин 10-тысячного восстания.

Восстание в Быховском уезде, для подавления которого понадобились силы целой армейской бригады в течение весны 1920 года, вспыхнуло «из-за слабости местной власти, неумело подходившей к населению и не пользовавшейся авторитетом», — утверждал комиссар этой бригады. Он перечислил «грехи» местных советов:

> «Много втесалось в органы преступного элемента, который занимался хулиганством, пьянством, игнорировали интересы местного населения».

Бывало и так, что «борца» с бандитизмом (например, председателя Суражского исполкома), имевшего привычку без суда и следствия расстреливать «на

месте преступления» не только крестьян, но и «подозрительных» председателей местных советов, срочно отстраняли от власти за «жизнь совершенно не подобающую коммунисту и будучи в последнее время задержанным на улице в пьяном виде отрядом Витгубчека».

Справедливое возмущение людей вызывало поведение сотрудников милиции. За ними тянулся длинный шлейф грехов: избиение селян, угрозы расстрелами, необоснованные аресты и обыски. Во время последних немало добра прилипало к рукам «стражей порядка». Для исполнения служебных обязанностей милиционеры конфисковывали у крестьян лошадей, а потом частенько продавали их в соседних деревнях.

Члены Вилейского ВРК.
Эти были способны только грабить

Быстро приобретенные диктаторские привычки, грубое поведение, пьянство, взяточничество власть предержащих раздражали людей. Во многих случаях такие проявления становились последней каплей терпения и крестьяне хватались за оружие.

Общий портрет «новых людей нового государства» примерно таков: рождение и детство в деревне 1890–1900-х годов, мобилизация в армию или переезд в город в межвоенный период, фронт или тыловой гарнизон, завод или работа мелким служащим в 1917 году – типичные вехи небогатых биографий большинства «героев» советской социалистической перестройки. Деревня, церковноприходская школа, 2–3 класса начального училища, «университеты» казарм и городских улиц стали основой их «культуры», а война собрала и перемешала людей. Человеку с оружием она привила чувство жестокости, стадный инстинкт, выжгла в душе уважение к морали и праву.

Приличный и разумный советский работник был скорее исключением, чем правилом. Обычными качествами «совбура», «комбура» (терминология тех лет), чекиста, комбедовца, военкома, ревкомовца и т. д. были малограмотность, чванство, пьянство и взяточничество. Во время стрекопытовского мятежа (он произошел в Гомеле в марте 1919 г.) повстанцы так характеризовали власть:

> «Мы, мужики рабочие в солдатских шинелях, наши враги – отбросы всех слоев населения, объединенные наживой».

Для новых людей во власти не существовало никаких ограничений в достижении своих целей. Как правило, личная мотивация, а не идейные убеждения, были двигателем аморальных, преступных и часто кровавых поступков.

В Беларуси, где большинство городского и местечкового населения (до 60 %) составляли евреи, социальное противостояние имело отчетливые черты наци-

онального конфликта. Большевики не склонны были замалчивать «еврейскую проблему». Например, известный в Беларуси большевик Пинсон сделал следующий вывод о характере Стрекопытовского мятежа:

> «События в Гомеле носят антисемитский характер. Город населен большей частью евреями, ответственные посты занимали также они, значит удар контрреволюции обрушился на евреев».

Антисемитские настроения населения отметил и Г. Лелевич, гомельский партийный активист*. В 1921 году партизаны Ивана Галака распространяли призывы уничтожать еврейскую власть. Атаман призывал крестьян не прятаться в лесах, «спасая свою жизнь от ига жидовской коммунистической проклятой власти...». «Смутному глухому недовольству крестьян соответствовали и смутные, дикие лозунги бандитов», — подытожил Лелевич, который полностью привел текст воззвания Галака в своей статье. Еврейский отдел Наркомнаца (Народного комиссариата по делам национальностей) требовал неотложных мер по ликвидации отряда Галака, «сметающего целые еврейские местечки и грозящего дезорганизацией всей советской работы».

Но постановления волостных собраний отмечали численное преобладание евреев во властных структурах. «...Мы негодуем, что евреи стоят у власти», — высказались участники общего схода Радуньской волости мятежного Себежского уезда (19.05.1919 г.) и потребовали лишить их гражданских прав и всех должностей от писаря до комиссара.

Отметим, что антисемитские настроения были больше распространены в Восточной Беларуси, где антисоветские акции происходили в общероссийском русле, а беларуское национальное слагаемое было малозаметным или отсутствовало вообще. Во время народных выступлений в защиту Беларуской Народной Республики, например, на Случчине, случаи преследования по национальному признаку не наблюдались. Наоборот, хватает примеров помощи повстанцам со стороны зажиточных местных евреев. Редкие случаи имели место только после восстания, во время жестокого преследования властями его участников.

А еще большевики искали корни антисемитизма в социальных проблемах:

> «Галак призывает бить евреев. На самом деле Галак борется не с евреями, а с советской властью, с коммунистической партией, трудящимися массами».

В этом увидел главную причину кровавого конфликта между отдельными группами населения Лелевич. Так сама власть порождала напряженность и агрессию в обществе.

Оттолкнула крестьянство и антицерковная политика советской власти. Нередко восстания возглавляли священники, как католические, так и православные. Например, в Дисненском и Браславском уездах крестьян к вооруженному выступлению призывал ксёндз Букляревич. С амвона слуцкого православного храма благословил повстанцев отец Николай (Шемятило). Немало священников участвовало в Велижском восстании.

* Г. Лелевич — псевдоним Лабора Калмансона (1901–1937), историка, поэта и литературного критика. В годы гражданской войны находился на партийной работе. По определению энциклопедии, был «один из проводников вульгарной, узкоклассовой партийной критики». — *Прим. ред.*

В советские газеты граждане посылали проклятия и угрозы по адресу конкретных представителей власти за участие в ограблении храмов.

> «Моя рука не дрогнет убить и растерзать тебя, негодяя..., грабителя православной церкви! Все вы враги народа...»

Это слова из письма неизвестного мстителя наркому БССР по военным делам Иосифу Адамовичу*. Агрессивный атеизм, враждебные действия в отношении церкви и клира не содействовали лояльному отношению населения к власти.

Неуважение к советам, а точнее, неприятие их как легитимной власти, отношение к ним как к временному явлению, вызвали стремление граждан к созданию выборных народных органов управления. Эту особенность развития политических событий в Беларуси отметил в свое время М. Тухачевский, командующий Западным фронтом:

> «Прежде всего крестьянство стремится сорганизовать свою собственную местную власть, которая постепенно расширяясь, принимает формы местной государственной власти. Иногда такая нарождающаяся власть стремится расшириться и охватить всю страну. А иногда они тупо ограничиваются своими местными интересами непосредственной защиты местной крестьянской собственности.

М. Тухачевский, командующий Западным фронтом РСФСР

Надо иметь в виду, что реальная власть в беларуских губерниях принадлежала тогда военным. Фактически это была оккупированная страна. Соответствующие отделы штаба Западного фронта регламентировали почти все стороны гражданской жизни, даже аграрные преобразования. Военная диктатура наилучшим образом соответствовала осуществлению системы мер государственного внеэкономического принуждения.

К волостной и даже уездной власти военное командование относилось без всякого уважения. Повсеместно происходили аресты председателей и членов исполкомов, отстранение их от должностей, замена советских органов — ревкомами. С мест жаловались, что военнослужащие «суют нос не в свое дело», не реагируют на приказы и мероприятия власти, злоупотребляют самозаготовкой продуктов.

Существенный момент для понимания взаимодействия властей и местного населения: советы уездного и губернского уровня состояли в основном из пришлых людей. Они не знали ни языка («мовы»), ни местных обычаев, не интересовались проблемами «тутэйшых», не пользовались у них каким-либо авторитетом. Эта «навалачь», как называли их местные жители, проводила репрессивную

---

* Адамович И.А. (1897–1937) — видный деятель партии большевиков, в 1918–27 гг. занимал ряд ответственных должностей в Беларуси. Далее работал в Москве и на Дальнем Востоке. Окончил жизнь самоубийством 22 апреля 1937 г. — *Прим. ред.*

политику Москвы. Деревенские председатели, которые в своем большинстве не могли применять карательные меры к односельчанам, в массовом порядке становились жертвами репрессий.

Тухачевский верно подметил, что деревня пыталась создать местное самоуправление. Так, крестьяне Беларучской волости созвали собрание:

> «...по требованию граждан волости, потому, что в это время у нас форменное безвластие..., нам желательно, чтобы служебные лица были нами же выбраны, а не по назначению, как, например, у нас был председатель волостного ревкома, некто Николай Хозик, неизвестно откуда и кто такой, какой немилосердно нас обижал и подобрал без нашего согласия и выбора членов..., которые только всячески вредили нам».

Сильное недовольство крестьянства вызывала распространенная практика обеспечения карательных отрядов за счет населения. Существовала и такая форма наказания за несвоевременное выполнение налогов или поддержку «бандитизма» как размещение в деревне голодных красноармейцев. Как отмечал Тухачевский, солдаты неплохо устраивались на содержании селян, но... теряли боевые качества. «...И только небольшая часть действительно вела боевые операции», — подытожил командарм негативные последствия системы «оккупационных гарнизонов», дорого стоившей крестьянам.

* * *

Повседневный опыт подсказывал селянам, что создается государство с интересами, прямо противоположными народу.

Поэтому народ все чаще высказывал мысль о государственной независимости Беларуси со своей армией и правительством. Можно определить временной рубеж, когда эта мысль оформилась в резолюциях народных собраний в волостях и уездах, постановления и предложения которых направлялись в центральные органы власти. Это осень 1920 года.

На беспартийной конференции в Волосевичах (Борисовский уезд) 31 октября 1920 года крестьяне рассуждали:

> «При самоопределении надо обратить внимание на то, что Беларусь — страна бедная. Значит, ей необходимо к кому-нибудь присоединиться, но в такое время надо смотреть, чтобы присоединение не поработило нас... Во всяком случае не может быть и речи о чем-нибудь другом, кроме независимости Беларуси, вне какой-либо связи с Польшей и советской властью...».

На такой же конференции в Холопеничах крестьяне объявили:

> «Желаем мирным путем освободить Беларусь от польских и советских войск и дать ей возможность самоопределиться без чьей там ни было диктатуры».

Исходя из горького опыта жизни на оккупированной территории, население повсюду требовало свободы и независимости. Не удивительно, что наиболее популярным лозунгом Слуцкого восстания был лозунг: «Против панов и коммунистов».

На всех собраниях и конференциях звучали слова возмущения разделом Беларуси натрое. «Такой раздел беларуских трудовых масс и занимаемых ими земель есть насилие над волей беларуского народа», — высказали свой взгляд на алчную политику государств-соседей крестьяне Острошицко-Городокской волости. Они требовали равноправного участия представителей Беларуси в Риж-

ских переговорах, справедливо видя за фактом неучастия ущемление прав и неуважение к целому народу. Одним из требований, звучавших на этих собраниях, было закрепленное в протоколах решение о создании собственной армии, «которая только одна сможет понять правильно интересы трудового беларуского народа и вести внутреннюю и внешнюю защиту Беларуской Республики».

Безусловно, проявление стремления к государственной независимости — это еще и результат целенаправленной пропагандистско-организационной работы политических сил. На Минщине во многих деревнях действовали первичные ячейки Беларуской партии эсеров. С успехом работали инструкторы партии, как правило, из числа местных учителей, волостных и уездных служащих, бывших военнослужащих.

Власть всячески ограничивала деятельность эсеров, препятствовала их выступлениям на собраниях. Под навязчивым контролем ревкомовцев утверждались призывы вроде «Да здравствует всемирная революция!», «Да здравствуют великие вожди революции тов. Ленин и Троцкий!». Однако не прошло и двух недель после схода, где приняли призывы в честь пролетарских вождей, как в ту же Беларучь приехала пламенная эсерка Полута Бодунова*. Сотрудники волостного ревкома не давали ей слова. Однако делегаты съезда возмутились тем, что «коммунисты ей, беларуске, запрещают говорить со своим народом беларуским», и пожелали послушать ее выступление. Именно ее предложения вошли в резолюцию схода. Несмотря на преграды начальства, делегатом на съезд советов Беларуси был избран известный эсер Евсей Трофимов.

Таким образом, в Беларуси определился вектор политических стремлений и перевесов. Через экономическую необходимость люди приходили к выводу о необходимости построения беларуского государственного дома.

* Бодунова П.А. (1885–1938), учительница, с апреля 1917 постоянно входила в состав руководства эсеровских организаций (БСГ, БПСР-Р). Арестована органами НКВД 3 марта 1937, казнена 25 мая 1938. Реабилитирована в 1989. — *Прим. ред.*

Забытая правда жизни

Фёдор Кардаш

В 1955 году я окончил учебу на отделении журналистики БГУ. В кармане — диплом и направление отдела агитации и пропаганды ЦК КПБ. Место назначения — редакция газеты «Красная Заря» Краснослободского района Минской области.

Вздохнул с облегчением, по правде говоря, за пять лет «альма матер» изрядно надоела. Всю учебную программу можно было усвоить и за половину отведенного срока. Если радикально сократить время на историю КПСС, и другие ненужные газетчикам дисциплины. Но партийные идеологи думали иначе, считали необходимым основательно промыть мозги молодежи, чтобы она твердо держалась генеральной линии КПСС, не сворачивала влево или вправо от нее.

Темой дипломной работы я выбрал борьбу печати с бюрократизмом. Вся политическая система Страны Советов была насквозь поражена этой болезнью. Хотел лучше разобраться, в чем причина явления, с которым все вроде бы борются, а победить никак не могут.

Думал тогда, что главная беда заключалась в засилье многочисленного административного и управленческого аппарата и в полном бесправии так называемого «простого советского человека». Да и как мог рядовой гражданин что-то требовать от местной, а тем более от высшей власти, если он был парализован страхом перед этой властью, которая чрезвычайно жестоко расправлялась с неугодными ей людьми.

Однако никакие репрессии, никакие угрозы не могут остановить стремление человека к поиску истины, справедливости, причин ненормального состояния общества. Многие студенты, особенно постарше, кто успел послужить в армии, понюхать пороха на фронте или поработать в колхозе, на предприятии, уже не смотрели на советскую действительность сквозь розовые очки. Между собой в узком кругу парни резали правду-матку, осуждали усатого вождя за издевательства над народом. В горячих спорах доказывали друг другу и самим себе, что господствующая система насквозь прогнила, держится на вранье и насилии, не способна улучшить жизнь народа.

Многие уже поняли, что обещания построить социализм, а затем и коммунистический рай ничего не стоят. Достаточно было походить по городу, чтобы убедиться в расхождении теории с практикой. Везде можно было наблюдать бесконечные очереди.

— Что дают? — спросишь у крайнего.

— Да муку, не видишь? Вон несут, кто отоварился, заскочил раньше, — недовольно отвечал тот.

В другом месте давали что-то другое. Тоже надо было стоять в очереди, потому что не хватало даже самых необходимых продуктов и товаров. Перед праздниками очереди увеличивались, так как «выбрасывали» на продажу больше раз-

---

Из сборника «Боль сквозь годы». Минск, 2004, с. 88–126. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

ных припасов. Дефицитом было почти все, и вдруг что-то появлялось на прилавках. Надо только час-другой постоять, потерпеть, авось достанется какой-нибудь килограмм муки-крупы или что-нибудь из одежды. Словом, для советского человека перед революционными праздниками наступали, как тогда говорили, «мучные» дни. И это творилось в Минске, в столице. Что уже говорить про глубинку, там даже хлеб выдавали по спискам, ведь карточки формально отменили.

Защитив дипломную работу на отлично, я сам напросился послать меня в Восточную Беларусь. Тайная цель, о которой никому не говорил, — посмотреть, что делается в краях, где советская власть установилась без малого 40 лет назад.

Дела колхозные

В Западной Беларуси я уже кое-что повидал и сделал для себя определенные выводы, о чем начал писать в республиканскую газету «Савецкі селянін», редакция которой в то время находилась в здании напротив Дома Правительства.

Однажды для проверки моей писанины в колхоз пожаловали двое корреспондентов. Они походили по деревне, поговорили с людьми, работниками конторы и убедились, что селькор ничего не соврал. В колхозе действительно не было порядка, и одна из причин в том, что председатель сильно подружился с «зеленым змием». В результате в газете появилась моя заметка с комментарием приезжих журналистов.

Мы — за колхоз!

После новой публикации колхозного председателя отстранили от должности. Но не отправили полеводом в бригаду. Устроили на хлебное место, ведь он был членом компартии, а она своих людей просто так не бросала.

Шло время, да мало что менялось в колхозе. И трезвые руководители не могли справиться с хозяйством. Люди из года в год получали на трудодень всего несколько сот граммов зерна. Его даже на хлеб не хватало. Поэтому вера «в завтрашний день» исчезала.

По рассказам крестьян то же самое творилось и в окружающих деревнях, где прошла коллективизация. Но все негативные факты и явления «начальство» списывало на трудности роста.

— Ничего, — успокаивали приезжие начальники, — постепенно дела наладятся, колхозы пойдут вверх, ведь линия партии правильная...

С линией партии спорить было трудно и опасно, но верилось в ее успех слабо. Вот почему меня интересовало, что происходит там, где колхозы действуют с конца 20-х годов.

Между тем, до войны многие наши крестьяне с большим интересом относились к идее перестройки деревенской жизни. Я помню, как мой отец с соседями

читали и обсуждали устав сельхозартели и находили, что в нем убедительно раскрываются большие возможности колхозного строя. Ну как же, государство пришлет машины, поможет приобрести лучшие сорта семян зерна, картошки и других культур. Вырастут урожаи, и крестьяне заживут зажиточно и счастливо, придет, наконец, достаток в дом.

Выращенный урожай государство забирало себе

Коровы стали общими

На волнах этих грез несколько десятков семей нашей деревни зимой 1940 года объединились в сельхозартель. Руководителем избрали моего отца. Начались рабочие будни. Но очень быстро наступило разочарование, так как мечты не сбывались. Действительно, отвел человек в колхоз корову, коня, отдал воз, плуг, борону, сбрую. Забрали, как ненужное ему, гумно. И что осталось? Ежедневно ходить на работу словно батраку, а заработка никакого. Только в конце года, после расчета с государством, станет известно, каким будет трудодень. А он не мог быть весомым, потому что налоги оказались просто неподъемные.

Получалось хуже, чем у пана. Тот платил регулярно и больше. Колхозники с горечью говорили: «Раньше было паново, а теперь планово», и план этот оказался просто бездонным: сколько ни сдавай, а все мало.

Сами крестьяне не могли самостоятельно решать ни одного вопроса, на все надо было получать согласие районных руководителей. Колхоз они вообще-то не забывали (в то время их мало было), почти каждый день кто-то наведывался в правление. Отец должен был ходить с ними в поле, на ферму, что-то объяснять, доказывать, просить помощи, а потом надо было еще и покормить человека. Если это один или два раза в месяц, не накладно, а если через день или каждый день? И приходилось кормить, ведь столовой не было.

За несколько месяцев начальники съели все наши окорока и колбасы, которые обычно берегли до жатвы, когда наступали самые тяжелые дни крестьян-

ской работы. Отцу так все это опротивело, что он решил избавиться от своей «руководящей» должности.

Вскоре это случилось. На общем собрании председателем выбрали нового человека, бедняка, как более надежного для власти. Ведь мой отец считался середняком, хорошим хозяином, поэтому имел свое мнение и не раз возражал начальству. Потеряв руководство, отец повеселел, ни на кого не обижался, сразу пошел в колхоз разнорабочим. Правда, не всегда там был занят. В таком случае ходил на строительство завода по производству извести: недалеко от нашей деревни нашли залежи мела.

Война

Несмотря на крах надежд о лучшей жизни, отношение отца к советской власти не изменилось. Видимо он, думал, как и убеждали пропагандисты, что причина всех трудностей — в сложном международном положении, необходимости готовиться к войне. А 22 июня 1941 года пророчества агитаторов подтвердились наихудшим образом.

Немцы сразу распустили колхоз. Людям разрешили забрать своих коней, инвентарь, и каждый стал хозяйничать на прежнем куске земли. Было нелегко, потому что зерна, выделенного из колхозного урожая, не хватало на хлеб и на сев. Картошки не дали совсем. Но бывшие колхозники нашли выход. У каждого были родственники или близкие друзья — единоличники. Они одолжили семена с условием вернуть из нового урожая. А немцы, поскольку зерно и картошку забрали, особое внимание обратили на животноводство, приказали кормить свиней и сдавать им в зачет налогов...

Непоправимая беда пришла в нашу семью 11 апреля 1944 года. Ночью отец ушел из дома и не вернулся. Его позвали партизаны, чтобы идти на железную дорогу. Подняли и других мужчин, всего набралось человек двадцать. Приказали взять с собой топоры и пилы — хотели свалить телеграфные столбы.

Когда пришли на железную дорогу, разделились на пары и распределили, кому какие столбы валить. Первые два от переезда достались отцу с соседом Санюком. Острая пила хорошо вошла в сыроватую еще древесину, недавно здесь поставленную. Вот уже скоро и середина столба, еще несколько движений и он упадет на землю. Но вдруг раздался оглушительный взрыв, столб рухнул на землю и подмял под себя мужчин. На короткое мгновение наступила тишина. Затем из недалекого ровика раздались пулеметные очереди. Трассирующие пули яркими светлячками летели вдоль железной дороги, а затем направлялись в лес, ища и там свою жертву.

В деревне ждали возвращения мужчин. Услышав взрыв и стрельбу, поняли, что те напоролись на охрану. А взрыв свидетельствовал, что дела могут быть еще хуже. Мать пошла в переулок, что вел к железной дороге, в надежде встретить отца или другого участника диверсии, а я остался во дворе и наблюдал за улицей: может, кто-то появится. И тут заметил, что кто-то бежит, хромая, держась в тени возле заборов. Это был дядя Язеп. Жил он через две хаты от нас.

— Дядя, что случилось? — спросил я, преграждая ему дорогу.

– Мина! Мина была в столбе. И засада около переезда, – не останавливаясь торопливо промолвил он и поковылял к своей усадьбе.

А отец не появлялся. Мать пошла по деревне искать кого-нибудь из мужчин, кто бы поведал, что случилось, где ее Иван. Все прибежали уже домой, а его и соседа Санюка так и не было. О них ничего не знали или не хотели говорить. В голову лезли мысли о том, что они наверное раненые, лежат там беспомощные. Их оставили, а сами, как зайцы, помчались через лес домой. Позже выяснилось, что так оно и было.

Взрывом мины отец был тяжело ранен, а Санюк убит. Немцы их подобрали и отвезли в Молчадь, где стоял гарнизон. Потом сказали, что мы можем забрать отца. Немедля мы запрягли лошадь и поехали в местечко. Там, в гумне лежали двое... Один из них был наш отец. Он еще жил какое-то время, его стоны слышали в ближайшем доме. Потом затих навсегда...

И все же нашу семью не расстреляли. Свою роль, наверное, сыграло то, что последние несколько месяцев отец работал вместе с другими односельчанами на строительстве бункера, точнее, на вырубке леса. Они согласились на это, потому что пошли слухи, что мужчин могут забрать на окопные работы. Видимо, была учтена и незначительность происшествия: несколько спиленных столбов – не такая уж большая потеря, чтобы за это убивать людей. Вообще, в районе наших Хорошек за все время войны не было крупных диверсий.

Начало мирной жизни

Фронт почти незаметно прокатился по нашей местности, грохотал где-то по магистральным путям. Наступило мирное время, не надо было опасаться ни фашистов, ни партизан. Можно было пахать, сеять, гонять на выпас скотину, убирать в надлежащее время рожь, ячмень, пшеницу. Последнюю, кстати, у нас всегда сеяли, хотя и мало. Потому, что надо было удобрять поле или размещать по картофлянику, ведь земля супесчаная. Однако пшеница неплохо росла. И мать пекла из нее вкусные пухлые булки.

Жизнь без отца чрезвычайно осложнилась. Растить пятерых детей – не простое дело. Старшей сестре Вале было 14 лет. Самому младшему братику Вите не исполнилось и 4-х. А помощи ждать не приходилось. Правда, вскоре после смерти отца к нам заехали трое партизан (днем, на конях) и спросили у матери, чем помочь. «Конь есть, а то можем кабана тебе привезти или телушку, что скажешь, то и сделаем», – обещал старший из них, в кубанке с красным верхом, усатый, хмурый мужчина средних лет. Мать ответила, что ничего не надо. Боялась, чтобы не донесли немцам. Тогда беды не оберешься.

Лето 1944: Беларусь снова свободна!
Или снова порабощена?

К счастью, конь у нас был. Весной я поехал пахать поле под яровые, хотя пахарю «стукнуло» всего 12 лет. Как же трудно было управляться с плугом!

Послевоенный подъем социалистического сельского хозяйства – самого передового в мире

Относительное облегчение наступало 1 сентября, с началом учебы. Ходил я в Молчадскую среднюю школу, в Хорошках осталась только начальная. При немцах был и пятый класс, я его окончил, но в Молчади всех усадили в тот класс, в котором занимались в последний год перед войной.

Тогда даже в сельских школах происходила насильственная русификация. Например, в Молчадской школе Городищенского (сейчас Барановичского) района, где я учился, математику преподавал по-беларуски пожилой учитель. Когда он ушел на пенсию, прислали русскоязычную женщину. И никто ни нас, ни родителей не спросил, желаем ли мы переходить на «великий и могучий язык». Уроки географии тоже велись по-русски, ибо преподаватель, он же директор школы, приехал из России.

Проблем с учебой у меня не было. Успевал по всем предметам на «четыре» и «пять», хотя времени на занятия не хватало. До местечка почти пять километров, каждый день туда и назад. Получается десять. И дома надо помогать: дров наколоть, воды наносить из колодца, сечки скотине нарезать... Только поздно вечером можно было сесть за книги. Всем нам приходилось писать и читать при одной керосиновой лампе за одним столом.

Мать, конечно, имела еще больше забот, она должна была справляться и с женской, и с мужской работой. Осенью и почти до середины зимы молотили хлеба. Я тоже участвовал. А это труднее, чем пахать и ходить за плугом.

О налогах и финагентах

Налоги стали еще одной проблемой для нашего слабого хозяйства и малолетних работников. Удивляло то, что для многодетной семьи без хозяина, погибшего в борьбе за советскую власть, не было никаких льгот. Наоборот, с нас потребовали больше, чем обычно. На каком основании? Очень просто: приписали лишний гектар. Не посчитались с тем, что мы не обрабатывали всю землю, не было кому. По этой причине мать отказалась платить дополнительный налог.

И вот однажды деревенские уполномоченные Салаш и Гребень вместе с председателем сельсовета Федутиком и агентом по зерну явились к нам и хотели силой забрать зерно, подготовленное для озимого сева. Но пока они проверяли, сколько осталось зерна, мать замкнула кладовку. Тогда Гребень взял топор и хотел сбить замок с двери. Мать подняла крик, прибежали дети на помощь. Услышав шум, пришел сосед Максим, и начальники отступились, однако пригрозили, что все равно добьются своего.

Об этом диком происшествии я написал в барановичскую областную газету. Приезжал корреспондент, но к нам не зашел, удовлетворился объяснениями председателя сельсовета Федутика: дескать, мы только предупредили Кардаш, никакого насилия не было. А начальники скоро пришли опять и уже «законно» описали наше имущество. Что оставалось? Решили обратиться в Верховный Совет БССР. Мать плакала и говорила о злых «мытарях», а я записывал наши обиды на бумагу.

На этот раз довольно быстро приехал для проверки жалобы депутат Верховного Совета – не помню его фамилии. Он посмотрел все квитанции, по которым было видно, что мать выполнила обязательства: и зерно сдала, и деньги заплатила. Оказалось, что Салаш и Гребень сами не сдали еще ни килограмма зерна в зачет налогов, зато регулярно организовывали пьянки для агентов и председателя сельсовета. Депутат напугал этих мелких жуликов, и они отстали от нас. Правда, другой пьяница-коммунист однажды сказал матери: «В Москву дорожку нашла, все пишешь, обиды свои выкладываешь. Ничего, устанешь»... Позже я убедился: правду сказал коммуняка, советская власть слезам не верит. Кстати, в Москву мы не писали. Старый пьянтос что-то перепутал, одурев от сивухи.

Хорошо помню первую поездку на хлебозаготовительный пункт в Новоельне. Это километров 15 от Хорошек. Вместе с матерью загрузили на воз пять мешков ржи, уселись сами и двинули в дорогу. Через пару часов были на месте, около длинного приземистого строения, которое размещалось вдоль железнодорожного пути. Приёмщик – толстый как бык мужик с наглым взглядом, в защитного цвета телогрейке, показал рукой на весы, затем на огромный холм ржи: «Взвешивай и тяни наверх». На весы мешки мы с матерью складывали вместе, а здесь надо было одному брать на спину и по доскам взбираться к самой вершине зерновой горы. «Он же мог разрешить высыпать зерно у подножия, – со злостью думал я, – а не заставлять слабого подростка ползти наверх». Плохо помню, как я добрался до вершины, так как все внимание было обращено на то, чтобы не упасть с грузом. Каким-то чудом я все же добрался до места и от усталости рухнул вместе с мешком. Отдышавшись, поднялся, распутал завязку, начал высыпать зерно. Но мешок не слушался меня, поднять его не было сил, поэтому я понемногу выгребал рожь рукой. Приёмщик заподозрил что-то недоброе, быстренько взбежал по доскам ко мне и рукой стал разбрасывать зерно туда-сюда. Сначала я и не понял, для чего он это делает. Потом уже сообразил: этот вепрь подумал, что в мешке был песок, потому я так долго возился. Ему даже в голову не пришло, что я не мог поднять мешок и сразу высыпать зерно. Он и теперь не помог мне, а, поковырявшись во ржи, слез вниз...

Снова в колхозе

Чтобы успешно хозяйничать на земле, надо быть не только физически выносливым, но и заботливым, старательным, терпеливым человеком. Надо хорошо знать секреты выращивания разных культур, все делать вовремя и качественно, применять новые агротехнологии. Отец, хотя не проходил никаких специальных курсов, с готовностью использовал лучшие образцы ведения полеводства. Поскольку органики было недостаточно, и шла она в основном под картошку

(о минеральных туках никто даже не слышал), то под рожь, например, сеял люпин. Больше сеял клевера, гороха и вики. В результате почва обогащалась азотом для зерновых.

Но война не способствовала крестьянскому делу, в деревнях мужчин осталось мало, в основном старики и дети. Все заботы легли на плечи женщин. Думалось, что после разгрома фашизма будет легче. В день Победы, о чем в деревне узнали утром 9 мая, люди смеялись и плакали. Мы услышали общее возбуждение и выбежали на улицу. От счастья плакали те, у кого мужья, братья и сыновья остались живые. Плакали от горя те, у кого родные погибли.

Поплакали, погоревали и снова занялись повседневными делами, ведь их не перенесешь на другой срок. Жизнь продолжалась.

Кто-то сказал маме, что за отца должны давать денежную помощь на детей. Надо только взять необходимые справки в сельсовете и райисполкоме. Вместе с подругой по несчастью, Санюковой женой, она пошла по бюрократическому кругу. Что за люди сидели тогда в органах власти, можно только удивляться. Председателем Озерянского сельсовета был известный нам Федутик. В сельсовете, рассказывала мать, надо было взять справку с места жительства, ведь паспортов у нас нет, чтобы ехать в Минск в штаб партизанского движения получить «похоронку». Казалось бы, всего дел минут на 20, но Федутик как раз собрался куда-то ехать и не согласился подождать, пока секретарь напишет справки. «В два часа вернусь, тогда подпишу», — важно заявил начальник. Пришлось ждать. Пробило два часа, потом три и четыре. Вот уже и 10 часов вечера. Стало темнеть, а его все нет. Потом появился совсем пьяный. Секретарь, местный, озерянский человек, сразу к нему:

— Женщины сидят целый день, ты обещал подписать им справки.

— Никаких справок подписывать не стану — стал выпендриваться начальник, — время уже после работы.

Мать приняла это за шутку и давай объяснять:

— Товарищ председатель! Нам же идти далеко, километров семь, через лес, волки еще съедят. Подпишите, пожалуйста, справки же готовы.

— Я сказал тебе русским языком, подписывать не буду. Время после работы, — упрямился сельский голова. И в подтверждение своей позиции стукнул кулаком по столу. Позже мать рассказывала: «Меня охватила злость, я тоже кулаком по столу: ах, говорю, негодяй ты! И заплакала».

Тогда секретарь опять начал его стыдить. В это время появилась учительница, тоже просила. Наконец начальник протрезвел немного и подписал эти несчастные справки.

Утром надо было идти еще в райцентр, заверять их. Потом поехали в Минск. Но сразу и там не смогли оформить документы. Пришлось ехать еще раз. И что в результате? На пятерых детей назначили денежную помощь... 72 рубля в месяц. За эти деньги можно было купить каждому две булки хлеба.

Тогда матери пришлось заняться торговлей. Она пекла булки величиной с блюдце (у нас называли их пышками) и возила в Барановичи. Здесь недалеко от разрушенного вокзала была площадка, где стояли скамейки. Возле них шла торговля. Я часто сопровождал мать, подносил корзины до станции, помогал залезть в товарняк, ведь пассажирских вагонов не было. Иногда сам ездил с ней

в Барановичи. Наши булки по червонцу за штуку покупали в основном офицеры, в городе было много военнослужащих.

Эти торговые экспедиции с осени и до начала весенних работ повторялись довольно часто. Домой мать привозила кучу скомканных «дензнаков», высыпала на стол, и мы считали их, раскладывали по номиналу. Выручка позволяла купить книги и тетради для нас, пятерых школьников, даже одежду и обувь. Но после коллективизации торговля захирела сама собой: больше не было пшеницы для выпечки булок.

Единоличное хозяйствование кончилось в 1948 году. Опять организовали колхоз. Жизнь от этого стала только труднее. Если раньше, имея лошадь, каждый мог заготовить достаточно корма для скотины, то теперь это превратилось в проблему. Чтобы держать корову, — а как без нее? — надо было на своих плечах таскать траву с болота, из зарослей кустарника, но сначала нарезать ее серпом. Когда убирали рожь, потом косили для себя жнивье, ведь соломы не давали, она шла для общественного стада. Да и жнивье не разрешали убирать, делали это украдкой.

Получите зерно, по 100 граммов на трудодень более чем достаточно

Мы, дети, все пятеро, ходили в школу, а в колхозе работали только летом. Рабочих рук тогда еще хватало. Я обгонял бульбу — это считалось нетрудной работой. Возил также рожь с молотилки на склад.

Не обошлось в Хорошках и без ЧП. Однажды вечером в школе проводили колхозное собрание. Было шумно. И вдруг со двора грохнул выстрел. Человек, стоявший у окна, сполз на пол и захрипел. Пуля попала яму в голову, он скончался на месте. Это был тот самый пьяница-коммунист Демьян, что читал нотацию матери. Перестройка деревни на колхозный лад требовала жертв.

В районной газете

В 1950 году я окончил Молчадскую среднюю школу. Куда податься дальше, вопроса не было. Давно решил поступать на отделение журналистики Беларуского государственного университета, потому что уже привык писать для газеты.

Но, пожалуй, главная причина заключалась в ином. Работая в печати, думал я, можно будет «бичевать» те порочные порядки, что установились в стране. Это настроение сохранялось все годы учебы, с ним я начал работать.

1 августа 1955 года я приехал в городской поселок Красная Слобода Минской области — это километров тридцать на юг от Слуцка. Меня зачислили секретарем районной газеты «Красная заря». В редакции было всего двое штатных сотрудников — редактор и секретарь. Для двухполосной газеты, выходившей дважды в неделю, больше и не требовалось.

Редакция имела собственный транспорт, даже две единицы: велосипед и ...гнедую кобылу. О последней, правда, я не сразу узнал. Секрет раскрыли женщины из типографии, находившейся в одном здании с редакцией.

— Отчего вы только на велосипеде ездите в свои колхозы? — спросила одна из них. — На нем надо педали бесконечно крутить, ножки заболят. У нас же кляча есть для командировок. Сел как пан, да погоняй себе...

Все дружно захохотали. Прежде я не слышал, чтобы в газетах держали лошадей для транспортных услуг. Что ж, можно и на кобыле иногда проехать. Дома подростком приходилось часто гонять коней на выпас. И ничего, ни разу не упал, хотя держаться можно было только за конскую гриву.

Когда вдоволь посмеялись, женщины предупредили, чтобы я не слишком торопился следовать их совету. Полина (редактор) вряд ли даст лошадь в мое распоряжение. Конь нужен, чтобы «сотки» начальников обрабатывать, а не разъежать по району... Однако насмешницы ошиблись. Редакторша сама предложила мне съездить в удаленный колхоз верхом, так как дорога туда топкая, на велосипеде не доберешься. А надо было срочно подготовить корреспонденцию о ходе сева озимых. Я быстро собрался и двинул в путь. Думал, крестьяне будут смеяться, но никто не обратил внимания на «казака». В то время на весь район были две-три легковушки, так что многим приходилось пользоваться лошадиной силой. Одним словом, поручение я выполнил, но больше моя начальница не предлагала ездить на кобыле. В моем распоряжении были попутные машины и велосипед.

Однажды взял меня с собой в колхоз председатель райисполкома Красневский: видно, ему было интересно познакомиться с новым человеком, всю дорогу расспрашивал, откуда я, кто родители. Когда прибыли на место, я сказал, что мне обязательно надо взять интервью у агронома.

— Давай, давай, только не затягивай надолго, — предупредил он и добавил:

— Потом приходи в кабинет председателя колхоза.

Там мы не задержались, сразу пошли на квартиру к «красному помещику». Он выставил на стол домашние припасы: колбасу, ветчину, отбивные, разные салаты, а выпивка была одна — медовуха.

Выбрались мы от гостеприимного хозяина в потемках, так что вряд ли кто заметил, как мы неуверенно плелись к машине начальника. В райцентре Красневский не отпустил меня домой, пригласил в свой кабинет. Мы долго беседовали. Используя момент, я задал ему деликатный вопрос, который в других обстоятельствах не осмелился бы поднять: почему сдача зерна государству считается первой обязанностью? Колхозы только начали уборку, зерно еще сырое, техники, в том числе автомобилей, не хватает. А их загружают этим полусырым зерном и гонят на приемный пункт за тридцать и более километров. По-хозяйски сначала надо бы убрать если не все, то значительную часть посеянного, просушить и тогда начать сдачу государству.

Начальник внимательно выслушал меня, поерзал на стуле и неожиданно строгим голосом заявил: «А вот этого я тебе не скажу!» По-правде говоря, мне уже и не надо было объяснять. Я сам докумекал, в чем причина такой практики. Во-первых, к лету в государственных закромах зерна оставалось в обрез. Во-вторых, начальники опасались, что если послушаться колхозников, то недополу-

чишь большое количество хлеба. Не углядишь, как в хозяйствах начнут раздавать зерно на трудодни, скармливать скотине, просто разворовывать. А на трудодень, чего доброго, определят не 200–300 граммов, а 2–3 килограмма. Только уступи им, и город останется без хлеба.

Грустные впечатления

В таком же и даже худшем положении находились почти все колхозы республики. Промышленность не обеспечивала в нужном количестве деревню тракторами, комбайнами, автомобилями, прицепными инструментами. К тому же весь машинный парк был сконцентрирован на усадьбах МТС, которые имели свои трудности с ремонтом техники: постоянно не хватало запчастей. Тракторы часто ломались, подолгу простаивали.

За несколько месяцев я объездил весь район, все хозяйства. Видел все своими глазами, писал об этом в газете. Впечатление было очень грустное. Отсутствие элементарного порядка на колхозных усадьбах, на животноводческих фермах, старые, полусгнившие хозяйственные помещения, грязь возле зданий и на улицах, пустые прилавки магазинов, люди, одетые в замусоленные телогрейки – смотреть на все это было больно.

Даже в Красной Слободе хлеб выдавали по спискам. Между тем район хотя и небольшой, но по своим потенциальным возможностям мог выпускать много разной продукции, так как имел плодородные земли. Но эти возможности не использовались так, как надо. Даже на востоке БССР я услышал ту же поговорку «раньше было паново, а теперь планово», которую слышал в Барановичском и Наровлянском районах, где проходил практику.

Выходит, в разных уголках Беларуси люди одинаково оценивали свое положение. Не колхозники определяли, сколько чего выдать на трудодень. За них это решали во властных кабинетах. Там сидели «мудрые головы», которые заботились прежде всего о том, чтобы обеспечить город, а колхозникам давали то, что останется. Оставалось мало. Совсем мало. В таком случае, откуда у сельского жителя возьмется желание «вкалывать» на колхозных полях или на фермах, утонувших в навозной жиже? Как в старину у крепостного крестьянина, так теперь у советского хлебороба не было заинтересованности в результатах своего труда. Фактически он был крепостным. Без согласия руководителя не мог оставить колхоз, у него ведь и паспорта не было.

Многочисленные решения партийных и советских органов о дальнейшем развитии сельского хозяйства, которые часто появлялись в печати, не давали результатов именно по указанным причинам. Они только констатировали, что колхозы и совхозы не выполняют планов и социалистических обязательств по полеводству и животноводству, что низкие урожаи зерновых, картофеля и других культур, мало получают молока и мяса, не принимают мер по укреплению кормовой базы, улучшению лугов и выпасов...

Постановления обязывали нижестоящие органы, руководителей хозяйств принимать меры по исправлению недостатков, усиливать организационную и политическую работу среди тружеников деревни. В газетах часто публиковались письма передовиков сельхозпроизводства, которые списывали все недо-

статки на низкую трудовую дисциплину колхозников. Авторы заметок требовали создать вокруг лентяев обстановку нетерпимости... Напрасные желания: невозможно заставить людей ударно работать на голом энтузиазме. Надо, чтобы старание человека хорошо оплачивалось, но постановления партии и правительства об этом даже не упоминали.

Нас, студентов, тоже каждый год «гоняли» на бесплатные работы, обычно на уборку картошки. Целый месяц, часто в дождь и холод, мы копошились в поле, не получая за это ни рубля. Работали фактически только за харчи, причем в своей одежде и обуви, ведь спецодежды никто не давал. У меня однажды во время картофельного аврала оторвалась подошва в ботинке. Что делать? Мастера в деревне не было, а в город руководитель не пускал. Пришлось подвязать подошву бечевкой и продолжать «битву за урожай». Кстати, для студентов было бы неплохо, чтобы колхоз дал каждому хотя бы корзину картошки в качестве платы за ударный труд — ни разу не дали, и разговора об этом не было. Интересно то, что колхозники в это время собирали «второй хлеб» на своих приусадебных участках. Заставлять их идти на общественную работу никто не отваживался, потому что собственная картошка являлась почти единственным спасением от голода зимой.

Вот как выглядела жизнь советских людей на плакатах сталинских художников

Студентов использовали не только в качестве рабсилы. После сентябрьского Пленума ЦК компартии 1953 года, объявившего очередные «меры по подъему сельхозпроизводства», нас, третьекурсников, отправили в колхозы Минского района — выступать с докладами о решениях этого пленума. Тогда я лишний раз уверился, насколько тяжелым было положение в деревне. Апатия, безысходность, разочарование — таким было настроение крестьян. Старый колхозник, у которого я ночевал, прямо сказал: «Все мы потеряли веру в перемены к лучшему. Мы только работаем, а придется делить добытое — выходит по сто — двести граммов зерна на трудодень. Все почти даром забирает государство»*.

Прошло уже десять лет мирной жизни, но положительных сдвигов почти не видно. Везде беспорядок. Застой. Упадок. По словам вождей, в колхозах и вообще в стране жизнь должна процветать, а на деле происходит обратное. Почему? Эти вопросы не давали покоя. Мои надежды на то, что критика в газете будет содействовать искоренению недостатков, оказались просто смешными. Постепенно до меня доходило, что причины упадка гораздо глубже. Они кроются в са-

* 200 граммов на трудодень, это составляет, при 25 рабочих днях, всего-навсего 5 кг зерна в месяц. За год — 60 кг, т.е. три мешка. Реально, это не «плата», а дармовая работа. — *Прим. ред.*

мой природе власти, в том, что в стране нет никакой демократии. Формально Конституция гарантирует права граждан, а на деле отсутствует свобода слова и печати, митингов и собраний, забастовок и демонстраций...

Взять деревню — даже те права, которые якобы имеют колхозники, реально отсутствуют. Статус сельхозартели позволяет селянам принимать участие в управлении хозяйством, но фактически всем заправляет председатель правления, человек, которого поставил районный комитет партии через райисполком. Жаловаться некому.

Мои попытки поговорить о бесправном положении колхозников вызывали настороженность. Такие вопросы никто не хотел обсуждать. Очень показательно и то, что никто словом не заикнулся о событиях во время Слуцкого восстания 1920 года, хотя в нем активно участвовали жители Вызны (так раньше называлась Красная Слобода) и всей волости, входившей тогда в Слуцкий округ. Вот как запугали народ! Родители боялись доверить эту тайну даже своим детям и внукам!

Кто виноват и что делать?

Рано или поздно эти вопросы возникали у каждого, кто задумывался о нашей жизни. С одной стороны, коммунистическая теория якобы открыла путь к благополучию и счастью людей. Но на практике получалось совсем иное. За десять послевоенных лет наши бывшие враги — Западная Германия, Италия и Япония, восстановили разрушенные войной города, достигли огромных успехов в развитии промышленности и сельского хозяйства, повышении благосостояния народа. А Страна Советов по-прежнему не могла вылезти из нищеты и отсталости. Почему?

Да потому, что на Западе граждане имели политические и экономические свободы и могли сами решать свои проблемы. А в Советском Союзе диктататура партийных боссов препятствовала нормальному развитию экономики. Дали бы советским людям свободу, возможность проявить свои способности, как было при НЭПе, и они за немногие годы добились бы подъема народного хозяйства.

Но об экономической свободе в то время речь вообще не шла. Партия постоянно утверждала, что общественная собственность на средства производства эффективнее частной, хотя жизнь убедительно опровергала эту марксистскую догму. В странах «народной демократии», где установился коммунистический режим, люди тоже оказались в условиях всеобщего дефицита товаров и полуголодного существования.

Когда умер усатый «батька», многие надеялись, что советская власть вернется, как тогда говорили, к «ленинским принципам» государственной и партийной жизни. Мы наивно верили в то, что Ленин был «истинным демократом» и «мечтал о всеобщем изобилии». Я тоже поддался на эту глупость, решил написать письмо в ЦК КПСС. Думал, пусть и оно послужит делу «восстановления ленинских норм».

О чем писал? Главный «акцент» сделал на отсутствии демократии в стране, на необходимости освободить печать от засилья цензуры, чтобы люди могли свободно критиковать деятельность компартии и советской власти.

Письмо я отправил в ноябре 1955 года, еще до XX съезда КПСС, который состоялся в феврале следующего года, и где Н.С. Хрущев выступил с докладом «О преодолении культа личности Сталина и его последствий». Выходит, я раньше партии развенчал «вождя всех народов», назвав его средневековым тираном...

Содержание письма заставило меня подумать о санкциях, которые «органы» могут применить к автору. Было ясно, что, несмотря на некоторое смягчение политического режима, его суть мало изменилась. Потому я решил подписать послание вымышленной фамилией. Конечно, это не совсем этично, но, с другой стороны, разве этично сажать человека за решетку только за то, что он осмелился высказать свою мысль? Так что делать? Посылать или не посылать?

Павел-тракторист, у которого я жил на квартире, в ответ на мои сетования, что горько видеть бардак, творящийся в колхозах района, рубанул безапелляционно: «Брось ты дурить голову! Имеешь хорошую должность, так работай себе. Какая тебе разница, что происходит в колхозах? До фени все это, пусть начальство думает, что делать»...

Крестьяне получают пшено на трудодни в колхозе им. Демьяна Бедного

Но я не послушал «человека из народа». Я был в таком состоянии, что не мог молчать. Глубокое разочарование от близкого знакомства с советской жизнью заполонило меня. И я все же решился потревожить кремлевских кормчих...

Они оказались верны себе: в местные органы поступил приказ: найти и наказать! Через какое-то время меня вызвали в райком комсомола. Там уже ждал сотрудник минского областного управления КГБ. Он потребовал объяснений моего антисоветского поступка. Я коротко ответил, что в письме высказал свои мысли о положении в стране. А против советской власти никаких преступных намерений не имею. На этом разговор кончился, посланец органов явно был недоволен мною. Не помню, кто именно, но кто-то из районных начальников сказал: «Надо было каяться, клясться в верности партии и советской власти. Иначе загремишь в какую-нибудь Воркуту». Он как в воду смотрел...

Вслед за гэбистом в райцентр приехал работник обкома комсомола и забрал меня с собой. На заседании обкома исключили из организации и предложили обращаться в ЦК, если не согласен. Хотя вопрос этот могли обсудить по месту работы, или на пленуме райкома комсомола, но выносить столь деликатную проблему на рассмотрение в райкоме посчитали нецелесообразным. Зачем молодежи знать, что в ее рядах оказался инакомыслящий. Юноши и девушки у нас

«идейно закаленные и морально выдержанные», надежная опора и резерв партии. А с отщепенцем сумеют разобраться высшие инстанции.

Через несколько дней я уже стоял перед бюро ЦК комсомола. Выслушали меня. Много вопросов не задавали, они и так все уже решили. Особую активность проявил только какой-то военнослужащий, видимо, сотрудник армейского комсомола. Он все время крутился на стуле и явно подбивал меня признаться в связях с заграничными пропагандистскими центрами....

— Наверное, голоса разные слушаешь? — распекал румяный юноша.

— Нет у меня приемника, — пытался я отбиться от этого заядлого активиста.

О финале догадаться нетрудно. Надеяться, что комсомольские бюрократы пожалеют беднягу, было наивно. Они сделали то, что от них требовали, исключили из комсомола. Теперь в любой момент можно было ждать «гостей».

Арест и следствие

У меня было еще время, чтобы спрятаться от чекистов, сбежать куда-нибудь в Сибирь или на Дальний Восток, в тундру, наконец — в бескрайнем Союзе глухих углов хватало. Но не было желания. Жить под постоянной угрозой разоблачения не хотелось. «Пускай уж судят! Много не дадут, не то время», — махнул я рукой на все заботы.

...Они пришли рано утром. Вместе с другим бездомным мы беззаботно спали в университетском общежитии. Сильный стук в двери свидетельствовал, что появился начальник, который вправе прервать наш сон. Пришлось вставать. Открыл и сразу сообразил, что это они...

— Ваша фамилия? Мы из КГБ, поедете с нами, — промолвил, показывая удостоверение, один из «гостей».

Я собрал вещи. Дебелые мужчины в одинаковых серых плащах сопроводили меня к потрепанной легковушке «Победа», посадили посредине. Чтобы не сбежал... Приехали быстро. Областное управление КГБ находилось тогда в трехэтажном здании на площади Свободы.

Вскоре завели в какой-то кабинет, где сидели двое мужчин строгого вида. Они назвали себя: начальник управления и заместитель прокурора. В отличие от прежних довольно приветливых дядек эти сразу набросились с бранью: как ты, негодяй, осмелился сочинить антисоветский опус, оскорбить партию и правительство. А когда согнали злость, прокурор объявил, что меня задерживают в качестве обвиняемого по такому-то делу.

Потом отвезли в «американку», круглую тюрьму, которая находится во внутреннем дворе республиканского КГБ. Перед тем как отвести в камеру, пожилой старшина провел тотальный шмон не только вещей, но и тела... Заставил раздеться до трусов, осмотрел спереди и сзади. Заглянул и в рот, и в жопу. Взяли отпечатки пальцев, сфотографировали в профиль и анфас. Для тамошних служащих это было обычное занятие, но мне оно показалось дикостью. Подумал: вот так работает карательный механизм бесчеловечного государства. Ну пусть бы смотрели в задницу какому-то уголовнику, умеющему ловко прятать что-то запретное, а пострадавшего «за язык» можно избавить от таких деталей осмотра.

Так нет же, знай, что здесь с тобой могут сделать все, что захотят: оскорбить, унизить, избить...

Поместили в одиночную камеру, где кроме кровати с суконным одеялом ничего не было. Камера настолько узкая, что если протянуть руки, то почти достанешь до стен. Вверху, под потолком, слабо светилось небольшое окошко с рифлёным стеклом. От стены до двери с «кормушкой», через которую подавали еду, и «глазком» для наблюдения за арестантом было шесть шагов. Вот и все пространство! О режиме можно было узнать из бумажки, висевшей на стене у дверей. Требовалось строго выполнять все приказы администрации, вставать при посещении начальников и т.д.

Вскоре вызвали на первый допрос (допросы продолжались более двух месяцев). Следователь лейтенант Карнач оказался человеком молодым и вежливым, за все время ни разу не повысил голос, не то чтобы кричать или оскорблять. Правда, и дело мое было простое, подследственного не требовалось «ломать», чтобы вытащить из него нужные показания. Все как на ладони. Прежде всего само письмо на пятидесяти страницах рукописного текста давало массу «обличительного» материала для каких угодно выводов. Наиболее подходила статья 72а Уголовного кодекса БССР об антисоветской агитации и пропаганде.

Но следствие не могло установить, действительно ли я занимался этой самой агитацией и пропагандой. Безусловно, письмо «изготовил» и отослал в ЦК партии, но я его не распространял, никому не давал читать. Отправил «наверх» и все.

Следствию важно было выявить корни крамолы, установить, где я набрался антисоветских взглядов. В университете? Значит, там были пропагандисты и агитаторы. Кто они? Отсюда требование следователя: «Назовите своих друзей!» Вот и думай: если назовешь, у парней будут неприятности. Мало ли с кем вел разговоры, спорил. Они ведь писем не писали, мое «произведение» не читали. Зачем втягивать их в эту историю? Поэтому заявил: «Не было никаких друзей!»

Чекист взвинтился: «Как это не было? Пять лет учился в университете и ни с кем не сблизился? Тогда называй, с кем жил в общежитии!» Здесь деваться было некуда. Но это не страшно, мало ли с кем жил в одной комнате. Потом однокурсников допрашивали. Они ничего не сказали во вред мне. Обвинение в антисоветской агитации повисло в воздухе. Не находило убедительного обоснования. Пришлось остановиться на «изготовлении и хранении антисоветского документа».

Отчасти мне повезло: начиналась политическая «оттепель». Уже не только на закрытом заседании XX съезда Хрущев зачитал доклад о культе личности Сталина. Специальное письмо об этом читали на собраниях актива во всех районах. О том же было принято постановление ЦК партии. В концлагерях работали комиссии по пересмотру дел безвинно осужденных, многие были оправданы и вышли на свободу.

Но все это не значило, что можно безнаказанно критиковать «родную» советскую власть. Многого захотел! Моя история ярко подтвердила эту неоспоримую истину...

Суд и путешествие в лагерь

В октябре 1956 года мое дело наконец передали в Минский областной суд. Обвинение осталось прежним: антисоветская агитация и пропаганда... Назначенный судом адвокат перед началом процесса подошел ко мне и сказал: «В моих услугах нет смысла. Никто тебя не защитит. Все равно поедешь в лагерь. Так что, если хочешь, сам себя защищай».

«Вот это адвокат» — подумалось мне. Впрочем, я придерживался такой же мысли относительно своего дела, поэтому не возражал. Какой толк от такого специалиста? Как и большинство тогдашних юристов, он не желал вести политические процессы из-за их бесперспективности.

На суде я говорил то же самое, что во время следствия: «Агитацией и пропагандой не занимался. Письмо никому не показывал, никому не рассказывал о нем. Никогда не имел целью подрыв советской власти, только критиковал недостатки, на которые не раз указывали сами руководители партии и государства».

Однако ничего не помогло. Приговор был запрограммирован заранее. Меня осудили на два года лишения свободы в исправительно-трудовом лагере.

Через несколько дней отправили к месту отбытия наказания, о котором никто ничего не сообщил. Первой остановкой на этом пути была Оршанская пересыльная тюрьма. Нас выгрузили из пресловутого «столыпинского» вагона, в котором ехали из Минска, и приказали строиться в колонну. Здесь я услышал печально знаменитые слова команды: «Требую строго придерживаться порядка движения. Шаг влево, шаг вправо – стреляю без предупреждения». Колонну окружили охранники с автоматами и овчарками. Крики конвоиров и лай разъяренных собак производили жуткое впечатление.

Со временем привыкаешь ко всему, но впервые продемонстрированный тюремный порядок запомнился навсегда. Вот таким было истинное лицо советской власти. Случайно сделаешь шаг вне строя, чтобы обойти какую-нибудь лужу, а на тебя спустят овчарку или заядлый службист-охранник застрелит без малейших колебаний.

В Орше пробыл недолго. Две ночи валялся на деревянных нарах, спал в верхней одежде, в такой тесноте, что с трудом удавалось повернуться с одного бока на другой. Серым утром опять построили и повели на станцию, где в глухом тупике, подальше от глаз свободных людей, стоял наготове знакомый вагон.

Еще засветло прибыли в Москву. Здесь, как и в Минске, зеков перевозили в «воронках», где имелись маленькие кабинки. В каждую запихали двух «пассажиров» вместо одного. Хорошо, что ехать было недалеко, на Красную Пресню, где большевики устроили пересыльную тюрьму. Но в тот момент она оказалась полупустой. Я почти до вечера сидел один на всю большую камеру. Правда, позже привели троих москвичей, рабочих. Старший из них подошел ко мне познакомиться. Спросил, откуда и за что здесь оказался. Когда услышал ответ, рассмеялся: «Здесь мы все против советской власти».

В мордовских лесах

«Погулять» в столичной тюрьме долго не довелось. Вскоре в автофургонах нас доставили к спецвагонам и повезли на восток. «Есть слух, что в Мордовию загонят», – утверждали бывалые зеки. Их предположение сбылось. Я попал в лаготделение № 7 Мордовского управления исправительно-трудовых лагерей. Здесь были только политзаключенные.

Что представлял собой советский концлагерь? Это относительно небольшой барачный поселок за колючей проволокой. В одноэтажных деревянных строениях находились жилые помещения для зеков, разные хозяйственные подразделения, столовая, администрация лагеря и т.д.

«Мой» барак состоял из двух больших комнат, в каждой находилось по 20 двухъярусных нар, на которых могли разместиться 80 человек. Комнаты разделял коридор, там стоял стол, где зеки «забивали козла». Раньше бараки днем и ночью закрывали на замок. Только после восстаний, которые прокатились по лагерям после смерти Сталина, замки сняли и людям разрешили свободно ходить по зоне. Но из-за перенаселенности в бараках было душно. Спёртый вонючий воздух мешал нормальному отдыху после трудового дня.

А я простой советский заключенный… (рис. 1955 г.)

К жилому поселку примыкала рабочая зона, тоже обнесенная колючей проволокой и строго охраняемая. Здесь делали футляры для приёмников Саратовского радиозавода. Мне приказали идти в цех, где шлифовали футляры. Перед этим их надо было вручную подчищать циклей. Я походил несколько дней и убедился, что норму никак не выполню.

– Будешь даром «вкалывать», лучше совсем не являйся туда, – подсказали лагерные старожилы. Я так и поступил. В то время не обязательно было ходить на работу.

Но вскоре в барак наведался начальник цеха и выдал заработок за месяц. Против моей фамилии значилось всего несколько рублей. Он спросил у меня, откуда прибыл, за что наказали, какая специальность. Посочувствовал и предложил назавтра подойти к нему в цех. Выяснилось, что несколько дней тому назад рабочий инструменталки отбыл свой срок и поехал домой. Вот начальник цеха и поставил меня на его место. Так я приобрел более подходящее для себя занятие. Освоился довольно быстро.

Правда, поначалу мою работу проверял и подсказывал, как правильно выполнять заточку и загиб еще один рабочий инструменталки, Микола – он отбывал срок за участие в украинском национальном движении. Мы с ним работали сла-

женно, никто нам не высказывал никаких нареканий. Меня особенно порадовало то, что здесь были так называемые «зачеты»: за один рабочий день засчитывали два дня заключения. Благодаря этому я вышел на свободу почти на год раньше срока. Но пока до этого было еще далеко.

Первые дни принесли много впечатлений от знакомства с лагерным бытом, с людьми, которые отбывали срок. Здесь содержалось около тысячи заключенных. Раньше было больше. Многих отпустили домой, реабилитировали. Как уже сказано, я попал во время либерализации лагерного режима: можно было не работать, получать посылки, писать письма без ограничения количества. Сняли замки с бараков. Но все же условия содержания заключенных оставались нелегкими. Тесные грязные бараки, однообразная малокалорийная еда: трижды в день давали постные крупяные каши, в обед добавляли такой же суп, обычно ячменную крупянку с вареной рыбой, пайку хлеба и чай. Из ничтожного заработка высчитывали за еду и одежду. За счет труда заключенных содержались многочисленная администрация и охрана лагеря.

Не удивительно, что люди высказывали недовольство, готовы были участвовать в акциях протеста. Однажды, например, попытались объявить забастовку и не выходить на работу. Но замысел не удался, потому что группа зеков-сексотов не подчинилась общему решению. После долгих горячих споров они все же побрели в рабочую зону, за ними потянулись и остальные.

Другим разом произошла стычка с «кумом» — начальником особого отдела. Началось с того, что из «бура» (барака усиленного режима) услышали крики зека, которого там избивали за какой-то проступок. Люди сбежались к бараку и потребовали прекратить насилие. Быстро собралась целая толпа, кто-то сообщил начальству. Прибежал «кум», стал бросаться на людей, толкать, заставлял разойтись. В ответ один из «смутьянов» схватил увесистое полено и так врезал чекисту по затылку, что тот упал. Сразу все разбежались: за нападение на служащего лагеря грозил новый срок.

К сожалению, через несколько дней парня все же нашли и отправили в другое место. Этот факт снова подтвердил, что в лагере много сексотов («стукачей»). Чтобы запугать заключенных, за забором напротив «бура» построили вышку. Там, если надо, могли установить пулемет и открыть стрельбу по толпе...

Происшествие возле «бура» долго обсуждали, вспоминали бунты и восстания в других лагерях. В нашем бараке «квартировал» земляк-минчанин Саша Ходор. Его прозвали Сашка-беларус. Однажды он поведал мне свою лагерную эпопею.

— Это было в время войны, — начал он. — Наш танковый полк после тяжелого перехода только что остановился на отдых. Вдруг видим — подъезжает «Виллис». Из него вылез сотрудник СМЕРША и, ничего не говоря, достал пистолет и выстрелил в нашего механика-водителя. Пока мы очухались от этого чрезвычайного происшествия, он сел в машину и помчался по дороге. Решение могло быть одно: наказать негодяя. Я быстро прыгнул к пушке и на третий раз попал в «Виллис»...

Сашу арестовали. Военный трибунал определил максимальный срок: 25 лет лагерей строгого режима. Здесь необходимо пояснить, из-за чего разгорелся сыр-бор. Дело в том, что на марше смершевец, обгоняя колонну, опасно прибли-

зился к танку. И тот немного зацепил начальственную легковушку. Смершевец видимо посчитал, что на него хотели наехать, и вот так расправился с водителем. Без следствия и суда...

Саша Ходор за десять с лишним лет заключения прошел через многие сталинские лагеря. Везде в них господствовали уголовники. Они жестоко расправлялись с политзаключенными, отбирали у них одежду, продукты, посылки, избивали, а при попытке сопротивления могли пырнуть ножом или вообще убить. Охрана смотрела на это сквозь пальцы. Чтобы остановить насилие, надо было объединиться. Саша сумел это сделать, он убедил изверившихся мучеников, что они в состоянии дать отпор нелюдям, если будут дружно и смело поддерживать друг друга.

С той поры начались частые стычки между противниками. Нередко они доходили до настоящих побоищ: в ход шли ножи, ломы, арматура, всякие подручные средства. Команда во главе с Ходором настолько решительно действовала, что «урки» стали сдавать, уклоняться от стычек и больше не осмеливались грабить политзаключенных. Сашу и других «бойцов» лагерное начальство переводило в другие лагеря, увеличивало сроки заключения. Но они везде наводили свой порядок, ставили уголовников на место. Вот тогда и пошла молва о знаменитом Сашке-беларусе.

Я уже на московской пересылке услышал это имя. Один «урка», желая доказать, что он участвовал в страшных драках с политзаключенными, осадил своего оппонента словами: «А ты знаешь Сашку-беларуса? Это же его команда разгромила нашу малину»...

Саша Ходор недолго пробыл в лаготделении № 7. В это время по договору с польским правительством заключенных-поляков отправляли на родину. Вот Саша и использовал шанс: записался поляком и уехал в Польшу.

Кстати, тогда же отправились на родину испанские эмигранты. Франко добился, чтобы дети бывших республиканцев и даже коммунисты смогли вернуться домой. Подумалось: везде родная страна, как любая мать, заботится о своих детях, прощает их «грехи» и зовет в свои объятия. А наша, словно злая мачеха, только издевается над своим народом, держит его в голоде и холоде, гноит в лагерях и тюрьмах, доводит до людоедства, о чем тоже не раз вспоминали заключенные...

Памятной для меня осталась встреча в лагере с еще одним неординарным человеком — Тимохом Востриковым. Высокий красивый парень, однажды он собрал нас и рассказал о Беларуской Народной Республике, поскольку в тот день исполнилась очередная годовщина со дня ее провозглашения. Я знал о дате 25 марта, но не отмечал этот великий праздник беларусов. Да и надо честно признать: школа и университет никак не содействовали тому, чтобы учащиеся знали правдивую историю своей родины. Наоборот, старательно скрывали ее, всячески фальсифицировали. Если где-то и вспоминали БНР, то всегда в унизительном контексте. Дескать, это миф, почти ничего не было, телеграмму кайзеру посылали и т.д.

Одним словом, посредством вранья, искажения исторических фактов готовили из нас интернационалистов, а еще точнее — национальных нигилистов. Достаточно отметить, что ни разу ни один преподаватель не привел полного назва-

ния древнего беларуского государства. Все говорили: Великое Княжество Литовское. Только во времена перестройки, когда начали появляться более объективные работы ученых, я узнал, что полное название государства звучит следующим образом: Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское. Значит, не только Литовское! Вот как хитро и подло прятали от нас нашу историю.

А Тимох Востриков, несмотря на то, что ВУЗ кончал за границей, прекрасно все знал и сообщил нам подлинные события нашего прошлого.

На свободе

Мне повезло, что я попал в лапы советской карательной машины в те времена, когда она немного смягчила свою бесчеловечную практику. Благодаря зачетам рабочих дней мое «сидение» в лагере сократилось почти наполовину.

В день отъезда получил железнодорожный билет, булку черного хлеба и две жестянки кильки в томатном соусе... На дорожные расходы начальник лагеря дал 10 рублей. Я спросил, почему так мало, почти за целый год работы всего столько?! Квадратная морда тюремщика вспыхнула огнем, пронизывающие зенки прокололи меня навылет.

– А кормили тебя за что? – заревел начальник так, что огромный его живот затрясся, словно в лихорадке, – иди лучше по-хорошему, – угрожающе добавил этот советский цербер.

Действительно, я посчитал за лучшее оставить «дискуссию», схватил свои манатки и быстро пошел к железной дороге, а то чего доброго арестует, скажет, что бросился на него с кулаками – попробуй потом докажи, что ты не верблюд. Самый справедливый советский суд поверит ему, а не мне...

В Москве простился с друзьями: на Минск я остался один. Поскольку до поезда было почти восемь часов, решил совершить экскурсию по столице. А потом подъехал к Кремлю и стал в длинную очередь к мавзолею Ленина и Сталина – хотелось взглянуть на людей, создавших лагерную империю. Ничего особенного не увидел: труп и еще один труп.

В Минске зашел в КГБ, чтобы забрать документы. Молодой лейтенантик с удивлением сказал: «Ты так быстро вернулся?...» Вот, думаю, здорово, они хотят, чтобы ты как можно дольше оставался «в местах не столь отдаленных», хотя и не было за что. Но спорить не стал, получил документы и пошел. Дома побыл с неделю, затем начал искать работу...

Справка: Фёдор Иванович Кардаш родился 5 января 1932 года в деревне Хорошки Дятловского р-на Гродненской обл. В 1955 году, окончив факультет журналистики БГУ, работал литсотрудником в районной газете. Осенью того же года написал письмо в ЦК КПСС, с изложением своего понимания причин кризиса в сельском хозяйстве СССР. За это в 1956 году был осужден на 2 года лагерей. После отбытия срока заключения работал в разных местах. В 1961 году переехал в Лиду, работал литсотрудником в газете «Уперад». С 1966 года 20 лет работал корреспондентом газеты «Гродзенская праўда» по «Лидскому кусту» (г. Лида, Лидский, Ивьевский и Вороновский районы). В начале 90-х основал первую лидскую негосударственную газету «Народная трыбуна» (позже «Голас з Ліды»). В 1995 переехал в Минск.

За что боролся Калиновский?

Андрей Вашкевич

Многочисленные статьи в периодике, научных изданиях, а в последнее время и на интернет-блогах, авторы которых призывают к разрушению мифа о Константине Калиновском как беларуском национальном герое, я читал без особых эмоций. Слишком ярко просматривалась в большинстве их явная политическая подоплека.

Но одна такая публикация все же удивила. Это статья А.Д. Гронского «Кастусь Калиновский: конструирование героя», напечатанная в журнале «Беларуская думка» (2008, № 2, с. 82–87). Удивила не столько своим содержанием, сколько местом публикации. Ведь «Беларуская думка» — официальное общественно-политическое издание. Его публикации отражают линию беларуской власти. Следовательно, идея «деконструкции» Калиновского вышла на государственный уровень и, может быть, появится даже в учебниках по истории Беларуси (если к тому времени ее вообще не устранят из программы школьного обучения).

Вообще говоря, рассуждения Гронского о Калиновском — всего лишь «реанимация» старых теоретических положений советского историка Самуила Огурского (1884–1947), высказанных еще в далеком 1928 году в книге «Очерки по истории революционного движения в Беларуси (1863–1917)». А Огурский, в свою очередь, в упаковке марксистской фразеологии повторил выводы В.Ф. Ратча, назвавшего Калиновского «самолюбивым безумным мятежником», революционером-фанатиком, и одновременно — сознательным поляком*.

Гронский попытался также раскрыть историю возникновения мифа о Калиновском. По его мнению, это была целенаправленная акция тех, кого в советское время окрестили «нацдемами», а теперь любят называть «адраджэнцамі».

Правда, и в этой публикации можно заметить те же противоречия, что были свойственны предшественникам Гронского. Например, в одном месте Гронский пишет о Калиновском как о «революционере-фанатике», который хотел видеть Литву (Беларусь) страной крестьян, исповедующих утопический социализм, а в другом подчеркивает, что крестьянские антикрепостнические мотивы Калиновский использовал исключительно в демагогических целях. Словом, не столько выводы автора основываются на фактах, сколько факты подобраны для заранее подготовленных выводов. О таком же «подтягивании» фактов к выводам свидетельствуют утверждения о якобы польском происхождении Калиновского и его религиозной индифферентности.

Главной причиной необходимости «деконструкции» мифа о Калиновском г-н Гронский считает то, что «исторические мифы опасны своей поразительной способностью искажать национальное самосознание и менталитет». Дескать, нация не должна иметь мифов.

* Василий Федорович Ратч (1816–1870) — генерал-майор российской армии. По поручению генерал-губернатора М.Н. Муравьева («вешателя») составил документальный труд в 2-х томах «Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западной России» (был издан в Вильне в 1867–68 гг.) — *Прим. ред.*

На первый взгляд, чрезвычайно смелый, я бы даже сказал, весьма амбициозный «message»*. Но он мало связан с реальностью. Европейские историки давным-давно доказали, что одним из главных элементов в национальном сознании любого народа являются мифологизированные представления о тех или других событиях, личностях или времени в жизни своего Отечества. Именно на мифах строится имперское и даже религиозное сознание (вспомним хотя бы целую дивизию российских православных святых, от Александра Невского до царя Николая II, среди которых много людей, весьма далеких не только от святости, но и от элементарной порядочности).

Именно на мифах, причем совсем недавнего времени (например, периода 1941–44 гг.), основана так называемая «идеология» беларуского государства. Так что национальный миф — вовсе не пугало, каким его преподносит г-н Гронский. Видимо, слова о необходимости борьбы с национальными мифами являются попыткой завуалировать истинные мотивы появления этой статьи.

Первый такой истинный мотив, который лежит буквально на поверхности, — это стремление окончательно устранить личность Константина Калиновского из контекста беларуской национальной идеи и государственности.

Константин Калиновский

«Научная» и общественная мотивация подобных стремлений понятна. В последние годы миф о Калиновском возродился в ореоле событий на минской площади Независимости. К этому надо добавить учреждение стипендии имени Калиновского… Словом, образ Калиновского активно использует оппозиция, что вызывает негативную реакцию в коридорах власти.

Вдобавок власть не слишком благосклонно относится к тем идеям, которые проповедовал Калиновский. Человека, боровшегося с господством Российской империи, выступавшего против православия, подчеркивавшего независимость гражданина от любого государства («не народ для правительства, а правительство для народа») и сегодня государственные чиновники воспринимают как «антидержавника».

В дискуссию о том, кем на самом деле считал себя Константин Калиновский, каким видел будущее Беларуси и существовала ли для него Беларусь в качестве отдельной территориальной, национальной и политической категории, я вмешиваться не буду. Хотя свой взгляд на личность этого без преувеличения человека-легенды у меня есть и я надеюсь когда-нибудь его высказать. Сегодня хочется обратить внимание на другое. Прежде всего на то, кем успел стать для беларусов Калиновский в XX веке.

Впервые о Калиновском как беларуском патриоте написал Вацлав Ластовский в 1916 году в газете «Гомон». О вожде восстания он, конечно, знал и раньше. Однако «Наша Нива» в свое время не писала о Калиновском не потому, что Ластовский (по Гронскому) ждал, пока умрут последние участники восстания,

* Message (англ.) — сигнал, известие, послание. — *Прим. ред.*

а потому, что роль Калиновского в беларуской истории на тот момент не была надлежащим образом осмыслена никем. К тому же следует помнить о том, что «первая беларуская газета с рисунками» издавалась в годы, когда в городах Беларуси воздвигали памятники Муравьеву-вешателю и называли улицы в его честь. А тех, кто опровергал тезис о «беларускости» Калиновского хватало и в последующие десятилетия. Кстати, как и людей, которые этот тезис поддерживали.

Вспоминается, например, знаменитый виленский адвокат Тадеуш Врублевский, большой друг беларусов, поляк, защищавший в суде беларусов от польского государства. Молодым человеком Тадеуш навещал в Париже своего родного дядю, соратника Калиновского и героя Парижской коммуны Валерия Врублевского. И тогда вечерами в парижской квартире старика Врублевского (он умер в 1908 году в возрасте 72 лет) Тадеуш слушал беларуские повстанческие песни, которые пел ординарец дяди, его товарищ по оружию Кузьма.

В 1920-е годы о Калиновском много писали в научных изданиях и периодической печати БССР, ставили о нем спектакли, а поэты-молодняковцы возвели его личность в ранг символа народного гнева и скорой расправы над ненавистной им панской Польшей, подчинившей себе и угнетавшей западных беларусов. Вот, например, отрывок из стихотворения Алеся Дударя 1925 года, фактически с открытым призывом к освобождению Западной Беларуси:

Не сягоння было і не ўчора,
бо сягоння загоены раны.
Ты не плач, Навагрдскае ўзгор'е,
не журыся тугой саматканай:
кінуў дзень залатыя кроплі
над заводам, над полем, над лугам...
Кастуся Каліноўскага покліч
сёння зноў – ад Вяллі да Буга.
Выйдуць войска сярмяжнага ўзводы,
выйдуць важыць жыццё і смерць...
Дык гучней гудзіце, заводы,
Каб нудою жыцця не мераць...

Однако вскоре, уже в 1929–31 гг., во время шумных погромов беларуских «нацдемов» прежнее возвеличивание личности Калиновского было оценено как «националистическая фальсификация беларуской истории». Отныне требовалось как можно скорее забыть вождя восстания 1863 года, ибо патриотически настроенные беларуские комсомольцы начали воспринимать его уже как символ борьбы не только с польскими панами, но и с русификаторами. Недаром в 1928 году автор цитированного стихотворения Алесь Дударь призывал набросить «муравьевский галстук» на шеи тем большевистским комиссарам, что делили Беларусь в Бресте и Риге, назвав их потомками Муравьева.

Но отказаться от Калиновского оказалось не просто. Особенно там, где беларусы боролись за свои национальные права, то есть в довоенной Западной Беларуси. При этом надо отметить, что Калиновского позитивно оценивали представители почти всех западнобеларуских политических течений. Несколько работ посвятил Калиновскому один из лидеров беларуской христианской

демократии ксёндз Адам Станкевич. Например, в 1933 году беларуские христианские демократы торжественно отметили юбилейную дату восстания, тесно связанного с жизнью Калиновского.

Но интереснее всего то, что на высоту идейно-поэтического обобщения Калиновского возвели западнобеларуские коммунисты. Объяснение простое — именно коммунисты в прямом и переносном смысле были близки к виленской тюрьме Лукишки. С кем, как не с Калиновским было сравнивать себя молодому поэту-коммунисту Максиму Танку (1912–1995), который, только что выйдя из этой тюрьмы, блуждал между витринами ночных виленских ресторанов. Можно напомнить диалог Максима Танка и секретаря ЦК комсомола Западной Беларуси Николая Дворникова, состоявшийся на виленской брусчатке летом 1936 года, который Танк записал в своих «Листках календаря»:

«Неожиданно он /Дворников/ спросил, что я знаю о Калиновском.

— Поинтересуйся больше этим героем, — посоветовал он мне. — Надо отбить его у хадеков. Калиновский — не их святой, и напрасно они лезут к нему в родственники».

Слова друга-подпольщика вызвали у молодого поэта искреннее удивление:

«Неужели он не читал разгромных статей о восстании 1863 года, о Калиновском, которые печатались в Минске?»

Максим Танк
(Евгений Скурко;
фото 1937 г.)

Думаю, что Дворников эти статьи читал и хорошо знал официальную линию КПБ относительно личности Калиновского, согласно которой тот считался шляхетским революционером и польским националистом. Однако понимание нужд революционной борьбы вынуждало западнобеларуских коммунистов отходить от идеологических штампов Минска. Беларускому народу, боровшемуся за свои права в польском государстве, для подъема национального духа были нужны национальные герои-символы, и Калиновский на эту роль подходил. Именно поэтому в своей знаменитой «Песне про сухарь» Валентин Тавлай сравнивает коммуниста Павлюка с мифологизированным Калиновским-Свиткой, намеревающимся рассчитаться с «белыми», предавшими восстание.

Николай Дворников погиб 16 февраля 1938 года в горах Испании, сражаясь за испанскую республику в интернациональных бригадах*. Но и там, по свидетельствам его соратников, он до последних дней жизни мечтал создать отдельную беларускую роту имени Калиновского.

В Восточной Беларуси о Константине вспомнили в годы Великой Отечественной войны. Вероятно, все помнят стихотворение Петруся Бровки из школьных хрестоматий, которое начиналось строками: «На Беларусі па вёсках

* Н.Н. Дворников (1907–1938) был родом из Гомеля. Возглавлял комсомольскую организацию на заводе «Гомсельмаш». В 1929 году его нелегально переправили в Западную Беларусь для организации подпольных комсомольских ячеек. Действовал под псевдонимами Стас Томашевич и Роберт. В 1937 году отправился в Испанию в составе батальона польских добровольцев. — *Прим. ред.*

ідуць пагалоскі, з'явіўся Кастусь Каліноўскі». В этом стихотворении Калиновский — сборный образ голубоглазого партизана, мстителя, появляющегося в самых неожиданных местах и заслуженно карающего оккупантов. Написанное в 1943 году, это стихотворение перепечатывали многие партизанские газеты.

Отдельная страница в возвращении имени Калиновского — деятельность партизанской бригады имени вождя восстания 1863 года. Эта бригада, которой командовал комбриг Войцеховский, бывший инженер из Ленинграда, стала едва ли не самым активным партизанским соединением на Гродненщине и Белосточчине в 1943–44 гг. Десятки пущенных под откос немецких эшелонов, сотни убитых гитлеровцев — таков счет действий беларуских партизан, осуществленных с именем Константина Калиновского.

Рельсовую войну в Беларуси первыми начали повстанцы Калиновского

Как видим, «конструирование» Калиновского в качестве национального героя не было продуктом националистического мифотворчества. Скорее наоборот — идея Калиновского снова и снова становилась актуальной во время реальной угрозы существованию беларусов. И, надо сказать, помогала им. В чем же здесь «опасность» мифа, о которой говорит Гронский? Это становится понятным, если внимательно вчитаться в текст его статьи:

> «Для существования нации нужны национальные герои, причём такие, которыми можно законно гордиться. А если этих героев нет — их создают».

Посыл автора очень прост: чтобы была нация — нужны герои. Нет героев — их надо создать. А если наоборот: нет героев — нет и нации. Таким образом, развенчание героического образа Калиновского можно трактовать как доказательство несуществования или беларуской нации вообще, или по крайней мере, беларуской нации в таком смысле, в каком мы привыкли ее понимать.

Попытки вычеркнуть Калиновского из списка национальных героев — только малая часть общего процесса создания нового образа беларуской нации. Нации, которая ведет свою историю даже не от 1900 или 1917 года, но от событий Великой Отечественной войны; нации без каких-либо институтов гражданской автономии от государства; нации, которая должна быть благодарна государству за свое существование, а не наоборот. Наконец, нации, где беларуский язык, культура и история воспринимаются не как фактор укрепления суверенитета, а как ненужный балласт.

«Втискивание» всего периода формирования беларуской нации в жизнь максимум трех последних поколений жителей Беларуси кажется многим представи-

телям наших властных структур чрезвычайно удобным, поскольку это укрепляет их собственное «состояние владения». Соответственно, они отдают сферу государственной идеологии на откуп отдельным «специалистам», которые ценой фактического отказа от национальных ценностей и традиций пытаются создать иллюзию слияния «в едином порыве» общества и государства. Главным элементом формирования такой идеологии является «начало» истории Беларуси (ее, скажем так, мифической части) с 1944 года, тогда как феномен возникновения беларуской нации (понимая под ней всех жителей современной Республики Беларусь) вообще отсчитывается с 1994 года.

Однако государственные чиновники, максимально усиливая свои институты, упорно не хотят понять, что именно гражданское общество и национальное сознание беларусов являются основными гарантами существования государства. Не какой-то конкретной власти, а государства как такового.

Попытки бескомпромиссной расправы с Калиновским, да еще и на страницах официальных идеологических изданий, я расцениваю как отказ беларуской власти от преемственности патриотических и воинских традиций, связанных с личностью Калиновского в XX веке. Калиновский – одна из немногих фигур нашей истории, которую нам не приходится ни с кем делить. Кроме беларусов, Калиновский не нужен ни полякам, ни летувисам, ни тем более русским.

А что же сам Калиновский? Думаю, его месту в беларуском «национальном проекте» ничто не угрожает. Для «общества» он по-прежнему остается романтичным образом молодого шляхтича, преодолевшего стереотипы своего социального окружения и сумевшего первым (и единственным в свое время) сказать о «мужицком народе» (еще не беларусах, но уже не «здешних») как о людях с историей, честью и правом. А государство и те, кто сегодня его олицетворяют, вспомнят о Калиновском сразу, как только реальная угроза беларуской государственности заставит перебросить мост в прошлое, и когда для этого окажется недостаточно лубочных образов беларуских партизан, отполированных языками официальных идеологов.

Хочется напомнить Гронскому о том, что национальных героев создают не политические технологи и не «конструкторы» несуществующих наций, каковыми он пытается изобразить Вацлава Ластовского и других «нацдемов».

Национальных героев создают обстоятельства – если хотите, даже враги...

Ведь желая бороться за свою Родину и даже отдать жизнь за нее, когда ей изменили ее руководители и военачальники, в ветер превратились слова фальшивых песен о бесконечном расцвете и вечной победе, человек ищет опору в прошлом, каким бы неоднозначным и противоречивым оно ни было. Разве не является личность Константина Калиновского, под именем которого боролись беларусы в XX веке и с поляками и с немцами, наилучшим доказательством этого утверждения? Или кто-то думает, что наилучшей заменой Константину будет вымышленный майор Ветров?

Кит науки. Страницы жизни одного беларуса

Анатоль Тарас

Борис Владимирович Кит – всемирно известный учёный в области астронавтики, математики, физики и химии. В марте прошлого года весь мир поздравлял его со 100-летием.

Период жизни в Беларуси (1918–1944)

Борис Кит родился 11 (24) марта 1910 года в Санкт-Петербурге, в семье служащего Министерства почт и телеграфов, беларуса по происхождению.

Владимир Кит, отец Бориса, был родом из деревни Огородники Новогрудского повета (ныне она влилась в городской поселок Кореличи Гродненской области). В Петербурге Владимир Кит женился на Ксении Зуровой.

В 1918 году Борис вместе с родителями приехал на родину отца. В 1924 году он поступил в 4-й класс местной польской школы, а в сентябре 1926 года – в 6-й класс Новогрудской беларуской гимназии, которую окончил в 1928 году.

В гимназии Борис вел поэтический кружок, который сам и учредил, почувствовав тягу к стихосложению. В это время он написал доклад о творчестве французского писателя Рене Шатобриана (1768–1848) на его родном языке. Юный Борис в совершенстве овладел польским и французскими языками. Позже выучил немецкий, украинский и английский.

В сентябре 1928 года Борис был зачислен на физико-математический факультет Виленского университета имени Стефана Батория, окончил его в 1933 году со степенью магистра математики. Еще учась на 3-м курсе университета, начал преподавать математику в Виленской беларуской гимназии.

Борис Кит – участник борьбы против полонизации, осуществлявшейся польским правительством на территории Западной Беларуси, где поляки методично уничтожали беларуские школы и гимназии. За активные выступления против полонизации он дважды подвергался арестам.

К началу учебного 1939 года пришел приказ министра просвещения Польши перевести преподавание и в Виленской гимназии на польский язык. Но 1 сентября началась Вторая мировая война. Через три недели Вильню заняла Красная Армия. Бориса Кита назначили директором Виленской гимназии.

Однако уже в ноябре Сталин отдал территорию Виленщины республике Летува. После этого Борис вернулся в родные места. Он приложил немало усилий, добиваясь возобновления деятельности закрытой еще в 1934 году польскими властями Новогрудской беларуской гимназии, директором которой и был назначен.

Организаторские способности Бориса Владимировича (Б.В.), умение работать с людьми были замечены: его назначили школьным инспектором Барановичской области. В течение года при непосредственном участии Б.В. в области

удалось открыть свыше сотни начальных и несколько десятков средних школ. Одновременно Б.В. Кит преподавал математику в Барановичском учительском институте. Эту плодотворную работу прервала начавшаяся в 1941 году война.

Во время оккупации Беларуси немцами Б.В. некоторое время жил в деревне Лебедево под Молодечно, спасаясь от возможного ареста. Затем стал работать здесь же учителем в народной школе. Потом работал директором учительской семинарии в Поставах. Подозревая Кита в связях с партизанами, немецкие карательные органы арестовали его. Больше месяца он просидел в тюрьмах в Глубоком и Вилейке. Этот месяц Б.В. назвал самым страшным в своей жизни: «Тридцать дней я ждал расстрела. Каждый день пригоняли по 30 человек, из них половину ночью расстреливали». От смерти его спасли бывшие ученики А. Дасюкевич и Б. Косяк.

Борис Кит в 1940-е годы

Несмотря на опасности, подстерегавшие человека, постоянно находившегося на виду, Б.В. не прекратил активной деятельности в сфере образования молодежи. В 1943 году он добился от немецких оккупационных властей разрешения на открытие торговой школы в Молодечно, и стал ее директором. Учащиеся школы получали не только профессиональную подготовку, но и знания по истории и культуре Беларуси. Б.В. делал все возможное, чтобы повысить статус школы. Фактически обучение там велось по институтской программе, что старались скрыть от немцев. Когда же им стало известно об этом факте, Борис Владимирович вновь оказался под угрозой ареста. Тем не менее, он не спешил выполнять приказ о немедленном закрытии учебного заведения. Благодаря этому учащиеся смогли закончить курс обучения.

В Германии (1944–1948)

По воспоминаниям учеников Б.В. Кита из Молодечненской торговой школы, опубликованным в книге Л. Савик «Космос беларуса», он был «неординарный, высокообразованный человек»:

> «В школе полностью отсутствовала какая-либо политизация. ...но каждый из нас понимал, что немцы должны быть изгнаны с нашей земли. Не понимали мы тогда, как нелегко было нашему директору, над ним нависла смертельная угроза не только со стороны оккупантов, но и от «своих». В послевоенное время советские власти жестоко расправлялись с преподавателями школ типа нашей. Предвидя это, Б. Кит решил покинуть Беларусь».

В 1944 году Борис Владимирович вместе с семьей уехал в Германию, сначала в Баварию, в город Оффенбах-Линдау, а затем в Мюнхен. Его жену звали Нина Корсак, у них был в это время трехлетний сын. В Мюнхене работала украинская национальная гимназия, здесь Кит три года преподавал математику. Одновременно он учился на медицинском факультете Мюнхенского университета (1945–48 гг.).

В США (1948–1972)

В конце 1948 года Б.В. Кит уехал в США, в небольшой городок Саут-Ривер (штат Нью-Джерси), где устроился на работу в фармацевтическую фирму. Здесь же он принял самое активное участие в деятельности беларуского землячества.

В 1950 году Б.В. перебрался в Лос-Анджелес, работал там химиком в различных фирмах. С середины 1950-х годов началась плодотворная научная деятельность Бориса Кита в области космонавтики. В качестве математика и системного аналитика он участвовал в разработке топлива для межконтинентальных ракетных систем. Б.В. стал сотрудником известной американской фирмы «North American Aviation» (ныне «Rockwell International»), создавшей почти все американские космические проекты, начиная от первых стратегических межконтинентальных систем, таких как «Навахо» (Navaho), кончая выдающимися проектами XX века «Аполлон» (Apollo) (путешествие человека на Луну) и орбитальный корабль «Шаттл» (Shuttle).

В частности, он осуществил фундаментальное исследование качеств жидкого водорода. Вот что ответил Б.В. на вопрос о том, что считает главным достижением в жизни:

> «Когда я пришел в ракетную отрасль, в американской космонавтике использовались маломощные топлива, которые не позволяли существенно продвинуться вперед. Наконец ученые обратили внимание в сторону сжиженного водорода. На улице был 1956 год. Я начал собирать все материалы на эту тему, высчитывать силу топлива, потенциальные сложности. Написал большой отчет. И это стало началом всего! Жидкий водород стал основным ракетным топливом, благодаря чему стало возможным путешествие на Луну, программы «Шатл» и многое другое.
>
> Меня так увлекла эта работа, что я исследовал другие потенциальные виды ракетного топлива и написал первый в мире учебник по астронавтике, который и сейчас используют в мировых ракетных центрах».

После того как в 1957 году в СССР запустили в космос первый спутник, американцы серьезно заинтересовались советской космонавтикой. Поскольку Б.В. уже тогда имел немалый опыт в ракетной сфере и хорошо знал русский язык, его в 1958 году пригласили в Министерство военно-воздушных сил США, на должность руководителя научной группы в отделе космонавтики. Одновременно он стал советником при министре ВВС США по вопросам развития международной космонавтики, главным образом советской.

Б.В. Кит.
Таким его увидел художник

Позже, в 1964 году вышла в свет написанная Б. Китом в соавторстве с Ф. Ордвеем книга «История и современное состояние советской астронавтики».

Должность государственного советника и участие в секретных разработках сделали невозможным его контакты с родными, которые остались в Беларуси. Но за его судьбой следили не только родные.

Борис Кит вспоминал, что отец, живший тогда в Беларуси, рассказывал, как к нему приходили сотрудники КГБ и говорили: «Ваш сын – большой человек в Америке. Он может смело приехать домой и работать в СССР». Однако возможность возвращения в Советский Союз ученый даже не рассматривал. «Америка дала мне уникальные шансы для самореализации. Я попал в самое ядро космического урагана», – сказал Кит в одном из интервью.

Далеко не случайно именно Борис Кит был куратором первых советско-американских переговоров в области космонавтики, в результате которых в 1972 году появилась программа «Союз» – «Аполлон». А первая в истории встреча ученых двух стран состоялась еще в 1960 году в Вашингтоне в «Шератон-Парк-отеле», куда приехала из СССР группа академиков и министров. Кит вспоминал:

> «Не было абсолютно никакой политики – мы вели чисто научные беседы. Я горжусь тем, что был председателем первого исторического советско-американского собрания. Меня выбрали по двум причинам. Во-первых, у меня был большой опыт в астронавтике. Во-вторых, я хорошо знал русский язык».

В 1960 году появился первый в истории науки учебник по топливу для ракетных систем, автором которого был Б.В. Кит. Книга быстро разошлась по всему миру и получила множество положительных рецензий.

С 1963 года Б.В. работал в отделе космонавтики «Международной корпорации телефонной и телеграфной связи» (International Telephone and Telegraph Corporation). Это был период подготовки полета американских астронавтов на Луну. Он внес существенный вклад в математическую разработку средств связи с космическими аппаратами, находящимися на орбите вокруг Луны.

Впоследствии Б.В. Кит работал в Национальном бюро стандартизации, Министерстве коммуникаций США, где занимался в основном исследованием методов повышения эффективности административной деятельности с помощью математики. Наряду с исследовательской работой он преподавал математику в Мэрилендском университете на вечернем факультете.

Ученый считает, что его судьбу предопределила математика:

> «Еще со времен гимназии я страшно любил историю, когда записывался в Виленский университет, хотел поступать именно на историю, смотрю: перед окошком на истфак сто человек стоит. Справа принимали документы на математику, и там было каких-то пять человек. Так я стал математиком. Очень хорошо, что так получилось, потому что только математика меня вытянула. Если бы я историей занимался, вместо работы над «Лунным проектом» мыл бы посуду в ресторанах Нью-Йорка».

Снова в Германии (1972–2011)

Выйдя на пенсию, Кит избрал местом постоянного проживания Германию. В 1972 году он переехал во Франкфурт-на-Майне. Б.В. стал профессором математики Европейского отдела Мэрилендского университета, читал лекции в его филиалах в Нюрнберге, Висбадене, Дармштадте, Гейдельберге, Ханау.

Начиная с 1958 года, Кит был постоянным делегатом всех Международных конгрессов по астронавтике, где выступал с докладами и сообщениями. Эти конгрессы происходили в разных странах, в том числе в ФРГ: в 1966 году – в Броме-

не, в 1970 – в Констанце, в 1975 – в Гармиш-Партенкирхене, в 1978 – в Мюнхене, в 1983 – в Кобленце, в 1990 – в Дрездене.

Еще в 1965 году Бориса Кита избрали членом Общества астронавтики имени Германа Оберта в ФРГ, а в 1976 году – членом Директората этой организации.

В 1986 году Б.В. Кит был награжден золотой медалью данного Общества за выдающийся вклад в развитие астронавтики.

Борису Киту довелось работать со многими известными учеными, которые после войны приехали в США. Благодаря работе в министерстве ВВС его хорошо знали в Вашингтоне, поэтому на астрономических и атомных конгрессах он часто представлял Госдепартамент.

«Я на одном таком конгрессе смотрю, по коридору ходит какой-то человек. Подхожу. Представился. Оказалось, это Вернер Гейзенберг – один из создателей квантовой механики. У него были проблемы с квартирой, и я предложил свою помощь. Помню, как пришли с ним в нужную инстанцию и я потребовал: «срочно дайте квартиру этому человеку. Перед вами стоит бессмертие».

Я хорошо знал «отца американской космической программы» Вернера фон Брауна, но моим лучшим другом был создатель современной аэродинамики Теодор фон Карман. Он был директором авиационного комитета при НАТО в Париже, однако часто бывал в Америке. Перед выступлениями в Конгрессе США Теодор всегда звонил мне и просил необходимые материалы. Я помог его семье приобрести квартиру в Вашингтоне. Он, в свою очередь, написал вступительное слово к моей книге».

Кит в своей берлоге

В 1987 году журнал «Astronautik» (Астронавтика), издающийся в Ганновере, опубликовал статью Кита «Мои личные воспоминания о бывшем профессоре Гёттингенского университета Теодоре фон Кармане (1881–1963)». В ней он рассказал о жизненном пути и научной деятельности этого выдающегося ученого, о своих встречах и сотрудничестве с фон Карманом, а также о том времени, когда велись первые исследования в области ракетного топлива. И это только одна из десятков статей Кита в научных журнала США и ФРГ.

Одновременно с педагогической деятельностью, Кит работал над диссертацией на соискание ученой степени доктора философии в области математики и истории науки, которую успешно защитил в 1982 году на заседании Ученого совета Регенсбурского университета. В 1983 году эта диссертация вышла отдельной книгой – «Антоний Зигмунд. Его жизнь и его вклад в математику XX века» (Antoni Zygmund, his life and his contribution to the mathematics of 20-th century). Обращение к фигуре Зигмунда не случайно. Именно Зигмунд возглавлял математическую школу университета Стефана Батория в Вильне, когда там учился

Б.В. Кит. Эту диссертационную работу можно увидеть в библиотеках почти всех университетов Западной Европы.

В 1987 году Б.В. получил диплом заслуженного профессора, а в 1990 году – почетного профессора Мэрилендского университета.

Б.В. систематически помогал эмигрантам-беларусам. Например, в 1986 году издал в Мюнхене за свой счет книгу «Роман Корзюк» поэта и писателя Моисея Седнёва (1915–2001). Он явился одним из основателей и спонсоров беларуского музея в Ляймене.

В чем секрет долголетия?

Борис Кит вырастил двух сыновей. Старший сын Владимир (Уолтер) пошел по стопам отца, был ассистентом руководителя американского аэрокосмического агентства НАСА. Руководил отделом, который отвечал за контакты с Европой. Родился он в Беларуси в 1941 году, был патриотом своей родины. К сожалению, 4 ноября 2008 года он умер от рака.

Владимир прекрасно знал беларуский язык. В 1968 году его назначили руководителем выставки американской архитектуры в СССР. По мере перемещения экспозиции Владимир посетил столицы всех союзных республик. Был и в Минске, где общался с народом на «чыстай мове», что вызывало шок.

Младший сын Виктор появился на свет уже в Америке, стал известным хирургом в городе Балтимор.

Старый Кит

У Бориса Владимировича есть две внучки и двое правнуков. Старшая внучка Марина, дочь Владимира, закончила балетную школу в Вашингтоне. Когда в Америку приезжал всемирно знаменитый танцовщик и балетмейстер Рудольф Нуриев, она выступала с ним на одной сцене.

По сей день Борис Кит живет в скромной однокомнатной квартире во Франкфурте-на-Майне – на шестом этаже многоквартирного дома. Несмотря на весьма почтенный возраст, он находится в здравом уме и хорошей физической форме.

Старший сын Б.В. умер на 68-м году, тогда как он сам дожил до 100 лет и ведет активный образ жизни. В чем секрет?

«У меня нет никаких рецептов, думаю, это сочетание нескольких элементов.

Во-первых, беларуская генетика. Во-вторых, все время я имел красивое дело: занимался учительством, наукой. В-третьих, моя жизнь была сначала страшно тяжелой. Я много голодал, а это хорошо для организма. И потом я старался не переедать.

Но самое важное – чистая совесть. Я никому никакого зла не делал. Только добро. Благодарю Бога, что я никогда не был солдатом, не участвовал в войне. Выкрутился из плохих обстоятельств и дожил до ста лет.

Я все делаю сам. Закупки все... Никто за мной не ухаживает. Это занимает время, почти целый день возишься по дому. Каждый вечер иду на свидание со своей подругой Тамарой. Мы прогуливаемся, занимаемся гимнастикой, играем в мяч. Играем в интеллектуальные игры. Благодаря этому я еще живу. Если ничего не делать – дело дрянь, тогда смерть придет очень скоро.

Пишу письма, звоню, занимаюсь архивами. Вот лежит целый чемодан моих статей, книг, документов. Думаю передать все это в Национальный архив в Минск»...

100-летний юбилей выдающегося ученого-беларуса широко отметили во Франкфурте-на-Майне. У Кита побывала делегация из Беларуси, а руководство города устроило торжественный ужин в его честь.

Борис Владимирович хотел отметить свой столетний юбилей в Беларуси, но годы понемногу берут свое, дальние поездки теперь нежелательны. Он внимательно следит за событиями на родине и с оптимизмом смотрит в ее будущее. «Беларусь выживет. Выросла молодежь, которая не допустит, чтобы Беларусь исчезла», – убежден Кит.

Борис Владимирович Кит в свои 100 лет

Борису Киту — слава, слава, слава!

Борис Кит – старейший член Американского общества астронавтики, почетный член директората Немецкого общества астронавтики, почетный член Британского общества межпланетных полетов, действительный член Международной академии астронавтики в Париже (и один из ее руководителей), академик и вице-президент Международной академии наук Евразии, заслуженный профессор Мэрилендского университета, обладатель многих национальных и международных премий и дипломов.

Он доктор философских наук в области математики и истории науки, обладатель золотой медали имени Германа Оберта.

В октябре 1991 года в отеле «Хилтон» в Оттаве на торжественном заседании Международной академии астронавтики совместно с Королевской академией Канады Борису Киту вручили диплом академика Международной академии астронавтики. Это был момент всеобщего признания.

Имя Бориса Кита заложено в «капсулу времени» вместе с именами лучших учёных мировой космонавтики, замурованную в стену американского Капитолия. Потомки вскроют ее только через 500 лет. Такого знака почёта в США удостаиваются люди, имеющие особые заслуги перед страной.

И только беларусы еще двадцать лет назад ничего не знали о своем знаменитом земляке...

А что же «Бацькаўшчына?»

Стену молчания прорвала книга беларуской писательницы Лидии Савик «Вяртанне», изданная в 1993 году. В 1996 году она же выпустила вторую книгу – «Космас беларуса: Жыццяпіс Б. Кіта, асветніка, вучонага, патрыёта».

В начале 1990-х гг. Борис Кит впервые после 1944 года приезжал в Беларусь. После этого, несмотря на солидный возраст (11 марта 1992 года ему исполнилось 82 года), он приезжал в Беларусь еще несколько раз. В 1994 году его избрали почетным доктором наук Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, а также почётным гражданином Новогрудка.

В Новогрудском музее создана специальная экспозиция, посвященная ему. Музей хранит около 600 экспонатов, переданных Борисом Китом – его личные вещи, публикации, фотоснимки, награды.

Василь Быков написал «Аповяды Барыса Кіта, расказаныя ім самім» («Повествования Бориса Кита, рассказанные им самим»), которые опубликовал журнал «Полымя». Знаменитый писатель помогал знаменитому учёному писать биографию.

Художник Анатолий Кривенко нарисовал картину «Борис Кит и Василь Быков».

Но официальная наука Беларуси так его и не признала. Пресловутая НАН (Национальная академия наук) не удосужилась избрать Бориса Кита ни почетным, ни иностранным членом. Там предпочитают обсуждать собственный «вклад в мировую науку». Наши академики «не врубаются», что их имена и фамилии практически никому не известны даже в своей стране. Людей, живущих по принципу «чего изволите», любящих себя в науке, а не науку в себе, неспособных ценить научные заслуги вне зависимости от текущей политики, никто не уважает в принципе.

Как-то в одном из интервью Борис Кит сказал:

> «В истории и философии есть положение, согласно которому только свободный человек имеет возможность реализовать себя и свои способности. Только свободный человек может быть творцом. Раб делает лишь то, что ему приказывают».

Всю свою жизнь он был духовно свободным человеком, жил как бы вне времени и окружающих обстоятельств. И благодаря этому – творил. Творил во имя Беларуси, которую всегда носит в своем сердце.

Часть IV
НАДО ПРОЧИТАТЬ

Коммунизм, фашизм и нацизм — близнецы

Константин Скуратович

Рецензия на книгу: Грицанов А.А., Тарас А.Е. Научный антикоммунизм и антифашизм: Популярный компендиум. Минск: «ФУАинформ», 2010. — 528 с.

Читать книгу «Научный антикоммунизм и антифашизм» легко и интересно. Ее можно разбирать на цитаты, годные для озвучивания в любой аудитории. По этой книге можно обучать студентов, независимо от их специальностей, политических предпочтений и прочих ориентаций.

Эта книга посвящена анализу «гениальных планов», оказавшихся величайшими заблуждениями, но которые планировщики проводили в жизнь с необычайным упорством, абсолютно не стесняясь в выборе средств. Каждый из них достигал кульминационного момента, обещавшего полное исполнение желаний, однако затем наступал крах. А миллионы людей поверили лжепророкам, миллионы были принуждены ими к соучастию, жизни десятков миллионов стали расходным материалом в этих экспериментах.

Предметом исследования авторов является тоталитаризм, в наиболее завершенном виде представленный в коммунистическом СССР, фашистской Италии и национал-социалистической Германии.

Разумеется, определенной части читателей может показаться странным такое объединение «наших» и «не наших», другая часть будет сожалеть, что так оно на самом деле и было, третьи категорически отвергнут эту «честь».

Гитлер, Сталин, Муссолини...

Однако на самом деле хрен редьки не слаще. Нацистская Германия стремилась установить новую иерархию народов Европы и всего мира, основанную на принципе приближенности к «арийскому эталону». «Позитивную» часть программы дополняла разрушительная, в рамках которой планировалось физически уничтожить (или обеспечить резкое сокращение численности) «неполноценные» этносы (евреев, цыган, славян и других). Именно в этой части своего

плана нацисты преуспели больше всего, уничтожив до мая 1945 года несколько миллионов «недочеловеков».

Тем не менее, новый миропорядок, в котором бы господствовали «чистопородные арийцы», остался лишь на бумаге.

Проект тоталитарного переустройства мира на коммунистических началах оказался более долгоиграющим, но и в этом случае первоначальная бравурная тональность («мы рождены, чтоб сказку сделать былью!») сменился минорной мелодией («Лебединое озеро» в августе 1991 года). В целом, жизнь нескольких поколений советских людей, мечтавших обрести рай на земле, была унылой и серой, как штаны пожарника – за исключением нескольких лет «великих потрясений». И столь же безысходной, как участь сперматозоида в презервативе. Именно так назвал все «ЭТО» замечательный советский поэт Виктор Шкловский.

Линия Ленина – Сталина – Хрущева – Брежнева – Андропова – Черненко – Горбачева была тупиковой ИЗНАЧАЛЬНО. Качественного скачка «из царства необходимости в царство свободы», как поэтически определяли цель процесса классики, не произошло потому, что произойти не могло в принципе.

Изменения проходили в основном количественные, что влекло за собой предельное «опрощение» отношений внутри собственного социально-экономического организма, для которого внутренняя среда стала одновременно и средой внешней. Иного и не могло быть в условиях «враждебного капиталистического окружения», категорически не желавшего следовать примеру «первого в мире государства рабочих и крестьян».

Авторы отмечают, что жертвами большевистской машины уничтожения (за время гражданской войны, коллективизации, голодомора, массовых репрессий) в бывшей Российской империи стали от 30 до 40 миллионов человек! Такую уйму народу погубили большевики-коммунисты якобы для «нравственного очищения» общественного организма. Но эти десятки миллионов были не столько убежденными противниками коммунизма, сколько несознательными «элементами», неспособными ни постичь грандиозную идею «всемирной республики советов», ни восхититься ее великолепием.

В этом плане национал-социализм не может сравниться с коммунизмом. Коммунисты убили, замучили в лагерях и ссылках, низвели до уровня рабочей скотины В ДЕСЯТКИ РАЗ больше людей, чем нацисты! Авторы в этой связи ссылаются на крупного организатора ГУЛАГа Натана Френкеля. Он увидел, что только в течение первых трех месяцев пребывания в лагере заключенный способен трудиться производительно, а далее теряет способность выполнять «нормы», несмотря на все старания, и задался вопросом – зачем же его кормить? И получил от высшего начальства ответ – незачем.

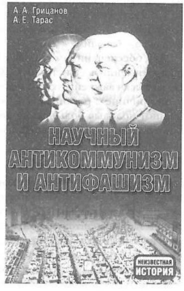
Точно так же рассуждали «экономисты по труду» и в нацистской Германии. Разница в том, что свою бесчеловечную бухгалтерию они применяли в значительно меньших пространственно-временных пределах, чем в СССР.

По сравнению с советской, история национал-социалистической Германии выглядит чересчур краткой – всего лишь четверть века от появления «Моей борьбы» Гитлера (1920 г.) до самоубийства автора, 12 лет от победы на выборах в парламент (1933 г.) до полной и безоговорочной капитуляции. Зато сегодня

всем ясно и понятно, чем была Германия после Версаля, чем стала в ипостаси Третьего (якобы тысячелетнего!) рейха, как восстанавливала подорванное к себе отношение мирового сообщества после краха, что представляет сегодня.

В отношении СССР такой ясности нет. Прежде всего потому, что полученные результаты оказались совершенно несопоставимыми с затраченными ресурсами. Могут возразить, что СССР не был проектом экономическим, но ведь и политические результаты — прекращение существования в качестве геополитической реальности — оказались хуже некуда. СССР исчез как государство, а значит, обратились в пыль все цели и задачи, решаемые им, рассыпалось в прах идеологическое (нравственное) оправдание его 70-летнего существования.

Без малого два десятилетия живет «новая» Россия, и еще никто из главных фигурантов «капиталистического окружения» не спровоцировал ее к возобновлению гонки вооружений поскольку, мол, война с этим «окружением» неизбежна.

«Самая советская» среди 15 бывших «братских» республик — Беларусь, потеряв четкий образ врага, впала в состояние определенного недоумения. Устами своих руководителей она заявила о готовности лечь под натовские танки, но те по какой-то причине не спешат выдвигаться на исходные рубежи. В поисках врагов наши руководители, которым очень хочется завести у себя дома «жалезны парадак», делают рискованные заявления — пока еще непонятно зачем. Например, от армии и органов госбезопасности требуют постоянной бдительности, но при этом не могут указать генералам и чекистам против кого бдить.

А идеологическая система современного беларуского государства до сих пор не определилась с местом тоталитарных и авторитарных режимов в истории человечества. В результате ничего не получается у беларусов с выработкой государственной идеологии. Руководство РБ регулярно забавляет думающую часть публики своими высказываниями в пользу социалистическо-капиталистической и христианско-атеистической модели. Понятно, что демонстрации в нашем политическом театре (или зверинце?) бредовых сочетаний несочетаемого ничего иного, кроме смеха, вызвать не могут по определению.

А вот Сталин, отмечают авторы, сумел воплотить эклектические духовные извращения в четкую систему взаимосвязанных мифов, задачей которых было превращение таких понятий, как свобода, демократия, гуманность, истина, добро и подобных им в понятия фиктивные. Тем самым ликвидировалась сама возможность называть происходящее в СССР своими именами. Люди теряли способность понимать подлинный смысл производимого над ними насилия, подлинные ценности духа выступали в качестве проституток, а всякого рода

критика (и это было наиболее важно в практическом плане) становилась непринципиальной. Ее можно было легко направить по заведомо ложным путям, выгодным власти.

В своем перечне идеологических мифов первого в мире «социалистического общества» авторы справедливо поставили на первое место миф о научности большевистской теории вместе с мифологизацией истории.

Этот миф давал наукообразное обоснование политике партии и запретам на любую даже самую робкую ее критику, которая моментально объявлялась «ненаучной», следовательно, исходящей от людей невежественных, ангажированных, или страдающих специфическими расстройствами, избавить от которых могла только советская психиатрия, самая гуманная в мире. Что же касается мифологизации истории, то здесь основой для «промывания мозгов» стал «Краткий курс истории ВКП(б)» совместно с «Краткой биографией И.В. Сталина», которые пришлось «прорабатывать» едва ли не всему населению СССР. Цель этих штудий вполне очевидна, она заключалась в отмене реального прошлого и замене его фиктивным, объявление бывшего не бывшим, а не бывшего – бывшим.

Для обеспечения стерильности данной операции, как указывают авторы, на протяжении всей истории СССР десятками тонн уничтожались архивы, а десятки тысяч важнейших документов не рассекречены по сей день. Возможно по этой причине в российском и беларуском официальном искусстве (особенно в кино) молодые большевики до сих пор утверждают «прогрессивные идеи» коммунизма, совершают подвиги за «советскую Родину» и за «великого Сталина».

***

Авторы назвали свой труд популярным компендиумом – книга получилась в полном соответствии с замыслом. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на оглавление, на список использованной и цитируемой литературы, на фамилии научных авторитетов, которые помогают краткому, но емкому изложению рассматриваемых вопросов. Например, заслуживает внимания раздел, посвященный фашизму вообще и итальянскому фашизму, в частности.

Дуче итальянского народа (фюрер, если по-немецки, вождь, если по-русски) вовсе не был кровожадным ненавистником человечества. Скорее, он был просто неопрятным в политическом поведении человеком. Наблюдая, как во время одной войны (1914–1918 гг.) государства стремились удовлетворить себя за счет соседей, и предчувствуя неизбежность следующей войны, Бенито Муссолини – левый (т.е. революционный!) социалист посчитал, что Италии негоже отсиживаться в сторонке. А если к тому же за образец устройства страны принять Древний Рим, то сам Бог велел! Заразить Италию вирусом «возрождения Римской империи» оказалось проще простого, но (вот он, менталитет южан во всей красе!) дальше энергично заявленных и моментально осуществленных военных намерений дело не пошло. Поэтому нацистской Германии, которая опрометчиво восприняла фашистскую Италию в качестве своего «опорного союзника» пришлось для нее таскать каштаны не из огня даже, а из самого пекла мировой войны. И получать при этом по рукам.

Национал-социалисты не называли себя фашистами, итальянские фашисты не были национал-социалистами, зато советские коммунисты называли социал-фашистами немецких социал-демократов, считая, что их реформистские позиции препятствуют приходу к власти революционеров-нацистов, которых после этого легко сметут коммунисты.

Вот такой провальный сценарий, оставивший после себя жуткую путаницу в дефинициях, позволяющую одним называть, а другим искренне считать черное — белым, а белое — черным.

Однако такая неопределенность на постсоветском пространстве — в порядке вещей. Например, ратуя за демократию, здесь выстраивают «вертикаль власти», а парламент превращают в машину для простой регистрации правительственных распоряжений. Или, например, удерживают монополию государства в информационном пространстве, назначая среди множества СМИ «главные газеты страны». Даже вождизм присутствует в той или иной форме, тогда как деятельность политических партий ограничивает «большой совет» мудрых и ответственных людей из народа, поддерживающих вождя народа именем народа и ради народа.

Все это и есть обыкновенный тоталитаризм.

* * *

В тексте, сопровождаемом большим количеством иллюстраций (в основном неизвестных широкому читателю), убедительно показано, что тлетворная идея насильственного превращения общества в огромную казарму, живущую в условиях поголовного равенства (всеобщей конюшни), так же стара, как и само рабовладение.

Во всех восторжествовавших коммунистических режимах власть неизбежно и постоянно обращалась к технологиям жестокого террора, параллельно сводя к минимуму непосредственное знакомство людей с образом жизни иных народов, а также (что наиболее обидно для искателей счастья на земле) к предельному минимуму материальные блага. Результаты тотальной милитаризации в историческом масштабе неумолимо оказывались крайне непродолжительными. Сопровождался же неминуемый крах обществ универсального равенства неизбежной их деградацией, обычно требовавшей радикального вмешательства извне ради банального выживания основной массы населения.

Детальное воспроизведение сталинских технологий удержания власти демонстрирует, что только постоянное истребление правящей элиты целыми слоями позволяло «вождю всех народов» сколько-нибудь приемлемым образом организовывать жизнь в СССР. Иначе, чем принуждением к труду посредством «исправительно-трудовых» лагерей, господством лжи в ранге государственной информационной политики, истреблением инакомыслящих «империя Кремля» существовать не могла. Как только преемник Сталина Хрущев массово свернул систему «зон», а Брежнев дал «вольную» обитателям колхозов, Советский Союз превратился в исторически обреченное государство: с начала 1960-х гг. держава, располагавшая 40% черноземов всего мира, «временно» (на протяжении всех 30 последних лет своего существования!) массово закупала зерно за границей. А также сотни тысяч тонн мяса (например, в Аргентине). А также птицу

(вспомните импортных мороженых кур). А также фрукты. И многое-многое прочее.

Создатели более чем 500-страничного произведения отметили, что разоблачение коммунистической системы (победа которой в 1917 году бесповоротно лишила Россию исторического будущего в XXI веке) стало важным делом и в Беларуси. Оформление здесь конкурентоспособной экономики, основанной на информационных технологиях, — это задача, которая под силу исключительно нации свободных, творчески мыслящих личностей. Кадры, продолжающие исповедовать ценности большевистской модели управления, в принципе не способны иначе руководить страной, нежели беспрестанным подавлением, административной «накачкой», а также принуждением наиболее талантливых специалистов и предпринимателей искать счастья за границей.

Относительно меньшее внимание, уделенное в работе описанию гитлеровского национал-социализма и итальянского фашизма, объясняется просто: советский коммунизм выступал по отношению к ним недосягаемым эталоном, которого они так и не сумели достичь.

Режимы Муссолини и Гитлера были — в отличие от деспотии Сталина — отмечены неким европейским лоском: эти деятели пришли к власти, в отличие от большевиков, вполне легальным путем. Гитлер на старте своего правления успел выиграть с ошеломляющим преимуществом пять референдумов!

Немецкие «штурмовики», зазывавшие людей в «национал-социалистическую рабочую партию Германии» (т.е. нацистскую), популярно объясняли не слишком понятливым соотечественникам: «Гитлер — это немецкий Ленин». Сам же фюрер утверждал:

> «Социализм — это учение о том, как следует заботиться об общем благе. Коммунизм — это не социализм. Марксизм — это не социализм. Марксисты украли это понятие и исказили его смысл. Социализм — древняя арийская, германская традиция».

Книга лишена всякого слюнтяйства, авторы не страдают пресловутой политкорректностью, называют трагические события и их творцов собственными именами.

Подводя черту, выскажем мнение, что появление данной книги знаменует своего рода «духовный перелом» в культурном пространстве этой страны, застрявшей на пути между социализмом и капитализмом, много не дойдя даже до середины.

Этот текст предназначен не «учить», а «лечить». Именно поэтому сами авторы рекомендуют культурным маргиналам, сочувствующим коммунистической (а также фашистской, а также нацистской, а также авторитарной) идеологии всеобщей казармы и «уравниловки», не читать их сочинение.

Зрячие для слепых: беларуская оптимистическая трагедия

Александр Грицанов

Рецензия на книгу: Беларусь — превыше всего! (О национальной беларуской идее) /Составление, перевод, научное редактирование А.Е. Тараса /. Смоленск: «Посох», 2011. — 240 с.

Одна из трагедий, характеризующих современное состояние беларуского народа, заключается в том, что практически все доступные ресурсы для национального возрождения страны по сей день узурпированы узко мыслящими авантюристами, обреченными поэтому на постоянные поражения. (Точно так же, как и спектр всех пророссийских политических сил в республике оказался замещен фигурой А. Лукашенко.)

Какой из данных раскладов сыграет более весомую роль для РБ, покажет только будущее. Так или иначе, процессы, стартовавшие в нашей стране после 19 декабря 2010 года, органически предполагают смену не только «старой» оппозиции. Она, наконец-то занявшая единственно подходящее для себя статусное положение («великомучеников за идею») должна быть дополнена в массе «политических отходов» также и тем «узким кругом ограниченных людей», кои на протяжении последних 25 лет узурпировали роль единственных борцов за превращение «тутэйшего населения» в нормальную европейскую нацию. С соответствующими — хорошо всем известными — трагическими результатами. По этому поводу в книге сказано:

> «С 1994 года в Беларуси происходит постоянная *депопуляция*, или, говоря проще — вымирание населения. По данным середины 2010 года беларусов насчитывается 9 млн. 467,7 тысяч. Значит, за последние 16 лет нас стало меньше на 850 тысяч человек. Это то же самое, что целиком вымерли восемь таких городов как Солигорск или Молодечно. И это без войн, без эпидемий, без катастроф!» (с. 14–15).

Дело в том, что упадок собственно здешней нации и национальной культуры объясним не только и не столько постоянным прессингом властей. По-видимому, его основной причиной выступает воинственная неадекватность тех, кто до сей поры возглавлял работу по формированию «беларуской нацыянальнай ідэі». Из этих «кадров» «иных уж нет, а те уже далече». Правда, ничего по сути своей не изменилось и до сих пор. Эти уже многократные «лузеры» намного ожесточеннее дерутся за собственные ресурсные позиции, нежели даже против довольно сомнительной державной линии, нацеленной на снижение удельного веса «матчынай мовы» среди граждан Беларуси.

Наглядным свидетельством попыток действительно здоровых сил беларуского общества, наконец покинуть территорию культурно-политического гетто

(в которое с мазохистским удовлетворением и – надо полагать – с немалой личной выгодой загнали себя нынешние «национальные демократы») выступает этот сборник. Его авторами являются мыслители (не только отечественные), способные думать несколько иначе, чем это традиционно принято предполагать применительно к «воинствующим национальным кадрам».

Отмечу сразу: КАЖДЫЙ тезис работ, составивших сборник, обоснован многократно и с самых разнообразных позиций. В формате знакомства с представленными материалами в жанре рецензии – желательно понять: для лиц, взыскующих содержательных идейно-идеологических полемик, необходимо ознакомиться со ВСЕМ текстом.

Национализм может и должен стать высокодуховной и — одновременно — прагматичной политикой

Основной тезис книги – беспрецедентно откровенен:

> «Суть национальной идеи фактически заключена в одной единственной фразе: Беларусь превыше всего (на мове – Беларусь перад усім)» (с. 4).

А как же с нежелательными и с не совсем политически корректными аналогиями? – спросит читатель. Ответ:

> «Как гласит народная мудрость, «золотая монета не перестанет быть золотой, если ее найдет подлец» (с. 4).

По мнению автора предисловия:

> «Именно эта формула предельно кратко выражает суть ЛЮБОГО НАЦИОНАЛИЗМА... Национализм – в отличие от либерализма, коммунизма и политкорректности – не нуждается ни в каких обоснованиях» (с. 4).

Национализм может сделать жизнеутверждающим духовным промыслом исключительно ВЕРА, «вера в Бога», которая реально выступает главным условием «личной независимости и независимости государства» (с. 9). И берут его на вооружение исключительно одаренные и вдохновенные люди:

> «Проект Скорины по изданию Библии не был бизнес-проектом (ему, выходцу из семьи богатых торговцев, было хорошо известно, какие товары приносят прибыль). Перевод и издание Священного Писания требовали от него определенного идеализма, жертвенности, смелой веры первопроходцев» (с. 9).

В данном случае речь не может и не должна идти об «избранности» какой-то категории особо заносчивых людей:

> «Беларуская национальная идея – это сверхзадача, которую Бог доверил исполнять беларусам. Именно ради нее Он дал нам возможность быть народом и обладать своим государством» (с. 18).

Национализм – это продолжение благородных устремлений представителей «цвета» той или иной формирующейся нации.

И почти здесь же разъясняющая цитата из Геллнера:

> «Национализм не является тем, чем он нам кажется, но он также не является тем, чем он считает себя сам. /.../ Национализм принципиально склонен к обману или са-

мообману. Дело в том, что национализм является по существу масштабным введением высокой культуры в обществе, где более низкие культуры издавна господствовали в жизни большинства, а в определенной мере – и всего населения...» (с. 178).

Отмечу, что аргументации посредством цитат в тексте сравнительно немного. Авторы, как правило, имеют мужество руководствоваться собственным умом (как и учил Иммануил Кант).

Эмансипация от России: еще не завершенная

Предваряет фрагмент сборника под названием «Концепция беларуской национальной идеи» вполне расхожая констатация:

«Все официальные идеологические концепции – от происхождения беларусов до модели социального государства – заимствованы из российско-советского контекста, научно несостоятельны, служат в первую очередь интересам России. Беларусам необходим переход от пророссийских концепций к своим собственным, требуется новое понимание самих себя, своей истории» (с. 19).

При этом автор текста не ограничился абстрактными констатациями, речь идет и о вполне определенных «гуманитарных технологиях»:

«Первый необходимый шаг – выход из сферы идеологического влияния России.

Это влияние, в свою очередь, связано с навязанными беларусам тремя базовыми мифами:

– мифом славянства (восточного славянства);

– мифом триединого русского народа;

– мифом преемственности Московской государственности от Киевской Руси» (с. 19).

Особо акцентируется важность понимания следующего:

«У беларусов, украинцев и русских никогда не было общих предков. Беларусы – потомки балтских племен (ятвягов, кривичей, пруссов и др.); украинцы – потомки скифо-сарматских племен (печенегов, половцев и др.); русские – потомки финно-угорских племен (мордвы, чуди, печеры, муромы, мещеры, веси...), испытавшие вдобавок мощное влияние тюрков» (с. 20).

И, в частности:

«Как ятвяги (летописная *литва*), так и смоленско-полоцкие кривичи являются одним этносом с общей дохристианской культурой и языком. Именно поэтому от Подляшья до Смоленщины существует этнически единый беларуский народ с единой культурой и традициями.

Нашей историографии в отношении Полоцкого княжества следует четко придерживаться термина *Крыўя* или *Полоцкая Крыўя*. Это будет выделять ее из *общерусского* контекста. Одновременно, Киевская Русь должна преподноситься как государ-

ственное образование пришельцев-варягов, а не мифических *местных славян-русичей.* Крыўя в историческом и религиозном контексте – это этнически балтская земля, уже принявшая православие, в противовес Литве (Ятвягии), еще сохранявшей язычество» (с. 31).

Что здесь абсолютно (!) справедливо (с деталями пусть спорят буквоеды, безнадежно пытающиеся узнать доподлинную «историческую истину»), так это соображение о том, что модель собственной истории каждая нация обязана создавать СИСТЕМНО.

Немаловажно и то, что при распаде СССР в новых независимых государствах сохранилось определенное число специалистов, не боящихся иметь собственную точку зрения (не обязательно имперскую) на генезис народов «сферы кириллицы». Сейчас эти эксперты являют собой «золотой фонд» каждой становящейся нации. Они-то и подчеркивают следующее:

«Наша страна до сих пор остается – по факту – колонией России, ибо в мире еще не было случая, чтобы власти нации, добившейся Независимости, сохранили бы колониальные символы (герб, флаг, гимн, денежную единицу, памятники...), колониальное название страны (Белая Русь) и так душили свою национальную культуру, как это делается у нас. Нашим властям внутренняя *Москва,* сидящая в их мозгах, разрешает лишь торговаться о ценах на нефть, газ, молоко, а президенту – немного своевольничать во внешней политике. Единственный способ обосновать рабское поведение нашего руководства в отношениях с Москвой – это объявить, что мы с русскими один народ, что оно и делает. А этот тезис и является главным во всей концепции западнорусизма» (с. 124).

«Беларусь» — еще пока не бренд. Новые идеи

Реально осмысливая сложности с выстраиванием собственной национальной идентичности, один из авторов констатирует:

«Самоназвание *«белорус»* не вызывает ассоциаций героического или благородного свойства. Традиционная характеристика народа под названием *«белорусы»* – слабая, постоянно кем-нибудь угнетаемая нация, с отсталой и примитивной крестьянской культурой. В ряду ассоциаций к термину *«белорус»* преобладают уничижительные или негативные образы: батрак, бульбаш, деревенщина, колхозник, покорный, страдалец...

Нет ничего зазорного в том, что белорусы – *нацыя сялянскага паходжання* – ведь это показатель аутентичности. Но возведение лаптя в культ – явный перебор. Такой подход вызывает негативное отношение к собственному самоназванию и ко всему, что с ним связано» (с. 28).

Особо обратим внимание на следующее:

«Начиная с «Дудкі беларускай» (1891 г.) Франтишека Богушевича, беларуские литераторы культивировали образ многострадального народа. Почему многострадального? Да потому что он *отсталый* и *забитый* (читай – *недалекий*). У человека даже со средним интеллектом такая *картинка* способна вызвать только отвращение. К сожалению, наши классики – Максим Горецкий, Якуб Колас – *стонали* о том же. Лишь Владимир Короткевич посмел нарушить эту мерзкую колониальную традицию!» (с. 204).

Интересно, как отреагирует на этот пассаж чиновничий аппарат Министерства образования? Упор в хрестоматиях по «роднай літаратуре» должен быть сделан на отечественной классике, но принципиально иного пафоса.

И здесь же — вполне конструктивные и технологичные идеи:

> «Новые бренды беларусов» (с. 36).

В идеальной перспективе должно быть введено следующее:

> «[...] Статут — главный закон страны. Конституция в Беларуси должна называться Статутом, подчеркивая историческую преемственность нынешнего государства с ВКЛ.
>
> Шляхта — общее название наиболее образованной части населения. Это люди с высшим и средним специальным образованием, исповедующие христианство, обладающие активной гражданской позицией...
>
> Дуб — дерево жизни, с древности почитаемое беларусами. Дуб должен стать символом жизненных сил нации. Снова должно стать обычаем почитание дубов, находящихся в знаковых местах городов, поселков, деревень» (с. 37)...

И в аспекте грядущих реформ, жизненно важных для строительства нового национального государства:

> «...Изменить концепцию происхождения беларусов со славянской на балтскую...
>
> Изменить концепцию государственной преемственности от Киевской Руси на традицию Великого Княжества Литовского...
>
> Изменить ключевую характеристику нации. Советская характеристика утверждала, что беларусы — нация исключительно крестьянская. Надо ввести принципиально иной тезис: беларусы — нация крестьянско-шляхетская» (с. 39).

Необходимо заменить антинациональные названия улиц, городов, демонтировать памятники более чем сомнительным личностям. В частности, отмечается:

> «К вопросу о том, что война с памятниками — это якобы *война с историей*. В Испании 30 лет существовала диктатура генералиссимуса Франсиско Франко, пришедшего к власти в результате кровавой гражданской войны. Иными словами, эта страна вдоволь нахлебалась тоталитаризма и *культа личности*.
>
> В 2007 году испанский парламент принял специальный закон «Об исторической памяти»! В соответствии с ним в стране демонтировали ВСЕ памятники диктатору, запретили все символы, ритуалы, памятные даты, связанные с *победоносным шествием* франкистского режима. Отныне Франко и его сподвижников нельзя называть *верными сынами народа* или *великими гражданами Испании*, нельзя гордиться тем, что они были когда-то объявлены *почетными академиками* или *почетными железнодорожниками*.
>
> Сравните с Беларусью. Здесь память о *выдающихся* партийно-политических деятелях периода СССР заботливо поддерживается до сих пор» (с. 42).

Что это может дать?

Блестящий тезис сформулирован в сборнике: надо возрождать практически раздавленную за два века местную аристократию духа и бизнеса:

> «Богатый беларус-патриот, демонстрирующий пример достойной жизни, безусловно более привлекателен по сравнению с нищими народофронтовцами, безуспешно пытающимися *донести* свои идеи до народа» (с. 56).

Пожалуй, самый впечатляющий фрагмент книги следующий:

«Ошеломляющий успех произведений Владимира Короткевича был вызван в свое время именно тем обстоятельством, что они выступили убедительной альтернативой и плачу крестьянских литераторов 1900–30 годов, и колхозному быту писателей 1950–60-х годов.

В самом деле, о ком идет речь в его книгах «Седая легенда», «Дикая охота короля Стаха», «Кастусь Калиновский», «Христос приземлился в Гродно», «Колосья под серпом твоим», «Черный замок Ольшанский», «Колыбель четырех волшебниц», да и других тоже? Неужели о крестьянах? Пролистайте снова и вы увидите: его герои – шляхтичи, разночинцы, горожане! Наши литературоведы стыдливо затушевывают этот факт, тогда как он является фундаментальным для понимания творчества В.С. Короткевича.

Достаточно сравнить его книги с классическим колхозным романом Ивана Мележа «Люди на болоте» (1961 г.), включенным в школьную программу. Может ли кто-нибудь сказать – о чем он? В чем там интрига? Вообще, что происходит на страницах этого романа? «Іван пайшоў у стайню», «Ганна прынесла малака», «Мікола ўвесь дзень будаваў дах на сьвіране». Примерно, в таком духе. Разумеется, при желании подобные тексты тоже можно считать литературой. Вот и считают...» (с. 213).

И далее:

«Для шляхты моральные ценности (личное достоинство, честь семьи, верность королю и магнату, честное слово) являлись мощными регуляторами поведения. Для крестьян же такие понятия просто не существовали. В этом смысле большинство нынешних горожан Беларуси до сих пор остаются *крестьянами* – то есть, людьми лишенными чувства личного достоинства, уважения к самим себе. Власть любого уровня делает с ними что хочет, унижает по-всякому, обманывает даже в мелочах – они все терпят, не смеют бунтовать. Их лозунг: *абы ціха!* Вот чиновники и топчут их в свое удовольствие.

А что касается *крестьянского короля Стаха*, о котором писал Короткевич... ОН, НАКОНЕЦ, ПРИШЕЛ. Хочется спросить у *адраджэнцаў*: что же вы не радуетесь ему? Ведь это – идеальный архетип беларуского крестьянина. Такой же индивидуалист и хитрец. Такой же скупердяй и завистник. Так же неблагодарен и злопамятен. Столь же искренне презирает *навукі, скубэнтов*, специалистов-профессионалов. Аналогично ненавидит талантливых и ярких людей... А уж *кіраваць* ему нравится до полного самозабвения /выделено мной. – *А.Г.*/» (с. 213 – 214).

И для того, чтобы стало еще понятнее:

«В начале 1990-х годов представители беларуского крестьянства на короткое время взяли власть. Но затем выпустили ее из рук. Да не просто выпустили, сами отдали!

Ах, как они себя любили в этой власти, с каким увлечением делили должности и деньги, вещали стране и миру о своих смутных идеях. Например, *аб Адраджэнні.* Возрождении чего? *Сялянскай гаворкі?* А кроме нее еще чего? Это так и осталось неизвестным /.../

Но в политике так не бывает. Политика – это война. В ней сражаются насмерть. А кто не может драться – тот не политик... Наши оппозиционеры – не политики. В своем большинстве – фантазеры и эгоисты. Они сторонники не какой-то величественной идеи, а исключительно своих мечтаний *аб уладзе.* Поэтому у них нет перспектив. В лучшем случае эти барашки когда-нибудь создадут свою фракцию в Верховном совете (пусть даже переименуют его в «Сойм») и будут долго объяснять волкам, *як будаваць нацыянальную дзяржаву.* Впрочем, сами они имеют туманное представление об этом предмете. В действительности, главное их стремление – чтобы волки ба-

рашков не кушали, дали возможность спокойно питаться импортной *зеленью* на политической лужайке.

Нынешнюю правящую группировку неизбежно сменит новое поколение (*молодые волки*), поголовно состоящее из горожан и столь же поголовно русифицированное. Заранее прошу *нацыянальна сьвядомых адраджэнцаў* не волноваться по этому поводу – вы лишние на этом празднике жизни.

Кого я имею в виду под лишними? Например, Беларуский Народный фронт» (с. 231, 232).

Автор далее фиксирует основные – абсолютно трагичные и летальные – промахи его лидеров:

1) громко озвученное (до появления даже минимальных надежд на политическую победу) стремление научить всех граждан не просто «мове», а «дакладна» «тарашкевіце», напугавшее очень и очень многих.

2) игнорирование трагичного опыта национальных демократов 1917 – 1921 гг., вчистую проигравших борьбу за массы и власть большевикам.

«Для беларуских *народных интеллигентов* на первом месте было социальное, а не национальное. То же самое мы видим сегодня: *колбаса* и *кіраўніцтва* (то есть, приоритет материальных благ и монополия на власть для себя) в сознании *беларускамоўных* идеологов гораздо важнее *флага* (консолидирующей общенациональной идеи) и *храма* (веры в Бога).

Почему? Да потому, что *нацыянальна свядомая* публика в своем большинстве состоит из вчерашних крестьян. А крестьянство – как общественный класс – никогда не мыслит в понятиях исторического процесса или в категориях национально-государственного строительства... Кстати говоря, именно поэтому трудно переоценить значение исторического образования и просвещения, осуществляемого с позиций беларуского патриотизма» (с. 234).

Что есть национальное?

Этот тематический раздел сборника, объединяющий несколько авторских материалов, самый радикально-новаторский и одновременно, едва ли не впервые для новейшей Беларуси – абсолютно вменяемый.

Итак, главные тезисы:

«Язык не может служить критерием патриотизма. В полиэтничном ВКЛ реальным проявлением патриотизма было не знание старобеларуского языка, а защита независимости государства с мечом в руке, а также *приумножение наук*, создание шедевров искусства, обеспечение спокойной и упорядоченной общественной жизни. В этом сильном и полноценном государстве никому бы в голову не пришло назвать *непатриотом* польскоязычного беларуского шляхтича, возвращающегося с войны» (с. 60).

«... Если говорить о беларуской идее конца 1980-х годов как определенном принципе легитимации и сохранения той реальной социокультурной целостности, которую мы обозначаем словом *Беларусь*, то она проявила себя чрезвычайно неэффективно.

Взамен удержания этой цельности она предложила картину социума, погруженного в прошлое как в идеальную форму, тогда как реальность (современность) выступала ее неисправимой деградацией. Общество в этой картине было разделено на две части: сознательное меньшинство и колонизированное большинство. При этом большинству было отказано в легитимности его присутствия» (с. 100).

«Применительно к Беларуси можно зафиксировать отсутствие практического слагаемого нации. По сей день вопрос: *Что должен делать человек, чтобы быть беларусом?* – остается без ответа. А если так, то главную роль играет не то, что он делает, а то, что делают из него» (с. 106).

«Надо заняться усердным просвещением народа, возвращением ему исторической памяти, славного прошлого нашей Литвы и литвинов (вместо того, чтобы молчаливо отдавать нашу историю и наших героев в безраздельную собственность полякам, летувисам и русским); начать разбирать завалы лжи, окружившие нас. Нужно начать работу по ликвидации на нашей земле позорных свидетельств колониального настоящего – переименованием улиц, сносом памятников *пламенным революционерам*, разоблачением политики московской церкви (то есть РПЦ) как колониальной и оккупационной.

Только тогда сдвинется с мертвой точки движение за беларускую *мову* и культуру. Народ заговорит на своем языке при том условии, что начнет себя уважать, а это сможет произойти лишь благодаря постижению своей подлинной истории» (с. 131 – 132).

«Уже все поняли, что в современном Минске живут минчане, в Полоцке – полочане. А вот в Беларуси пока еще живут беларусы, русские, поляки, украинцы, евреи, татары и прочие – все сами по себе. Они еще не научились считать себя беларусами русского, польского, украинского, еврейского, татарского или иного происхождения» (с. 145).

«В Беларуси колониальное наследие оказалось настолько сильным, что А.Г. Лукашенко, став президентом, пытался снова присоединить страну к бывшей империи. Это единственный пример в новейшей истории, когда бывшая колония стремилась вернуться под власть метрополии. Что касается самого Лукашенко, то он со своей советской ментальностью *младшего брата России* не видел противоречия в такой политике, ибо считал, что между Беларусью и Россией нет существенных национально-этнических различий. Беларуский случай (положительная оценка колонизации) – аномальное явление в постколониальных государствах» (с. 158 – 159).

«В 13 из 14 нерусских республик бывшего Союза происходит *прощание с империей*, включающее в себя строительство и консолидацию национальных государств. Только в Беларуси не наблюдается *перехода от империи*, неотъемлемая часть которого – перемены в национальной историографии» (с. 165).

«У нас украли не только летописи. За пределами территории Беларуси сейчас находится 95% наших исторических и культурных ценностей. Возвращать эти сокровища никто не собирается – хотя бы потому, что беларуское политическое руководство этого не требует.

Российские, польские и летувисские фальсификаторы уже давно направляют общественное мнение своих стран в обход многих важных событий, словно охотники гонят дичь между веревками и флажками. Для этого они завышают значимость одних фактов и принижают другие» (с. 201).

Например:

«Статистика, на основе которой можно сделать выводы о негативном влиянии России на Беларусь, всегда скрывалась. Например, данные о соотношении количества зерна, собиравшегося до и после коллективизации, не публикуются даже сейчас. Конечно, в БССР появилось много фабрик и заводов. Но в сопоставимых по территории и населению европейских странах, где удалось скрутить местных большевиков, их построили намного больше.

При любой власти люди пашут и сеют, рожают и растят детей. Это заслуга природы, а не властей. Оценить качество политического строя можно, только сравнивая соотношение положительных и отрицательных факторов, влияющих на естественный ход жизни. Не так уж давно (в 2002 г.) в Гродно праздновали 200-летие учреждения Гродненской губернии. Как сообщали официальные источники, это *эпохальное* событие *способствовало развитию* Гродненщины. Почему же тогда Гродненщина из передового воеводства Речи Посполитой, где находилась ставка короля Стефана Батория, где жил король Станислав Понятовский, превратилась в *один из самых нищих и отсталых краев царской России?*» (с. 205).

Самой больной вопрос: о двуязычии

Эти пассажи сборника, наверняка, вызовут наибольшие споры. Скорее, не споры, а тупое банальное замалчивание со стороны одной немногочисленной и печально известной «группы лиц». Аргументов против данных положений с их стороны озвучено не будет, их НЕТ. Впрочем, мотивы такого (вполне ожидаемого) поведения из превентивных соображений авторы рецензируемого произведения обозначили по ходу дела вполне прозрачно.

«Почти все *адраджэнцы* — представители беларускоязычной части интеллигентов-гуманитариев (литераторы, филологи, журналисты, историки, деятели искусств). За последние 20 лет стало ясно, что под *возрождением* они подразумевают в основном директивный (насильственный) перевод на беларуский язык всех сегментов социума: детских садов, школ и вузов, государственных предприятий и коммерческих фирм, общественных организаций, судов и милиции, вооруженных сил.

Нетрудно понять — почему. По той простой причине, что только таким образом они могут обеспечить СЕБЕ руководящие роли в структурах политической и общественной системы. Иными словами, *адраджэнцы* уже давно защищают не *мову*, а свое место под солнцем. Ведь если у *мовы* нет перспектив, то и они никому не нужны» (с. 216).

И к чему это приводит?

«Это просто смешно. Стоит появиться в трех-четырех магазинах Минска какому-нибудь сочинению на *мове* тиражом 150 или 200 экземпляров, как пресловутая *негосударственная* пресса начинает дружно его хвалить. И тогда становится ясно, что к изданиям на беларуском языке неприменимы такие критерии, как способности автора, то, в какой мере он *владеет вопросом*, просто — интересно ли его сочинение. Все прощается лишь за то, что *выдаў на мове*» (с. 220).

Что взамен наличных фантазий «за мову»?

Этот фрагмент сборника прописан наиболее технологично («политика есть искусство возможного»).

«Программа-минимум должна обрести четкое оформление в виде закона Республики Беларусь о защите национального языка. Насколько мне известно, Общество беларуского языка имени Фр. Скорины («Таварыства беларускай мовы імя Францішака Скарыны») проект такого закона то ли уже подготовило, то ли завершает его разработку.

...При таком варианте дальнейших событий *чыстая мова* — скорее всего — повторит судьбу иврита древних евреев. Она (как и иврит) останется достоянием неболь-

шого круга специалистов (филологов, лингвистов, литераторов). А народ будет по-прежнему говорить либо на *трасянке*, либо на русском языке.

Программа-максимум – это мечта. Мечта о том, что хорошо бы лет за 15 – 20 перевести на беларуский язык те сегменты общественной жизни, которые выдержат такой перевод без потери качества. Это топономика и гидронимика, торговля и реклама, ЦЕРКОВЬ (ВСЕ КОНФЕССИИ), радио и телевидение, органы государственного управления, милиция (лучше бы полиция), дошкольные учреждения, начальная и средняя школа.

Науку, технику, медицину и оборону не трогать ни в коем случае. Разве что поставить себе цель отбросить эти сферы общества в XIX столетие. Тогда, конечно, флаг в руки и полный вперед далеко назад!» (с. 224).

Чтобы было доступнее для понимания здешней амбициозной «соли земли», приведены некоторые прописи:

«Просто беда, что люди не знают прописных истин современной науки. Определяющим фактором национального самосознания является то, в духе какой культуры человек воспитан. Например, Пушкин *по крови* был эфиоп, Лермонтов – шотландец; Фонвизин, Герцен, Блок и Гиппиус – немцы, Даль – датчанин; Гоголь, Ахматова, Бунин, Короленко, Зощенко – украинцы; Достоевский, Булгарин, Соллогуб, Грин – беларусы; Мандельштам, Пастернак, Маршак – евреи; Грибоедов и Мережковский – поляки. Но все они заслуженно считаются выдающимися русскими литераторами...

Можно сколько угодно заявлять о том, что Костюшко и Немцевич, Ясинский и Малаховский, Огинский и Вавжецкий, Князевич и Траугут, Мицкевич и Монюшко, Киркор и Чечот, Борщевский и Сырокомля по своему этническому происхождению были беларусами. Принципиально важно иное – то, что сами они считали себя *польской шляхтой литовского происхождения*, говорили, писали и ДУМАЛИ на польском языке.

...Поэтому, если вырос в Беларуси и считаешь себя беларусом – значит, ты беларус. Не обращай внимания на ущербных типов, пытающихся делить наш народ на *карэнных* и *прышлых*, *беларукамоўных* и *рускамоўных*. Истинная мотивация тех, кто хочет резать по живому, находится в иной плоскости. Для них *коренные* – исключительно выходцы из деревень, то есть они сами, их родня и земляки. Наша деревня всегда ненавидела город, а горожан, как отметил известный культуролог Николай Крюковский в одной из своих статей, всех скопом называла *жидами*.

Эти *лузеры* по собственной воле засели в канаве возле шоссе, по которому наше общество движется в будущее. И оттуда пытаются удивлять своими глупостями проезжающих и проходящих мимо. Только никто их давно не слушает, кроме других таких же *лузеров*» (с. 226).

Авторы сборника – кто осмысленно, а кто и в силу гениальных озарений – не могут не догадываться о том, что программы, предлагаемые современными радикальными «нацдемами», осуществимы исключительно как результат насильственного введения «внешнего управления» на территории Беларуси. Одну «оккупацию независимостью» (В. Акудович) мы давно пытаемся преодолеть. Ее непосредственным итогом стал период 1994 – 2001 гг.

Не надо будить еще одно «ліха». Замысел и пафос данной работы только и способны объединить «думающую Беларусь».

Об этом данный текст.

Ліст да рэдакцыі

Скажу Вам адразу: люблю сваю мову і свой край, прынамсі ня менш, чым Вы, і таму цалкам згодны з Вашай, Анатоль Яфімавіч, пазіцыяй. Калі русіфікацыя дасягнула такога ўзроўню, што на роднай мове амаль не чытаюць (ну й роднай яе лічаць, па дадзеных апошняга перапісу, толькі трохі больш за палову жыхароў у межах Рэспублікі Беларусь), то, канешне, такія кнігі, якія выдаюцца дзякуючы Вам, проста неабходна друкаваць толькі на той мове, што разумее большасць тых, хто кліча сябе беларусамі.

Дзякуй Вам за гэтае разуменне.

Да выхаду «Истории имперских отношений...» аўтаматычна, запраграмавана лічыў сябе белОрусом, славянінам. Хоць гісторыю ведаю адносна большасці суайчыннікаў вельмі добра. Дзякуй за белАруса, дзякуй за балта-славяніна. Апошняе сцверджанне, дарэчы, зняло шмат пытанняў па разуменню ўтварэння нашай нацыі і нашай дзяржавы.

Дзякуй за балцкае паходжанне: апошнія сумненні наконт беларускасці Вялікай Літвы зніклі.

Апазіцыя, «Народная Воля», «Наша Ніва»... Яны для тых, для каго ўсё і так зразумела, для тых, хто і без іх удзелу здолее зрабіць выбар на карысць Беларусі. А таму яны патрэбны ня так моцна, як вашая праца. Канешне наклады малыя — грошай на беларускае адраджэнне савецкія калгаснікі і шматлікія маскалі ніколі не дадуць. Але справа Вялікая — кожны новы беларус, што зразумеў, хто ён сапраўды — новая цаглінка ў мур будучай Беларусі, цаглінка, якая выбіваецца са сцяны цяперашняй недабеларускай дзяржавы. Канешне, хутчэй за ўсё, мы не пабачым ужо новай краіны. Няхай. Паўстанцы Ясінскага ня ведалі, што праз якіх 70 год новыя змагары будуць біцца ўжо не за Польшу, не за Літву, а за Беларусь. Пакрысе і мы прыйдзем да нашай сапраўднай Беларускай дзяржавы.

Дзякуй Вам за вялікую, такую патрэбную, але няўдзячную справу.

Чытаў Вашыя, спадар Тарас, кнігі спачатку ў Інтэрнэце. Не працаваў, грошай вольных амаль ня меў. Але знайшоў працу, трохі больш заможным стаў. І скончыў чытаць «Историю имперских отношений...» ужо ў папяровым выглядзе. Набыў таксама два выпускі «Дедов». Зараз збіраюся набыць трэці. А вось «Тайны беларуской истории» Дзяржынскага ня ведаю, дзе дастаць. На жаль я не з Мінска, там здаецца прасцей было б.

Жадаю плёну ў працы. Шмат зарабляць. Шмат выдаваць.

З павагай, удзячны чытач.

Кастрычнік 2010 г.

// alijandrayo@yahoo.com

Памяти
Александра Грицанова

21 марта текущего года на 53-м году жизни от нас ушел Александр Алексеевич Грицанов. Мы потеряли ученого-эрудита, мастера своего дела и внимательного наставника, преданного друга, надежного коллегу.

Великолепный философ, обладавший широчайшими гуманитарными знаниями, он был одним из признанных лидеров Минской философской школы «Гуманитарная энциклопедия» и, можно смело сказать, — ее высокоэффективным мотором.

Получив в 25 лет ученую степень кандидата философских наук, Александр Грицанов работал преподавателем и доцентом в Белгосуниверситете. Позже он преподавал на кафедре социальных и гуманитарных дисциплин Восточно-Европейского негосударственного института бизнеса и права, заведовал этой кафедрой, читал лекции, курсы и спецкурсы по философии, социологии, истории и политологии в ряде университетов и институтов.

О многогранной научно-гуманитарной деятельности А.А. Грицанова можно рассказывать очень много. Но я ограничусь тем, что упомяну книги, в которых нашли воплощение его талант великолепного популяризатора философских знаний и замечательного ученого-организатора.

В 1999 году вышло в свет фундаментальное энциклопедическое издание «Новейший философский словарь», чьим составителем, главным научным редактором и одним из авторов был Александр Алексеевич. Этот словарь стал первым мощным камнем, положенным в фундамент грандиозного гуманитарного проекта, который с 2000 года и до настоящего времени осуществляется в минском частном издательстве «Книжный Дом».

Александру Грицанову удалось собрать вокруг себя сильную команду философов-единомышленников. Эта группа смогла подготовить и выпустить за десять лет 8 энциклопедий, не имеющих аналогов не только на всем постсоветском пространстве, но и в мире. Это 2-е и 3-е переработанные издания «Новейшего философского словаря», энциклопедии «История философии», «Новейший социологический словарь», «Постмодернизм», «Психоанализ», «Религия», «Социология», «Эзотеризм». При его активном участии увидело свет учебное пособие «Современная западная философия».

Дважды выходила 9-томная серия «Религии мира», где книги «Язычество», «Христианство», «Католичество», «Протестантство», «Индуизм» просто не появились бы без Александра Алексеевича. Незадолго до его кончины вышла из печати последняя книга 18-томной серии «Тайны Посвященных», в которой только несколько он написал с помощью соавторов, а остальные — единолично.

К сожалению, осталась незавершенной разработанная Александром Алексеевичем 50-томная серия «Мыслители XX столетия». Вышли 12 книг – из них его перу принадлежит «Жак Делёз», в соавторстве написаны «Мишель Фуко», «Жан Бодрийяр», «Жак Деррида» и «Александр Богданов». Еще 6 книг подготовлены к печати, но их Александру Алексеевичу уже не суждено держать в руках.

Даже простое перечисление книжных публикаций говорит о том, что команда Грицанова за короткий срок сделала так много, что это не всегда по силам целому научному институту. И всё благодаря его непревзойденным организаторским способностям, титанической работоспособности, умению общаться с людьми.

Александр Алексеевич Грицанов оставил после себя целую библиотеку великолепных умных книг. Помнить о нем будут не только его дети, родные и близкие, друзья и коллеги, но даже завистники и недоброжелатели. Как известно, «рукописи не горят». Книги тем более остаются в памяти человечества.

Сергей Кузьмин
Директор издательства «Книжный Дом»

Друзей мы не выбираем. Они либо есть, либо нет. К ним прикипаешь душой. Тяжело терять людей, которых просто знал. Вдвойне, втройне тяжело прощаться навсегда с теми, кто были не просто знакомыми, но друзьями.

Александр Грицанов был именно другом, а еще – единомышленником и соратником. Он ушел так рано, так внезапно. Заменить его некем, ни в жизни, ни в работе. Остается только молиться об упокоении души его в мире вечности и советоваться с ним в мыслях своих.

Александр был добрым, честным и доверчивым человеком. Да, он имел привычку верить людям, за что не раз страдал от подлостей разных мерзавцев. Но своей привычке не изменил.

А еще он обладал мужеством плыть против течения. Достаточно открыть любую из его книг, чтобы увидеть, как далек он был и от марксистского официоза, и от конъюктурных поделок тех современников, которые самонадеянно объявляют себя «философами», хотя были, есть и умрут обыкновенными потребителями пищевых продуктов и материальных благ.

Сначала я познакомился с великолепной энциклопедией «Философия», изданной в 2001 году. Александр был ее составителем и главным научным редактором, а также автором 350 статей в ней. Этот великолепный труд по сей день является моей настольной книгой. Позже познакомился с самим «мотором» проекта. Знакомство переросло в плодотворное сотрудничество, а сотрудничество – в дружбу.

Очень мало времени было отпущено Александру, но он многое успел сделать. И тем самым установил «верхнюю планку» трудовых свершений, к которой должны стремиться интеллектуалы. Ибо главное наше предназначение – работа, а не переваривание пищи. Отдыхать будем на «том свете», куда ушел наш друг и где мы когда-нибудь встретимся снова.

Анатоль Тарас,
редактор дайджеста «Деды»

Издательский проект «Неизвестная история»

1. А.Е. Тарас. **Войны Московской Руси с Великим Княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках.** 800 с. 2006–2010. Издатель: «Харвест».

2. **История имперских отношений: беларусы и русские. 1772–1991.** /Коллективная монография. Ред.-сост. А..Е. Тарас/ 608 с. 2008–2009. Издатели: «Посох» (Смоленск), А.Н. Вараксин, «ФУАинформ».

3. А.Е. Тарас. **Анатомия ненависти: Русско-польские конфликты в XVIII–XX вв.** 800 с. 2009–2010. Издатель: «Харвест».

4. И.Л. Солоневич. **Россия в концлагере.** 592 с. 2009. Издатели: А.Н. Вараксин, «Современная школа».

5. В.Б. Белинский. **Страна Моксель: Из истории Московии XI–XVI вв.** 272 с. 2009. Издатель: «Посох» (Смоленск).

6. С.С. Захаревич. **Большая кровь: Как СССР победил в войне 1941–1945 гг.** 560 с. 2009. Издатель: «Современная школа».

7. А.П. Грицкевич. **Западный фронт РСФСР 1918–1920: Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию.** 496 с. 2009. Издатель: «Харвест».

8. В.В. Деружинский. **Тайны беларуской истории.** 560 с. 2009–2011. Издатель: «ФУАинформ».

9. Ю.В. Чернявская. **Белорусы: От «тутэйшых» — к нации.** 512 с. 2010. Издатель: «ФУАинформ».

10. А.Е. Тарас. **Грюнвальд, 15 июля 1410 года.** 160 с. 2010. Издатели: «ФУАинформ», «Харвест».

11. А.А. Грицанов, А.Е. Тарас. **Научный антикоммунизм и антифашизм: Популярный компендиум.** 528 с. 2010. Издатель: «ФУАинформ».

12. С.С. Захаревич. **Сталинский «бросок на Юг», или почему не состоялась операция «Гроза»** 464 с. 2010. Издатель: «Современная школа».

13. **Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века.** /Сборник. Ред.-сост. А.Е. Тарас/ 544 с. 2010. Издатель: «Харвест».

14. Зм. Сасноўскі. **Гісторыя беларускай музычнай культуры ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя.** 416 с. 2010. Издатель: «Харвест».

15. А.Е. Тарас. **Костёл в нашей жизни.** 192 с. 2010. Издатель «ФУАинформ».

16. А.П. Грицкевич. **Борьба за Украину. 1917–1921 гг.** 528 с. 2011. Издатель: «Современная школа».

17. Н. Стужынская. **Беларусь мяцежная: З гісторыі антысавецкага ўзброенага супраціву 1920-х гг.** 384 с. 2011. Издатель: «Наша будучыня» (Вильня).

18. Группа авторов (сост.-ред. А.Е. Тарас). **Беларусь превыше всего: О национальной беларуской идее.** 240 с. 2011. Издатель: «Посох» (Смоленск).

19. **«Деды». Выпуск 1.** 144 с. 2009. Издатель: А.Н. Вараксин.

20. **«Деды». Выпуск 2.** 200 с. 2009. Издатель: А.Н. Вараксин.

21. **«Деды». Выпуск 3.** 200 с. 2010. Издатель: А.Н. Вараксин.

22. **«Деды». Выпуск 4.** 200 с. 2010. Издатель: А.Н. Вараксин.

23. **«Деды». Выпуск 5.** 200 с. 2010. Издатель: «Харвест».

24. **«Деды». Выпуск 6.** 336 с. 2011. Издатель: «Харвест».

(На страницах 333–334 показаны обложки перечисленных выше книг.)

* * *

Обращаю внимание читателей на то обстоятельство, что книги проекта «Неизвестная история» публикуют РАЗНЫЕ фирмы, в том числе за пределами Беларуси. У меня нет ни собственного издательства, ни лицензии частного предпринимателя, ни финансовых средств. Я работаю с текстами, затем готовлю оригинал-макеты книг и уже готовый продукт предлагаю издателям. Опыт последних пяти лет показал, что такая схема вполне жизнеспособна. Но она не гарантирует приобретение новых изданий всеми желающими. Поэтому прошу реагировать на мои рекламные объявления и заранее направлять заказы в магазины «Академкнига» и «Книжный салон», или индивидуальным предпринимателям.

А.Е. Тарас

Адреса:

«Академкнига»: Минск, пр. Независимости, 72. Тел. (017) 292-00-52

«Книжный салон»: Минск, ул. Калинина, 5. Тел. (017) 385-60-89
stivalsalon@gmail.com

Роман Цимберов: *skramasaks@inbox.ru*

Алесь Евдаха: *wwwknihinet@gmail.com*

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 6

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем:
А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 12.04.2011.
Формат 70 × 100 $^1/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл.-печ. л. 42,0. Уч.-изд. л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 0572.

Ответственный за выпуск: *А. Е. Тарас*

Издательство ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42

Отпечатано в типографии ООО «Поликрафт». ЛП № 02330/0494199 от 03.04.2009.
Республика Беларусь, 220103, г. Минск, ул. Кнорина, 50, корп. 4, к. 401а.

На лето текущего года планируется издание в серии «Неизвестная история» книги Сергея Захаревича «Партизаны СССР: От мифов к реальности».

Содержание книги

Тираж книги ограничен. Желающим приобрести ее следует заранее направить заказы.

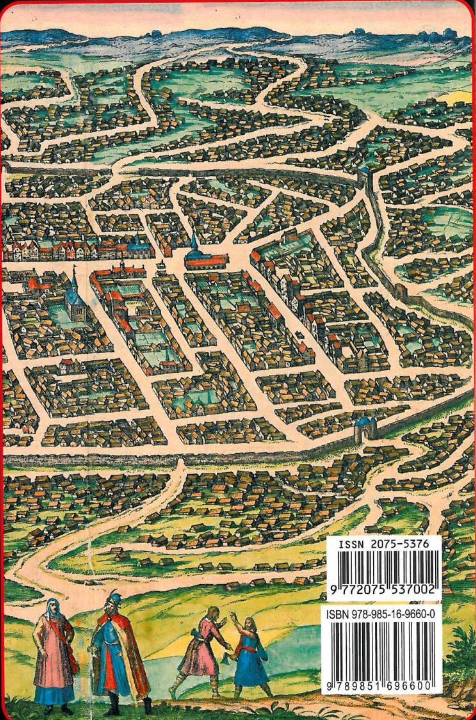
Адреса для заказов:

«Академкнига»: Минск, пр. Независимости, 72. Тел. (017) 292-00-52

«Книжный салон»: Минск, ул. Калинина, 5. Тел. (017) 385-60-89.
stivalsalon@gmail.com

Роман Цимберов : Тел. (029) 336-82-84 (велком)

Алесь Евдаха : Тел. (029) 654-57-33 (велком)

ISSN 2075-5376
9 772075 537002
ISBN 978-985-16-9660-0
9 789851 696600